

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
Институт славяноведения Российской академии наук

Славяне и Россия: славяне в Москве

К 870-летию со дня основания
г. Москвы

Москва
2018

УДК 327.8
ББК 66.4(47)
С47

Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

Редакционная коллегия:

С. И. Данченко (отв. ред.),
П. А. Искендеров,
Н. Г. Струнина-Бородина,
М. М. Фролова

Рецензенты:

к. и. н. А. С. Аникеев,
к. и. н. О. А. Дубовик

Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. — М.: Институт славяноведения РАН, 2018. — 424 с. — (Никитинские чтения «Славяне и Россия»).

ISSN 2618-8570

DOI 10.31168/2618-8570

Сборник «Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы» посвящен месту Москвы в истории государственных отношений, политических, общественных, научных, культурных и церковных связей России и славянских стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XVII–XX вв. Основное внимание уделено визитам представителей славян, их учебе в московских учебных заведениях, работе в научных, культурных и учебных учреждениях, редакциях газет и журналов, а также значительной материальной помощи славянам, оказываемой различными общественными организациями Москвы и частными лицами.

Авторы базируют свои исследования в значительной степени на неопубликованных документах, приводят немало ранее не известных фактов. Все события московско-славянских связей рассматриваются с учетом различных факторов и обстоятельств, создавая основу для дальнейших научных и общественно-политических дискуссий.

Материалы сборника представляют интерес для ученых, преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также для широкого круга читателей, изучающих российскую и всеобщую историю.

УДК 327.8
ББК 66.4(47)

ISSN 2618-8570

DOI 10.31168/2618-8570

© Коллектив авторов, 2018

© Институт славяноведения РАН, 2018

Содержание

От редколлегии	5
<i>Черникова Татьяна Васильевна.</i> Влияние идей Юрия Крижанича на политические настроения московской элиты	7
<i>Колин Анжела Ивановна,</i> <i>Стыкалин Александр Сергеевич.</i> Выходцы из Молдавского княжества и Бессарабии — профессора и студенты московских высших учебных заведений (XVIII — начало XX вв.).....	28
<i>Чуркина Искра Васильевна.</i> Этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве в 1867 г.	48
<i>Фролова Марина Михайловна.</i> Москва в жизни болгарского публициста Райко Жинзифова	80
<i>Мельчакова Ксения Валерьевна.</i> В гостях у «москотов». Славяне из Боснии и Герцеговины в Москве в 1850—1870-е годы.....	106
<i>Калиганов Игорь Иванович.</i> Этнографические пласты в творчестве Любена Каравелова московских лет	128
<i>Данченко Светлана Ивановна.</i> Из истории открытия Сербского подворья в Москве	161
<i>Кузьмичева Людмила Васильевна.</i> Сербское подворье в Москве в последней четверти XIX — начале XX вв. Проблема подбора кадров	172
<i>Хлебникова Варвара Борисовна.</i> «Московско-черногорские» отношения в конце XIX — начале XX вв. (по материалам Архивного отделения Национального музея Черногории)	186
<i>Струнина-Бородина Наталия Григорьевна.</i> Исторические точки соприкосновения Москвы и Черногории	198

<i>Искендеров Пётр Ахмедович.</i>	
Челночная дипломатия: визиты сербов в Россию накануне Первой мировой войны	210
<i>Серапионова Елена Павловна.</i>	
Чехи и словаки в Москве в конце XIX — начале XX вв.	225
<i>Чепелевская Татьяна Ивановна.</i>	
Словенцы в России: Павел Голиа (1914—1917 гг.)	236
Шемякин Андрей Леонидович.	
Московские адреса Николы Пашича (1885—1916 гг.)	246
<i>Лагно Анна Романовна.</i>	
Улица Мархлевского в Москве	268
<i>Герчикова Ирина Александровна.</i>	
Чехи в Москве 1930-х годов. Два мира Иржи Вайля и Яна Вайсса	285
<i>Будагова Людмила Норайровна.</i>	
Чехи в Москве первых пятилеток	300
<i>Кирилина Любовь Алексеевна.</i>	
Словенский коммунист Драготин Густинчич в Москве ...	316
<i>Волокитина Татьяна Викторовна.</i>	
«Московский Ватикан»: замысел создания и попытки его реализации. 1943—1948 гг.	339
<i>Едемский Андрей Борисович.</i>	
Дважды во главе посольства Югославии в Москве: деятельность Велько Мичуновича в 1956—1958 гг. и 1969—1971 гг.	361
<i>Новосельцев Борис Сергеевич.</i>	
Советско-югославские отношения в конце 1960-х — начале 1970-х годов и визит Й. Броза Тито в Москву (5—10 июня 1972 г.)	388
<i>Гуськова Елена Юрьевна.</i>	
Научное сотрудничество в трудные годы: защита докторской диссертации В. Стругаром в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 1968 г.	405
<i>Данченко Светлана Ивановна.</i>	
Из истории международных академических научных связей 1970-х годов. Москва — Троице-Сергиева лавра — Москва. Воспоминания	413

От редколлегии

6–7 июля 2017 г. в Институте славяноведения Российской академии наук в рамках ежегодных Никитинских чтений состоялась научная конференция на тему «Славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы». Ее организаторы изначально поставили перед собой задачу рассмотреть и проанализировать место именно Москвы в истории связей России и славянских стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Эта тема ранее находилась несколько «в тени» исследований российских ученых и их зарубежных коллег. Между тем визиты славян в Москву, их учеба в московских учебных заведениях, работа в научных и культурных учреждениях, редакциях газет и журналов, коммерческих предприятиях, а также политические, дипломатические, культурно-религиозные связи и контакты в московской среде позволяют по-новому оценить характер российско-славянских связей в ключевые для судеб славянства годы.

Прозвучавшие на конференции доклады легли в основу предлагаемого читателям сборника статей. Содержащиеся в нем исследования могут быть разделены на три основные тематические группы.

К первой относятся статьи, посвященные визитам и пребыванию в Москве представителей западных и южных славян с политико-дипломатическими, научными, образовательными, культурно-религиозными целями. Указанные вопросы рассматриваются в работах А.И. Колин и А.С. Стыкалина (в соавторстве), М.М. Фроловой, К.В. Мельчаковой, И.И. Калиганова, В.Б. Хлебниковой, Н.Г. Струниной-Бородиной, П.А. Искендерова, Е.П. Серапионовой, Т.И. Чепелевской, А.Л. Шемякина, А.Р. Лагно, И.А. Герчиковой, Л.А. Кирилиной, А.Б. Едемского, Б.С. Новосельцева, Е.Ю. Гуськовой и С.И. Данченко.

Вторая группа статей представлена работами, посвященными событиям, проходившим в Москве и имевшим непосредственное отношение к славянскому миру. Соответствующей

проблематике посвящены, в частности, статья И.В. Чуркиной об Этнографической выставке и Славянском съезде в Москве в 1867 г., работа Т.В. Волокитиной «К истории замысла создания “Московского Ватикана”»: Всеправославное совещание в июле 1948 г.», а также статьи С.И. Данченко и Л.В. Кузьмичевой об открытии и деятельности Сербского подворья в Москве в последней четверти XIX – начале XX вв.

Наконец, еще одну группу представленных в настоящем сборнике статей составляют исследования, авторы которых анализируют общее влияние славянских стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы на настроения, имевшие место в московской интеллигенции, научной и культурной городской среде, а также особенности восприятия Москвы зарубежными славянами. Это, в частности, статья Т.В. Черниковой о влиянии идей Ю. Крижанича на политические настроения московской элиты и исследование Л.Н. Будаговой на тему «Москва первых пятилеток в чешском восприятии».

Вошедшие в сборник статьи написаны на основе материалов, в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот, в том числе документов из российских и зарубежных архивов, с использованием обширной научной и мемуарной литературы. Редколлегия сборника выражает искреннюю признательность всем членам авторского коллектива и надеется, что его материалы окажутся полезными для ученых, преподавателей, студентов и аспирантов высших учебных заведений, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей России и зарубежных славянских народов.

Влияние идей Юрия Крижанича на политические настроения московской элиты

Хорватский священник Юрий Крижанич (Križanić, 1618–1683) — в истории России фигура уникальная. Являясь иностранцем-католиком, он вошёл в историю русской общественно-политической мысли XVII в. Многие преобразовательные начинания правительств Фёдора Алексеевича (1676–1682 гг.), царевны Софьи (1682–1689 гг.), не говоря уже о петровских начинаниях с конца 1690-х годов до 1725 г., удивительно похожи на реформаторские предложения Крижанича.

При этом вопрос о влиянии Крижанича на русскую общественно-политическую жизнь (как, впрочем, и вопросы о его взглядах на веру и причину приезда в Россию) до сих пор порождают дискуссии.

В своей статье мы рассмотрим статус Крижанича в России, выясним, чем учёный хорват мог заинтересовать русских современников. Мы попытаемся обосновать мысль о значительном воздействии идей Крижанича на московскую общественно-политическую элиту. Трудность доказательства этой позиции заключается в том, что мы, имея бесспорные точки соприкосновения между мыслями Крижанича и идеями русских реформаторов второй половины XVII — начала XVIII вв., не знаем наверняка ни того, с кем Крижанич обсуждал свои проекты, ни того, кому и какие из своих сочинений он посылал. Доказательство «авторитетности» Крижанича может строиться только на косвенных данных, отсюда и выводы наши не выйдут за рамки гипотезы.

Планы Крижанича по «Записке о миссии в Москву» 1641 г.

Идейное знакомство с российским миром, как частью большого православного пространства, началось у Юрия Крижанича в юности. В 1641 г. он, рано осиротевший хорватский дворянин, был выпущен из загребской семинарии и продолжил своё образование в Риме, добившись зачисления конвиктором в Коллегию св. Афанасия, которая готовила униатских миссионеров и куда католиков не принимали.

Обучаясь там, Крижанич написал в 1641 г. «Записку о миссии в Москву», где заявил о своём желании пропагандировать унию церквей в России. Панславянская идея там почти не присутствовала, чувствовалось презрение к схизматикам-московитам, мнение о которых Крижанич формулировал кратко, цитируя С. Герберштейна¹ и А. Поссевино². «Веру Христову москвитяне приняли при князе Владимире, лет за 500 тому назад, — писал он, — но от схизматиков греков, худших вместилищ лжи. Вследствие сего и вышло только, что от злого ворона произошло злое яйцо. Ибо что касается до схизмы, то невероятно, как они липнут к этой смоле и произвольное предпочитают вечному; и князь даже скорее прибавляет постоянно что-нибудь, чем убавляет»³. Достаётся москвичам, когда речь заходит о невежестве и нравственных пороках россиян. «Хотя москвитяне и не имеют познаний в свободных искусствах и благородных науках и едва умеют писать, как Поссевин говорит: “все они удивительно невежественны..., тем не менее из всех северных народов они отличаются сметливостью, двуличностью и надувательством; за таковых всегда выдавали их поляки, их соревнователи...”». Отдельным пунктом фиксируются «чрезвычайная власть великого князя над подданными», рабство и рабская верность последних своему монарху⁴.

Лишь религиозное рвение москвитов было отмечено с уважением. Как и Поссевино, Юрий полагал, что большинство простых русских, не разбирающихся в тонкостях веры, но искренне преданных Христу, из-за своей «простоты» и «спасётся». Если греки впали в схизму, по мысли Крижанича, из-за

гордыни, то причины упорства русских он видел в угнетённости, «подозрительности и страхе быть обманутыми чужеземцами в столь важном деле, как религия, каковой страх происходит из их непреодолимого невежества в науках»⁵.

Пропагандировать унию конвиктор Коллегии св. Афанасия собирался издалека. Его «дорожная карта» включала семь этапов:

- «1). Требуется найти способ проникнуть ко двору великого князя.
- 2). Стараться искать случая часто беседовать с ним и снискать его расположение.
- 3). Сохранить это расположение и заслужить еще благодарность и награды.
- 4). Быть осмотрительным при принятии наград, какого бы рода они ни были.
- 5). Не оскорблять никого из епископов, бояр и иных особ.
- 6). Добиться дозволения печатать мои труды, по предварительном рассмотрении их епископами, дабы не пало на них никакого запрещения.
- 7). Наконец, с Божией помощью, раскрыть мое намерение»⁶.

В преддверии вояжа в Россию Крижанич намеревался привлечь внимание Москвы к своей персоне, отправив туда переведённые им на русский язык книги: «Театр Мира» или «Церковную Монархию» Цаморры⁷, сопроводив их просьбой о зачислении его на русскую службу.

Царю Юрий собирался написать: «Я не мог в настоящее время найти никого, равного ему по величию (что не было бы ложью), и что поэтому ему одному подобает посвятить труд, содержащий в себе описание религии, войны и мира всей нашей народности, так как он среди неё — величайшая особа, способная наилучшим образом защищать и возвеличивать её достоинство. И что поэтому я решился не служить никому иному, кроме достойнейшего из наших народных князей, и охотно отдал бы себя на служение ему, если бы только был способен к чему-либо, дарованием ли или трудами. И что, хотя всё это ещё ничтожно мало, тем не менее, я надеюсь не быть отрину-

тым со стороны его светлости и милости»⁸. Этот пассаж можно было бы счесть лестью, если бы не фраза Крижанича, что среди славянских правителей он «не мог в настоящее время найти никого, равного ему (русскому монарху. — Т. Ч.) по величию (что не было бы ложью)», которая свидетельствует о реально высоком мнении автора о царском могуществе.

В России Крижанич рассчитывал начать с переводов интересных москвичам книг, а затем получить заказ на написание собственных трудов по церковной и русской истории. Завоевав доверие царя, следовало, по убеждению Крижанича, переходить к склонению его к активной борьбе с Турцией в союзе со Священной Римской империей, Венецией и Речью Посполитой, считая, что крепкого альянса с этими преимущественно католическими странами без унии быть не может.

«...я мало озабочен (вопросом), должны ли москвитяне перейти от греческого обряда к римскому или заменять употребление языка русского греческим или латинским, так как святою церковью уже допущены эти различия обрядов и языков, — объяснял свою главную цель в Москве Крижанич. — Единственное, что нужно для спасения москвитян, есть выяснение им заблуждения греков и пересмотр их переводов (книг) и исправление таковых... Для такого доказательства нужно ... основательное понимание языка славянского, вследствие чего я предоставил себе двухлетний срок, чтобы достигнуть до некоторой степени красноречия в этом языке, хотя он мне и родной»⁹.

Деятельность Крижанича в 1642–1659 гг.¹⁰

Скорее всего, «Записка» Крижанича оказалась главе Конгрегации Пропаганды А. Барберине наивной, а потому его не послали в Московию, а определили в 1642–1646 гг. каноником в Хорватию. И только в конце 1640-х годов он имел опыт пропаганды унии среди православных жителей Дунайских княжеств. В 1649 г. Юрий проехал через русскую столицу в составе австрийского посольства в Константинополь. В 1652–1656 гг. он опять работал в Риме, составляя по поручению Ватикана «*Bibliotheca Schismaticorum universa...*» («Всеобщую библиотеку схизматиков»).

Из известных историкам ранних контактов Крижанича с русскими явствует, что во Флоренции в 1657 г. он беседовал с московскими дипломатами Чемодановым и Постниковым, которые Крижаничу не понравились. В 1658 г. Юрий встретился в Вене с новым московским посольством. Помимо поздравления Леопольда I (1658–1705 гг.) с обретением императорской короны, русские дипломаты, как всегда, вербовали западных специалистов на московскую службу. Скорее всего Крижанич объявил себя одним из волонтеров и получил одобрение русских посланцев.

Крупнейшим внешнеполитическим действием, повлекшим большие геополитические перемены на Востоке Европы, была русско-польская война 1654–1667 гг. за Украину. Конец 1658 г. застаёт Юрия Крижанича в Малороссии, через которую он едет в глубь России, — неизвестно, с дозволения ли Ватикана или самовольно¹¹. Маршрут его был таков: Львов в «польской Украине», Киев, Нежин — в «русской Украине», далее — стан гетмана Выговского, а после его измены России — опять Нежин.

Украинские впечатления 1658–1659 гг. подвигли Крижанича написать ряд сочинений, два из которых — «Описание пути от Львова до Москвы» и «Речь к черкасам» («*Putno opisanie od Lewowa do Moskwi*» и «*Besida ko Czerkasom, wo osobi Czerkasa upisana*») — попали в архив московского Посольского приказа, где хранились с другими документами малороссийского и польско-литовского происхождения под рубрикой «Польские письма». Наличие записок Крижанича в Посольском приказе говорит о безусловной известности их московским властям. Обращает на себя внимание «Речь к черкасам» 1659 г.¹², с характерным вообще для Крижанича обращением не только к читающей публике (малороссийской и русской в данном случае), но и к высоким московским чинам с предложением неких реформ, необходимость которых Юрий выводит из оценки конкретной ситуации.

«Речь к черкасам» была написана Крижаничем в критический для России момент: труд появился в период между разгромом русских войск при Канотопе 28 июня 1659 г. и выбором в гетманы сына Богдана Хмельницкого Юрия 17 ноября 1659 г.

В этот период уже обнаружилось расхождение в стремлениях малороссийских шляхтичей и запорожской старшины — с одной стороны, и украинского простонародья — с другой. Крестьяне и рядовые казаки видели в Москве избавителя от польских панов и крепостного права, что и произошло в ходе присоединения к Русскому царству Левобережной Украины¹³. Малороссийские шляхтичи и запорожская старшина мечтали не об этом. Они желали получить привилегии польско-литовской шляхты при изгнании, с помощью русских, польских помещиков-католиков, а также утверждения реальной автономии Малороссии под рукой Алексея Михайловича, «царя восточного», как именовал его в своём обращении в Москву в 1653 г. гетман Богдан Хмельницкий. В ходе переговоров запорожцам стало ясно, что царь не даст украинской элите прав, которыми обладала польская шляхта, но автономию обещал. Однако на деле русские воеводы, посланные на помощь Хмельницкому, часто игнорировали мнение гетмана, но всегда выполняли приказы царя. Автономия оказалась совсем не такой, на которую надеялся Богдан. По сообщениям русских воевод, Хмельницкий часто, разгорячённый горилкой, рыдал: «Не о том мне мечталось!» Протрезвев, просил воевод не доносить царю о его речах, а сам начал тайно писать в Швецию, думая просить протектората у этой страны, противницы и России, и Речи Посполитой. Смерть Богдана Хмельницкого не дала осуществиться этим планам, но в среде запорожской старшины многие стали рассматривать решение Переяславской рады 1654 г. о воссоединении с Россией как временный манёвр. Так что переход гетмана Ивана Выговского к поиску компромисса с Речью Посполитой не выглядит неожиданностью, как и будущие измены России Юрия Хмельницкого, заметавшегося между Москвой, Варшавой и Константинополем. Русско-польская война затягивалась. Царь Алексей Михайлович и его правительство обдумывали, как далее решать «украинский вопрос».

На чьей же стороне находится Крижанич?

В его «Речи к черкасам» есть две логические части: одна направлена к малороссийскому обществу, другая — к российскому и опосредованно к московским властям. Что советует

малороссам хорватский католический миссионер? Находим три посылы:

- ▶ не раскалывать Украину на про-русский и про-польский лагеря, всем быть под рукой московского царя, не брататься «ни с ляхами, ни с басурманами»;

- ▶ далее следует перечисление «обид», нанесённых украинцам поляками и татарами;

- ▶ и, наконец, Крижанич выступает откровенным промосковским пропагандистом, споря с распространённым, судя по его «Речи», на Украине, особенно на её униатском Западе, представлением, что власть московского царя «тяжелее, чем неволя египетская или турецкая». Последнее Крижанич называет «ересью и дьявольской мыслью»¹⁴.

Он осудил встреченную им среди галицийских униатов враждебность к Московии, объясняя её происками поляков и греков. По отношению к грекам Юрий был настроен отрицательно. Это видно из «Описания пути от Львова до Москвы» и некоторых других его записок.

Во второй части «Речи к черкасам», явно адресованной «москвитам», Крижанич дал весьма нелестную характеристику запорожским казакам. «Хотя черкасы, — говорит он, — исповедуют христианскую православную веру, но нравы и обычаи имеют зверские»¹⁵. Юрий был свидетелем убийства пяти тысяч русских пленных после битвы под Канотопом. Запорожцев Крижанич не смешивает со всем малороссийским населением, а для разрешения украинского кризиса советует изменить управление Украиной под рукой московского царя. Он предлагает:

- ▶ заменить пожизненное гетманство трёхлетним;
- ▶ контролировать и утверждать гетмана через московский Посольский приказ;
- ▶ в который необходимо принять на службу природных украинцев.

Относительно последнего следует признать, что выходцы с Украины и так служили переводчиками в Посольском приказе, наём малороссийских специалистов возрастал с начала XVII в. К примеру, в одном из центральных органов — в Оружейной

палате — число выходцев из Малороссии постоянно увеличивалось. В правление царевны Софьи (1682—1689 гг.) украинские художники языком парадного барочного портрета-манифеста преподносили ее как мудрую правительницу и подготавливали русское и зарубежное мнение к возможности разделения царевной трона наравне с её братьями Иваном V и Петром I.

Что же касается подконтрольного Москве выбора гетманов, то здесь степень самостоятельности запорожской старшины падала с 1659 по 1687 гг. Глава Посольского приказа в 1676—1689 гг. В. В. Голицын, хранивший труды Крижанича в личной библиотеке, в конце своего Первого Крымского похода 1687 г. без проблем сверг гетмана Ивана Самойловича. Он обвинил его в поджоге степи и добился вручения гетмановской булавы своему ставленнику — малороссийскому шляхтичу Ивану Мазепе.

Нет фактического подтверждения тому, что записки Крижанича — «Описание пути от Львова до Москвы» и «Речь к черкасам» — были высоко оценены в Москве, однако они явно заинтересовали русских дипломатов, раз их тексты оказались в архиве Посольского приказа. Исходя из известной практики этого учреждения зачитывать перед царём Алексеем не только «Куранты» (своеобразную первую русскую газету о положении дел в мире)¹⁶, но и выдержки из других привлечших внимание дипломатов документов, мы в праве предположить, что в Кремле проявили интерес и к идеям Крижанича, и к нему самому.

Чем был интересен Крижанич россиянам

В середине XVII в. Москва заинтересовалась европейскими интеллектуалами. При царе Михаиле Фёдоровиче пытались приобрести «своего учёного», переманивая на русскую службу Адама Олеария, члена голштинских посольств¹⁷. Олеарий объяснял свой отказ нелюбовью русских к «немцам». «Немцами» в Москве с XV в. называли всех западных европейцев, за исключением «фрязей»-итальянцев. Интересно, что Крижанич очень часто использовал слово «немцы» в своих трудах именно в московском расширительном значении.

Не будучи «немцем», интеллектуал Крижанич, выдававший себя за православного серба, мог стать желанной наход-

кой для царя Алексея Михайловича. А что касается нелюбви к «немцам», у Юрия она присутствовала почти во всех его сочинениях, написанных в России с 1659 по 1676 гг. («Описание пути от Львова до Москвы», «Речь к черкасам», «Разговоры об владетельству», «Об Светом Крещену», «Толкование исторических пророчеств», «Соловечка челобитна, об суеверству и об раздору», «De providentia Dei», «Объяснение выводно о письме словенском» и «Грамматично изказанию об русском иезику»¹⁸).

Крижанич ненавидел «немцев», держащих, по его мнению, в политической неволе или в «культурном рабстве» всех западных и отчасти южных славян. В «Разговорах об владетельству»¹⁹, написанных в форме советов царю Алексею Михайловичу по реформированию России, Крижанич требовал изгнать западных купцов из внутренних областей России, не принимать «немцев» на государственную службу, не давать им гражданства, потому что они, как иронизировал, цитируя Крижанича, С.М. Соловьёв, «могут причинять только одно зло: немец был и Басманов, любимец Расстриги, немец был и Шеин, погубивший русское войско под Смоленском!»²⁰

Ближе всего к Крижаничу по духу в его неприятии «немцев» был русский публицист конца Смутного времени дьяк Иван Тимофеев. В своём «Временнике» последний даже причины Опричнины видел в советах иностранцев Ивану Грозному: «А многих вельмож своего царства, расположенных к нему, перебил, а других изгнал от себя в страны иной веры и вместо них возлюбил приезжающих к нему из окрестных стран, осыпав их большими милостями... Увы! все его тайны были в руках варваров, и что они хотели, то с ним и творили; о большем не говорю — он сам себе был изменником»²¹. Мы не знаем, был ли знаком Юрий с «Временником» Ивана Тимофеева, но как человек, намеревавшийся писать историю России, он должен был читать востребованных в Москве авторов. О востребованности «книгочтеца и временных книг писца» Ивана Тимофеева сообщает дьяк Записного приказа Тимофей Кудрявцев, работавший в 1660-е годы над продолжением «Степенной книги». Ему самому о «Временнике» сообщили купцы Матвей Васильев и Герасим Дьяков; списки «Временника» хранились также

у видных вельмож — Ивана Михайловича и Ивана Алексеевича Воротынских и у «боярина князя Алексея Михайловича Львова, в дому ево»²². А. М. Львов 20 лет (1627—1647 гг.) возглавлял Приказ Большого двorca, тот самый, в котором год с небольшим доведётся служить самому Крижаничу.

Юрий, словно подхватывает идею Ивана Тимофеева о «виновности немцев» в бедах России (Опричнина, Смутное время) и переносит её на весь славянский мир. «Наш славянский народ, — пишет он, — весь подвержен такому окаянству: везде на плечах у нас сидят немцы, жидаы, шотландцы, цыгане, армяне и греки, которые кровь из нас высасывают. Презрению, с каким обращаются с нами иностранцы, укорам, которыми они нас осыпают, первая причина есть наше незнание и наше нерадение о науках, а вторая причина есть наше чужебесие, или глупость, вследствие которой иностранцы над нами господствуют, обманывают нас всячески и делают из нас всё, что хотят, потому и зовут нас варварами»²³. Преклонение перед «немцами» Крижанич назвал придуманным им словом «чужебесие».

В критике «чужебесия» Крижаничу был близок писатель первой половины XVII в. Иван Наседка (священник Иван Васильевич Шевель, в монашестве Иосиф). Его «Изложение на люторы» 1642 г.²⁴, написанное по поводу намечавшегося брака царевны Ирины Михайловны с датским принцем Вальдемаром, явилось настоящим манифестом против «немчинов». «Нелюбовь к немцам» отличала вождя староверов Аввакума и его антипода патриарха Никона, а также всех последующих патриархов — Иоасафа II (1667—1672 гг.) с его «Выпиской от Божих писаний о благолепном писании икон и обличение на неистово пишущих оные» (1668 г.), Питирима (1672—1673 гг.), который, будучи Крутицким митрополитом, де-факто заменял Никона в 1658—1664 гг. Самым воинствующим оказался патриарх Иоаким (1674—1690 гг.), который в своём «Завещании» 1690 г., обращённом к царям Ивану V и Петру I, повторит призыв Крижанича к верховной власти изгнать всех «немцев», сломать их кирпичи, а также отказаться от «немецких» наук, умений и искусства.

В последнем Крижанич, конечно, расходился с русскими «консерваторами». Желая изгнать западных иноземцев из

России, он надеялся, что каким-то чудом по царскому приказу «московиты» сами сумеют овладеть западной наукой, западно-европейскими хозяйственными навыками и военным делом, европейским искусством и бытовым комфортом. Сходясь с русским духовенством в отрицании протестантизма, Крижанич не мог заинтересовать его унией с Римом. А судя по тому, что последним сочинением (завещанием) Крижанича в России был «Смертный разред», ратующий за унию, долг миссионера Конгрегации Пропанганды никогда не покидал его.

Верность идее унии и латинской церкви выявляется у Крижанича в его сибирском сочинении «Об Светом Крещению» (около 1667 г.), где он резко полемизировал с константинопольским патриархом Фотием. О необходимости создания единой христианской церкви Крижанич пишет в «Толковании исторических пророчеств» (1674 г.). Ряд исследователей пытается представить идею Крижанича о единой церкви как некую альтернативу ватиканской унии. Вряд ли это так. Хотя определённое свободомыслие можно усмотреть во взглядах Юрия на схизму как некий раздор церковных администраторов из «римлян» и «греков», которому славяне были чужды. В «Обличении Соловецкой челобитной» Крижанич пишет: «Я не осуждаю церкви и не отлучаюсь от неё, но пребываю в ней и борюсь за неё: в этом печать моей веры. Хотя я не архиерей, но я думаю и проповедую согласно с архиереями, и в сём деле я, недостойный грешник, работаю для всей церкви, или паче для самого Христа»²⁵.

Русские остались холодны к унии. Не случайно «Толкование исторических пророчеств» Крижанича, затрагивающее тему необходимости преодоления схизмы, русского читателя не заинтересовало. Для исследователей это сочинение открыл и опубликовал М.И. Соколов в 1891 г.²⁶ Рассуждения о вреде церковного раскола с защитой латинской церкви и идеи унии, как компромисса, содержатся также в труде «Соловечка челобитна, об суеверству и об раздору» (1675–1676 гг.).

В целом, оказавшись в Москве, Крижанич вряд ли мог рассчитывать на поддержку здешних духовных и светских ревнителей старины. Он мог бы сотрудничать с православными «латинщиками» — Симеоном Полоцким и Сильвестром Медведевым,

но за краткостью пребывания Юрия в столице и шаткого положения самих «латинщиков», сотрудничества не сложилось или до нас просто не дошли источники о таковом.

Между тем русское общество XVII в. вдохновлялось не только «старомосковской тишиной». В среде московской политической элиты стали подниматься те, которых историки условно называют «западниками». Именно они задавали тон в преобразовательных начинаниях. К виднейшим «западникам» обычно причисляют воспитателя царя Алексея Михайловича Б.И. Морозова и глав Посольского приказа — А.Л. Ордина-Нашекина, А.С. Матвеева, В.В. Голицына. К «западникам» относился и Б.А. Голицын, «дядька» (воспитатель) младшего сына Алексея Михайловича царевича Петра. Но почитатели «западных новшеств» ещё не порвали и с родной стариной, а потому «изоляционизм» Крижанича не мог быть преградой. С русскими «западниками» его сближали осуждение «нашего нерадения о науках» и анализ причин успехов «немцев». «Англия и Нидерланды потому богаты, что там разумы у народа хитры, морские пристанища и торги отличные, цветёт всякое ремесло, земледелие и обширная морская торговля; ещё славнее и счастливее бывает государство, когда в нём при этом и законы хороши, как, например, во Франции»²⁷, — писал Крижанич.

Как показывают написанные Юрием Крижаничем в России труды, он был знаком с наследием многих древних философов, включая Платона, Аристотеля, Цицерона. Изучил «Memoires relatifs à l'histoire de France» — воспоминания Филиппа Комина, французского историка и филолога второй половины XV — начала XVI вв., видного придворного сначала бургундского герцога Карла Смелого, а потом короля Людовика XI. Крижанич был в курсе идей голландского правоведа и философа конца XVI — начала XVII вв. Юста Липсия, цитировал из его книги «Политические поучения и примеры».

Когда Юрий Крижанич приехал в Москву, он заявил, что хочет не только «открыть русским обманы иноземцев», но и составить грамматику русского языка. Этой цели он потом посвятил два труда: «Объяснение выводно о письме словенском» и «Грамматично изказание об русском иезику». В первом со-

чинении Крижанич, по сути, заговорил о необходимости модернизации русской грамматики, вывода из русского алфавита устаревших букв. В этом он опередил своё время на более чем два с половиной столетия. Во втором сочинении Крижанич поставил перед собой кажущуюся сейчас фантастической задачу создания общеславянского языка, который будет помогать политическому объединению славян.

Россию Крижанич считал прародиной всех славян. Это убеждение, очевидно, вытекало из переноса им действительных событий из истории хорватского племени²⁸ на историю остальных славян. Русский народ Крижанич называл старшим потому, что тот жил на общеславянской прародине, и потому, что русские имели сильное независимое государство. Из русского языка он взял в свой гипотетический общеславянский наибольший процент слов. Голландский интерлингвист Т. Экман установил, что около 60% лексикона искусственного языка Крижанича составила старославянская речь, 10% — русская, 9% — сербохорватская, 2,5% — польская и т.д.²⁹ Крижанич старался очистить славянский язык от греко-латинских заимствований. Упрекал в любви к заимствованиям Мелетия Смотрицкого, славянскую грамматику которого весьма уважал. Между тем, как убедительно показали итальянские филологи Т. Грегори и Д. Марани, именно греко-латинская терминология легла в основу общеевропейской интеллектуальной лексики, без которой невозможно представить развитие научной жизни в Европе в Новое время.

В качестве явного нововведения в письменную традицию русского языка явилась постановка Крижаничем ударений в каждом слове. Впрочем, в своих письмах этих ударений Юрий не ставил. Вместо скобок он везде употреблял придуманные им знаки /: и :/.

Проект Юрия Крижанича по созданию общеславянского языка провалился, как провалилась и панславянская идея, ради которой он придумывал новый язык.

Русскую публику Крижанич мог бы привлечь своей почти религиозной верой в великую роль России, где её мессианство, со времени создания в конце XV — середине XVI вв. доктрины

«Москва — Третий Рим», стало самой значимой чертой русского религиозно-политического менталитета. После Смуты общество напряжённо осмысляло устои своего религиозного и политического бытия. Представления о вселенской религиозной миссии России вдохновили Никона на его церковную реформу, а староверов на протест против неё. Но Крижанич отверг доктрину «Москва — Третий Рим», как признак осуждаемой им русской гордыни. Как для католика, с одной стороны, и человека Нового времени, с другой, для Крижанича была неприемлема эта средневековая православная политическая мифология. Юрий считал маловероятной легенду о призвании варягов на Русь и называл баснями легенду о родстве Рюрика с римским императором Октавианом Августом через мифического Прусса. Не видел он ничего ценного и в предании о передаче неких царских регалий Владимиру Мономаху от его деда, византийского императора Константина, даже, как подчёркивал Юрий, если бы это был исторический факт.

Ко всему этому Крижанич критиковал титулатуру русского монарха. Правильно выводя слово «царь» от римского «цезарь», Юрий не находил в этом заимствовании никакой славы и предлагал заменить титул «царь» на «истинно славянский — король». Между тем по Уложению 1649 г. к политическим преступлениям («государеву слову и делу») относились даже описки в царском титуле, за что полагалась смертная казнь.

Отказ Крижанича встраивать панславизм в традиционную для россиян доктрину «Третьего Рима» оказался роковой ошибкой хорватского миссионера. Забегая вперёд, отметим, что русская общественно-политическая мысль оставалась равнодушной к панславизму и в более поздние времена. Даже «руссолюбам» 1830—1850-х годов прозвище «славянофилы» дали их противники западники с изрядной долей иронии. Лишь поздние идейные преемники классических славянофилов в либеральном и консервативном лагерях российского общества конца XIX — начала XX вв. второй раз открыли для России Юрия Крижанича и подняли его на щит как родоначальника российского панславизма.

В XVII столетии думающую русскую публику в панславизме Крижанича могли прельстить разве что отказ считать

Речь Посполитую, эту главную геополитическую соперницу Московской Руси, гегемоном славянского мира, и апология «совершенного самовладства» (полного самодержавия), не имеющего ничего общего с «людодёрством» Ивана Грозного времён Опричнины.

«Разговоры об владетьству» Крижанича затронули и внешнюю политику России. Целых две главы «Разговоров» (51 и 52) Юрий отдал под рассуждение о необходимых переменах внешнеполитического курса Москвы. В итоге он уже в 1663–1666 гг. разработал первый в истории России план завоевания Крыма.

Следующий подобный проект появится четверть века спустя. В 1687 г. новый проект войны с Крымским ханством подаст В.В. Голицыну шотландец, генерал Патрик Гордон. К этому времени Россия уже заключит Вечный мир с Речью Посполитой (1686 г.) и вступит в Священную лигу, военно-политический союз Священной Римской империи, Венецианской республики, Речи Посполитой и Ватикана против Блистательной Порты. Крымские походы В.В. Голицына 1687 и 1689 гг. станут первой в истории России крупной не оборонительной, а наступательной операцией русского войска против Крымского ханства в рамках совместных со Священной лигой действий³⁰.

И царь Фёдор Алексеевич, выигравший первую в истории русско-турецкую войну 1677–1681 гг., и В.В. Голицын, одобдивший проект Гордона 1687 г., читали книгу Крижанича, и можно предположить, что его план завоевания Крыма оказал влияние на перемены во внешнеполитическом курсе России.

И всё-таки не план покорения Крыма и даже не рассуждения о «самовладстве» и «чужебесии» заставили русских читателей выделить «Разговоры о владетьству» из прочих сочинений Крижанича. Самой характерной чертой мироощущения русских людей второй половины XVII в., как заметил В.О. Ключевский, была неудовлетворённость своим положением, а критика русского бытия Крижаничем, что называется, подливала масло в огонь, заставляла думать о необходимости перемен. Главным орудием реформ хорват видел царскую волю, которую сравнил с «жезлом Моисеевым». Этот «жезл» должен был насадить образование,

науки, принудить россиян к овладению военными, торговыми и прочими премудростями, создать искусство, выкорчевать «людодерство», мздоимство, «приказнические злости» и даровать условиям «слободины» (права и самоуправление).

Во всём этом Крижаничу был созвучен В. В. Голицын, «первый министр» царствования Фёдора Алексеевича и регентства Софьи. «Если бы я захотел письменно изложить здесь всё, что я узнал об этом князе, — писал о Голицыне посланец польского короля француз Невелль, — то я никогда бы не смог сделать этого: достаточно сказать, что он хотел заселить пустыни, обогатить нищих, дикарей превратить в людей, трусов — в храбрцов, а пастушеские хижины — в каменные дворцы...»³¹.

Правда, «тёмная сторона» русской жизни, нарисованная Крижаничем, могла оскорбить немалую часть его русских современников.

С. М. Соловьёв свёл критику Крижанича в многостраничную цитату. Мы приведём отрывок из неё:

«А Россия? При всей своей неизмеримой широте и длине она со всех сторон заперта для торговли; мало в ней торговых городов, нет дорогих произведений; умы народа тупы и косны, нет никакого умения ни в торговле, ни в земледелии, ни в домашнем хозяйстве: русские, поляки и все славяне не умеют вести дальнюю торговлю ни сухим путём, ни по морю; купцы русские не учатся даже арифметике, оттого иностранным купцам ничего не стоит их обмануть. Русский человек сам ничего не выдумает, если ему не укажут: книг у него никаких нет ни о земледелии, ни о других промыслах; он ленив, не промышлен, сам себе не хочет добра сделать, если силою не будет принуждён: язык его беден, беднее всех главных европейских языков, потому неудивительно, что и разумы наши тупы и косны...»

Неуменье изъясняться, лень, пьянство и расточительность — главные наши природные свойства; от расточительности происходит жестокость относительно подчинённых... То у нас правительство вконец распущено, господствует своеволие, безнарядье, то уже чересчур твердо, строго и свирепо. Все должны делать и торговать тайком, в молчанку, со страхом и трепетом, укрываться от такой огромной толпы правителей или палачей...

... люди, привыкши всё делать тайком, как воры, со страхом, с обманом, забывают всякую честь, становятся трусливы на войне, делаются склонны ко всякой нелюдскости, нескромности и нечистоте; не умеют они ценить чести...

Если они в ком-нибудь нуждаются, то не знают меры унижению.

... ни у немцев, ни у остальных славян, нигде на свете, кроме одной русской державы, не видно такого гнусного пьянства: по улицам в грязи валяются мужчины и женщины, миряне и духовные, и многие от пьянства умирают... Необходимо в этом государстве употребить какие-нибудь средства, чтоб поднять стыдливость против содомии, общественную трезвость против гнусного пьянства, правосудие против чиновников, о которых говорит Исаия: «Начальники твои — сообщники воров»³².

Эти резкие выпады, вкупе с прорывающейся наружу верностью Крижанича католичеству, делали его фигуру в русской среде очень противоречивой. Полностью его идеи не совпадали ни с одним из общественно-политических и религиозно-идеологических направлений русской мысли. Он притягивал и отталкивал одновременно, и то, что он угодил на 16 лет в Сибирь, было, конечно, не случайностью, как показательно было и то, что он не погиб в России.

Обратимся теперь к кругу общения Крижанича в Москве и Тобольске. Это немаловажно для вопроса о его влиянии. Непосредственное разрешение на проезд Крижанича из Малороссии в Москву в 1659 г. дал А.Н. Трубецкой, видный воевода времён Алексея Михайловича. В Москве Крижанича определили в Приказ Большого дворца и велели заняться составлением грамматики русского языка. Также он числился переводчиком, что не удивительно, ведь Юрий знал семь языков (сербо-хорватский, старославянский, русский, латынь, греческий, немецкий, итальянский), а возможно понимал и ряд других языков, судя по тому, что переводил позже в Тобольске один голландский текст.

В Москве Юрий, как видный приказной человек из иностранцев, был знаком с многими из здешнего политического олимпа. В письме 1675 г. из Тобольска он упоминает как своего благодетеля некоего Бориса Ивановича. Имя и отчест-

во полностью соответствуют Б.И. Морозову, «дядьке» Алексея Михайловича. В «Разговорах о владетельству» Б.И. Морозов упомянут дважды с похвалой за любовь к наукам. Кроме собственного начальства, Крижанич был точно представлен главе Посольского приказа А.Л. Ордину-Нащекину, через ведомство которого проходили все иноземцы, принимаемые на русскую службу. Образованный «православный серб» должен был заинтересовать члена Ближней думы Ф.М. Ртищева, который в то время создавал для обучения знатной молодёжи Андреевский монастырь, собирая туда учёных монахов, в основном киевлян. Было бы странно, если бы Крижаничем не заинтересовался западно-русский просветитель и воспитатель царских детей Симеон Полоцкий со своими учениками.

Столичная служба Крижанича длилась недолго. Уже в январе 1661 г. по решению Лифляндского приказа его отправили в Тобольск без всяких обвинений и с хорошим жалованием в семь с половиной рублей в месяц. Скорее всего причиной такого поворота явились сомнения в чистоте православия «Юрия Серблянина» и отказ его принимать вторичное крещение³³.

В Тобольске Крижаничу явно покровительствовал воевода князь И.Б. Репнин, позволяя сочинять, что хочет, выписывать из Москвы нужные книги, и не требуя иных работ. Направлявшийся в Китай российский посол Николай Спафарий останавливался в Тобольске с 30 марта по 2 мая 1675 г., как сообщал Крижанич, «ни јединого обеда ни вечера без мене неел»³⁴. Для Спафария Юрий перевёл на латынь по царскому приказу часть голландской книги о Китае³⁵. Добрые отношения у Юрия сложились с сибирским митрополитом Корнелием. Крижанич переписывался с епископом Вологодским и Белозерским Симоном, который как-то даже прислал Юрию в качестве помощи 10 рублей³⁶. В Тобольске Юрий делил «хлеб-соль» с протопопами-староверами Аввакумом и Лазарем. Кроме того, он писал к восставшей против церковной реформы соловецкой братии («Обличение Соловецкой челобитной»).

И, наконец, текст «Разговоров о владетельству» оказался «наверху» — у царя Алексея Михайловича и его наследника Фёдора. Последний даже намеревался опубликовать эту книгу,

чего, впрочем, не сделал, однако, взойдя на трон, освободил Крижанича из ссылки и позволил ему покинуть Россию. При Фёдоре Алексеевиче осуществилась одна из идей Крижанича, а именно выступление России против Османской империи. Россия победила турок в войне 1677–1681 гг. В это время Крижанич опять просил Ватикан отправить его в Россию, но этого не случилось — 12 сентября 1683 г. Крижанич погиб под Веной, участвуя в походе польского короля Яна Собеского, разгромившего в этот день турок.

Примечания

¹ *Rerum Moscoviticarum Commentarii*, 1549. Это знаменитое сочинение о Московии С. Герберштейн первый раз издал на латыни (1549 г.), а потом сам же перевёл на немецкий язык. Крижаничу мог быть известен не только латинский вариант книги, но и её издания на итальянском (1550 г.) и немецком языке (1557 г.). В XVII в. они, как и латинское издание, печатались несколько раз.

² *Antonius Possevinus. Commentarii de rebus moscoviticis etc.* Wilna, 1586.

³ Как установил П. Пирлинг, Крижанич цитирует из книги о Московии иезуита А. Поссевино, изданной в Вильно в 1586 г. (*Antonius Possevinus. Commentarii de rebus moscoviticis etc.* Wilna, 1586.) // *Пирлинг П.* Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву 1641 года. М., 1901. С. 25.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же. С. 37.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 36.

¹⁰ Основные вехи жизненного пути Крижанича вплоть до 1659 г. даны по: *Аввакумов Ю.П.* Сочинение Юрия Крижанича «Беседа о суеверии» // Богословские труды. № 27. 1986. С. 246–247; *Бережков М.Н.* План завоевания Крыма, составленный в царствование государя Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем. СПб., 1891. С. 53–55; *Пирлинг П.* Указ. соч.

¹¹ Известно, что Крижанич просил в 1657 г. Святой Престол отправить его миссионерствовать в пользу унии в Россию. Сначала Конгрегация Пропаганды назначила его миссионером в Россию, он получил «*deputetur missonarius*» (разрешение на миссионерскую деятельность), но позже Папа переменял своё решение и оставил хорватского каноника в Риме с задачей продолжить работу по собиранию и переводу на латынь православных греческих и русских сочинений против католицизма и унии — «*Bibliotheca Schismaticorum universa...*», над которой Юрий трудился ранее, с 1652 по 1656 гг. Однако Крижанич повторил свою просьбу о миссионерстве в Московию, но получил ли «добро» на неё, — неизвестно.

¹² «Записка» опубликована вместе с другими «Польскими письмами» в «Чтениях Московского общества истории и древностей российских» (Кн. III за 1876 г.).

¹³ Вторичное закрепощение украинских крестьян состоялось в царствование Екатерины II после разгрома восстания под предводительством Емельяна Пугачёва.

- 14 Цит. по: *Бережков М.Н.* План завоевания Крыма, составленный в царствование государя Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем. С. 54.
- 15 Там же.
- 16 «Куранты», они же «Вестовые письма», составлялись в Посольском приказе весь XVII век. Выходили в единственном экземпляре, написанном от руки. Издание текстов «Курантов» в восьми книгах осуществлялось с 1972 по 2008 гг. Издание носит общее название «Вести-Куранты», далее в каждой книге следует указание лет, к которым относятся тексты.
- 17 Адам Олеарий посетил Московию трижды — с первым посольством в 1633–1634 гг., со вторым — в 1635 г. и в 1639 г. (при возвращении из Персии).
- 18 *Крижанич Ю.* Русское государство в половине XVII в. М., 1859; *он же.* Собр. соч. Т. 1–3. М., 1891–1893.
- 19 Часто этот труд переводят, назвав «Диалоги о политике» или «Политика».
- 20 *Соловьев С.М.* Чтения и рассказы по русской истории. М., 1989. С. 374.
- 21 *Временник Ивана Тимофеева.* М.-Л., 1951. С. 175–176.
- 22 *Белокуров С.А.* Из духовной жизни московского общества XVII века. О Записном приказе. М., 1903. С. 62–63.
- 23 Цит. по: *Соловьев С.М.* Россия перед эпохой преобразования // *Соловьев С.М.* Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. VII. М., 1991. С. 154.
- 24 *Голубцов А.* Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891; *он же.* Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны // Чтения отделения истории и древностей российских. Кн. 2. 1892. Виршевая поэзия: 1-я пол. XVII в. М., 1989.
- 25 *Бережков М.Н.* План завоевания Крыма, составленный в царствование государя Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем. С. 59–60.
- 26 Собрание сочинений Юрия Крижанича. Вып. 2. М., 1891.
- 27 Цит. по: *Соловьев С.М.* Россия перед эпохой преобразования. С. 150.
- 28 Обитавшее в районе Карпат в VII–X вв. племя хорватов относилось к восточнославянской группе. К Адриатике часть хорватов переселилась под ударами тюрков-аваров (обры «Повести временных лет»). Другая часть племени хорватов покинула Карпаты уже в X в., не желая признавать власть великого князя Киевского Владимира Святославича (980–1015 гг.).
- 29 Эсперанто. Искусственные международные языки. <http://www.neoesoterik.org/poleznaa-informacia/lingvistika>
- 30 История этих походов во многом ошельмована в угоду пропаганде «партии Нарышкиных» и Петра I. А между тем, с точки зрения совместных действий России, Речи Посполитой и Австрии против Османской империи, они были эффективны. Задачу недопущения прихода крымской конницы на помощь турецким войскам, воюющим с поляками и австрийцами, они решили полностью. Крижанич в 1663–1666 гг. ясно видел стратегические внешнеполитические интересы России и пути претворения их в жизнь, опережая своё время.
- 31 *Де ла Невилль.* Записки о Московии. С. 166. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Nevill/frametxt8.htm> С. 159. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Nevill/frametxt7.htm>
- 32 *Соловьев С.М.* Россия перед эпохой преобразования. С. 150–152.
- 33 Письмо Ю. Крижанича к А.А. Осолкову // *Гольдберг А.Л.* О «Смертном разреде» Юрия Крижанича / Электронная библиотека источников «Восточная литература. Средневековые источники Востока и Запада». URL: <http://www.vostlit.info/>

³⁴ Письмо Крижанича А.А. Осколкову. С. 96.

³⁵ *Гольдберг А.Л.* Указ. соч. С. 96. Сноска № 11. А.Л. Гольдберг предположил, что Крижанич переводил сочинение о путешествии в 1666–1668 гг. в Китай посланца нидерландской Ост-Индской компании Питера ван Горна. Описание этой поездки было издано в Амстердаме О. Даппером в 1670 г. («Gedenkwaardig Bedryf der nederlandsche oost-indische maetschappyo, op de kuste eil in liet keizerrijk van Taising of Sina...» Beschreven door Dr. O. Dapper. t'Amsterdam, 1670.)

³⁶ *Бережков М.Н.* Указ. соч. С. 56.

*Анжела Ивановна
КОЛИН,
Александр Сергеевич
СТЫКАЛИН*

Выходцы из Молдавского княжества и Бессарабии — профессора и студенты московских высших учебных заведений (XVIII — начало XX вв.)

С Москвой связаны судьбы многих выходцев из Молдавии, оставивших след в истории своей национальной культуры. Они учились здесь, получили высшее образование, некоторые преподавали, а трое из них возглавляли элитные учебные заведения Москвы: Михаил Херасков был ректором Московского университета в 1760-е годы, Арсений Стадницкий — ректором Московской духовной академии в 1898–1903 гг., Лев Кассо, будущий министр просвещения Российской империи (1911–1914 гг.), — директором Катковского лицея в 1908–1910 гг.

Довольно интенсивные связи Молдавского княжества с московским двором были установлены уже в 1670–1680-е годы; происходил обмен посольствами¹. Россия в тот период воспринималась как некоторый противовес османскому давлению. Самым значительным выходцем из Молдовы, работавшим в России в конце XVII в., был Николай Милеску Спафарий, выдающийся интеллектуал и дипломат, живший здесь с 1671 г. до самой своей кончины в 1708 г.² Он был главой наиболее важной дипломатической миссии допетровской России в Китае в 1674–1678 гг.³ Меньше известна его педагогическая деятельность, хотя в литературе встречаются сведения о том, что в 1680-е годы он относился к кругу домашних учителей юного Петра I⁴. Петр, знавший Спафария с детства, уже в зрелые годы использовал его на дипломатическом поприще, несмотря на

то, что тот был дружен с опальным князем В.В. Голицыным, фаворитом царевны Софьи. Спафарий вел занятия в греко-латинских школах 1680-х годов; написанные им учебные пособия по философии и риторике использовались в Славяно-греко-латинской академии, основанной в 1687 г.⁵ Более активной педагогической деятельности в Академии мешала занятость Спафария в Посольском приказе.

Антиох Кантемир, сын молдавского господаря Дмитрия Кантемира, крупного интеллектуала петровской эпохи и сподвижника Петра I, переселился в Москву в раннем детстве с семьей — после неудачного для России Прутского похода 1711 г. и установления власти турецких ставленников (греков-фанариотов) в Молдавском княжестве. Это был первый русский светский поэт и крупный дипломат, посол в Лондоне и Париже. Образование он получил в Славяно-греко-латинской академии в Москве⁶.

Очень заметной фигурой в университетской жизни Москвы XVIII — начала XIX вв. был выходец из молдавско-валашского боярского рода Хереску Михаил Матвеевич Херасков (1733—1807), поэт, драматург, прозаик, видный представитель классицизма в русской литературе и деятель культуры российского Просвещения. С 1756 г. он состоял на службе в Московском университете, основанном лишь за год до этого, в 1755 г., при императрице Елизавете Петровне. В 1761 г., при императоре Петре III, 28-летний Херасков был назначен исполняющим обязанности ректора Московского университета. Большое внимание он уделял как университетскому театру, где ставились в том числе и его пьесы, так и университетской типографии, где в начале 1760-х годов выходил ряд основанных при его активном участии журналов («Полезное увеселение», «Невинное упражнение» и др.). Вокруг Хераскова объединилась группа молодых литераторов (главным образом студентов), публиковавшихся в связанных с университетом изданиях, — из этой среды вышли автор «Душеньки» И.Ф. Богданович и автор «Недоросля» и «Бригадира» Д.И. Фонвизин.

Екатерина II, пришедшая к власти в 1762 г., уже через год, в июне 1763 г., подписала указ о назначении Хераскова

ректором Московского университета. Интересно, что именно с именем этого представителя нерусского по происхождению дворянского рода связано принятие первых мер, направленных на русификацию процесса преподавания в Московском университете, где тон задавали немецкие профессора. В начале 1768 г. началось чтение лекций на русском языке, к неудовольствию немецкой профессуры, настаивавшей на преподавании на латыни. С другой стороны, Херасков инициировал введение предварительной цензуры на публикацию университетских лекций, после того, как в некоторых текстах были опубликованы антиправительственные высказывания.

Херасков был ректором университета до 1770 г., когда временно переехал из Москвы в Петербург, однако после возвращения в Москву, в июне 1778 г., был назначен куратором Московского университета. Эту должность он занимал почти четверть века, до 1802 г., при трех императорах — Екатерине II, Павле I и Александре I⁷.

Главной его инициативой в новой должности явилось создание при Московском университете Благородного пансиона — закрытого учебного заведения для мальчиков из знатных дворянских семей. Объявление о его создании было опубликовано в газете «Московские ведомости» в декабре 1778 г. Это элитное учебное заведение, постоянно насчитывавшее до 250 учеников, оставило значительный след в истории русской словесности. Начиная с 1799 г., при нем существовало литературное общество; в разные годы в Благородном пансионе при Московском университете учились В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев⁸.

В 1783 г. М.М. Херасков был избран членом Академии наук, а в 1786 г. за заслуги в развитии Московского университета был награжден орденом св. Владимира 2-й степени. Вместе с тем Херасков при Екатерине II неоднократно попадал в опалу, что было связано как с его активным участием в масонских организациях, так и с тем, что в 1779 г. он передал университетскую типографию в аренду известному журналисту и журнальному редактору Н.И. Новикову, предоставив тем самым ему возможность развивать свою издательскую деятельность.

В начале 1790-х годов, в период Великой Французской революции, Новиков был арестован по обвинению в пропаганде «подрывных» идей, а Херасков был фактически отстранен от университетских дел вплоть до воцарения Павла I. Окончательная отставка Хераскова в 1802 г. в высоком чине действительного статского советника была связана с неготовностью этого, в то время уже 70-летнего, человека внести свой вклад в осуществление программы реформирования российской системы высшего образования, провозглашенной Александром I. Что же касается основанного по инициативе М.М. Хераскова Благородного пансиона, то он попал в немилость после 1825 г., когда выяснилось, что среди его воспитанников — целый ряд активных участников декабристского восстания (П.Г. Каховский, Н.М. Муравьев, В.Ф. Раевский, С.П. Трубецкой и др.). В 1830 г. пансион был лишен ряда привилегий и превращен в гимназию, хотя позже преобразован в Московский дворянский институт⁹. В XIX в. многие выпускники как Благородного пансиона, так и Дворянского института проявили себя на военной, гражданской, придворной и дипломатической службе.

Что же касается рода Хереску-Хераскова, то Михаил Матвеевич был не единственным выходцем из него, связавшим себя с Московским университетом, — архивные документы свидетельствуют о том, что в разные годы в его стенах учились и другие его представители. В архивах сохранилась, например, квалификационная работа П. Хераскова «Княжеская власть в норманнский период» (1890)¹⁰.

Человеком той же генерации, что и М.М. Херасков, был видный историк и археограф Николай Николаевич Бантыш-Каменский (1737—1814), выходец из молдавского боярского рода, переселившегося в Россию вместе с Дмитрием Кантемиром. В начале царствования Александра I он был начальником московского архива только что созданного министерства иностранных дел и много занимался публикацией архивных источников. Его сын Дмитрий Николаевич (1788—1850) был вольнослушателем Московского университета, затем, во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг., служил дипломатическим курьером, выполняя важные поручения. Уже в 1810 г. в Москве им была

опубликована написанная по итогам его дипломатической миссии книга «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию», до сих пор сохранившая ценность как источник. После 1812 г., во время царствования Александра I и Николая I, Д.Н. Бантыш-Каменский занимал ряд государственных постов, в том числе на местах (служил в 1820-е годы тобольским, а в 1830-е годы виленским губернатором). Однако прежде всего он известен как историк, в частности, автор работ по истории Малороссии, в немалой мере основанных на хорошо изученных им архивных документах Малороссийской коллегии¹¹.

Междуречье Днестра и Прута (Бессарабия), составлявшее восточную половину Молдавского княжества, вошло в состав Российской империи по итогам русско-турецкой войны 1806–1812 гг., по Бухарестскому миру 1812 г. В связи с этим с каждым десятилетием увеличивалось число уроженцев Бессарабии в престижных российских высших учебных заведениях, причем выходцы из духовенства учились чаще в духовных академиях, а выходцы из боярства и дворянства — на юридических факультетах университетов. Некоторые из выпускников юридического факультета Московского университета, такие, например, как Георгий Горе, окончивший университет в начале 1860-х годов¹², и Эмануил Гаврилица, учившийся десятилетием позже, стали видными деятелями бессарабского земского общественного движения и много сделали для процветания родного края. Были и те, кто связал себя с революционным движением. Нельзя не назвать самого выдающегося из них — Земфирия Арборе-Ралли (1848–1933), видного деятеля как русского, так и румынского народничества, публициста. Он учился в конце 1860-х годов на медицинском факультете Московского университета, но не окончил его, так как был арестован за революционную деятельность, позже эмигрировал в Румынию и прожил долгую жизнь¹³. Учился в Московском университете и уехавший в 1890-е годы в Румынию Константин Стере (1865-1936), впоследствии выдающийся писатель и государственный деятель, министр в межвоенной Румынии¹⁴.

В отличие от Стере, сделавшего выбор в пользу эмиграции в Румынию, принадлежавший к той же генерации А.Г. Стад-

ницкий (митрополит Арсений) реализовал себя в России, став одним из наиболее выдающихся иерархов Русской православной церкви первой трети XX в.

Авксентий Георгиевич Стадницкий, будущий митрополит Арсений, родился в 1862 г. в Северной Бессарабии, в селе Комарово (молд. — Кумарэу) Хотинского уезда в семье настоятеля Успенской церкви этого села, относившейся к Кишиневской епархии. Его мать, урожденная Черноуцан, принадлежала к другому роду потомственных бессарабских священнослужителей. Свое образование Стадницкий начал в духовном училище заштатного городка Единец в Северной Бессарабии, продолжил в кишиневской духовной семинарии, которую окончил в 1880 г. Уехав затем для получения высшего образования в Киев, он в 1885 г. окончил Киевскую духовную академию. В этом высшем учебном заведении поддерживался высокий уровень преподавания как теологии и философии, так и истории церкви, лекции читали известные ученые — богословы, филологи и историки.

В годы своего студенчества А. Стадницкий дважды (в 1883 и 1884 гг.) на каникулах совершил паломничество на Афон, отразив свои впечатления в дневнике, опубликованном в 1886 г. в Киеве и переизданном уже в наше время в Москве по решению издательского совета Русской православной церкви¹⁵. За эту книгу молодой автор был удостоин Макарьевской премии, высшей в России академической церковной награды.

По окончании Киевской духовной академии Стадницкий долгое время преподавал богословие и древнегреческий язык в родной кишиневской духовной семинарии; в 1887–1895 гг. редактировал «Кишиневские епархиальные ведомости». В эти годы он начал усиленно заниматься историей молдавской и бессарабской церкви на материалах не только архивов Бессарабской губернии, но и зарубежных. В 1888 г. он выезжал с научной целью в Австро-Венгрию, а в 1890 г. в Румынию, где общался со многими церковными иерархами. В Кишиневе в 1890-е годы был опубликован ряд его исторических работ. Одна из них, «Гавриил Банулеско-Бодони, экзарх Молдо-Влахийский (1808–1812) и митрополит Кишиневский (1813–1821)», вышедшая в свет в 1894 г., была защищена в качестве магистерской диссертации.

Прежде всего именно за заслуги в изучении биографии этого выдающегося церковного деятеля А. Стадницкий уже в 1898 г. был награжден орденом Короны Румынии III-й степени.

В 1895 г. А. Стадницкий был пострижен в монашество в Александро-Невской лавре в Петербурге, а вскоре получил сан иеромонаха. С января 1897 г. он возглавлял кафедру библейской истории в Московской духовной академии в Сергиевом Посаде, а через год был назначен ректором этого авторитетного высшего учебного заведения. В 1899 г. Арсений получил епископский сан. Заняв административный пост, он уделял большое внимание материальному обеспечению студентов (среди которых были и его земляки, бессарабские молдаване), учредил из бюджета академии особые стипендии для тех студентов, которые не находились на казенном обеспечении. Среди учеников Арсения по Московской духовной академии был будущий Патриарх Московский и всея Руси Алексий I (Симанский), пронесший уважение к учителю через всю свою жизнь, о чем свидетельствует их сохранившаяся обширная переписка. Уже в советское время Арсений, отправленный в ссылку, передал именно Алексею руководство новгородской митрополией¹⁶.

Занимая ректорский пост, Арсений не оставил научные исследования по истории молдавской церкви. В 1904 г. выходит его фундаментальный двухтомник «Исследования и монографии по истории Молдавской Церкви», который до сих пор остается важным подспорьем для всех специалистов, обращающихся к церковной истории как Молдавского княжества, так и Бессарабии после 1812 г. В Румынии труд был отмечен королевской наградой *Vene Merente*, а в России Уваровской премией¹⁷. Но интерес Стадницкого к процессам, происходившим по другую сторону пограничной реки Прут, не был сугубо историческим. Поддерживая связи с румынскими иерархами, он старался почерпнуть как можно больше информации о состоянии церковной жизни в современной ему православной Румынии. Об этом свидетельствует изданная в 1902 г. в Сергиевом Посаде его работа «Из современной церковной жизни в Румынии», представляющая и сегодня несомненный интерес для исследователей румынского православия на рубеже XIX–XX вв.

Наиболее значительной инициативой в бытность Арсения ректором Московской духовной академии стала экспедиция (своего рода «академическое паломничество») в Святую Землю преподавателей и студентов академии во главе с ее ректором, организованная в 1900 г. при содействии Императорского Православного Палестинского общества. Среди участников экспедиции были видные ученые — историк церкви, будущий член Государственной Думы и член-корреспондент Императорской академии наук Н.Ф. Каптерев, исследователь Библии В.Н. Мышцын. Ряд студентов, выезжавших с Арсением в Иерусалим, впоследствии активно проявили себя как на церковном, так и научном поприще. Итогом поездки в Палестину стало ее подробное научное описание, сделанное студентами под руководством Стадницкого. Вышедшая под его редакцией в 1902 г. книга «В стране священных воспоминаний», представляющая огромный интерес для исследователей истории русской церкви, православной мысли рубежа XIX–XX вв., а также истории российской восточной дипломатии, была переиздана в 2014 г. по инициативе Российского Палестинского общества¹⁸.

После отъезда в 1903 г. из Сергиева Посада Арсений был епископом в Пскове, основал там богатый церковно-исторический музей; затем являлся архиепископом в Новгороде, где много занимался охраной памятников церковной старины и организовал в этом городе в 1911 г. Всероссийский археологический съезд. В течение некоторого времени он возглавлял учебный комитет при Святейшем Синоде, а с 1907 г. был членом Государственного совета от монашеского духовенства. Продолжая заниматься историей молдавской церкви на основе новых источников, Арсений опубликовал в 1914 г. новый труд — «Митрополит Сучавский Досифей в его сношениях с Россией, при свете новых исторических материалов».

Арсений являлся заместителем председателя Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. и фактически руководил большинством его заседаний. При выборе в 1917 г. Патриарха всея Руси он был одной из трех выдвинутых кандидатур, получив второе место при голосовании. В годы советской власти, как и патриарх Тихон, митрополит Арсений находился

в состоянии перманентного конфликта с коммунистическим режимом, начиная с 1919 г. неоднократно арестовывался — прежде всего за отказ встать на сторону так называемых обновленцев, стремившихся превратить православную церковь в орудие церковной политики большевистского режима¹⁹. Сосланный в 1925 г. в Среднюю Азию, Арсений прожил там остаток дней своих и скончался в 1936 г. в Ташкенте, имея сан митрополита Ташкентского и Туркестанского. В последние годы его жизни все православные храмы в крупнейшем городе Средней Азии были закрыты. По свидетельствам современников, митрополит проводил службы под открытым небом, у кладбищенской часовни; в большие праздники здесь собиралось до 20 тыс. человек²⁰.

Русская зарубежная церковь уже в 1981 г. причислила Арсения к новомученикам православной веры, в постсоветской России память об этом выдающемся иерархе также стала официально почитаться, в Новгороде по благословению Патриарха Алексия II с 1993 г. периодически проводятся Арсениевские чтения. Расширяется интерес к богатому творческому наследию Арсения, постепенно вводятся в научный оборот новые его тексты и архивные документы, связанные с его деятельностью. Наряду с материалами поездок в Палестину и на Афон начата подготовка многотомного издания его обширных дневников, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), — инициатива этого проекта принадлежит Православному Свято-Тихоновскому гуманитарному университету²¹.

С Московским университетом связал себя в 1890-е годы выдающийся филолог, археограф, историк культуры Александр Иванович Яцимирский (1873—1925). Он принадлежал к обедневшему дворянскому роду из Подольской губернии, родился в Бессарабии в учительской семье, окончил гимназию в Кишиневе. Уже в годы учебы у будущего профессора появилось интересное увлечение. «Каждое лето, — писал он, — я обходил пешком, иногда без гроша в кармане, бессарабские монастыри и вообще местности, замечательные в историческом или археологическом отношении; всё чем-либо замечательное я изучал, описывал, срисовывал, и в результате второй по времени моей

экскурсии явился ряд статей, которые я уже в пятом классе поместил в местной газете “Бессарабский вестник” под заглавием “Древности по берегам Днестра”»²². На формирование научных интересов Яцимирского повлияло, по его собственному признанию, следующее обстоятельство. Он получил от монаха-схимника из монастыря Городище на Днестре в подарок одну славянскую рукопись XV в. на болгарском языке, которая поразила его как своим внешним видом, правописанием, так и содержанием — это был сборник апокрифических текстов. С тех пор, пишет Яцимирский, «наряду с изучением истории Бессарабии, этнографии бессарабских румын и памятников местной старины я живо интересовался рукописями, читал их и не упускал случая, чтобы приобретать более интересные из них при своих ежегодных экскурсиях по монастырям Бессарабии; уже при приезде в Москву у меня было около 25-ти рукописей»²³.

По окончании гимназии выбор факультета для дальнейшего обучения не представлял для Яцимирского никаких затруднений. Для продолжения образования он отправился в Москву. Почему он выбрал именно Московский университет, а не Новороссийский в Одессе, расположенный всего в четырех часах езды от Кишинева? Как вспоминал Яцимирский позже, его влекли традиции тех ученых, которые внесли свой вклад в выявление и изучение средневековых рукописей православного мира, — Степана Шевырёва, Фёдора Буслаева, Николая Тихонравова²⁴.

Живя в 1890-е годы в Москве, Яцимирский еще студентом принимал активное участие в деятельности ряда научных обществ, выступая на их заседаниях с докладами. Речь идет о Московском археологическом обществе (куда его пригласил один из педагогов, профессор Матвей Иванович Соколов), Московском библиографическом кружке и этнографическом отделе Общества любителей антропологии, естествознания и этнографии. Более того, уже со студенческих лет статьи и заметки перспективного молодого ученого, основанные на глубоком изучении средневековых южнославянских текстов, начали охотно публиковать авторитетные академические журналы — «Известия Отделения русского языка и словесности Импера-

торской Академии наук» и «Чтения Императорского общества истории и древностей российских»²⁵. Как знаток средневекового рукописного наследия (в первую очередь, южнославянского происхождения), он был приглашен известным московским купцом-меценатом Петром Ивановичем Щукиным, владельцем богатого музея русских древностей, для описания его богатейшего рукописного собрания. Эта работа вышла в двух томах в 1896—1897 гг., сразу став серьезным явлением в русской археографии²⁶.

На протяжении первого десятилетия творческого пути приоритетное место в круге интересов Яцимирского занимали проблемы румынской филологии, этнографии, средневековой духовной культуры²⁷. С 1895 г. регулярно публикуются его статьи и заметки в журнале «Этнографическое обозрение» и ряде других по проблемам румынской филологии, культуры, этнографии, а также его переводы с румынского языка. Задачей первых его публикаций в «Этнографическом обозрении» было ознакомление русских филологов и историков с результатами исследований румынских коллег.

По окончании Московского университета Яцимирский служил преподавателем русской словесности в средних учебных заведениях, сначала в Москве, а с 1903 г. — в Петербурге²⁸. При этом он продолжал активно заниматься наукой, и в 1903—1905 гг. опубликовал в Петербурге в двух томах сборник «Румыно-славянские очерки», в который вошли статьи по истории румыно-славянских культурных связей начиная со средневековья. В 1904 г. отдельным изданием в Петербурге вышла его работа «Язык славянских грамот молдавского происхождения». Яцимирскому, как известно, принадлежат немалые заслуги в изучении деятельности и творчества, в контексте своей эпохи (конец XIV — начало XV вв.), Григория Цамблака, выдающегося средневекового писателя, книжника и церковного иерарха болгарского происхождения, оставившего заметный след в истории румынской и славянских культур. Основанная на многочисленных документах, впервые введенных в научный оборот, вызвавшая отклик и дискуссии в профессиональной среде монография «Григорий Цамблук. Очерк его жизни, ад-

министративной и книжной деятельности» (СПб., 1904) была удостоена Ломоносовской премии²⁹. В течение ряда лет Яцимирский был приват-доцентом Петербургского университета, возглавлял редакцию славянской филологии в Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, опубликовал на страницах этого уважаемого издания десятки собственных статей. В 1913 г. он получил профессорское место в Варшавском университете, вместе с которым был эвакуирован в Ростов (с началом Первой мировой войны), где и провел последние годы своей жизни, внося уже в советское время, в качестве профессора Ростовского университета, вклад в формирование донской исторической школы и краеведения.

В 1890-е годы Московский университет был одним из средоточий политической фронды, многие его студенты преследовались за причастность к революционной деятельности³⁰. Что касается Яцимирского, то сохранился документ о его политической благонадежности — это подготовленное в канцелярии московского обер-полицмейстера в марте 1899 г. свидетельство, данное дворянину А.И. Яцимирскому «для представления в испытательную комиссию [Московского университета] в том, что он за время проживания в Москве под судом и следствием не был и ныне не состоит и ни в чем предосудительном полициейю не замечен»³¹. Но десятью годами позже, в период реакции после подавления революции 1905-1907 гг., он подвергся травле правой прессы. Так, после публикации в 1909 г. его газетной статьи к 100-летию народного поэта Алексея Кольцова Яцимирский был подвергнут нападкам влиятельнейшей газеты «Новое время» за мнимые симпатии к экспроприаторам частной собственности³². Было даже назначено полицейское расследование, приведшее к приостановке его педагогической деятельности в Петербургском университете и возвращению преподавателем в реальное училище³³. Кроме того, у Яцимирского произошел тогда разлад на политической почве с одним из учителей по Московскому университету — академиком А.И. Соболевским: он негативно отреагировал на сближение последнего с черносотенной организацией Союз русского народа³⁴.

Однокашником Яцимирского по кишиневской гимназии, с которым они дружили и переписывались³⁵, был его одноклассник, великий русский архитектор XX в. Алексей Викторович Щусев (1873–1949). Выпускник Петербургской Академии художеств, он вместе с тем внес, как известно, огромный вклад в архитектуру Москвы. Щусев также преподавал в московском училище живописи, ваяния и зодчества³⁶. Среди выпускников этого учебного заведения были выходцы из Бессарабии, например, видный скульптор Александр Пламадялэ (1888–1940), самая заметная фигура в художественной жизни Бессарабии межвоенного периода, возглавлявший в 1930-е годы в родном Кишиневе художественное училище³⁷.

С 1899 г. по 1906 г. профессором Московского университета был Лев Аристидович Кассо (1865–1914), выходец из старинного боярского рода Кашу, находившийся в близком родстве с дворянским родом Крупенских, обладавшим большими земельными владениями в Бессарабии и давшим ряд высокопоставленных дипломатов, чиновников, членов Государственной Думы. О деятельности ординарного профессора Льва Кассо, потомственного дворянина Бессарабской губернии, имевшего в Сорокском уезде имение в 1000 десятин (более 1000 гектаров) земли, свидетельствует хранящийся в архивном фонде Московского университета в Центральном государственном архиве города Москвы формулярный список о службе³⁸. Из него следует, что Кассо, получивший степень доктора права в Берлинском университете в 1889 г., с 1892 г. исполнял должность доцента по кафедре церковного права в Дерптском (в то время германоязычном) университете, а в 1893 г. стал в том же университете экстраординарным профессором по кафедре местного права, действующего в Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерниях³⁹. С 1895 г. он служил экстраординарным профессором Харьковского университета по кафедре гражданского права и судопроизводства. Защита в мае 1899 г. в Киевском университете св. Владимира новой докторской диссертации по теме «Понятие о залоге в современном праве» позволила ему в ноябре 1899 г. занять должность ординарного профессора по кафедре гражданского права в Московском университете. С 1900 г. Кас-

со состоял членом юридической испытательной комиссии при Московском университете⁴⁰. В 1901 г. ему была объявлена благодарность министерства просвещения за участие в разработке законопроекта об авторском праве. В 1901 г. за заслуги в педагогической и правоведческой деятельности он был награжден орденом св. Станислава 2-й степени, за которым последовали орден св. Анны 2-й степени (1904) и орден св. Владимира 4-й степени (1906). С разрешения министерства просвещения Кассо неоднократно выезжал за рубеж (особенно в периоды каникул) для ознакомления с современной правовой практикой. 20 апреля 1908 г. он был назначен временно исполняющим обязанности, а 4 июня того же года — директором элитного московского учебного заведения средне-высшей ступени, Лицея памяти цесаревича Николая (более известен как Катковский лицей). В этом учебном заведении он читал лекции по римскому и гражданскому праву. Возглавляя Катковский лицей, Кассо в то же время продолжал оставаться профессором Московского университета. Преподавал он и в Московском межевом институте. Имел репутацию блестящего, остроумного и весьма ядовитого лектора.

25 сентября 1910 г. «высочайшим приказом, данным Правительствующему сенату», он, благодаря своим широким связям в высших бюрократических сферах Петербурга, был назначен управляющим министерством народного просвещения и произведен в действительные статские советники⁴¹. В 1911 г. Л.А. Кассо был утвержден министром народного просвещения и занимал эту должность вплоть до своей кончины в декабре 1914 г. За полгода до этого он находился в составе свиты, сопровождавшей Николая II при посещении им Кишинева, где был торжественно открыт памятник Александру I в ознаменование 100-летия присоединения Бессарабии к России. Похоронен был Л.А. Кассо в своем родовом имении в Сорокском уезде Бессарабской губернии.

В связи с переездом в Петербург Кассо уже в октябре 1910 г. перестал читать лекции в Московском университете. Один из его коллег по университету, юрист и социолог В.М. Хвостов (в 1911 г., вместе с целой группой либерально настроенных профессоров, покинувший Московский университет в связи с

нашумевшим «делом Кассо») заметил, что с его уходом «юридический факультет утратил крупную научную силу и образцового преподавателя, поставившего преподавание гражданского права в Московском университете на недосягаемую высоту. Он являлся одним из лучших цивилистов России и своим преподаванием умел возбудить интерес к своему предмету»⁴².

Придерживаясь очень правых, охранительских убеждений, Кассо в качестве министра последовательно старался ограничить автономию университетов, ввести университетскую жизнь в русло, соответствующее интересам властей, жестко вытеснял из стен высших учебных заведений любые проявления политической оппозиционности, по сути дела стремясь возложить на университетскую администрацию полицейские функции. Это приводило его к конфронтации с либеральной профессурой. Распоряжение Кассо о недопущении каких-либо студенческих сходок в стенах университетов, принятое в начале 1911 г., вызвало масштабный, резонансный конфликт — демонстративную отставку ректора А.А. Мануйлова и уход не менее 20 ведущих профессоров разных специальностей в знак протеста против драконовских мер⁴³.

При всей явной неприязни к личности Кассо и несогласиях с его убеждениями, а тем более с методами, многие его оппоненты признавали за ним не только квалификацию, но и высокий интеллект и исследовательский дар. Так, профессор Московского университета А.Н. Савин, назвавший Кассо «талантливым, но свободным от всяких нравственных чувств, почти наглым циником», способным на «деяния Иудины», предпринявшим «разгром своего собственного университета, разгром своих собственных, ближайших и выдающихся товарищей по цеху», вместе с тем замечает: «Надо признаться, что молдаванин талантлив. Талант ясен в его недавней статье по истории Бессарабии»⁴⁴. Почему-то он снова почтил меня своим вниманием, прислал мне отгиск с собственноручною подписью. Подожду отвечать ему несколько дней. Если он уйдет (в это время, в начале 1914 г., ходили слухи о возможной отставке Кассо в связи с аморальной историей, в которую он оказался впутан. — А. К.), я тогда гораздо охотнее расхвалю его ученые дарования»⁴⁵.

Как следует из вышеприведенных заметок А.Н. Савина, Кассо, и будучи министром, продолжал посылно заниматься научной деятельностью. Именно в последние годы жизни на первый план в его научных интересах выходят проблемы, связанные с изучением родного края, в том числе его истории. Наиболее значительной оказалась работа «Россия на Дунае и образование Бессарабской области» (1913), написанная им к 100-летию вхождения Бессарабии в состав Российской империи и не утратившая и сегодня своей научной ценности. Работа эта оказалась междисциплинарной, будучи созданной на стыке правовых и исторических наук, прежде всего истории международных отношений.

С Катковским лицеем были связаны имена нескольких выходцев из знатных молдавских боярских родов, вполне преуспевавших в Российской империи. Воспитанником этого лицея был, например, Григорий Иванович Кристи (1856—1911), племянник (по матери) выдающегося русского дипломата А.И. Нелидова. Как офицер, он принимал участие в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., имел боевые награды. Позже проявил себя на административном поприще: был орловским, а с 1902 г. по ноябрь 1905 г. московским губернатором, затем сенатором⁴⁶. Его сын Владимир Григорьевич Кристи (1882—1946), также выпускник Катковского лицея, являлся в 1917 г. полномочным эмиссаром Временного правительства в Бессарабской губернии и связал себя с молдавским национальным движением; позже, в условиях межвоенной Румынии, он был мэром Кишинева, до присоединения Бессарабии к СССР в 1940 г.

Среди выдающихся ученых, уроженцев Бессарабии, был выпускник естественного факультета Московского университета (1898), будущий академик Лев Семенович Берг (1876—1950), географ и биолог, президент Географического общества СССР. Ряд его трудов посвящен Бессарабии; особо следует выделить книгу 1918 г. «Бессарабия. Страна. Хозяйство. Люди», замечательную работу в области экономической географии, к которой до сих пор обращаются все, кто занимается экономической историей Бессарабии начала XX в. В отличие от Л.С. Берга, Алексей Николаевич Харузин (1864—1932) не был уроженцем

Бессарабии, однако вошел в историю этого края как губернатор Бессарабской губернии (1904–1908 гг.). Выпускник Московского университета, он, однако, оставил о себе память прежде всего не как преуспевающий чиновник, а как видный ученый-этнограф и антрополог. В советское время А.Н. Харузин подвергался гонениям и скончался в заключении⁴⁷.

Среди деятелей искусства можно назвать по меньшей мере двух выдающихся уроженцев Бессарабии, после окончания высших московских учебных заведений связавших себя с Москвой. Это выпускник, а позже профессор Московской консерватории, видный пианист, музыкальный деятель и педагог Александр Борисович Гольденвейзер (1875–1961), сын преуспевающего кишиневского адвоката, позже переселившегося в Москву, и актриса театра и кино Серафима Германовна Бирман (1890–1976), более всего известная исполнением главной женской роли (Ефросиньи Старицкой) в фильме С. Эйзенштейна «Иван Грозный». Наряду с московской актерской школой А. Адашева, по окончании которой она влилась в труппу МХТ в 1911 г., С.Г. Бирман окончила также филологический факультет московских Высших женских курсов. Дочь офицера, по материнской линии она принадлежала к молдавскому боярскому роду Ботезат и называла себя в советских документах молдаванкой по национальности⁴⁸.

Как следует из приведенных в статье документов, выходцы из Молдавского княжества и Бессарабии, учившиеся и преподававшие в Москве, оставили заметный след в истории университетского дела России. С другой стороны, велик вклад московских высших учебных заведений в подготовку деятелей национальной культуры бессарабских молдаван.

Примечания

¹ См.: Посольские книги по связям Молдовы с Россией (1684, 1690–1691 гг.). Кишинев / Составители И. Еремия, Н. Рогожин. Кишинев, 1993; Посольская книга по связям Молдовы и Валахии с Россией. 1674–1675. Кишинев / Составители И. Еремия, Н. Рогожин. Кишинев, 2005.

² См. его биографию: *Урсул Д.Т. Николай Гаврилович Милеску Спафарий*. М., 1980. См. также сборник: Н.Г. Милеску-Спафарий — ученый, мыслитель, государственный деятель. Кишинев, 1989.

³ Из более новой литературы см.: *Григорьева Е.А.* Российско-китайские отношения второй половины XVII — первой четверти XVIII вв. в контексте развития внешнеполитической доктрины империи Цин. Канд. дисс. Нижний Новгород, 2000.

⁴ См.: *Михайловский И.Н.* Очерк жизни и службы Н. Спафария в России. Киев, 1895.

⁵ *Каптерев Н.Ф.* О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия славяно-греко-латинской академии. М., 1889; *Лупан С.Г., Оников В.И.* Николае Милеску Спафарий и распространение учения Аристотеля на Руси // *Философские науки.* 1987. № 1.

⁶ *Сементковский Р.И.* Антиох Кантемир. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1893.

⁷ См.: *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX вв. в контексте университетской истории Европы. М., 2009; Императорский Московский университет. 1755–1917. Энциклопедический словарь / Сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М., 2010.

⁸ См.: *Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* Университетский Благородный пансион, 1779–1830. М., 2006.

⁹ См.: Там же; *Шишкова Э.И.* Московский университетский благородный пансион (1776–1831) // *Вестник МГУ. Серия 8. История.* 1979. № 6.

¹⁰ Центральный государственный архив города Москвы (далее — ЦГА Москвы). Ф. 418. Оп. 513.

¹¹ О вкладе Д.Н. Бантыш-Каменского в российскую историческую науку см. очерк Г.В. Можяевой в книге: *Историки России. Биографии / Отв. редактор А.А. Чернобаев.* М., 2001. С. 122–131.

¹² См. его личное дело в архивном фонде Московского университета: ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 26. Д. 816.

¹³ Немалая часть документального наследия З. Арборе-Ралли хранится в его личных фондах — в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 7026) и Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 1019).

¹⁴ Проведя несколько лет в ссылке за революционную деятельность, Стере получил разрешение на выезд в Румынию. В 1893 г. ему, в то время студенту Ясского университета, был разрешен выход из российского подданства. См.: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 312 (Консульство в Яссах). Оп. 575. Д. 3578.

¹⁵ *Митрополит Арсений (Стадницкий).* Дневник паломника на Афон. М., 2014.

¹⁶ О тесных взаимоотношениях двух выдающихся церковных иерархов дает представление недавно вышедшая фундаментальная биография Алексия: *Одицов М.И.* Патриарх Победы. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского). М., 2015.

¹⁷ О вкладе Стадницкого в изучение истории румынской и бессарабской церкви см.: *Гросул В.Я.* Митрополит Арсений Стадницкий — историк румынской и молдавской православных церквей // *Новая и новейшая история.* 2002. № 1.

¹⁸ *Епископ Арсений (Стадницкий).* В стране священных воспоминаний / Вступит. статья Н.Н. Лисового. М.; СПб., 2014.

¹⁹ Из литературы об отношениях митрополита Арсения с советской властью см.: *Савинова И.Д.* Дело митрополита Арсения Стадницкого // *Вопросы истории.* 1999. № 2.

²⁰ См.: *Фотий (Нечепоренко), иеромонах.* Митрополит Арсений (Стадницкий) и его деятельность. Канд. дисс. Сергиев Посад. Московская духовная академия. 2000.

- 21 *Митрополит Арсений (Стадницкий)*. Дневник. Том 1. 1880–1901 гг. / Подготовка издания и редактирование: О.Н. Ефремова. М., 2006; Том 2. 1902–1903 гг. М., 2012; Том 3. 1903–1905 гг. М., 2016.
- 22 ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 76. Д. 507. Л. 4–4об.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 См.: *Яцимирский А.И.* Биобиблиографический справочник / Сост. А. Матковски. Кишинев, 1979.
- 26 Описание старинных славянских и русских рукописей из собрания П.И. Щукина. Вып. I. М., 1896; Описание старинных славянских и русских рукописей из собрания П.И. Щукина. Вып. II. М., 1897.
- 27 Вклад А.И. Яцимирского в изучение румынского языка, словесности, духовной культуры подробно анализирует М.В. Домосилецкая: *Домосилецкая М.В.* Изучение румынского языка и культуры румын в России (XIX — начало XX вв.) // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН.* Том V. Часть 1 // Отв. ред. академик Н.Н. Казанский. СПб., 2009. С. 51–151.
- 28 См.: *Матковски А.* Документальные данные о жизни и деятельности А.И. Яцимирского // *Славяноведение*. 1979. № 1.
- 29 Сегодняшний взгляд на роль А.И. Яцимирского в изучении творчества Г. Цамблака представлен в вышеуказанной работе М.В. Домосилецкой.
- 30 См. соответствующие материалы в фонде Московского университета в ЦГА Москвы (Ф. 418. Оп. 514. Д. 29).
- 31 Там же. Оп. 76. Д. 507. Л. 3.
- 32 *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004. С. 244.
- 33 См. подробнее: *Матковски А.* Документальные данные о жизни и деятельности А.И. Яцимирского.
- 34 Об избрании А.И. Соболевского почетным членом Союза русского народа см. материалы в его личном фонде в РГАЛИ: Ф. 449. Оп.1. Д. 39.
- 35 Нам известно дружеское письмо Щусева Яцимирскому, относящееся к 1910 г., когда Щусев уже был видным архитектором, проектировал здания для Марфо-Мариинской обители в Москве. См.: РГАЛИ. Ф. 584. Оп. 1. Д. 273. Щусев делился с одноклассником планами поездки, уже не первой, в Италию, а также в Грецию (в Афины и на Афон) в целях ознакомления с памятниками архитектуры. Письмо заканчивается словами: «Спасибо за память. Очень рад тебя видеть».
- 36 См. его личное дело как преподавателя: РГАЛИ. Ф. 680. Оп.1. Д. 1022.
- 37 См. его личное дело: там же. Оп. 2. Д. 2423.
- 38 ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 487. Д. 176. Л. 1–7об.
- 39 На основе соответствующих университетских курсов были подготовлены его работы: «Обзор остзейского гражданского права» (1896) и др.
- 40 См.: Протоколы юридической комиссии за 1900–1908 гг. // ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 463. Д. 11–15.
- 41 Там же. Оп. 487. Д. 176. Л. 1–7об.
- 42 Императорский Московский университет. 1755–1917. Энциклопедический словарь. С. 310–311.
- 43 Из опубликованных в последние годы новых источников см. дневники историка-медиевиста, профессора Московского университета А.Н. Савина: *Савин А.Н.* Университетские дела. Дневник 1908–1917 / Публикация, вступительная статья и

комментарии А.В. Шаровой. М.; СПб., 2015. Из недавно опубликованных научных исследований см.: *Ковалев М.В.* Профессор Д.Д. Гримм и борьба за академические свободы в России в начале XX в. // Отечественная история. 2016. № 5.

⁴⁴ Речь скорее всего идет о статье Л.А. Кассо: «Петр Манега, забытый кодификатор бессарабского права» // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. Книга 1.

⁴⁵ *Савин А.Н.* Университетские дела. С. 324–325. Ср. с мнением видного общественного деятеля, выходца из народнической среды Л.А. Тихомирова о Кассо как о человеке выдающихся качеств // Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. М., 2015. С. 406.

⁴⁶ См. личный фонд Г.И. Кристи в ГАРФ (Ф. 1052).

⁴⁷ *Керимова М.М.* Алексей Николаевич Харузин // Вопросы истории. 2012. № 7. С. 30–43.

⁴⁸ См. богатый личный фонд С.Г. Бирман в РГАЛИ, включающий и тексты автобиографического характера.

Этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве в 1867 г.

Начиная с революции 1848–1849 гг., среди славян ширилось убеждение в необходимости освобождения от чужеземного гнета. Главный способ этого славянские политики видели в укреплении славянской взаимности, которая означала сплочение славян в борьбе за свою культуру, за свою политическую самостоятельность. Эти идеи обсуждались на славянских съездах, которые собирались несколько раз вплоть до начала Первой мировой войны. Первый съезд прошел в Праге в июне 1848 г., второй — в Москве в 1867 г., третий — в Праге в 1868 г., четвертый — снова в Праге в 1908 г., пятый — в Софии в 1910 г. Все они имели своей целью содействие укреплению национальных культур славянских народов и освобождению их от иноземного влияния. Эти съезды способствовали духовной консолидации славян, подготавливали таким образом их политическое освобождение. В идеологии малых славянских народов надежды на освобождение были связаны с помощью единственного независимого славянского народа, сумевшего создать свое сильное государство, свою самобытную культуру, — русского.

История славянских съездов подробно рассматривалась в трудах ученых. Особо пристальное их внимание привлекал Славянский съезд 1867 г. в Москве, проходивший там одновременно с Этнографической выставкой. Свои работы ему посвящали отечественные историки: С.А. Никитин, Л.П. Лаптева, М.Ю. Досталь, автор данной статьи, а также ряд других российских, чешских, словенских и прочих славянских ученых.

Однако главное внимание в их трудах уделялось Этнографической выставке — привлечению к сбору этнографических артефактов славянских деятелей, пребыванию славянских гостей в России. Говорилось и о Славянском съезде, но главным

образом то, о чем писали газеты. Однако наряду с официальными мероприятиями в Москве в 1867 г. проходили и частные встречи, на которых обсуждались вопросы, оказавшие большое влияние на дальнейшее развитие славянской идеологии, а также политические проблемы: получение русского займа для укрепления Балканского союза, создание Западно-славянской империи на базе земель Царства Польского и чешских территорий, возможная помощь чехам со стороны России в случае распада Габсбургской монархии. Наиболее важными, вызвавшими споры среди участников съезда, были польский вопрос и вопрос о принятии общеславянского языка. Именно этой проблематике автор уделяет основное внимание.

В последние десятилетия съезду 1867 г. также были посвящены специальные конференции, отмечавшие: 130-летие со дня его проведения («130 лет Московскому славянскому съезду». Москва. Институт русского языка РАН. 1997 г.), затем — 140-летие («Первая этнографическая выставка в России». Санкт-Петербург. Российский этнографический музей. 2007 г.) и, наконец, его 150-летие («Славянский конгресс: как сегодня изучать историю славянского мира? К 150-летию Славянского съезда. 1867–2017». Санкт-Петербургский государственный университет. 2017 г.). В 2017 г. в Москве вышла в свет книга «Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд 1867 г.». Такое исследовательское внимание к событиям 1867 г. не случайно. Оно связано не только с интересом к первым шагам развития русской этнографии, но и главным образом с проблемой создания славянской политической идеологии, которая отчетливо стала оформляться именно на съезде 1867 г.

Этнографическая выставка проходила в Москве под покровительством русского правительства, которое рассматривало ее как один из способов укрепления национальной гордости, уверенности в могуществе России у российских властных кругов, общества и широких народных масс, значительно поколебленных после ее поражения в Крымской войне. А до выставки были реформы Александра II — крестьянская, судебная, военная и пр., пышное празднование в 1862 г. Тысячелетия Российского государства.

В числе прочих постановлений, в 1863 г. был принят новый университетский Устав, который разрешил открытие при университетах научных обществ. Одним из первых было основано Общество любителей естествознания при Московском университете. А уже в 1864 г. экстраординарный профессор Московского университета антрополог А.П. Богданов выступил с предложением устроить в Москве Антропологическо-этнографическую выставку народов России. Эту идею поддержало не только руководство Общества, но и русское правительство: почетным председателем выставки стал младший сын царя великий князь Владимир Александрович, а на ее проведение было выделено 20 тыс. рублей.

24 ноября 1865 г. Обществу любителей естествознания было представлено предложение профессора Московского университета Нила Александровича Попова о создании на выставке специального отдела, посвященного зарубежным славянским народам. Необходимость этого отдела Попов аргументировал следующим образом: во-первых, славяне должны служить предметом первого сравнения при изучении русской народности, как родственные ей племена; во-вторых, многие славяне (поляки, сербы, болгары) живут в самой России, а многие приходят в нее на заработки. Предложение Попова было принято с воодушевлением. На выставку решено было пригласить представителей русских ученых обществ и высших учебных заведений, а также тех лиц, в том числе из зарубежных славян, которые пожертвуют на нее экспонаты. Сношение с зарубежными славянами и приобретение у них национальных костюмов и предметов быта комитет выставки поручил Н.А. Попову и протоиерею церкви при русском посольстве в Вене Михаилу Федоровичу Раевскому, которого С.А. Никитин, один их первых серьезных отечественных исследователей славянофильства, считал наиболее важным агентом славянских комитетов за границей¹.

Раевский охотно взялся за дело. В 1866 г. он издал в Вене брошюру «Русская этнографическая выставка в Москве» («Die Russische ethnographische Ausstellung in Moskau»), в которой содержались обращение комитета выставки и инструкции по сбору этнографических предметов. Эти материалы были на-

печатаны во многих славянских газетах. По просьбе Раевского редактор венской газеты «Slawische Blätter» («Славянская газета») хорват Абель Лукшич в мае 1866 г. посетил Пешт, Нови Сад, Вуковар, Загреб, Любляну, где вел переговоры с видными славянскими деятелями о посылке на московскую выставку этнографических предметов своих народов. Лукшич также опубликовал в своей газете призыв направлять в Москву этнографические артефакты². Попов и Раевский привлекли к работе русских деятелей, имевших друзей среди славян: А.В. Фрейганга, М.П. Погодина, В.И. Ламанского и др. Большинство из них являлись членами Московского славянского благотворительного комитета. Они не скупились на приглашения на выставку и посылали их, помимо жертвователей экспонатов, наиболее видным славянским деятелям. Всего было разослано более 300 приглашений. Хотя Московский славянский комитет формально не участвовал в формировании состава участников выставки, но практически именно его члены созывали их, прежде всего из числа зарубежных славян.

Энергичная агитация по поводу Этнографической выставки не могла не обратить внимания австрийских властей и австрийской немецкой прессы. В ответ на приглашение видных славянских деятелей в Москву, в немецких газетах Габсбургской монархии началась настоящая травля тех, кто пожелал бы отправиться на Этнографическую выставку. Особенно резко выступали газеты «Прессе» («Presse»), «Дебатте» («Debatte»), «Нойе Фрайе Прессе» («Neue Freie Presse»), всегда отличавшиеся недоброжелательством по отношению к славянам. Они провозглашали встречу в Москве «панславистским сборищем» и подчеркивали: «Побратимство на панславистской основе — это заговор против Австрии; кто в нем участвует, тот вызывает всю Австрию, и вопль негодования — вот единственный ответ, который могут дать народы Австрии тем, кто примыкает к преступному покушению на ее существование»³.

И это не было мнением только прессы — она в данном случае выражала позицию правительственных кругов в Вене. В полицейских архивах зафиксировано их отношение к поездке славянских деятелей в Москву. «Панславистское движение, —

отмечалось там, — которое в российских кругах, во всяком случае, петербургским кабинетом откровенно поощряется и поддерживается, является всё более угрожающим для населения Австрии. Этнографическая выставка в Москве самым тесным образом связана с этим движением и одновременно является его выражением ... По-видимому, она имеет не только этнографическое значение»⁴.

Австрийское правительство намеревалось даже сорвать поездку славян в Москву. Так, австрийский посланник в Петербурге граф Ревертера попытался начать об этом разговор с министром иностранных дел России князем А.М. Горчаковым, но тот занял позицию невмешательства. Когда же Ревертера обратился к русскому министру внутренних дел П.А. Валуеву, тот попросил у посланника дать ему список лиц, приезд которых в Россию был бы нежелателен его правительству. Валуев подчеркнул, что русское правительство стоит в стороне от организации Этнографической выставки. Вопрос о списке поставил Ревертеру в тупик. Тогда министр иностранных дел Австрии Ф. Бейст прислал Ревертере инструкцию с тем, чтобы он прочитал ее Горчакову. В ней русское правительство предупреждалось, что австрийские власти останутся в стороне, если в Галиции будет проведена антироссийская манифестация с участием подданных России. Здесь Бейст недвусмысленно намекал на поляков: ведь и галицкие поляки, и польская эмиграция в Париже выступали против самой идеи приезда славян в Москву. Так, газета «Дзенник Полски» («Dziennik Polski») писала, что Этнографическая выставка устроена для того, чтобы продемонстрировать миру солидарность всех славян. «Ложь — эта солидарность славянских племен под русским протекторатом». Такой солидарности не признают ни поляки, ни чехи, ни рутены (русины. — *И. Ч.*). Выставка представляет собой потемкинские деревни⁵.

Ко всем этим демаршам австрийских властей правительство России отнеслось более чем прохладно. В ответ на инструкцию Бейста Горчаков ответил, что русское правительство находится в стороне от прославления объединения мнимой славянской нации. Императорский же двор покровительствует

Этнографической выставке, которая не имеет ничего общего с утопиями московской партии (славянофилов. — *И. Ч.*). Горчаков заявил, что правительство не может отвечать за те речи, которые произнесут представители различных областей России, собравшиеся на Этнографическую выставку⁶.

О. Бисмарк, ознакомившись с положением дел, дал совет австрийским властям: обвинить всех, кто поехал в Москву, в государственной измене и арестовать⁷.

* * *

Создание Славянского отдела на Этнографической выставке в Москве славянофилы решили использовать для проведения Славянского съезда. Инициатором этого выступил профессор С.-Петербургского университета В.И. Ламанский. 23 октября 1865 г. он писал Н.А. Попову: «Знаете, что бы надо устроить у Вас в Москве по случаю Этнографической выставки в 1867 г.? Во-первых, устроить в то время несколько публичных чтений о славянстве. Вы бы прочли две-три лекции, я бы тоже не отказался, можно бы пригласить Лавровского* и пр. Во-вторых, устроить в то время в Москве ... славянский съезд... Но чтобы удалось это дело, теперь надо начать и провести его без шума»⁸.

Уже 1 ноября 1866 г. Ламанский благодарил Раевского за хлопоты об Этнографической выставке и одновременно советовался с ним, кто бы из славян мог приехать в Москву. Среди желательных гостей он назвал русина А.И. Добрянского, словенца Я. Блейвейса, хорвата И. Кукульевича, чеха Ф. Ригера, сербов М. Поповича и С. Милетича и др.⁹

Накануне предполагаемого славянского съезда Ламанский издал со своими комментариями в «Чтениях Общества истории и древностей российских» трактат словацкого национального деятеля Людовита Штура «Славянство и мир будущего», который тот перед смертью передал М.Ф. Раевскому. В своем трактате Штур рассматривал три варианта будущего славян после их освобождения. Первый вариант — создание ими федерации,

* П.А. Лавровский, профессор Харьковского университета.

второй — превращение Австрии в государство западных и южных славян, третий — присоединение всех славян к Российской империи. Именно его Штур считал единственно возможным. Но для этого Россия должна провести ряд реформ и «устроиться внутри как того требует дух славянства, истинная современная образованность и ее мировое положение». Россия останется самодержавной монархией, но с широкой автономией отдельных областей и народным представительством выборных земских людей. Славяне же со своей стороны должны принять русский язык и вернуться к православию¹⁰. «Нам представляется, — пишет С.А. Никитин, — что издание сочинения Штура имело глубоко принципиальные основания и представляло нечто вроде опубликования программного документа..., могущего служить основой для объединения прежде всего русских, а затем и славянских участников съезда». При этом, указывает Никитин, мысли из трактата Штура встречались впоследствии на страницах русских газет¹¹.

В.И. Ламанский полагал, что славянский съезд изменит само славянское движение. На заседании в честь открытия Этнографической выставки, прошедшем в Московском университете 27 апреля, он сказал: «Съезд славянских представителей и корифеев в Москве может стать поворотной точкою, открыть новую эпоху в истории славянского мира»¹².

* * *

На призыв русских славянофилов откликнулись многие зарубежные славянские деятели. И дело было не только в их симпатиях к России, но и в политической обстановке, которая сложилась в то время в Габсбургской монархии и Османской империи. В Габсбургской монархии с начала 1860-х годов, с установлением в ней определенных конституционных норм, шла борьба за ее преобразование на централистской, дуалистической или федералистской основе. Славянские политики выступали за федерализм, венгры и часть австрийского двора — за дуализм, немецкие либералы и большая часть австрийского двора — за централизм. К середине 1860-х годов стало ясно, что в правящих кругах всё большую поддержку получают идеи

дуализма, чему способствовало поражение Австрии в ее войне с Пруссией в 1866 г. Против дуализма выступали все австрийские славяне. Чехи и словенцы, должные остаться под властью Вены, опасались усиления германизации; хорваты, словаки и воеводинские сербы, отходившие в венгерскую часть монархии, опасались мадьяризации. Застрельщиками борьбы против дуализма выступили чехи. В 1865 г. чешский лидер Ф. Палацкий опубликовал серию статей под заглавием «Идея австрийского государства», в которых доказывал, что дуализм опаснее, чем полная централизация, и предлагал свой план преобразования Австрии на федеративных началах. Палацкий отвергал обвинение чехов в панславизме, однако недвусмысленно замечал: «День провозглашения дуализма непреодолимо станет днем рождения панславизма в его наиболее нежелательной форме... Существовали мы до Австрии, будем существовать и после нее»¹³.

Для австрийских славян поездка на Этнографическую выставку в Москву явилась способом заявить свое решительное недовольство политикой Габсбургов. В частности, газета «Биржевые ведомости» напечатала выдержки из публикаций прессы австрийских славян. Так, орган младочехов «Народни листы» («Narodni listy») указывал: «Если будет к тому повод, никто из чехов не поколеблется сказать в Москве ли, в Петербурге ли, то же, что так часто говорилось в Праге: что народ чешский не дозволит лишить свою страну ее политической самостоятельности, что он не захочет в виду каких бы то ни было неожиданных событий утонуть в немецком море». Хорватская газета «Позор» («Pozor»), выражавшая взгляды национально-либеральной партии, подчеркивала: «Кто задумал и может ехать в Москву, того не остановит ярость венских газет, тот со спокойным духом станет между братьями, чтобы высказать им все свои скорби и печали». Эти люди увидят, «что для них прежде всего необходима духовная связь, если только они желают отразить предназначенную им погибель»¹⁴. Словацкие «Пештбудимские ведомости», отмечая запоздалость австрийских протестов, заявляли: «Русский народ глубоко почувствовал необходимость прийти на помощь прочим славянским национальностям ...

братьям, которые, будучи подавлены гнетом противников, со своей стороны сознают еще более необходимость почерпнуть новые силы ... из неисчерпаемого, свежего источника русского славянства»¹⁵.

Политики Княжества Сербии тоже имели свои причины ехать в Россию. В середине 1860-х годов снова встал вопрос о турецких гарнизонах в четырех сербских городах. Зародилась мысль и о всеобщем восстании против турок. В связи с этим возник Балканский союз во главе с Сербией и под русским покровительством, просуществовавший с 1866 по 1868 гг. В сложившихся обстоятельствах Княжество нуждалось в поддержке и получении займа от России.

Несмотря на нападки прессы, на угрозы австрийских правительственных кругов значительное число приглашенных поехали в Москву. Всего туда отправилось 81 человек, из них — 63 представителя австрийских славян (27 чехов, 16 австрийских сербов, 10 хорватов, 4 русина, 3 словака, 3 словенца), 12 сербов из Княжества, 2 черногорца, 1 болгарин, 2 лужицких серба, 1 поляк из Пруссии (кашуб)¹⁶.

Среди чешской делегации были самые значительные лидеры чехов: от старочехов — Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Ф. Браунер, от младочехов — Э. Грегр и Э. Вавра. Исследовав ее состав, профессор Карлова университета в Праге М. Главачка пришел к заключению, что по своему социальному положению и профессиональной принадлежности члены делегации являлись представителями среднего класса; это были, в основном, деятели науки и культуры, торговцы, чиновники, несколько небогатых фабрикантов, священники¹⁷.

Из словаков на выставку поехали видные национальные деятели — адвокат М. Мудронь, юрист Р. Есенский, а также католический священник, поляк А. Радлинский. Последний являлся сторонником принятия русского языка славянами в качестве общеславянского литературного языка.

Из хорватских земель приехало 10 человек, из них наиболее известными были бывший лидер иллиров Л. Гай, выдающийся далматинский издатель и публицист И. Данило, издатель А. Лукшич.

Среди трех словенцев, отправившихся в Москву, выделялся священник Матия Маяр, один из авторов словенской политической программы Объединенная Словения, пытавшийся создать единый литературный язык для всех славян.

В числе четверых русин, прибывших на выставку, находились Я.Ф. Головацкий, отстраненный от должности профессора Львовского университета за активную деятельность по сбору этнографических предметов для московской выставки, и издатель газеты «Страхопуд» И.Н. Ливчак.

Наконец, из 16 австрийских сербов, приехавших в Россию, было несколько видных политиков. М. Полит-Десанчич, поборник объединения всех сербов — как австрийских, так и Княжества — в единое политическое целое, являлся членом хорватского сабора. По взглядам он был близок к радикальному сербскому обществу Омладина. В своей брошюре «Народность и государственная основа», изданной в 1862 г., Полит-Десанчич писал о необходимости создания единого государства из Сербии, Болгарии, Валахии и Греции с центром в Царьграде (Константинополе), выступая таким образом не только за объединение сербов, но и за южнославянский проект. В России он видел главную опору для осуществления этого плана. Членом Омладины был приехавший в Москву сербский студент из Вены Владан Джорджевич, который также мечтал о создании южнославянского государства¹⁸. Кроме них из прибывших в Москву австрийских сербов выделялись А. Вукашинович, член хорватского сабора и его вице-президент, а также Й. Суботич, писатель, сторонник югославянской идеи. Он пользовался уважением в России, и его в числе прочих выдающихся славянских деятелей наградили русским орденом во время празднования Тысячелетия России. Вукашинович и Суботич придерживались либеральных взглядов.

Делегация из Княжества Сербии состояла как из культурных деятелей, так и из представителей государственных структур. Делегацию возглавлял помощник министра юстиции М. Петрониевич. В нее входили также два члена Сербского учебного общества — М. Миличевич и секретарь общества, историк и литератор профессор Я. Шафарик. Миличевич занимал

должность первого секретаря министерства народного просвещения. Он был известен русской общественности, поскольку писал корреспонденции в издания «Русская беседа» и «Русский вестник». Кроме Миличевича и Шафарика в делегации сербов из Княжества находился старейший сербский журналист Милорад Медакович, переехавший в Сербию из Австрии. Некоторое время он служил секретарем черногорского князя Данилы и написал две книги о Черногории. В качестве секретаря черногорского князя он бывал в России и контактировал с членами русского правительства. Миличевич и Петрониевич имели особые поручения сербских властей. Так, Миличевич, по совету премьер-министра и министра иностранных дел И. Гарашанина, должен был сообщить русскому правительству и общественным кругам об установлении сербами Княжества хороших отношений с черногорцами и болгарами, а относительно хорватов, обратившихся к ним за советом, сказать, что сербы рекомендовали им защищать свои права и беречь свои силы. Петрониевич же по поручению правительства должен был вести с русскими властными кругами переговоры о займе для Сербии¹⁹.

Из Черногории прибыли тесть князя Николы, сенатор и начальник черногорской гвардии Петр Вукотич и воевода Илья Пламенац.

Болгарию представлял врач И. Богоров, издатель и публицист, автор первого болгарского учебника географии. В Москве к нему присоединился сотрудник славянофильских газет «День» и «Москва», а также катковских «Московских ведомостей» Райко Жинзифов.

От лужицких сербов в Москву прибыли учредитель Серболужицкой Матицы Я. Смоляр и его помощник врач Дучман. Кашубов представлял Ф. Ценова, знаток их языка и обычаев²⁰.

Как можно видеть, если австрийские славяне послали на выставку представителей общественности, прежде всего культуры, то иначе обстояло дело с полунезависимыми балканскими государствами — Сербией и Черногорией. Черногорская делегация включала официальных лиц, сербская — как официальных, так и культурных деятелей. Даже представители сербских научных обществ для поездки в Россию должны были по-

лучить дозволение своих властей. В частности, М. Миличевич перед отъездом должен был обратиться за разрешением к князю Михаилу Обреновичу и министру иностранных дел И. Гарашанину. Ф. Влайкович в письме к Н.А. Попову от 27 апреля 1867 г. упрекал его и И.С. Аксакова в том, что они якобы не пригласили из Сербии тех людей, которые «в состоянии представить вполне нацию свою», а именно П. Сречковича, А. Васильевича и др. По словам Влайковича, А. Васильевич просил министра о поездке, но тот ему отказал. То же самое писал М.П. Погодину болгарин Л. Каравелов²¹.

Интересно, что из тех, кто отправился в Москву, жертвователей этнографических предметов было немного. Немного среди приезжих гостей было и этнографов. Уже этот факт указывает на то, что славянофилы, приглашая славянских гостей, думали не столько об Этнографической выставке, сколько о славянском съезде.

4 мая 1867 г. 62 представителя славянских народов пересекли австрийско-русскую границу. Позже в Россию приехали Палацкий, Ригер, а также лужицкие сербы, черногорцы и некоторые другие.

Сначала славянские гости отправились в Петербург. По пути в столицу они останавливались в ряде городов, где их встречали с музыкой, речами, щедрым угощением. Так было в Варшаве, Ченстохове, Гродно, Вильно, Острове, Пскове. Особо пышным был прием в Варшаве, где от имени славян выступили чех Браунер, словаки Я. Шафарик и Мудронь, австрийский серб Полит-Десанчич. На этом приеме Шафарик поднял тост в честь русского народа. «Предлагаю тост в честь вечной славы и величия русского народа, — сказал он, — божиею волей от природы назначенного защитником и хранителем славянской народности». В том же духе выступил на русском языке и Полит-Десанчич: «Россия не принадлежит только русским — нет, она есть общеславянское достояние; русский царь есть царь родственных ему славян»²².

Горячая встреча славян состоялась в Петербурге. На Варшавском вокзале их ожидала восторженная толпа в две тысячи человек. Гости обнимали, кричали «Слава!», провожали до

гостиницы, где их разместили. И началась череда приглашений, встреч, обедов. На первом же обеде в Петербурге Ригер заявил: «Наибольший и первенствующий на земле народ славянский ... Но вот взошло солнце взаимности славянской, и мы убедились, что мы все один народ, убедились, что если мы станем друг друга поддерживать, мы будем народ великий не только числом своим, но и своими делами»²³.

Славян приглашали министр просвещения граф Д.А. Толстой, а также ряд частных лиц. Помимо этого 11 мая состоялся обед в Дворянском собрании, на котором присутствовал и граф Д.А. Толстой. В своей речи он подчеркнул исконные родственные связи славян, отметил общее сочувствие к ним по всей русской земле, которое не имеет какого-либо политического расчета. Он говорил о необходимости развития научных связей между славянами, которые явятся средством сближения между ними, призывал славян изучать языки и историю друг друга, устанавливать между собой тесные связи, выразил уверенность в великом будущем славянского племени. Хотя Толстой заявлял, что он выступает неофициально, но, несомненно, делал это с ведома царя²⁴. В ответном слове Ригер подчеркнул: «Если нам невозможно соединиться материально, то соединимся же по крайней мере союзом духовным». Свое выступление В.И. Ламанский начал словами, которыми Палацкий приветствовал Славянский съезд в Праге в 1848 г.: «У нашего собрания тот же всеславянский смысл, но не те же цели и побуждения... Мы изгоняем политику из дружеских бесед наших. Мы сошлись просто попить, повеселиться и порадоваться». Ламанский лукавил: уже речь, произнесенная Полит-Десанчичем на том же собрании, перечеркнула его заявление. Полит высказался откровенно: «Вопрос о судьбе славянства можем решить теперь только сами мы, славяне, и в этом случае первая роль выпадает на долю России... Россия не только русская, но и славянская, всеславянская держава»²⁵. В том же духе выступил и чех Браунер, который отметил, что идея славянской взаимности возникла на западе славянского мира «из настоящей необходимости спасти славянские народы от поглощения их чуждым элементом. Эту великую мысль может осуществить только ве-

ликий народ, являющийся полновластным господином в своей земле, и этот народ — русский, в земле которого никогда не заходит солнце»²⁶. Позднее, в выступлении на обеде в Купеческом собрании в Москве 26 мая, Полит-Десанчич высказался еще более определенно: «Расширение границ Княжества Сербского и обновление сербского царства — вот путь к решению славянского вопроса, который и состоит в братстве славянских племен под верховным главенством России»²⁷. Здесь сербский политик прямо конкретизировал цели, стоявшие перед его народом, — воссоздать Сербию в тех размерах, которые она имела во времена Стефана Душана. От имени болгарского народа Р. Жинзифов в московском Английском клубе провозгласил: «Болгарский народ вполне верит, что когда наступит пора, а эта пора недалеко, великий русский народ с радостью поспешит на помощь ему для избавления его от многовекового тяжелого ига»²⁸.

Как можно видеть, и сербы, и чехи, и болгары открыто говорили о возможности своего освобождения с помощью России. Этот вопрос не раз поднимался на встречах славянских гостей с русскими деятелями и не вызывал разногласий. Все ораторы по этому вопросу выступали согласованно. Русские славянофилы и круг лиц, близкий им, указывали на это. Все русские деятели — М.П. Погодин, М.Н. Катков, С.М. Соловьев и другие подчеркивали, что Россия не стремится к приобретению славянских земель. На прощальном ужине перед отъездом славян из Москвы М.П. Погодин заявил: «Нам ничего не надо от вас, кроме любви. Устраивайтесь, как вам угодно, как сочтете себе за лучшее, и будьте уверены во всегдашнем нашем сочувствии, во всегдашней готовности помогать вам словом, делом, помышлением на пути добра и успеха к пользе науки, просвещения, благосостояния гражданского и человеческого». В этой же речи он подчеркнул: «Мы убедились, что из всех европейских народов единственные, первые друзья России суть славяне. Точно так же убедились и вы, что вам никому надеяться не на кого, кроме русских»²⁹.

Таким образом, как славянские гости, так и их русские хозяева были едины во мнении: славяне должны быть освобождены с помощью России и затем сами создавать свои государства.

Пребывание в Петербурге дало возможность славянским гостям не только посетить Эрмитаж, Зимний дворец, Исаакиевский собор и другие достопримечательности, но и пообщаться с представителями русских властных структур. Особенно стремились к этому чехи и сербы из Княжества.

Чехи имели встречу с великим князем Константином Николаевичем 12 мая. На прием к нему были приглашены Палацкий, Ригер и Вавра, который исполнял роль переводчика. Никаких официальных источников об этой встрече не осталось, о ней можно узнать только из воспоминаний Вавры и заметок личного адъютанта великого князя — А.А. Киреева. На основании этих материалов С.А. Никитин делает небезосновательное предположение, что разговор шел о «Константиновом плане», созданном чешскими лидерами³⁰. На существование этого плана указывает ряд фактов. Перед поездкой в Россию Палацкий и Ригер отправились в Париж на переговоры с польской эмиграцией, а также для выяснения позиции французского правительства по отношению к Австрии. Поляки не поддержали план чехов. 1 (13) мая 1867 г. делегация польских эмигрантов вручила им манифест, в котором от имени польского народа выражался энергичный протест против всякой солидарности с московско-славянским съездом и безусловно отвергались союз или выражение родственной связи славян с «москалями». В манифесте открыто заявлялось, что переходя в московский лагерь, славяне будут принуждены бороться с поляками³¹. Менее известно, что в Праге 22 апреля (4 мая), накануне отъезда в Россию, чешские лидеры имели встречу с хорватским архиепископом Й.Ю. Штросмайером, который приезжал на один день в столицу Чехии. Об этом, в частности, писала петербургская газета «Биржевые ведомости», указав, что он совещался с представителями чешской национальной партии³². Скорее всего чехи и ему сообщили о своем плане. Встречи с поляками и со Штросмайером указывают на то, что чешские лидеры имели важный проект, с которым они ознакомили крупнейших деятелей славянского движения. Э. Вавра пишет в своих воспоминаниях, что согласно «Константинову плану» предполагалось создание славянского государства под покровительством

России. В его состав должны были войти славянские земли на западе от Вислы, т.е. польские и чешские, и образовать Западно-славянскую империю во главе с сыном великого князя Константина Николаевича Вячеславом (Вацлавом). Этот план был известен австрийской полиции, как пишет М. Главачка, и очень беспокоил ее. Ученый приводит материалы полицейских архивов Вены, которые указывают на присутствие в чешской делегации агентов австрийского правительства, которые сообщали своим хозяевам всё, что происходило во время поездки славян по России³³. «Константинов план» придумали чешские политики, опасавшиеся распада Австрии после неудачной австро-прусской войны и стремившиеся найти приемлемый для чехов выход. В связи с этим становится понятным, почему чехи в своих выступлениях активно будировали польский вопрос. Свои государственные планы они связывали с великим князем Константином Николаевичем и его потомством. Этот выбор не был случайным. Константина в славянских кругах считали сторонником поддержки славян со стороны русского правительства. Еще за десяток лет до Этнографической выставки свой план создания славянского государства под эгидой России написал Л. Штур. На особое доверие словацкого политика к великому князю Константину указывает тот факт, что перед смертью он просил М.Ф. Раевского передать именно ему свое сочинение «Россия и мир будущего».

Проект создания Западно-славянской империи чехи обсуждали в Петербурге не только на первой встрече с Константином. Они еще раз были в гостях у великого князя, неоднократно встречались с его адъютантом и доверенным лицом А.А. Киреевым. Последний в своем дневнике указывал, что великий князь отметил разницу в стремлениях чехов и галичан: чехи обосновывали свои желания историческим правом, галичане же стояли на «этнической почве», поскольку историческое право вело бы их к подчинению полякам. Сам Киреев старался внушить своим собеседникам мысль об отсутствии у России желания поглотить славян³⁴. Встречи с великим князем Константином произвели на чехов благоприятное впечатление.

Встречались чешские лидеры 10 мая и с А. М. Горчаковым. По мнению С. А. Никитина, чехи и Горчаков не поняли друг друга. Вавра прямо указывал, что разговор с министром чехов не удовлетворил — тот не шел дальше общих обещаний и сочувствия.

Исследование М. Главачкой венских архивов, в которых он обнаружил донесения полицейских агентов об этих встречах, дало ему возможность приоткрыть завесу тайны над переговорами чехов с Горчаковым. Главачка утверждает, что в Петербурге чешским лидерам было дано обещание, что в случае распада Габсбургской монархии Россия не допустит поглощения Чехии и Моравии Пруссией³⁵. Скорее всего вопрос о создании чешского или чешско-польского государства русские государственные деятели оставили открытым. Следует отметить, что в русской прессе суть переговоров чехов не освещалась, хотя об их встречах сообщалось.

В отличие от чехов, пребывание в России сербов подробно комментировалось русской печатью. Они тоже были приняты Горчаковым 10 мая. Однако, по словам Вавры, министр оказал сербам больше внимания, чем чехам. Он подчеркнул, что славянский юг должен быть славянским. Горчаков обещал, что Россия будет и впредь стоять «на страже интересов сербского народа». Прямым доказательством поддержки Сербии стал заем, который согласилось предоставить русское правительство и который Княжество получило к концу 1867 г.³⁶

Кульминацией пребывания славян в Петербурге явилась их поездка 14 мая в Царское село. Большинство гостей были на экскурсии. 23 человека были приняты Александром II. На приеме присутствовали сербы из Княжества (Петрониевич, Джорджевич, Шафарик, Миличевич, Тодорович), чехи (Палацкий, Ригер, Гамерник, Эрбен и, по-видимому, Вавра в качестве переводчика), русин Головацкий, болгарин Богоров, австрийские сербы (архимандрит Ковачевич, Бегович, Милутинович, Кукич, Суботич, Маткович, Полит-Десанчич), словак Есенский, лужичане Смоляр и Дучман, хорват Данило. Речь царя была краткой, но благожелательной. «Здравствуйте, господа, — сказал он. — Я рад видеть вас, славянских братьев,

на родной славянской земле. Надеюсь, что вы останетесь довольны приемом как здесь, так и особенно в Москве. До свидания!». В частном разговоре с сербами царь заявил, что помощь им он считает своим наследственным делом. Далее он выразил надежду на лучшее будущее для сербов, поинтересовался, вывели ли турки свои войска из Белграда. Отдельно удостоились разговора с царем Петрониевич, Миличевич, Шафарик, Полит-Десанчич. Александр II похвалил Полита за хорошее знание русского языка, расспросил его о сербском богослужении, а Шафарика сказал: «Мы сербов всегда считали за своих родных братьев, и надеюсь, что Бог готовит вам в скором времени лучшую будущность». На сербов произвели большое впечатление ничего не значащие слова прощания царя: «До свидания!». Киреев замечал в своем дневнике, что сербы поняли их как «до свидания в Вене и Царьграде». «На стену лезут! Мы их успокаиваем»³⁷. Особое внимание на этой встрече было уделено чехам. Александр II беседовал с Палацким, Ригером, а также с лужицким сербом Смоляром. Императрица Мария Александровна оказала внимание Палацкому, выразив сожаление, что у славян нет общей азбуки и правописания³⁸. На Палацкого большое впечатление произвело то, что царь назвал славян «братьями», как впоследствии писал его сын Ян³⁹.

Встречей с царем закончился ряд приемов славян государственными деятелями в Петербурге.

15 мая славянские гости отправились в Москву, куда они, после продолжительной остановки в Твери, прибыли 16 мая. На вокзале их встречало до 5 тыс. человек во главе с градоначальником князем А.А. Щербатовым, который преподнес гостям хлеб-соль. Любопытен факт обращения московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова к Александру II, накануне приезда славян в Москву, с просьбой объяснить, как следует принимать славян. В ответе было указано: так, как было в Петербурге⁴⁰.

В Москве славяне пробыли с 16 по 27 мая. Помимо общих мероприятий они посетили ряд частных домов. Так, их принимали: М.П. Погодин, славянофилы А.И. Кошелев, В.А. Черкасский, И.С. Аксаков; также славянские гости посетили

М.Н. Каткова, П.М. Леонтьева, А.И. Левшина, Н.В. Калачова, С.И. Барышева, С.М. Соловьева. Все они являлись представителями московской интеллигенции, сочувствовавшей славянскому делу. Именно на этих частных приемах и происходили откровенные обсуждения вопросов, интересовавших как русских хозяев, так и славянских гостей. Из числа важных чиновников в Москве славян приглашали: попечитель Московского учебного округа, археограф, князь Н.П. Мещерский и генерал-губернатор Москвы князь В.А. Долгоруков. Кроме того, славяне-медики, славяне-историки и славяне-филологи встречались со своими русскими коллегами.

На приемах в честь Этнографической выставки чехи подняли вопрос о поляках, инициатором чего был Ригер. Связано это было с тем, что, во-первых, чешские деятели либерального направления во время польского восстания 1863 г. сочувствовали повстанцам, а, во-вторых, «Константинов план», одним из авторов которого был Ригер, требовал улаживания польского вопроса. Этот вопрос был поднят 21 мая на праздничном обеде в Сокольниках. На нем И.С. Аксаков выступил с речью, в которой заявил, что сейчас в Москве проходит первая всеславянская сходка. «Призвание России, — сказал он, — осуществить на земле славянское братство и призвать всех братьев к свободе и жизни». В ответной речи Ригер выразил сожаление по поводу отсутствия поляков. Вместе с тем он сказал, что малороссийская ветвь неправдою отторгнута от русских и ее необходимо вернуть России. Подчеркнув, что восстание в Польше явилось несчастьем не только для поляков, но и для всех славян, Ригер указал, что полабские славяне погибли, потому что воевали друг с другом. Кто поручится, продолжил он, что «поляки, дождавшись своего времени, не позовут на помощь себе против русских немцев, окрепших в своей военной силе?». И далее Ригер добавил: «Поляки, ветвь западного славянства, отличная от народа русского, как по языку, так и по истории, имеют право на свое народное существование». По его мнению, русские должны благородно даровать полякам это право, «тогда вы, как победители, как сильнейшие, докажете, что вы не желали их лишать народности, что и вы готовы оказать им братскую лю-

бовь!»⁴¹. Здесь Ригер впервые публично выступил по польскому вопросу, хотя в Петербурге, в кругах, близких к великому князю Константину, как свидетельствует дневник А.А. Киреева, Ригер вел о нем переговоры⁴². Любопытно, что после выступления Ригера в Сокольниках польские газеты — «Дзенник Познански», «Час», «Дзенник Польски», «Газета народово» — обвинили его в недоброжелательном отношении к полякам.

Ригеру ответил князь В.А. Черкасский, славянофил, один из участников подготовки крестьянской реформы в России и Польше, в 1864–1867 гг. занимавший должность главного директора, председательствующего в Правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского. Указав, что Александр I даровал полякам Царство Польское, пользовавшееся многими правами, он подчеркнул, что поляки сами виноваты в уменьшении своих прав, поскольку дважды, в 1830 и 1863 гг., восставали против России. Затем Черкасский отметил, что российское правительство всячески способствует развитию польского народа: поляки получили суд присяжных раньше, чем русские и малороссы, в польских губерниях больше учебных заведений (гимназий), чем в русских и малороссийских; наконец, поляки платят более низкий подушный налог, чем жители остальной России. Черкасский подчеркнул, что польские крестьяне лично благодарили его за крестьянскую реформу. Поляки же, продолжил он, всячески притесняют русское население в Галиции⁴³. Спустя несколько дней после встречи в Сокольниках, 25 мая, на Парижской выставке было совершено неудачное покушение на Александра II поляком Березовским. После этого польский вопрос больше не возникал⁴⁴.

С.М. Соловьев и Ф.В. Чижов, выступавшие после Черкасского, попытались сгладить резкость высказываний предыдущих ораторов. Соловьев отверг утверждение об исконной славянской розни, указав, что победы славян над врагами не были бы возможны, если бы это было так. «Покинем же печальную мысль о славянской розни, — заключил он, — и будем уповать, что скоро, очень скоро чужие народы вместо славянской розни станут указывать на славянское примерное единодушие»⁴⁵.

Вечером 16 мая на ужине, данном в честь гостей, М.П. Погодин подчеркнул: «Россия выросла из Москвы; в Москве зародилась и укрепилась мысль о славянском единстве». И.С. Аксаков назвал Этнографическую выставку первым праздником всеславянства. В ответном слове Ригер сказал, что призвание Москвы — развитие славянской идеи, славянского братства и всеславянской взаимности. Этими выступлениями как бы была заложена программа обсуждений на московских встречах.

17 мая состоялась экскурсия по Кремлю, а затем славянские гости осматривали Этнографическую выставку. Этот осмотр, ради которого они официально приехали в Россию, продолжался всего несколько часов. 18 мая состоялось заседание профессуры Московского университета, на котором, кроме гостей, присутствовали представители 18 научных обществ. В выступлениях затрагивались вопросы общения славян в области науки.

На московских встречах обсуждались две важных проблемы, которые волновали славянскую общественность: польская, о чем речь шла выше, и принятие славянами общеславянского языка. Русские славянофилы стремились добиться этого. Вопрос о русском языке как общеславянском в открытых выступлениях чаще всего поднимался М.П. Погодиным⁴⁶.

Относительно того, каким должен быть общеславянский язык, большинство русских деятелей поддерживали мнение Погодина. За принятие русского языка в качестве общеславянского особенно горячо ратовали такие известные журналисты как М.Н. Катков (редактор «Московских ведомостей»), А.А. Краевский (редактор петербургской газеты «Голос») и др.⁴⁷. Что касается славянофилов Ламанского и Попова, которые еще до съезда пропагандировали русский язык в качестве общеславянского литературного языка, то на съезде они ограничились только смутными намеками в этом плане⁴⁸.

Но всё же некоторые русские деятели выступили по этому вопросу. Так, секретарь Общества любителей российской словесности П.К. Щербальский 20 мая, на заседании Общества со славянскими гостями, призвал славян принести свои местные наречия «в общую сокровищницу всеславянского слова».

Над всеми славянскими наречиями, по его мнению, должен распространиться «один литературный язык, общий каждому образованному славянину от Адриатического моря и Праги до Архангельска и Тихого океана». Щебальский не указывал прямо, какой язык должен стать общим литературным языком для славян, но был убежден, что каждое славянское племя, к какому вероисповеданию оно бы ни принадлежало и какова бы ни была форма его правления, должно сделать этот будущий язык «органом взаимного общения»⁴⁹. Как можно видеть, Щебальский скорее всего полагал, что общеславянским литературным языком должен стать некий искусственный язык, вобравший в себя всё лучшее из местных славянских наречий. Щебальскому была близка теория создания общеславянского языка, высказанная М. Маяром в 1865 г. в Праге в книге «Vzajemna slovnica ali mluvnica slavjanska» («Взаимная славянская грамматика»).

На обеде, данном профессурой Московского университета 19 мая, знаменательную речь по поводу общеславянского языка произнес Ригер. «Липа славянская не выиграла бы в красоте, — сказал он, — если бы вы отсекали ее ветви, оставили ее ствол ... Одна мысль должна руководить нами ... мысль о том, что мы призваны сообща работать для одной цели, для нравственного возвышения всего славянства, что мы согласием всех отдельных племен славянских должны выработать красоту одного духовного целого, посредством свободного, но согласованного соревнования»⁵⁰. Таким образом, Ригер выступил против создания общеславянского языка, выразив мнение чешской делегации. Палацкий в частной беседе признал такой язык бесполезным. Позднее, в 1872 г., он выразился еще более определенно: «Все мы славяне тем охотнее будем учиться русскому языку, чем более поучительного и утешительного будет нам представлять русская литература; но из-за этого мы никогда не покинем и не пренебрежем своим собственным языком и литературой»⁵¹.

Сербские деятели также не поддерживали идею принятия русского языка в качестве общеславянского. Сербский студент из Вены В. Джорджевич, глава студенческого общества «Зора», сказал: «Если бы все славянские литературы приняли это предложение и начали писать одним общим языком, чего достигли

бы они этим? Они бы создали среди славянских народов одну касту литераторов, самые же народы не понимали бы собственной литературы»⁵².

Интересно, что присутствовавшие на Этнографической выставке зарубежные сторонники единого общеславянского языка — Маяр, Ливчак, Головацкий — не выступали по этому вопросу. Его затронули только Радлинский и болгарин Богоров, указавший, что у славян должна быть общая литература, «и для этого мы уже имеем язык готовый, язык русский»⁵³.

Помимо вопросов о поляках и общеславянском языке, по которым славянам и русским не удалось достичь согласия, на частных встречах в Москве обсуждались вопросы, которые вполне поддерживались обеими сторонами. 18 мая, на заседании профессуры Московского университета, ректор Московского университета С.И. Барышев заявил, что самым сильным средством объединения славян является наука. Его поддержал профессор Ю.И. Железнов (Общество испытателей природы), призвавший регулярно созывать славянские научные съезды. С.М. Соловьев, выступивший от имени Археологического общества, сказал, что занятие русской археологией невозможно без знания археологии славянской. Помимо этого он сообщил об избрании Обществом почетными членами Палацкого, Эрбена, Вртятко, Коларжа, Патеры, Смоляра и Головацкого.

На обеде 19 мая профессор Г.Е. Щуровский поднял вопрос об издании журнала «Славянское обозрение», в котором публиковались бы статьи по этнографии, истории, филологии славян, отмечались бы их успехи в науке. Свою речь он закончил здравицей в честь тех славянских деятелей, которые прислали на Этнографическую выставку самые богатые дары: Головацкого, Маяра, Эрбена, Лая, Вукашиновича, Матковича, Миличевича, Годоровича, Молчана. Браунер поднял тост в честь Московского университета, Попов — в честь Пражского, Львовского и будущего Загребского университетов⁵⁴.

22 мая, на приеме у Н.В. Калачова, председателя Общества любителей российской словесности, обсуждался вопрос об организации книжной торговли между славянами. Утром 26 мая наиболее видные славянские деятели — Ригер, Палац-

кий, Я. Шафарик, Суботич, Гай, А. Петрониевич, В. Ламбли, по-видимому, Маяр — договорились о необходимости составления сравнительной грамматики и общего словаря всех славянских наречий. Снова был поднят вопрос об общеславянском журнале, в котором должна была быть отражена научная и литературная жизнь славян. В своем дневнике Погодин писал, что статьи в нем публиковались бы на всех славянских языках с кратким резюме⁵⁵.

Вечером того же 26 мая на обеде в Купеческом собрании Полит-Десанчич высказал пожелание, чтобы Россия взяла на себя решение славянского вопроса.

Во время пребывания гостей в Москве некоторые из московских ученых вместе с рядом славянских политиков образовали комитет, который С.А. Никитин назвал комитетом по организации съездов. В него входили: М.П. Погодин, И.С. Аксаков, М.Н. Катков, Н.А. Попов, профессор кафедры славянских наречий Харьковского университета П.А. Лавровский, профессор математики Московского университета Н.Б. Бугаев, Я.Ф. Головацкий, Й. Суботич, М. Полит-Десанчич, Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Г. Эрбен⁵⁶. На заседании этого комитета выступил Палацкий. Указав, что австрийское правительство считало, что чешское движение замрет, лишённое поддержки и помощи, он заявил: чешское движение уже не ручеек — перед ним лежит славянское море. Палацкий полагал, что славянское единство проявляется в виде научно-литературного общения славян и содействия развитию славянской солидарности. После Палацкого выступил Попов, который подчеркнул взаимную любовь чехов и русских⁵⁷.

В постановлении, которое приняли члены комитета по организации съездов, говорилось: «Сознавая необходимость содействовать общению и единению славян, мы на первом Московском съезде постановили:

1. Собираться по крайней мере раз в два года на всеславянский съезд в наперед установленном месте.

2. На этих съездах будут подвергаться свободному обсуждению различные вопросы в видах научного, литературного, художественного и вообще нравственного сближения славян.

3. Эти вопросы и частные соображения по ним могут быть подготовлены на местных славянских съездах.

4. Время для общеславянских съездов назначается с 1 августа по 1 сентября».

Постановление было составлено на русском и чешском языках. Чешский текст был опубликован в газете «Народни новины» («Narodni noviny»). Постановление подписали 2/3 славян, приехавших в Москву. Этот документ включал те пункты, по которым удалось договориться всем членам комитета по организации съездов. Вместе с тем на его заседаниях обсуждались и другие вопросы, которые не нашли поддержки всех присутствовавших. Так, М.Н. Катков выдвинул предложение создать единую Всеславянскую Матицу, но его не поддержали чехи и сербы⁵⁸.

27 мая славянские гости вновь отправились в Петербург. Там они посетили Павловск, Кронштадт, были приняты в Павловске великим князем Константином Николаевичем. Перед отъездом на родину 3 июня славяне подписали адрес хозяевам, в котором, в частности, говорилось: «Мы, сыны различных племен славянских, трудящиеся преимущественно над их образованием, нашли приятный случай взаимно узнать друг друга, узнать ближе свою родственную связь и потребность посвящать более забот тому делу, которому все мы должны желать как можно более быстрого и стойкого успеха вообще и особенно в кругу науки; мы высказали друг другу свои чувства, свои братские советы, свои желания, свои надежды. Таким образом, как наше посещение России подало нашим братьям возможность узнать во многом нас и наши народные стремления, так и нам посчастливилось ближе узнать Русь посредством сближения как с передовыми ее людьми, так и вообще с народом». С большим уважением славянские гости отозвались о русском народе как о народе, в котором пробудилось и мощно развивается сознание кровного родства со славянами и братское сочувствие к ним. «Народ великий, не только по числу, — говорилось в послании, — но и по успехам образованности, которые он сделал в такое короткое время и при таких неблагоприятных обстоятельствах, великий и по высокому пониманию значе-

ния своего в истории человечества, и по прекрасным, твердым основаниям, полагаемым им к возвышению своей образованности и всестороннего своего преуспеяния». В конце адреса славянские гости выразили свою благодарность императору, императорской семье и «всем, от которых шли незабвенные нам свидетельства братского расположения»⁵⁹.

* * *

Что же собою представлял Славянский съезд в Москве, каковы были его итоги и значение для дальнейшего развития славянской идеи? В результате проведения съезда усилился интерес к славянам в России, особенно в российском обществе. Под его влиянием, помимо Московского славянского благотворительного комитета, в России были созданы и другие общества помощи славянам: в 1868 г. возникло Петербургское отделение Славянского комитета, в 1869 г. появился Славянский комитет в Киеве, в 1870 г. — в Одессе.

Хотя С.А. Никитин считал, что сознательные симпатии к славянам после их приезда устойчиво сохранились только в узком кругу, всё же, подчеркивал он, Славянский съезд не прошел бесследно и для широких слоев русского общества. «В тайниках общественного сознания, — пишет он, — остались какие-то следы славянских увлечений 1867 г. Они объясняют ту мощную реакцию русского общества, по преимуществу средних и низших кругов его, на призывы к славянской солидарности, которая обнаружилась восемью годами позже»⁶⁰. Никитин здесь подразумевает то движение горячего сочувствия и помощи славянам, которое возникло в России в связи с началом Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг.

Большое впечатление события 1867 г. произвели и на славянские народы. Известный словенский либеральный деятель Й. Вошняк много лет спустя писал в своих воспоминаниях: «Большую сенсацию по всей Европе вызвал торжественный и воодушевленный прием славянских гостей на русской земле, особенно торжественная аудиенция, на которой царь Александр II принял в Царском селе славянских гостей ... Обращаясь ко всем, он сказал для того времени действительно много-

значительные слова: “Сердечно приветствую вас. Очень рад, что вижу своих родных братьев здесь на родной славянской земле”. Также и в Москве был величественный и воодушевленный прием»⁶¹. По сообщению словенской либеральной газеты «Словенски народ», в одном из майских номеров чешской газеты «Народни листы» («Narodni listy») отмечалось: «Как у нашего народа, так и австрийских славян путешествие в Россию оставило глубокий след. Оно как пробудило мощное сознание общих интересов, так и оживило в груди всех славянских племен тлеющее чувство братства, зародило в мыслях славян стремление к взаимному сближению и взаимной помощи»⁶². В чешских землях усилился интерес к России. Многие чехи, особенно из молодежи, стремились уехать туда и найти там работу. За несколько месяцев после Славянского съезда Ламанский и чех Шрамек, проживавший в Петербурге, получили более двух тысяч писем от чехов, желавших получить место в России⁶³.

Среди национальных деятелей славян усилились русофильские настроения. Это выразилось, в частности, в стремлении молодежи, прежде всего студентов, семинаристов и учащихся старших классов гимназий, изучать русский язык. Эту тенденцию уловил М.Ф. Раевский. По его инициативе в 1868 г. в Вене было создано общество русинских студентов Русская основа. В нем проводились занятия по русскому языку, которые посещали члены всех славянских студенческих обществ. Славянские читальни тоже организовывали изучение русского языка. Петербургское отделение Славянского благотворительного комитета на своем заседании от 3 мая 1870 г. постановило составить список всех славянских читален с тем, чтобы снабжать их русскими книгами, газетами и журналами⁶⁴.

Чешские деятели в целом также были довольны поездкой в Россию. Ригер не отбросил «Константинов план», но только видоизменил его. Поняв, что ни поляки, ни русские не желают создания чешско-польского государства, он выдвинул идею образования чешского государства, надеясь при этом на поддержку России и Франции. Его должен был возглавить, как и в первом варианте, сын великого князя Константина Николаевича

ча Вячеслав. Ригер полагал, что через 20 лет его существования в нем будет введен русский язык. Младочехи были еще более воодушевлены своей поездкой в Россию. Ю. Грегр писал, что русские сохранили многие остатки патриархального славянского быта, в основе которого доминируют демократические черты. Вавра, вернувшись в Прагу, издал брошюру «Размышление о славянском единстве» («Hlase o slovanske jednoste»), в которой писал о необходимости не только литературного, но и политического объединения славян. В июле 1867 г. газета «Народни новины» («Narodni noviny») писала, что в России политическая свобода не меньшая, чем в Австрии⁶⁵.

В целом были довольны и сербы Княжества, которые получили денежный заем, а также прямое обещание русских властей поддержать их, в случае необходимости, в борьбе против турок. С.А. Никитин делает вывод, что надежды славян после поездки в Москву, возникшие у них в условиях борьбы против угнетателей, стали «основой широко распространенных, хотя и неглубоких симпатий к северным братьям»⁶⁶. И в этом он, несомненно, прав. Можно только оспорить его утверждение о том, что они были неглубоки. Эти симпатии, меняя свою форму (панславизм, неославизм и др.), сохранялись у славян до конца Первой мировой войны (1918 г.).

Давая оценку Славянскому съезду 1867 г., С.А. Никитин пишет: «Встречи от границы до Петербурга были только введением к съезду, но по существу с ним съезд уже начался... И уже на пути к Петербургу раздавались речи, в которых было намечено всё то, что затем в разных вариациях говорилось в Петербурге и Москве»⁶⁷. Близкой к этой точки зрения придерживалась и М.Ю. Досталь. Это не был в привычном понимании слова съезд, отмечает она: «Не было пленарных и прочих заседаний, выступлений с докладами, их обсуждения, а были банкеты, молебны, рауты, аудиенции, осмотр достопримечательностей, музеев и выставок, были речи, тосты, выступления, дружеские беседы, на которых как раз и обсуждались волнующие тогда славян проблемы. Поэтому это общественно-политическое и культурное турне в определенной степени выполнило задачи славянского съезда»⁶⁸. Я согласна с мнением С.А. Никитина

и М.Ю. Досталь — действительно, славянский вопрос стал обсуждаться с самого начала приезда славян в Россию, и это обсуждение окончилось с их отъездом на родину.

И еще одну особенность Славянского съезда отмечает С.А. Никитин: первоначально правительство держалось довольно сдержанно по отношению к славянам, но «затем содействовало привлечению особого общественного внимания к славянским гостям»⁶⁹. Хотелось бы несколько дополнить это замечание. Русские властные структуры не только способствовали привлечению внимания русской общественности к приезду славянских гостей, но также вели активные переговоры со славянскими деятелями по интересующим их вопросам. В них участвовали министр иностранных дел князь А.М. Горчаков, великий князь Константин Николаевич, министр народного просвещения граф Д.А. Толстой и даже царь Александр II, который выступал в качестве инициатора создания доброжелательного отношения к славянам. С русскими государственными деятелями славянские лидеры обсуждали наиболее важные вопросы: «Константинов план», гарантии от турецких происков против полунезависимых Сербии и Черногории и др. Таким образом, эти беседы славян с русскими политиками вполне входили в круг обсуждений, которые вели на Славянском съезде общественные деятели. На мой взгляд, следует говорить не только о продолжении Славянского съезда во всё время пребывания славян в России, но и об участии в нем русских государственных деятелей.

Можно оспорить мнение С.А. Никитина о явной политической неудаче съезда⁷⁰. Сербия получила заем и обещание помощи Княжеству Сербия в его конфликтах с Турцией, австрийские славяне — поддержку своих национальных обществ, которая была широко развернута славянскими благотворительными комитетами России. И хотя вопрос о принятии русского языка в качестве общеславянского не получил поддержки со стороны славян, а в отношении поляков не было единства среди русских и славянских деятелей, все славяне убедились в сочувствии им как со стороны русского общества, так и со стороны русских правящих кругов. Это способствовало росту русо-

фильства среди славян, усилению их надежд на освобождение от чужеземного гнета при поддержке России. Такие надежды укрепились в результате победы России в войне с турками в 1877–1878 гг. Это ясно выразил в своей статье в московской славянофильской газете «Современные известия» словенский либерал Павел Турнер: «Балканские славяне, — писал он, — очень хорошо знают и чувствуют, что всем, что они есть и чем могут сделаться, они обязаны одной России. Австрийские славяне также понимают и чувствуют, что их национальное существование и дальнейшее освобождение обуславливаются сохранением могущества России»⁷¹.

Примечания

¹ *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 91.

² Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975. С. 273.

³ Цит. по: *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 171.

⁴ Цит. по: *Главачка М.* Еще раз о поездке австрийских славян в Россию в 1867 г. // *Славяноведение*. 2007. № 1. С. 61.

⁵ *Никитин С.А.* Славянские съезды шестидесятых годов XIX века // *Славянский сборник*. Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах. М., 1948. С. 21.

⁶ Там же. С. 22.

⁷ *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 171–173.

⁸ Там же. С. 167.

⁹ Зарубежные славяне и Россия. С. 268.

¹⁰ *Рокина Г.В.* Канун славянского съезда 1867 г. Трактат Л. Штура «Славянство и мир будущего» // *Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения*. М., 1998. С. 89.

¹¹ *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 36, 37.

¹² Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867 (далее — Всероссийская этнографическая выставка). С. 86.

¹³ *Ратнер Н.Д.* Программа и тактика чешской буржуазии в 1860–1867 гг. // *Ученые записки Института славяноведения АН СССР*. Т. 14. М., 1956. С. 116–117.

¹⁴ Всероссийская этнографическая выставка. С. 102, 103.

¹⁵ Биржевые ведомости. 7 мая 1867 г.

¹⁶ *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 174, 175.

¹⁷ *Главачка М.* Указ. соч. С. 56.

¹⁸ *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 25, 26.

¹⁹ Там же. С. 31–33.

²⁰ *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 175–180.

²¹ *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 21–23.

²² Всероссийская этнографическая выставка. С. 161, 164.

- 23 Там же. С. 179, 180.
- 24 *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 43.
- 25 Всероссийская этнографическая выставка. С. 203–208.
- 26 Там же. С. 209.
- 27 Там же. С. 399.
- 28 Цит. по: *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 55.
- 29 Всероссийская этнографическая выставка. С. 407.
- 30 *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 196, 197.
- 31 Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд 1867. М., 2017. С. 146.
- 32 Биржевые ведомости. 28 апреля 1867 г.
- 33 *Главачка М.* Указ. соч. С. 62, 63.
- 34 *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 197.
- 35 *Главачка М.* Указ. соч. С. 63.
- 36 *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 42, 43.
- 37 *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 195.
- 38 Всероссийская этнографическая выставка. С. 231–233.
- 39 *Досталь М.Ю.* Славянский съезд 1867 г. в С.-Петербурге и Москве // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 106, 107.
- 40 *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 44.
- 41 Всероссийская этнографическая выставка. С. 340–347.
- 42 *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 202.
- 43 Всероссийская этнографическая выставка. С. 356–362.
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 230.
- 47 *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 63–66.
- 48 Там же. С. 68.
- 49 Всероссийская этнографическая выставка. С. 339.
- 50 Там же. С. 246–303.
- 51 Цит. по: *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 53.
- 52 Всероссийская этнографическая выставка. С. 365, 366.
- 53 *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 54.
- 54 Всероссийская этнографическая выставка. С. 258–277.
- 55 Русский. 5 июня 1867 г. С. 21, 22.
- 56 *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 230, 231.
- 57 *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 69.
- 58 Там же.
- 59 Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд 1867. М., 2017. С. 553–555.
- 60 *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 258, 259.
- 61 *Vošnjak J.* Spomini. Ljubljana, 1906. S. 247, 248.
- 62 Slovenski narod. 20. 12. 1870.

- ⁶³ *Жакова Н.К.* Славянские гости на Этнографической выставке 1867 г. // Россия и славянский мир на Этнографической выставке 1867 г. СПб., 2009. С. 23.
- ⁶⁴ Русско-словенские отношения в документах (XII в. — 1914 г.). М., 2010. С. 249.
- ⁶⁵ *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 75–78.
- ⁶⁶ Там же. С. 81.
- ⁶⁷ Там же. С. 35.
- ⁶⁸ *Досталь М.Ю.* Указ. соч. С. 95.
- ⁶⁹ *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 91.
- ⁷⁰ Там же. С. 81.
- ⁷¹ Современные известия. 15 сентября 1879 г.

Москва в жизни болгарского публициста Райко Жинзифова

Москва, сердце России, была знаменита не только своими древностями, Кремлем, церквями, театрами, дворянскими усадьбами, купеческими предприятиями, но и Московским университетом, основанным в 1755 г. Реорганизация всей системы образования в России, проведенная Николаем I в 1830-х годах, сопровождалась значительным увеличением финансирования, благодаря чему основывались библиотеки, приобреталось необходимое оборудование, создавались лаборатории, музеи, обсерватория, совершенствовалась издательская деятельность, выросло жалование учителей, преподавателей (профессорско-преподавательского состава университетов — в два с половиной раза), академиков. Эти меры были нацелены на повышение престижа этих профессий, рост уровня преподавания, привлечение новых кадров. Московский университет в эти годы становится настоящим центром научной, общественной и культурной жизни города. Своим воспитанникам Московский университет, помимо значительного багажа знаний, дарил незабываемые впечатления от обучения в удивительной атмосфере, создаваемой профессурой и студенческой средой. Годы, проведенные в его стенах, оставляли неизгладимый след в жизни тех, кому посчастливилось получать здесь образование.

В XIX веке слава Московского университета притягивала и славянскую молодежь из Османской империи. К тому же на историко-филологическом факультете в 1835 г. появилась кафедра истории и литературы славянских наречий, которую по возвращении из зарубежной командировки (в 1842 г.) занял ревностный почитатель, знаток и пропагандист славяноведения О.М. Бодянский.

Первым болгаринем, приехавшим в Москву с Балканского полуострова, был Георгий Илиев Бусилин (1820–1845), уро-

женец города Калофера. В 1841 г., после окончания афинской гимназии, он выбрал для продолжения образования именно историко-филологический факультет Московского университета. Молодого человека, который являлся казенным стипендиатом, взял под свою опеку профессор университета М.П. Погодин. Он не только поселил Бусилина в своем доме, но и предоставил ему возможность подработать, разбирая архив известного историка Ю.И. Венелина (1802–1839)¹. В свое время Погодин покровительствовал Венелину и после его смерти способствовал публикации его работ, будучи секретарем (в 1836–1845 гг.) Общества истории и древностей российских, в 1840-е годы превратившегося в крупный центр славистических исследований. Вероятно, не случайно, что и Бусилин, еще в Афинах являясь членом «Славяно-болгарского ученолюбивого общества», в годы учебы в Московском университете был полон дум и забот о просвещении своего народа. Именно здесь он написал «Болгарский букварь», который в 1844 г. был издан в университетской типографии на средства проживавшего в Москве болгарина-купца из Русе А.Н. Хаджоглу — «для раздачи в дар учащимся юношам».

В 40–50-е годы XIX в. в Московском университете училось немного болгар. Среди них — уроженец г. Елены Н.С. Михайловский (брат известного деятеля Болгарского возрождения Иллариона Макариопольского), И. Шопов из Калофера, Н. Катранов из Свиштова, С. Филаретов из Жеравны, С.Н. Палаузов. И это понятно, поскольку в университете было выделено всего одно место казеннокоштного студента (сначала его занимал Бусилин, затем Шопов), а также имелась стипендия московского купца второй гильдии болгарина И.Н. Денкоглу, который в 1844 г. пожертвовал Московскому университету сумму в 4235 руб. 11 коп. с тем, чтобы на проценты с нее обучался один болгарский студент (в разные годы это были Михайловский, Филаретов, Катранов)².

После поражения в Крымской войне 1853–1856 гг. одной из мер в устранении его негативных последствий (из-за которого Россия ставилась в один ряд с европейскими странами в плане покровительства христианам Османской империи, что

неминуемо должно было минимизировать ее традиционное влияние на балканских славян) являлось увеличение числа стипендий для славянской молодежи в учебных заведениях России. Было выделено 10 казенных стипендий в военно-учебных заведениях, 75 стипендий в духовных семинариях и академиях (с 1856 г.); начиная с 1860 г. министерству народного просвещения ежегодно ассигновывалось 5000 руб. сер. для образования в русских гимназиях и университетах славян из Османской империи³. Славянский благотворительный комитет, образованный в Москве в 1858 г., также имел значительное число своих стипендиатов. Принято считать, что до 1878 г. в России получили образование около 700 болгар⁴.

После 1856 г. в Москву на учебу устремились многие болгары, ставшие впоследствии видными деятелями Болгарского возрождения, а также представителями культуры, науки, образования и политики Болгарского княжества: братья Любен и Петко Каравеловы, Марин Дринов, Нешо Бончев, Васил Попович, Христо Стоянов и др. Среди этой плеяды имен ярко горит звезда Райко Жинзифова, поэта, переводчика, писателя, публициста.

Его жизненный путь и творческая деятельность достаточно хорошо изучены благодаря исследованиям болгарских, македонских и российских ученых — С.С. Бобчева, П. Орешкова, И. Конева, Д. Лекова, Л. Минковой, Ф. Милошевски, Б. Конески, Г. Тодоровски, Л.С. Ерихонова, А.А. Улуныяна, М.Г. Смольяниновой, М.Л. Бершадской, М.Б. Проскурниной и др. И тем не менее архивные находки, новые публикации источников и внимательный анализ уже известных документальных материалов позволяют осветить новые грани в биографии Жинзифова.

Райко Жинзифов родился в 1839 г. в г. Велесе (Македония), в семье учителя Ивана Жинзифа (Дзиндзифи)⁵, который, будучи почитателем эллинской культуры, прекрасно владел греческим языком и знал греческую литературу. Не случайно поэтому и его сын получил образование на греческом языке⁶, закончив греческое училище. Имя его тоже было вполне греческим — Ксенофонт. Молодой человек желал продолжить свое образование, но домашние обстоятельства не позволили ему

поступить в Афинский университет, где обучалось большинство его сверстников из Македонии. Ему пришлось идти работать, так как его отец, «принужденный бросить свое семейство», вспоминал впоследствии Жинзифов, оставил его «без куска хлеба», и забота о матери, младших сестре и брате легла на плечи практически мальчика⁷. В 1855 г., в свои неполные 16 лет, Ксенофонт нашел место младшего преподавателя в училище в Прилепе, где старшим учителем был «горячий защитник славянства»⁸ Димитр Миладинов*. Именно он «отвратил» одаренного юношу от эллинофильства, раскрыл красоту болгарских песен и привлек его к их собиранию. Именно Миладинов стал звать Ксенофонта болгарским именем Райко⁹.

В конце 1857 г. Миладинов отправил своего молодого коллегу учительствовать в город Кукуш. Об этом времени Жинзифов сообщал в своей биографии, при этом о себе он писал в третьем лице: «С переездом его в этот небольшой городок, населенный исключительно болгарами, в нем впервые был введен болгарский язык и болгарская грамота; до этого времени как в церкви, так и в училище господствовал исключительно один греческий язык, хотя преподаватели были природные болгары. У Жинзифова стали учиться болгарскому языку не только мальчики, но и взрослые — юноши, люди женатые и даже священники, ибо в церквях надлежало заменить греческое богослужение славянским»¹⁰. Данный пассаж наглядно демонстрирует состояние национального просвещения в южной Македонии в 50-е годы XIX в. и рвение молодого учителя.

В июле 1858 г., при содействии русского общественного деятеля А.В. Рачинского (впоследствии, в 1861–1862 гг., русский консул в Варне), Димитр Миладинов направил на учебу в Россию восемь болгаро-македонцев, в числе которых был и Жинзифов. Прибыв в Одессу, он разыскал Г.С. Раковского (1821–1867), который в то время работал воспитателем болгарских учащихся в херсонской семинарии, и передал ему письма Миладинова. Раковский произвел на молодого человека столь

* Димитр (около 1810–1862) и Константин (около 1830–1862) Миладиновы — братья, деятели болгарского национального Возрождения, фольклористы и просветители в Македонии.

огромное впечатление, что Ксенофонт наконец-то решил сменить свое греческое имя на болгарское Райко, — именно так, как упоминалось выше, к нему обращался Д. Миладинов¹¹. Правда, официальные бумаги, публикации в русских газетах, свои письма к русским адресатам Жинзифов всё же подписывал не Райко, а Ксенофонт, и в Москве к нему обращались — Ксенофонт Иванович. Но для болгар он был Райко.

Жинзифов был принят в херсонскую семинарию. Однако младший брат Д. Миладинова, Константин, учившийся на историко-филологическом факультете Московского университета, вызвал Ксенофонта-Райко в Москву. В конце 1858 г. он стал стипендиатом Славянского благотворительного комитета, а в 1860 г., сдав экзамены, поступил в Московский университет. Как и все «питомцы» Славянского комитета, Жинзифов получал стипендию в 20 руб. сер. ежемесячно. Для русского студента это была приличная сумма, но болгарину, которого московский климат заставлял тратиться на теплую одежду и иметь другие дополнительные расходы, этих денег было недостаточно. Без сомнения, нужды славянских учащихся московские благотворители хорошо знали, старались не отказывать им в помощи, но финансовое положение Комитета в первые годы его существования было тяжелым, так как его капитал собирался из частных пожертвований, которые поступали весьма нерегулярно и в недостаточном объеме¹². К тому же не следует забывать, что в пореформенные годы доходы помещиков, которые составляли большую часть членов Комитета, значительно сократились. И.С. Аксаков, секретарь и казначей правления Комитета, в июле 1861 г. писал: «Денег нет ни у кого. Дороговизна такая, какой в Европе нигде нет»¹³. Соглашаясь принять в число воспитанников Комитета, по ходатайству сербского митрополита Михаила, Васу Пелагича (1838—1899), в будущем известного деятеля национально-освободительного движения Сербии, Боснии и Герцеговины, Аксаков предупреждал о скромном размере пособия: «С этим можно, конечно, жить, но жить тесновато. Не более этого мы выдаем и болгарским студентам (о которых вообще надобно сказать, что они учатся отлично)»¹⁴. В 1862 г. от Славянского комитета на пособие

17 болгарам в Московском университете, стипендиатам министерства народного просвещения, в списке которых значилось и имя Жинзифова, выделялось 1500 руб.¹⁵.

Жинзифову-студенту катастрофически не хватало денег. Сохранилось несколько его писем от 1860 г., из которых видна беспросветная нужда его московской жизни. Через знакомого, богатого торговца Хр. Тыпчилештова (1808—1875), одного из руководителей болгарской общины в Константинополе, он пытался разыскать своего отца, который не отвечал на его письма. Помимо естественной сыновней обеспокоенности, молодой человек лелеял надежду, что отец всё же поможет ему деньгами. Хотя он всегда помнил правило, которое отец ему постоянно твердил: «Если ты умный, то ты сам себе приобретешь деньги, средства для жизни, а если ты выйдешь негодяем, то нисколько не поможет тебе твое наследство, оставленное тебе мною»¹⁶. Отчаяние из-за тяжелого материального положения прорывается в словах Ксенофонта в письме к Хр. Тыпчилештову от 12 ноября 1860 г.: «Тяжело и горько тому юноше, которому случится приехать в Москву и учиться с пустым кошельком. Поэтому я никому не советовал бы оставлять Константинопольское училище, не имея необходимых средств»¹⁷.

Славянский комитет содействовал молодым болгарам в поиске дополнительных заработков. Известно, что Жинзифов работал в Чертковской библиотеке, правда, сведение это не конкретизируется.

Нужно сказать, что после смерти историка, библиографа, собирателя уникальной коллекции книг и рукописей А.Д. Черткова (1789—1858) его сын Г.А. Чертков, «в память своего отца», решил открыть в Москве первую бесплатную библиотеку. В 1859 г. он пригласил в качестве заведующего П.И. Бартенева (1829—1912), «человека ума оригинального», «глубокого знатока русской истории и литературы XVIII—XIX вв., истинного труженика на пользу изучения родной старины»¹⁸. Пока строилось для библиотеки великолепное здание в два этажа на ул. Мясницкой, Бартеневу предстояло разобрать книги, рукописи и карты, составить и издать полный каталог, который, по его мнению, «должен был сделаться одним из существенных

приобретений русских ученых литератур»¹⁹. Но дело это было весьма нелегкое, требовавшее много времени и сил. Не случайно поэтому, что когда в начале 1863 г. Чертковская библиотека распахнула двери своим читателям, ее полный каталог всё еще не был напечатан.

С 1858 г. Бартенев являлся членом Славянского комитета, в 1862 г. он вошел в комиссию, которой было поручено ведать делами болгарских студентов — воспитанников Комитета. Советский филолог Л.С. Ерихонов, обнаруживший письма Жинзифова в архиве П.И. Бартенева, полагал, что их знакомство состоялось в конце 1860 г. или начале 1861 г., поскольку первое письмо болгарского студента датируется 11 февраля 1861 г. А в нем Жинзифов отметил, что он уже два раза «имел счастье» быть в доме библиографа²⁰. На наш взгляд, их первая встреча могла произойти и раньше, а рождение теплых отношений действительно нужно относить ко времени, которое указал Ерихонов. И то, что в своем первом письме к Бартеневу Жинзифов просил, чтобы при случае Петр Иванович или И.С. Аксаков рекомендовали его учителем древнегреческого или новогреческого языков в какую-нибудь «фамилию» греческую или русскую²¹, свидетельствует в пользу нашего предположения: малознакомого человека не станут направлять домашним учителем в приличную семью.

Бартенев предложил Жинзифову потрудиться в Чертковской библиотеке летом 1862 г. во время его отсутствия (Бартенев вместе с семьей намеревался уехать на несколько месяцев из Москвы). Ксенофонт «чрезвычайно обрадовался» возможности заработать. В восьми письмах (с 29 июня по 2 сентября 1862 г.), адресованных Бартеневу, он отчитывался о своей деятельности в библиотеке: в ней он находился с 8 час. до 14 час., затем уходил, предварительно закрыв окна и двери, и возвращался в 16 час. Молодой человек следил за порядком, а также занимался разными хозяйственными делами: принимал книги от переплетчиков, общался со столярами, которым заказывали столы и шкафы для библиотеки, заплатил 30 руб. сер. за доставленную в библиотеку пожарную трубу. Ее установили «в нужном месте», наполнив водой на случай пожара; но,

к счастью, в то лето ничего не горело в прилежавшем к дому Черткова районе Москвы. В конце августа от князя А.Н. Голицына, зятя А.Д. Черткова, привезли несколько десятков ящиков с книгами — великолепную библиотеку, собранную «с необыкновенной тщательностью» под руководством А.Д. Черткова²². Но Жинзифов не знал, где и как разместить щедрый дар князя.

Любопытно, что в этом «дворце Креза» (так болгарский студент называл роскошный особняк Черткова) он рассуждал о пользе книг и науки «при настоящих нравах наших или ваших, при настоящих условиях городской жизни». Надо сказать, что летом 1862 г. после обеда молодой человек отправлялся на прогулку с намерением изучать «цивилизацию» XIX века и «прогресс» женщин, которых порицал за пошлые наряды и курение. Он остро чувствовал социальное неравенство, поскольку сам был беден и много страдал от этого, поэтому, вероятно, в письмах к Бартеневу попытался обосновать свой взгляд на бесполезность науки, которая «ничего не сделала для человека», «не принесла существенной пользы, назначение которой (науки) преследовать зло, искоренять его, а этого она не достигла». «Она сделала успех чисто внешний, чисто материальный, и этим она содействует падению духовного начала»; «...на практике я не вижу, что наука вывела народы из грязи», — приходил к заключению Жинзифов. «Что мне за дело, что я окружён теперь 20000 томов книг, когда тюрьмы битком набиты за преступления всевозможных подразделений», «когда существуют Сибирь, каторжные дома и прочее?»²³. Впрочем, подобные мысли отступали, когда по пятницам болгарский студент шел в гости к И.С. Аксакову, где он «как будто совершенно» перерождался. «И как я благодарю Бога, что в этом многолюдном городе я знаком с двумя семействами (то есть Ваше и Аксаковых), которые принимают меня с радушием; и как легко мне, как весело тогда»²⁴, — писал Жинзифов 3 июля 1862 г. Бартеневу. Следует также подчеркнуть, что несмотря на возникший пессимистический взгляд на книги вообще, для Жинзифова была «убийственна» мысль, что «мы (болгары) не имеем литературы», поэтому за лето он «состряпал» книжку, которую хотел издать²⁵.

Петр Иванович помог Ксенофону улучшить жилищные условия. Он жил в такой сырой комнате (которую называл «казармой»), что даже спички отсыревали, а диван начал портиться, и сам он чувствовал, как «сырость тянула» с его «здоровья, и так уже расстроенного, несмотря на то, что тело» его «с малолетства привыкло черстветь». Юноша «перебрался наверх» (правда, непонятно, куда именно переехал), и ему «стало лучше и легче», отступила головная боль²⁶.

В конце августа Бартенев пригласил Жинзифова занять место помощника библиотекаря в Чертковской библиотеке с жалованием в 20 руб. в месяц. Но он, поблагодарив Петра Ивановича за его участие и любовь, отказался от привлекательного предложения из-за учебы в Московском университете: «лекции так распределены, что приходится посещать университет ежедневно, по крайней мере, по два часа в день»²⁷.

В архивном фонде Черткова, хранящемся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея, нами была обнаружена приходо-расходная книга Чертковской библиотеки, которую Бартенев скрупулезно вел с 15 мая 1862 г. и до 1873 г., когда библиотека была передана в дар Москве. Согласно записям, Жинзифов действительно получал жалование в течение двух месяцев — в июле и августе 1862 г. Причем, Бартенев оставил ему 100 рублей, чтобы заплатить жалование за два месяца ему и двум солдатам. Последним полагалось 56 руб., следовательно, оставшиеся 44 руб. предназначались самому Жинзифову. В том же 1862 г. за сентябрь и октябрь имелись записи о возврате им денег за проданную бумагу. Таким образом, Ксенофонт в последующие годы в Чертковской библиотеке не работал, поскольку жалование не получал.

Хотя Жинзифов не состоял в штате библиотеки после 1862 г., имеется достаточно фактов, свидетельствующих о том, что он принимал самое живое участие в ее деятельности и впоследствии. Так, например, обнаруженная нами записка без даты («среда, 12 час. утра»), которая осталась неизвестной болгарским исследователям, по крупицам собиравшим эпистолярное наследие Жинзифова, сообщает, что он во время отсутствия Бартенева наблюдал за порядком в библиотеке.

Жинзифов писал Бартеневу: «В библиотеке всё благополучно. Для успокоения своей совести вчера, т.е. во вторник, заходил в библиотеку посмотреть на солдат, как они ведут себя в масляные* дни, и нашел их в исправности. В настоящую минуту занимающихся 5 человек, в числе их Безсонов**. Часов в 10^{ть} приходил воронежский книготорговец Лашкин и подписался на «Архив»*** с уступкою 10%»²⁸. Этот документ мы датируем 1863 г. или после, когда уже функционировала Чертковская библиотека.

В коллекции книг на новоболгарском языке, которую собрал сам А.Д. Чертков, насчитывалось примерно 30 названий²⁹. И после его кончины Бартенев много внимания уделял пополнению болгарского раздела библиотеки. Он также интересовался болгарскими делами и был в добрых отношениях с болгарскими, обучавшимися в Москве. Известно, что болгарский выпускник Московского университета Сава Филаретов (1825–1863) снабжал библиотеку болгарскими изданиями³⁰. С 1862 г. Филаретов состоял на русской службе, являясь секретарем русской миссии в Константинополе. Бартенев обратился к нему с приглашением «быть посредником между Вами и болгарскими издателями книг и журналов и стараться, насколько возможно, своевременно доставлять сведения о книгопечатании у болгар». Филаретов на первый случай собрал все болгарские книги, находившиеся у него под рукой, и переписал их заглавия. В составлении каталога принял участие и болгарский общественный и политический деятель Найден Геров (1823–1900), который, будучи русским подданным, в 1861–1877 гг. являлся вице-консулом России в Филиппополе (Пловдиве), а как раз в то время гостил в Константинополе. Он также с охотой обещал содействовать, чем только сможет. У Герова был сложный почерк, который хорошо разбирал Жинзифов, т.е. именно

* Масляные дни: имеется в виду масленица — традиционный праздник, отмечаемый в течение недели перед Великим постом.

** П.А. Бессонов (1828–1898) — фольклорист, этнограф, историк литературы, издатель и собиратель народных песен. В 1855 г. издал наиболее полный сборник народных болгарских песен «Болгарские песни из сборника Ю.И. Венелина, Н.Д. Катранова и других болгар». Вып. 1–2. М., 1855.

*** «Русский архив» — журнал, который издавал П.И. Бартенев с 1863 г., используя, в первую очередь, богатую коллекцию рукописей Чертковской библиотеки.

он помогал Бартеневу при работе над составленным в столице Османской империи каталогом болгарских книг.

Одним из сокровищ Чертковской библиотеки стал список «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского, снятый специально для А.Д. Черткова в 1844 г. по указанию одесского историка Н.Н. Мурзакевича с Жеравнинской рукописи, которую предоставил известный деятель болгарского Возрождения В. Априлов. Любопытно, что этот список, названный в литературе Чертковским или Московским, был обнаружен в 1960 г. молодым тогда филологом Г.К. Венедиктовым, впоследствии известным российским лингвистом, в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея, куда была передана коллекция рукописей из Чертковской библиотеки.

А в начале 1860-х годов при составлении нового каталога Бартенев сверял наличие книг и рукописей в библиотеке по двум печатным каталогам — 1838 и 1845 гг., а также по записям Черткова о новых поступлениях, сделанным им на белых листах, которые были специально вплетены в особый экземпляр каталога библиотеки, вышедший в 1845 г. Этот ценный документ — «Всеобщая библиотека России. Второе прибавление» — сохранился в Отделе редких книг Государственной публичной исторической библиотеки России. Между страницами 430 и 431 Чертков чернилами сам записал полууставом полное название «Истории славяноболгарской». Бартенев при разборе книг и рукописей против этих слов пометил карандашом «есть». Следует сказать, что VI отделение каталога Чертковской библиотеки, куда должны были войти все издания на славянских языках, так и не было напечатано.

Жинзифов, который иногда помогал Бартеневу, не только знал о существовании списка «Истории славяноболгарской», но и познакомился с ее содержанием. Примечательно, что в изданной им книге «Новобългарска сбирка» («Новоболгарский сборник») (М., 1863) в качестве эпиграфа появились знаменитые слова Паисия Хилендарского: «О неразумный и юридивый! Почто стыдишься назваться болгариним и не читаеш на своем языке и не думаеш?.. Ты, болгарин, не прельщайся чужим, знай свой род и язык и учись на своем языке»³¹.

В 1857 г. болгары, воспитанники Московского университета, образовали Московскую болгарскую дружину, поставившую целью знакомить русских с жизнью турецких славян, содействовать развитию болгарской литературы, призывать болгарскую молодежь в Россию для совершенствования в науках³². Первые литературные опыты Жинзифова появились на страницах издаваемого дружиной журнала «Братский труд». За недолгий период его существования (1859—1862 гг.) вышло четыре номера. Именно к Бартеневу 17 января 1861 г. обратился попечитель Московского учебного округа генерал-адъютант Н.В. Исаков, к которому в свою очередь адресовался директор Азиатского департамента министерства иностранных дел Н.П. Игнатъев (1861—1864 гг.) с просьбой прислать в департамент 10 экземпляров журнала «Братский труд». 10 мая Бартенев получил за доставленные журналы 10 руб. сер., чтобы затем выдать их Жинзифову как одному из авторов³³.

Бартенев и в дальнейшем принимал самое живое участие в судьбе Жинзифова. В октябре 1862 г. он рекомендовал его учителем в семью некоего Вальдгарда, с тремя детьми которого следовало заниматься по шесть часов. Жинзифов просил отца семейства оставить ему свободными «часть вечеров пятниц и воскресень», а также «четыре часа ежедневно — посещать университет да ещё раз или два раза в месяц побывать в театре». Из этого же письма мы узнаем предпочтения воспитанника Славянского комитета — он посещал русский театр, а об итальянской опере не имел понятия³⁴. Вероятно, не без участия Бартенева Жинзифова приглашали быть домашним учителем детей Барановых (лето 1863 г., село Васильевское) и А.Н. Карамзина (в 1865 г.). Каждый раз Жинзифов просил Петра Ивановича «каким-нибудь особенным или косвенным образом» узнать о нем мнения господ, довольны ли они своим учителем³⁵.

Сам Жинзифов, хоть и жаловался на однообразие деревенской жизни, но всякий раз подчеркивал, что ему везло на господ. Так, Барановы, «люди добрые и прекрасные», старались как можно больше доставить ему удовольствия³⁶. К тому же плата за уроки была высокой, что позволило ему издать упоминающуюся выше книгу «Новобългарска сбирка»³⁷. О жизни в

имении Карамзиных в с. Рогожка он сообщал следующее: «Мне здесь хорошо и привольно, так что мои господа люди прекрасные, люди добрейшие, словом, люди, каких я мало встречал в моей жизни. Они меня полюбили, и я при них не стесняюсь решительно ни в чём. Всё, чего я пожелаю, всё мне в ту же минуту доставляется, например, мне захотелось пить молоко, и вот я ежедневно пользуюсь им, чуть ли не купаюсь в нём»³⁸. Но Жинзифову было скучно и одиноко в деревне, он хандрил и тосковал, а ученики чаще всего не радовали его своими способностями и усердием.

О сердечности в отношениях, установившихся между К. Жинзифовым и П.И. Бартеневым, свидетельствует и тот факт, что в доме Петра Ивановича его «принимали не как знакомого, а как близкого родственника». И.С. Аксаков как-то отметил, что Жинзифов являлся скорее «воспитанником» Бартенева. Сам Ксенофонт просил последнего быть его «воспитателем», «наставником». «Представьте себе, что у Вас есть племянник, который нуждается в Ваших советах и наставлениях. Ведь Вам известно, что у нас существуют особенные отношения младшего к старшему, сына к отцу, племянника к дяде и так далее»³⁹, — обращался Ксенофонт к Петру Ивановичу в письме от 25 января 1863 г. Искреннее уважение болгарина к Бартеневым проявляется и в том, что он посвятил свои стихотворения «Разговор съ слънцето» («Разговор с солнцем») и «На младенецът А...» («Младенцу А...»)⁴⁰ соответственно Софье Даниловне, супруге Петра Ивановича, и их первенцу — сыну Алеше. Готовя к публикации в газете «День» статью о Миладиновых, Жинзифов просил позволения у Бартенева напечатать ее в виде письма к нему, то есть после заглавия указать «Письмо к Петру Ивановичу Бартеневу»⁴¹. Вероятно, последний посчитал подобное посвящение нескромным, поэтому статья появилась в виде письма к русскому другу.

В письмах к Бартеневу молодой человек делился своими мыслями, наблюдениями, переживаниями, сообщал о своих интересах. Так мы знаем, что он любил театр, что его «волнующуюся душу» смягчали музыка и живопись, что периодически он заходил в «увеселительные места, то есть в разные Эрмитажи

с саксами, певицами, карликами и прочее, и прочее»⁴². Еще в 1865 г., в письме от 10 июня (это было последнее сохранившееся письмо в архиве Бартенева), Жинзифов выразил свои чувства к Бартеневу и его семье: «Неужели я буду в состоянии позабыть дом, в котором я провел часть своего юношества, в котором я в течение стольких лет постоянно встречал радушный и непритворный приём? Никогда. Дом Аксакова и дом Бартенева навсегда останутся в моей памяти, где бы ни повела меня моя судьба»⁴³.

Однако в дальнейшем их взаимоотношения по неизвестным нам причинам испортились*, о чем мы узнаем из письма Райко от 30 мая 1869 г. к своему душевному приятелю М. Дринову, который в то время находился за границей вместе с семьей княгини Е.А. Голицыной в качестве домашнего учителя. В 1869 г. М. Дринов издал в Вене две научные работы: «Исторически преглед на Българската църква от самото ѝ начало и до днес» («Историческое обозрение болгарской церкви с самого ее начала и до сегодняшнего дня») и «Поглед върху произхождането на българския народ и началото на българската история» («Взгляд на происхождение болгарского народа и начало болгарской истории»). Жинзифов крайне сожалел, что еще не видел этих книг, просил прислать их для него в Москву, на адрес профессора университета Н.А. Попова. Любопытно, что Жинзифов отговаривал Дринова посылать книги в Македонию в качестве дара. «Кто желает просветиться в каком-либо отношении, — писал он, — тот должен купить то, что ему требуется. Пропаганда, которая не окупает издержки, не достигает своей цели». В этом же письме Жинзифов сообщил о том, что он давно разошелся с Бартеневым, и поэтому просил своего приятеля «никогда ничего ему не присылать»⁴⁴. И действительно, указанные труды Дринова не числятся в каталоге Чертковской библиотеки⁴⁵. Таким образом, личная неприязнь пагубно отразилась на полноте болгарской коллекции библиотеки, которая в 1860-е годы была единственной доступной для широкой чи-

* Начало этой размолвки, вероятно, можно увидеть в следующих словах Жинзифова, адресованных Софье Даниловне: «В последнее время, когда Вас уже не было в Москве, Ваш Петр Иванович так распекал меня, так распекал, что если бы я мог подумать, что это он делает не из любви ко мне, то я принужден бы был полагать, что он начинает разлюбливать меня...» (Цит. по: *Ерихонов Л. С. Р. Жинзифов и П.И. Бартенов. С. 190.*)

тающей публики, поскольку была бесплатной. Как известно, фондами библиотеки Московского университета могли пользоваться только его преподаватели и студенты.

Во время учебы Жинзифов подрабатывал в еженедельной газете И.С. Аксакова «День», которая выходила с небольшими приостановками с 15 октября 1861 г. по 1865 г. включительно. В газете был специальный «Славянский отдел». «Пусть каждый славянин пишет, что имеет сказать в пользу своей народности. Я даю всем им доступ в моей газете»⁴⁶, — объявлял Аксаков. Первые публицистические статьи Жинзифова [«Письмо одного из учащихся в Москве болгар к редактору» от 28 октября 1861 г., «Несколько слов болгарина о распре греков и болгар» (№ 5), «Дмитрий и Константин Миладиновы» (№ 46. 17 ноября и № 48. 1 декабря) и др.], появившиеся на страницах «Дня», обратили на себя внимание благодаря несомненному литературному таланту автора и его горячему сердцу патриота. Аксаков, который не знал славянских языков и не мог прочесть ни одной из получаемых им славянских газет⁴⁷, пригласил Жинзифова разбирать их и вести «Славянский отдел». В это время последний проходил курс обучения у профессора О.М. Бодянского, который знакомил своих студентов со всеми славянскими наречиями⁴⁸. В архиве Бодянского, например, сохранился перевод на русский язык студентом 4-го курса Жинзифовым отрывка из «Истории славянских законодательств» польского историка В.А. Мацеевского⁴⁹.

Жинзифов принял приглашение Аксакова и с 1863 г. начал достаточно регулярно работать в газете «День», тем более, что Аксаков хорошо платил за работу: за перевод больших «славянских» статей — 15 руб. сер. за печатный лист, за «составление статей», «т.е. извлечений из славянских газет, из писем и проч.» — 20 руб. сер. за лист, за «самостоятельное сочинение» — 50 руб. сер. за лист⁵⁰. Это было значительным подспорьем к ежемесячной стипендии в 20 руб. сер., получаемой Жинзифовым от Славянского комитета. Весной 1864 г. он переехал на новую квартиру, которая была расположена рядом с домом О.С. Аксаковой, матери И.С. Аксакова. Болгарского студента часто приглашали в гости, на обед и в подмосковное имение Аксаковых Абрамцево⁵¹.

В 1864 г. Жинзифов закончил курс обучения в Московском университете со степенью кандидата. Вставал вопрос о возвращении его на родину. Известный историк болгарской литературы Б. Пенев писал о том, что ему не известно, по каким причинам этого не произошло, но предположил, что, вероятно, Жинзифов «боялся преследований и опасностей»⁵². Ответ, на наш взгляд, содержится в письме от 10 июня 1864 г. к Барте-неву, в котором Жинзифов признавался, что ему «какой-то таинственный голос», «голос совести и долга», всё твердил, что «надо ехать на родину», однако он наперед знал свою «будущую жизнь в Болгарии или в Македонии, потому что болгарская земля вся черна и вся наполнена “вязкою мерзостью” — плод долговекового ига»⁵³. С другой стороны, еще в 1862 г. Жинзифов подчеркивал, что для возвращения в Турцию ему было необходимо иметь в кармане кроме денег на путевые издержки еще, по крайней мере, 200 руб. сер., пока он найдет на родине место работы или «в случае опасности (которая с каждым годом в Турции увеличивается)» «с ними мог бы бежать»⁵⁴. Вероятно, болгарский студент так и не скопил нужной суммы «на черный день», т.е. день, когда ему нужно было прощаться с Москвой и ехать в Турцию, и это также служило некоторой отговоркой для того, чтобы еще задержаться в России.

Болгарский ученый Ил. Конев отметил, что в 1864 г. и в последующие несколько лет Жинзифов получал приглашения из Белграда, Софии и других городов занять там место учителя. В этот перечень городов мы можем добавить еще г. Болград, административный центр болгарских колоний в Бессарабии, который по Парижскому мирному договору 1856 г. вошел в состав Молдавского княжества. В 1861 г. Молдавия и Валахия образовали новое государство — Румынию. Болгарское центральное училище в Болграде было создано в 1858 г. и превратилось в один из главных центров обучения болгарской молодежи до 1878 г. В 1865 г. его директор В. Берон пригласил Жинзифова занять кафедру болгарской словесности⁵⁵.

Его отказ ехать на Балканы Ил. Конев объяснял «страхом» примкнуть к революционным силам Болгарии в 1870-е годы и «работать для освобождения своего народа в исключительно

трудных условиях Турции». Этими же соображениями объясняет болгарский ученый и отклонение Жинзифовым приглашения известного купца Христо Георгиева «стать редактором органа Тайного комитета». Здесь речь идет о Добродетельной дружине, которую основали братья Христо и Евлогий Георгиевы вместе с другими богатыми болгарами, проживавшими в Валахии. В 1866–1867 гг. эта организация финансировала формирование чет Панайота Хитова и Филиппа Тотю, а также Второй болгарской легии в Белграде. Именно в противоречии между любовью к родине и «бегством» от революционного движения, от непосредственного участия в политической жизни Болгарии Конев видел трагизм судьбы Жинзифова, который предпочел действовать во имя освобождения своего народа «пером» и из Москвы⁵⁶. Болгарский ученый Д. Леков полагал, что тяжелая миссия «будителя» была ему просто не по силам⁵⁷.

В архивном фонде дипломата М.А. Хитрово, служившего в этот период в российской миссии в Константинополе, сохранилось письмо Жинзифова от 11 ноября 1865 г., в котором, в частности, содержится просьба напомнить Т. Бурмову, редактору болгарской газеты «Время», о его обещании узнать у болгарских представителей, может ли он (Жинзифов), ставший русским подданным, занять учительское место в константинопольском болгарском училище⁵⁸. Эта информация вдвойне ценна, поскольку свидетельствует о том, что Жинзифов сам искал выгодное место работы и после учебы в Москве предпочитал устроиться в столице Османской империи. Вероятно, поэтому он и отклонял иные приглашения. Но в Константинополе вакантных должностей не было. В историографии утвердилось мнение, что Жинзифов принял российское подданство только после своей двухмесячной поездки на Балканы в 1866 г.⁵⁹, когда окончательно понял, что уже не сможет жить в условиях турецкого владычества. Оказывается, это неверно.

Как указывалось выше, в 1865 г. Жинзифов тяготился деревенской жизнью, какую принужден был вести в качестве домашнего учителя Карамзиных. Душа его требовала перемен. «Пора мне избрать другого рода жизнь, пора избрать и достать занятия более постоянные и более успокоительные. Неужели же я дол-

жен всю свою жизнь провести в чужих для меня домах?»⁶⁰ — с отчаянием вопрошал он Бартенева в письме от 10 марта 1865 г. Вскоре Жинзифов получил приглашение А.А. Хованского, преподавателя русского языка и русской словесности в Воронежском кадетском корпусе и издателя замечательного частного научного журнала «Филологические записки», стать сотрудником «Славянского вестника»: этот раздел был открыт в 1866 г. и в нем печатались исследования по актуальным проблемам славистики. У Жинзифова, который заинтересовался предложением Хованского, вдруг появилась идея уехать в Воронеж, и он спрашивал Бартенева (в письме от 10 июня 1865 г.), нет ли в этом городе классической гимназии и можно ли ему попасть в нее⁶¹.

Надо сказать, что славянские комитеты (в Москве, Петербурге, Одессе) пытались не допускать того, чтобы болгарские воспитанники оставались в России после завершения обучения. В 1868 г. Московским комитетом даже было принято специальное решение, ставившее «непременным условием возвращаться на родину по окончании обучения в России для занятия мест народных учителей»⁶². Большинство учащихся отправлялись в свое отечество, исключения были редки, и к ним принадлежит Р. Жинзифов.

Он нашел место преподавателя греческого языка в Лазаревском институте восточных языков, одновременно работая учителем греческого языка в 1-й и 2-й московских гимназиях, «и получал очень хорошее жалованье», сообщал его приятель Нешо Бончев, вошедший в историю болгарской литературы как первый болгарский литературный критик. В 1870-е годы Жинзифов учительствовал в Лицее цесаревича Николая, в 5-й московской гимназии (1875 г.). В этом же году он получил чин коллежского асессора (VIII класс)⁶³, который соответствовал чину майора и давал право на личное дворянство. Материальное положение Жинзифова со временем настолько упрочилось, что в феврале 1868 г. он смог стать членом Московского славянского комитета, куда следовало платить взносы (5 руб. в год)⁶⁴, а также не отказался от приглашения быть членом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии⁶⁵, где также существовали членские взносы.

Жинзифов не просто числился в Славянском комитете, он принимал в его работе самое активное участие. Хорошо зная нужды болгарских студентов, через Славянский комитет он содействовал оказанию финансовой помощи особо нуждавшимся в ней, например, стипендиатам министерства народного просвещения К. Везенкову из Крушево и Ташеву, который в тот момент находился в больнице (ноябрь 1868 г.). Для открытия болгарского училища в г. Крушево Славянский комитет пожертвовал 70 руб. Но Жинзифов, зная ситуацию в Македонии, считал, что этой суммы недостаточно, и просил секретаря Славянского комитета Н.А. Попова (27 декабря 1868 г.) выдать Шумкову* еще 50 руб. сер., обязуясь внести данную сумму в казну Комитета в течение пяти месяцев. Ходатайствовал Жинзифов (28 декабря 1869 г.) и о выдаче ежемесячного денежного пособия в 5 руб. иеродиаконам Игнатию и Харалампию из болгарского Рильского монастыря, обучавшимся в Московской духовной семинарии, а также Павлу Христовичу Высковскому, приехавшему, согласно документам, в Москву, чтобы изучать фотографическое искусство⁶⁶.

Близко общаясь с членами Славянского комитета, видными славянофилами, Жинзифов не мог не разделять их взглядов. Вполне понятно, что такие яркие, талантливые, к тому же искренне болевшие душой за славянское дело люди как И.С. Аксаков, Н.А. Попов и др. оказали огромное влияние на молодого человека, приехавшего из глухого угла Османской империи, каковым в то время был Румелийский или Битольский эйялет. Их активная позиция на поприще просвещения славянских народов, в том числе болгар, была созвучна мыслям, чувствам и последующей деятельности Жинзифова на этой стезе. К сожалению, болгарская историография, следуя установкам марксистской методологии, «порицала» его за славянофильство и за отсутствие революционных порывов и настроений. Но не все же могут сражаться на баррикадах! В настоящее время в литературоведении поставлен вопрос о необходимости применить

* Возможно, речь идет или о Р. Шумкове, купце и общественном деятеле, родом из Крушева, или о И. Шумкове, управляющем греческим училищем, который открыл в Крушево первое болгарское училище.

иные подходы к изучению таких проблем как «Жинзифов и славянофилы», идеология Жинзифова, его творчество и т.п.⁶⁷.

Жинзифов много печатался в русской периодике, информируя русского читателя о событиях, имевших место у западных и южных славян. Он вел разделы «Славянское обозрение» в «Славянском отделе» газеты «День» и «Славянская хроника» в газете «Современная летопись», его статьи публиковались в газетах «Москва» (где он был постоянным сотрудником⁶⁸), «Москвич», «Московские ведомости», «Православное обозрение», в журнале «Русский архив». Свои статьи Жинзифов часто оставлял без подписи или скрывался под псевдонимами: Велешанин, Велесов, под инициалами: К.С., Ж., Х. и ZZZ. Несколько поколений ученых занимались выявлением публицистических работ Жинзифова в русской прессе, среди них — В. Руменов, П. Орешков, С.А. Никитин, Н.Н. Пономарева, Д. Леков, Цв. Унжиева и др. Благодаря их усилиям научный мир имеет в своем распоряжении два тома публицистики Жинзифова.

Много и плодотворно Жинзифов работал во имя просвещения болгарского народа. Он писал Бартеневу 26 июня 1864 г.: «Первым и неперменным долгом моим будет — издавать свои или чужие книги, словом, помочь, чем только могу, зародышу нашей “книжницы”, отсутствие которой меня с ума сводит»⁶⁹. Его перу принадлежат переводы на болгарский язык «Слова о полку Игореве», «Краледворской рукописи», стихотворений Т.Г. Шевченко, М.Ю. Лермонтова и других русских поэтов, а также несколько оригинальных произведений, например, поэма «Кровавая рубашка». Свои поэтические произведения на болгарском языке Жинзифов посылал в болгарские периодические издания: «Българска пчела» (Браилов, 1863—1864 гг.), «Дунавска зора» (Браилов, 1867—1870 гг., 1877 гг.), «Народност» (Бухарест, 1867—1869 гг.), «Македония» (Константинополь, 1866—1872 гг.), «Свобода» (Бухарест, 1869—1872 гг.), «Век» (Константинополь, 1874—1876 гг.), «Време» (Константинополь, 1865—1867 гг.), «Български книжици» (Константинополь, 1858—1862 гг.), «Читалище» (Константинополь, 1870—1875 гг.) и др. Жинзифов стал первым историком болгарской литературы, написав для сборника «Поэзия славян» специальную ста-

тью, где было прослежено развитие болгарской словесности, начиная с Паисия Хилендарского и до 1871 г., когда вышел в свет этот сборник (издатель — русский поэт, переводчик, библиограф Н.В. Гербель).

Литературное творчество Жинзифова принадлежит в равной степени и Болгарии, и Македонии. До 1878 г. земли этих государств входили в состав Османской империи, а в ее православном миллете, в котором объединялись все православные народы Турции, шло интенсивное размежевание на греков, эллинофилов, приверженцев Константинопольской патриархии, и славян — болгар, которые отстаивали право на собственную независимую от Вселенского патриарха церковь. После 1870 г., когда султанский фирман объявил о создании Болгарского экзархата, в провинциях со смешанным населением (прежде всего в Македонии), где должен был пройти истилям (опрос), с новой силой развернулась борьба за паству: к какой церкви она перейдет. В своих сочинениях Жинзифов отразил перипетии церковной распри между греками и болгарами, при этом он защищал интересы славян, которые проживали на территории современных государств Болгарии и Македонии и которых он называл болгарами. Кроме того, для него важно было доказать всему миру, что на земле, где он родился, в Македонии, жили не греки, а славяне, болгары (болгаро-македонцы). В его время не было отдельного славянского народа — македонцы, это уже история, до которой он не дожил.

В Москве ярко проявился и ораторский талант Жинзифова. Современникам запомнились его проникновенные слова о болгарском купце И.Н. Денкоглу, которые были произнесены им в январе 1861 г. на похоронах этого болгарского благотворителя. В 1867 г., на одном из собраний во время Всероссийской Этнографической выставки и Славянского съезда, Жинзифов говорил от имени своего многострадального народа «с таким энтузиазмом, с таким горячим патриотическим чувством, что неоднократно слушатели прерывали его то продолжительными рукоплесканиями, то громкими продолжительными возгласами»⁷⁰. А говорил Жинзифов о славянских святых Кирилле и Мефодии, о тяжелой участи болгар и просил русский народ по-

дать руку помощи страждующим братьям, когда наступит пора, а пора эта, он свято в это верил, уже недалеко⁷¹. 3 мая 1870 г., на торжественном заседании, устроенном Славянским комитетом в университете и посвященном 1000-летию юбилею принятия христианства болгарскими, Жинзифов прочитал доклад, в котором изложил судьбу болгарской церкви. Его выступление произвело хорошее впечатление на многочисленных слушателей. «Но всё-таки здешние православные сердца не могут примириться с мыслью, что султан создал церковь (т.е. издал фирман об учреждении Болгарского экзархата. — *М. Ф.*)»⁷², — закончил Жинзифов свой рассказ об этом событии в письме к М. Дринову от 14 (26) мая 1870 г.

Несмотря на то, что Жинзифов довольно прилично устроился в Москве, на него периодически нападало настроение переменить место жительства, вернуться в Болгарию. В своих письмах к Дринову он даже указывал даты своего отъезда, но неожиданно возникали разные обстоятельства, которые мешали ему исполнить намеченное⁷³. После возвращения из Османской империи в 1866 г., когда он посетил Константинополь, Битолю и другие города Македонии, на вопрос болгар, находившихся в Москве, «почему не задержался подольше в Болгарии», отвечал: «Я с тамошней жизнью не мирюсь, вы находите, что в Турции хорошо, то езжайте!»⁷⁴. Тем не менее, и после 1866 г. он не раз восклицал: «Неужели я стану вечным московским жителем? Увы!»⁷⁵.

Жинзифов мечтал накопить денег для вояжа по Европе. В 1870 г. он отправился в продолжительное путешествие, во время которого посетил Одессу, Галац, Браилов (Брэила), Гюргево, Бухарест (в связи с работой Болгарского литературно-научного общества, созданного в 1869 г. в Браилове). Но из всех поездок он неизменно возвращался в Москву. Жинзифов так и не обзавелся семьей, как, например, его приятель Константин Станишев, родом из Кукуша, который женился на дочери известного ученого В.И. Даля. Периодически (особенно по праздникам) Жинзифов кутил⁷⁶. Не эта ли склонность к богемной жизни⁷⁷, как аккуратно выразился болгарский ученый Ил. Конев, стали причиной того, что к 1876 г. материальное

положение Жинзифова значительно ухудшилось (его доходы сократились почти наполовину)⁷⁸.

Накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг. по просьбе И.С. Аксакова Жинзифов начал составлять «“Дорожник по Македонии”», или иначе географическо-статистическое описание Македонии», о чем он сообщил в письме к М. Дринову от 7 декабря 1876 г. Кроме того, Славянский комитет (в том числе, князь В.А. Черкасский (1824–1878), один из активнейших его членов, а во время войны — императорский комиссар, начальник «Первой канцелярии гражданского управления освобожденными задунайскими землями») обратился к Жинзифову, чтобы он составил небольшой русско-болгарский словарь. Понятно, что Жинзифов не мог отказать, но сомневался в успехе: «Времени мало, и оно не терпит». Ему нужен был помощник, и он намеревался написать Петко Каравелову, полагая составить краткий русско-болгарский разговорник⁷⁹. Но работа не была завершена: Райко (Ксенофонт) Иванов Жинзифов умер в свой день рождения 15 февраля 1877 г. в возрасте 38 лет.

В упоминавшемся выше послании к М. Дринову от 7 декабря 1876 г. Жинзифов написал удивительные слова о Москве, которую стал называть не иначе как «матушка-Москва»: «Еще тебе скажу, брат Марин, что в Москве родилось много начинаний, проектов, приготовлений относительно будущей судьбы болгар, но что будет, один Бог знает»⁸⁰.

Именно Москва и особая атмосфера Московского университета, подвигающая его питомцев на творчество, дали талантливому болгарскому юноше импульс к созидательному вдохновению. Здесь посетила его Муза, в нем раскрылся талант поэта, переводчика, журналиста. Его произведения на болгарском языке, адресованные болгарскому читателю, внесли свой вклад в развитие болгарского Возрождения и просвещения. Живя в Москве, он выполнил и другую, весьма важную миссию, стоявшую перед патриотами-болгарами: создание в русском обществе образа угнетенного, страдающего болгарского народа, ждущего помощи от России — как в решении церковного вопроса, так и в освобождении от турецкого ига.

Примечания

- ¹ Минкова Л. Осип Максимович Бодянски и Българското възраждане. София, 1978. С. 107.
- ² Билунов Б.Н., Вяземская О.К. Первые болгарские воспитанники Московского университета // Билунов Б.Н. Болгария и Россия. Сб. трудов Б.Н. Билунова. М., 1996. С. 179–191.
- ³ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 118, 448, 471.
- ⁴ Степанова Л.И. Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции (50–70-е годы XIX в.). Кишинев, 1981. С. 159; Генчев Н. Българската култура XV–XIX в. София, 1988. С. 203.
- ⁵ И. Доровски, филолог из Брно, член Македонской академии наук и искусства, сообщает, что отец Р. Жинзифова был по происхождению валах (ароманец) из Москополе, а мать была македонкой, но помимо родного диалекта хорошо владела греческим языком. Отец был врачом и учителем греческого языка, был одним из самых образованных людей того края (См.: Доровский И. Райко Жинзифов: воздействие русской и украинской литературы на его творчество. Univerzita J.E. Purkupě v Brně, 1988. Р. 11). На наш взгляд, необходимы новые кропотливые исследования для того, чтобы точно выяснить происхождение Р. Жинзифова. Из донесений русских консулов из Битола известно, что в конце 1865 г. в центральном греческом училище Битола была открыта «кафедра болгарского языка». Учителем был назначен И. Жинзифов, но уже через семь месяцев болгары города решили нанять еще одного, более сведущего учителя, чем Жинзифов. Они пригласили Георгия Икономова. О врачебной практике Жинзифова в консульских донесениях ничего не пишется. (См.: Косев Д. Русия, Франция и българското освободително движение 1860–1869. София, 1978. С. 165, 169–170).
- ⁶ Конев Ил. Райко Жинзифов // Известия на Института за българската литература. Кн. VII. София, 1958. С. 153.
- ⁷ Ерихонов Л.С. Р. Жинзифов и П.И. Бартенев // Известия на Института за литература. Кн. XVI. София, 1965. С. 175.
- ⁸ Жинзифов Р. Публицистика. Т. 2. София, 1964. С. 218.
- ⁹ Конев Ил. Приложение. Неопубликовани писма на Р. Жинзифов // Известия на Института за българската литература. Кн. VII. 1958. С. 197.
- ¹⁰ Жинзифов Р. Публицистика. Т. 2. С. 218.
- ¹¹ Архив на Г.С. Раковски. Т. 2. София, 1957. С. 410.
- ¹² Подробнее см.: Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 40–45.
- ¹³ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1888. С. 58.
- ¹⁴ Там же. С. 81–82 (письмо от 1 апреля 1863 г.).
- ¹⁵ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. С. 220.
- ¹⁶ Ерихонов Л.С. Р. Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 175.
- ¹⁷ Конев Ил. Неопубликовани писма на Р. Жинзифов. С. 198.
- ¹⁸ Рудаков В.Е. 50-летие учено-литературной деятельности П.И. Бартенева // Исторический вестник. 1902. Т. 87. № 1. С. 320.
- ¹⁹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 445. Д. 280. Л. 82 и об.

- ²⁰ *Ерихонов Л.С. Р. Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 163, 164.*
- ²¹ Там же. С. 164.
- ²² *Бартенев П.И. Несколько слов о Чертковской библиотеке // Русский архив. 1864. № 1. С. 12.*
- ²³ *Ерихонов Л.С. Р. Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 168, 171.*
- ²⁴ Там же. С. 168.
- ²⁵ Там же. С. 175, 174.
- ²⁶ Там же. С. 166, 171.
- ²⁷ Там же. С. 174.
- ²⁸ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 46. Оп. 1. Д. 558. Л. 169.
- ²⁹ См.: *Фролова М.М. Болгарские книги в собрании А.Д. Черткова: к 150-летию Чертковской библиотеки // Славяноведение. 2013. № 6. С. 62–70.*
- ³⁰ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 5. Л. 141. 6 декабря 1858 г.
- ³¹ *Жинзифов Р. Новобългарска сбирка. М., 1863.*
- ³² См.: *Билунов Б.Н. К истории «Болгарской дружины» — организации болгарских студентов в Московском университете // Билунов Б.Н. Болгария и Россия. С. 191–205.*
- ³³ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 557. Л. 184, 438, 468.
- ³⁴ *Ерихонов Л.С. Р. Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 174.*
- ³⁵ Там же. С. 179, 188.
- ³⁶ Там же. С. 179.
- ³⁷ *Конеv Ил. Неопубликовани писма на Р. Жинзифов. С. 200.*
- ³⁸ *Ерихонов Л.С. Р. Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 187.*
- ³⁹ Там же. С. 179.
- ⁴⁰ *Доровский И. Райко Жинзифов: воздействие русской и украинской литературы на его творчество. С. 26.*
- ⁴¹ *Ерихонов Л.С. Р. Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 175.*
- ⁴² Там же. С. 169, 185.
- ⁴³ Там же. С. 190.
- ⁴⁴ *Конеv Ил. Неопубликовани писма на Р. Жинзифов. С. 210.*
- ⁴⁵ В 1938 г. по Постановлению Совнаркома РСФСР была организована Государственная публичная историческая библиотека, куда, в числе других собраний, частично поступила и Чертковская библиотека. Сотрудник ГПИБР Н.М. Пашаева (1926–2013) выявила «славянские» книги периода национального возрождения из более чем трехмиллионного фонда ГПИБР. См.: *Пашаева Н.М. Славянская книга эпохи национального возрождения (конец XVIII в.–1878 г.) в фондах ГПИБ России. Болгария, Галичина, Закарпатье, Буковина, лужицкие сербы, Словения, Хорватия. М., 2012. С. 16.*
- ⁴⁶ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 66.
- ⁴⁷ *Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 78.*
- ⁴⁸ *Лаптева Л.П. Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX века. М., 1997. С. 55–56.*
- ⁴⁹ *Минкова Л. Осип Максимович Бодянски... С. 167–168.*
- ⁵⁰ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 373.

- 51 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 2. София, 1990. С. 62.
- 52 *Пенев Б.* История на новата българска литература. Т. 3. София, 1977. С. 476.
- 53 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 2. С. 62.
- 54 *Ерихонов Л.С. Р.* Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 175.
- 55 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 2. С. 207.
- 56 *Конев Ил.* Райко Жинзифов. С. 171–172.
- 57 *Леков Д.* Райко Жинзифов. Литературно-критически очерк. София, 1979. С. 25.
- 58 Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Ф. 325. Оп. 1. Д. 370. Л. 1.
- 59 *Конев Ил.* Райко Жинзифов. С. 171; *Леков Д.* Райко Жинзифов. С. 25; *Смольянинова М.Г.* Райко Жинзифов в России // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 109.
- 60 *Ерихонов Л.С. Р.* Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 188.
- 61 Там же. С. 189.
- 62 Цит. по: *Никитин С.А.* Славянские комитеты... С. 104.
- 63 *Пенев Б.* Указ. соч. С. 476.
- 64 *Конев Ил.* Неопубликовани писма на Р. Жинзифов. С. 220.
- 65 Там же. С. 206, 207.
- 66 Там же. С. 209, 215, 223.
- 67 *Бершадская М.Л.* Райко Жинзифов и славянофилы // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте. М., 1999. С. 231.
- 68 *Конев Ил.* Неопубликовани писма на Р. Жинзифов. С. 204.
- 69 *Ерихонов Л.С. Р.* Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 186.
- 70 *Жинзифов Р.* Публицистика. Т. 2. С. 296.
- 71 Там же. С. 201–202.
- 72 *Конев Ил.* Неопубликовани писма на Р. Жинзифов. С. 216.
- 73 *Конев Ил.* Райко Жинзифов. С. 170–171.
- 74 Там же. С. 171.
- 75 *Конев Ил.* Неопубликовани писма на Р. Жинзифов. С. 213.
- 76 Там же. С. 225, 226.
- 77 *Конев Ил.* Райко Жинзифов. С. 162.
- 78 *Конев Ил.* Неопубликовани писма на Р. Жинзифов. С. 228.
- 79 Там же. С. 229.
- 80 Там же. С. 230.

В гостях у «москотов». Славяне из Боснии и Герцеговины в Москве в 1850–1870-е годы

Выходцы из османских провинций Боснии и Герцеговины в России были редкими гостями. В основном они приезжали сюда для сбора средств на различные нужды православного населения региона или для получения образования.

Для жителей Боснийского пашалыка и Герцеговинского санджака, позже объединённых в Боснийский вилайет (в 1865 г.), Россия ассоциировалась именно с Москвой. Всех русских людей они именовали «москотовами»¹, а введённые в Османской империи в середине XIX в. мундиры для чиновников и военных европейского покроя называли «московским платьем»².

В данной статье на основании новых источников из российских архивов будет рассмотрен один из аспектов существовавших связей боснийцев и герцеговинцев с Москвой и москвичами. Речь в ней пойдет о представителях духовенства из Боснийского вилайета, посетивших Россию в 1850–1870-е годы, и о тех немногих уроженцах края, которые учились в Москве.

В указанный период три выходца из Боснии и Герцеговины побывали в Москве с целью сбора средств для поддержания школ, монастырей и церквей на родине.

Первым из них был иеромонах из Герцеговины Прокопий Чокорило (1802–1863). Он рано принял духовный сан, служил в Любинье (Восточная Герцеговина), а затем перебрался в Мостар. Чокорило владел греческим и русским языками. В 1858 г. на страницах московского славянофильского журнала «Русская беседа» (изд. — А.И. Кошелев) было опубликовано его сочинение «Летопись Герцеговины 1831–1857»³, перевод которого осуществил известный славист, общественный деятель, первый российский консул в Боснии А.Ф. Гильфердинг (1831–1872).

Позже этот текст вошёл в третий том его собрания сочинений⁴. В предисловии к этому изданию учёный писал: «Автор предлагаемой летописи дел, свершившихся в наше время, [...] есть православный монах, герцеговинец, рассказывающий то, что видел и слышал, и в чём нередко участвовал»⁵.

Встреча Гильфердинга с герцеговинским иеромонахом произошла в 1857 г. в Мостаре. В октябре того же года в своём донесении директору Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевскому Гильфердинг предлагал отправить в Россию для получения образования 10–12 боснийских и герцеговинских мальчиков. На роль провожатого он рекомендовал Прокопия Чокорило, служителя «мостарской церкви, отличающегося хорошей нравственностью и преданностью православию и России. Сдав детей в учебные заведения, монах мог бы, согласно его просьбе, — считал Гильфердинг, — приступить с разрешения Святейшего Синода к собиранию в России милостыни для монастырей Герцеговины»⁶.

В первую очередь Чокорило намеревался собрать средства для строительства православных церквей в областях, где усиливалась католическая пропаганда. В планах православной общины было строительство следующих церквей: во имя Св. Николы в Дувне, во имя Св. Димитрия в Любушком, во имя Св. Екатерины в Белом поле, во имя Успения пресвятой Богородицы в Старой Габеле, во имя Св. Петра и Павла в Борках. На постройку каждой церкви требовалось по 500 руб. серебром⁷. Остальные средства должны были пойти на строительство православного собора в Мостаре и церкви в Фоче. Кроме того, Чокорило составил список предметов, необходимых для благоустройства храмов и монастырей Герцеговины.

31 декабря 1857 г. Св. Синод дал разрешение на годовую поездку в Россию герцеговинского монаха⁸. Видимо, механизм совместной опеки над священнослужителями из турецких областей был еще не отработан, так как из Азиатского департамента в Св. Синод поступил запрос: всегда ли впредь должно испрашивать позволения у Св. Синода в подобных случаях⁹? Скорее всего, ответ был положительным. Это видно на примере священнослужителей, которые позже отправлялись в Россию

с подобными миссиями. Разрешение Св. Синода император утвердил лишь в мае 1858 г.¹⁰. Св. Синодом был установлен ряд правил для сбора подаваний: 1) монах должен был осуществлять сбор сам, без чьей-либо помощи; 2) все подаяния нужно было фиксировать в специальной книге учёта; 3) по окончании сбора книгу необходимо было сдать на проверку в местную консисторию, а затем в хозяйственное управление Св. Синода¹¹.

В июне 1858 г. А.Ф. Гильфердинг писал протоиерею русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевскому (1811–1884): «Подвиньте также дело об отправлении из Мостара монаха Прокония Сокорила (Чокорило. — *К. М.*) с 4-мя воспитанниками, которое лежит на сараевском консульстве»¹². В октябре того же года Гильфердинг направил письмо в Москву к видному общественному деятелю М.П. Погодину (1800–1875) с просьбой оказать материальную помощь и покровительство служителю мостарской церкви, который направлялся в Россию¹³.

В июле 1858 г. П. Чокорило прибыл в Одессу. Тут он оставил сопровождаемую им группу будущих «русских питомцев» и направился в Киев, а в начале октября добрался до Москвы¹⁴. Здесь главную заботу о госте взял на себя недавно созданный Московский славянский благотворительный комитет.

Пребывание Чокорило в Москве не обошлось без проблем. В письме историка и славянофила П.А. Бессонова к М.П. Погодину сообщается о том, что назначенный сопровождать иеромонаха некто Верещагин запил и перестал исполнять свои обязанности¹⁵. «Он не может внушать этому герцеговинцу любви и сочувствия к русскому имени», — писал о Верещагине Гильфердинг¹⁶. Последний занялся решением этой проблемы, разработал план переезда монаха в Петербург и пытался выхлопотать для него келью на Троицком подворье. Действовать приходилось очень осторожно, так как московский митрополит Филарет (1782–1867) был не очень доволен гостем из Герцеговины¹⁷. Вероятно, это было связано с тем, что накануне сбором средств для школ и церковей Боснии и Герцеговины промышлял некий авантюрист Ристич, оставивший о себе недобрую память. Однако П.А. Бессонову удалось наладить контакт с митрополитом, который в результате предоставил герцеговинцу

место для проживания в Москве. Здесь Чокорило пробыл до января 1859 г., а затем уехал в Петербург.

Согласно правилам сбора подаяний Чокорило не мог брать денег на своё путешествие из собранных средств, поэтому он постоянно нуждался в финансовой помощи. Министр иностранных дел России А.М. Горчаков лично обратился к императору Александру II с просьбой выдать герцеговинскому иеромонаху деньги на путевые расходы¹⁸. Несмотря на проблемы с организацией поездки, Чокорило был принят в России хорошо. Сама императрица Мария Александровна пожаловала архиерейские облачения для церкви Пресвятой Богородицы в Мостаре¹⁹.

После Петербурга Чокорило какое-то время находился в Москве и, наконец, в 1860 г. через Одессу возвратился в Мостар²⁰. На родину он привёз значительную сумму — 4000 червонцев, а в Мостар ещё долго приходили посылки с собранными в России, в том числе и Москве, пожертвованиями. Подробные отчёты о сборе средств и тратах публиковались на страницах московских и петербургских газет²¹.

Российский консул в Мостаре А.Н. Кудрявцев в 1867 г. в своём донесении послу в Константинополе графу Н.П. Игнатьеву писал о поездке Чокорило в Россию следующее: «Никогда никто из герцеговинцев ничего подобного не видал и не слышал, чтобы простой монах мог привезти с собой более 4 тысяч червонцев. Общество и народ пожертвовали. Сильное латинство опустило голову, а покровительствующий ему австрийский и французский иезуитизм — приуныл. Никогда все католические державы совокупно не дадут столько денег, сколько дала одна православная Россия!»²².

Но далее Кудрявцев поведал печальную историю о том, как эти деньги посеяли раздор в православной среде Герцеговины и вместо пользы, по его мнению, принесли вред, очернив имя России.

Дело в том, что Чокорило решил лично распорядиться всеми собранными средствами. Он полагал, что денег ему хватит на восстановление 20 церквей в Герцеговине и строительство большого соборного храма в Мостаре²³. Тем временем слухи

об оказанных Россией благодеяниях продолжали распространяться по региону. Игумены монастырей Дужи, Таслидже, Житомыслич и Кассиерово отправлялись в Мостар в надежде получить деньги для своих приходов, но остались ни с чем. Посыпались жалобы в российское консульство. Чокорило продолжал упорствовать, и обиженные игумены начали распространять слухи об обмане со стороны России. Однако план Чокорило также не увенчался успехом. На строительство храма был нанят герцеговинский архитектор Спасое Вулич. Денег хватило только на возведение стен, одна из которых треснула²⁴.

Судя по переписке М.Ф. Раевского с Чокорило, герцеговинец собирался совершить ещё одно путешествие в Россию²⁵. Однако этим планам не суждено было осуществиться — 18 июля 1863 г. Прокопий Чокорило скончался²⁶.

Мысль о возможности получить большие денежные средства от российского правительства привлекла игумена монастыря Житомыслич Серафима Перовича (1827–1903).

Серафим Перович родился в селе Горица неподалёку от Требинья (в Восточной Герцеговине). В 1848 г. он принял монашеский постриг в монастыре Дужи, где провел свое детство. Позже он стал иеромонахом. В 1853 г. Перович отправился в Белград, где в 1857 г. окончил курс обучения в белградской семинарии, а затем вернулся в Герцеговину. Некоторое время он работал в мостарской школе, а затем стал игуменом монастыря Житомыслич. При монастыре действовало духовное училище, которое он возглавлял. Российский консул в Мостаре В.В. Безобразов был в очень хороших отношениях с С. Перовичем. Положительно отзывались о нем и другие российские дипломаты — А.Ф. Гильфердинг²⁷ и Е.П. Шулепников²⁸. В августе 1863 г.²⁹ С. Перович обратился в российское консульство в Мостаре с просьбой об организации его поездки в Россию с целью сбора средств для открытия семинарии при монастыре Житомыслич. В связи с этим В.В. Безобразов направил ходатайство в Св. Синод, и зимой 1864 г. разрешение было получено³⁰.

О поездке Серафима Перовича в Россию известно немного. Из опубликованных документов следует, что он пробыл на русской земле примерно два года, выучил русский язык, по-

лучил в подарок от Александра II золотой наперсный крест. В мае 1865 г. Перович находился в Москве³¹. Как и в случае с Чокорило, помощь гостю из Герцеговины оказывал Московский славянский комитет. В декабре 1865 г. Св. Синод передал С. Перовичу богослужебные книги для герцеговинских монастырей на сумму 236 руб.³²

В феврале 1866 г. Перович вернулся в Герцеговину³³. В пограничном городе Метковиче его вышли встречать толпы христиан и мусульман.

Прибыв в Житомыслич, о. Серафим прочёл проповедь при большом скоплении народа, где заявил, что Александр II лично обещал герцеговинскому народу помощь в его борьбе с турецким владычеством. Эти же слова архимандрит повторил сербскому князю Михаилу Обреновичу во время его путешествия по Боснии. Действия Перовича способствовали возникновению волнений в окрестностях Мостара.

По возвращении на родину С. Перович энергично принялся за устройство семинарии. Чтобы оградить себя от разбирательств по вопросу о распоряжении собранными в России средствами, он взял письменное обязательство с мостарской православной общины о ее невмешательстве в дело открытия своего учебного заведения³⁴.

В сентябре 1867 г. в Мостар прибыл российский консул А.Н. Кудрявцев. Он не разделял восторгов своих предшественников относительно личности С. Перовича. В своём донесении к графу Н.П. Игнатьеву Кудрявцев крайне негативно отозвался об о. Серафиме и его деятельности: «Одарённый природным умом и красноречивым словом, хитрый, честолюбивый и лукавый, он получил очень порядочное образование в Белграде. Прибыв на свою родину, он вскоре сумел сделаться игуменом монастыря Житомысличи*. Под личиной патриота и великого ревнителя православия и народа, он возмечтал сделаться митрополитом Герцеговины, великим и вместе зажиточным человеком и захотел пристроить и всю свою родню. Войдя в тесную связь с бывшим русским консулом (В.В. Безобразо-

* Имеется в виду герцеговинский монастырь Житомыслич. В XIX в. российские дипломаты и путешественники зачастую именовали его «Житомысличи».

вым. — *К. М.*) и приобрета лостью и умением говорить полное и неограниченное его доверие, он воспользовался симпатией и влечением его к несчастным единоверцам нашим...»³⁵.

Из донесения Кудрявцева в МИД мы узнаём о том, каким образом архимандрит распорядился собранными в России средствами. Сербские газеты пестрели радостными сообщениями о новой семинарии, открытой при монастыре Житомыслич, но «расцвет» этого учебного заведения был только на бумаге. На самом деле С. Перович за 1000 червонцев купил дом и сдал его в аренду российскому консульству. Остальные деньги он раздал под проценты местным торговцам, а привезенные из России книги выставил на продажу³⁶. Новая семинария оказалась чистой воды профанацией. Никаких изменений в монастыре Житомыслич не произошло. «Прежняя для малых детей земледельцев школа осталась так, как была. По-прежнему окна без стекол, закупоренные пуками сена, прежнее малое помещение, прежнее число скамеек. Что было нового — это молодой наставник, воспитывавшийся в Белграде, но едва знающий первоначальное и необходимое для передачи детям и не имеющий никакого понятия ни о риторике, ни о философии и ещё менее о богословии. Может ли быть при богословской семинарии только один профессор и тот, получающий по три червонца в месяц жалованья? Могут ли учиться богословию десяти- и двенадцатилетние мальчики, знающие едва читать по складам и выучивающие на память без всякого понимания то, что им укажут в книге? Скажу. В Житомысличах никакой богословской семинарии не было открыто», — сообщал Кудрявцев³⁷.

Помимо этого в семействе Перовичей случился скандал, невольным участником которого стало российское консульство. В 1866 г. С. Перович вернулся из России на родину не один. В Москве он познакомился с девушкой Марией Йогансон и заочно просватал её за своего брата Йована. Тот некогда учился в Киевской духовной академии, а вернувшись в Мостар, учительствовал в местной школе. О. Серафим сулил Марии место директрисы мостарской женской школы с жалованием в 480 руб. в течение шести лет³⁸. По его словам, её будущий

муж Йован был одним из самых интеллигентных и уважаемых людей в Герцеговине и имел доход в 400 руб.

В 1866 г. Мария действительно приступила к работе в мостарской школе для девочек. По сообщению тогдашнего российского консула Н.А. Илларионова, она «своим знанием дела и умением за него взяться заслужила в короткое время пребывания своего в Мостаре любовь здешней православной общины»³⁹. Школу посещало около 30 учениц. Единственной проблемой было то, что Мария Перович практически не владела сербским языком. И тем не менее она возглавляла это учебное заведение до 1868 г.⁴⁰

Идиллия, однако, продолжалась недолго. Уже в 1867 г. разгорелся скандал. Практически всё из обещанного когда-то Марии оказалось ложью, но она не имела возможности вернуться на родину. Кроме того, братья Перовичи запретили ей поддерживать контакты с российским консульством. А.Н. Кудрявцева они обвинили во вмешательстве во внутренние дела их семьи и развернули против него кампанию. В сербских газетах публиковались статьи, критикующие российского консула⁴¹.

«Семинария» в Житомысличе превратилась в центр для подготовки повстанческих чет, что повлекло за собой заключение братьев Перовичей в тюрьму (1870 г.) с последующей ссылкой⁴², где они провели пять лет. В 1876 г. Перовичи были освобождены усилиями иностранных консулов. Позже, в 1889–1903 гг., о. Серафим был герцеговинским митрополитом. Как сложилась судьба обманутой Марии, неизвестно.

Бывал в России и ещё один будущий митрополит, на этот раз дабробосанский, — сараевский архимандрит Савва Косанович (1839–1903). Целью его поездки был сбор средств для открытия гимназии, на нужды православных школ и покрытие долгов сараевской общины в связи с возведением храма.

Своё путешествие он совершил в 1872–1874 гг. и за это время дважды побывал в Москве. Первый раз, в феврале 1873 г., он остановился в Сретенском монастыре. Помощником о. Саввы в Москве был назначен иеродиакон будущего Сербского подворья о. Феофил⁴³. В Москве Косановичу понравилось. Большое содействие ему оказал секретарь Московского

славянского комитета, историк Нил Александрович Попов (1833—1891). О. Савва познакомился также с видными представителями московской интеллектуальной элиты, активными деятелями Московского славянского комитета — И.С. Аксаковым, М.П. Погодиным, П.Н. Батюшковым, В.А. Черкасским, а также с ректором двух московских семинарий преосвященным Леонидом (в миру Л.В. Краснопевковым)⁴⁴. Из Москвы архимандрит отправился в путешествие по России⁴⁵.

Осенью 1873 г. Косанович вернулся в Москву. Здесь его ждали неприятности: у архимандрита случился конфликт с настоятелем Сретенского монастыря о. Виктором. Дело в том, что в конце октября Косанович отправил московскому митрополиту жалобу на настоятеля, сообщая об интригах, которые тот плетёт против своих иеромонахов⁴⁶. Спустя некоторое время Н.А. Попов получил от сараевского архимандрита письмо (на русском языке. — *К. М.*), в котором тот рассказывал о неприятностях, учинённых ему местной братией. О. Савве был нанесён ряд оскорблений, в результате чего на следующий день он покинул монастырь и поселился в гостинице. «Милостивый государь! Неужели для этого меня народ послал в Россию, чтоб братья меня притесняли и оскорбляли и действиями своими вызывали к иступлению? Не знаю, что имеет архимандрит Виктор против меня и почему такие незаконные действия в вверенном ему монастыре он допускает? Неужели, таким образом, делается гостеприимство полномочному одному народа, которому так сильно симпатизирует Россия [...]. Что скажут сербы на родине, когда узнают о подобных действиях, и какое будут иметь мнение о русском монашестве! Милостивый государь! Конечно, что отец Виктор, после выселения моего из монастыря, постарается всеми силами очернить меня [...], но я уверен как в справедливости, так и в том, что Славянский комитет не только что не поверит этим клеветам, но сделает надлежащие шаги у предположенных лиц духовной власти, чтоб отцу архимандриту Виктору сделано было внушение, которым бы в будущее не только я, но и каждый из моих сородичей избавлен был от подобных неприятностей!» — так Косанович описывал Н.А. Попову приключившуюся с ним историю⁴⁷.

После этого архимандрит тяжело заболел. В письмах о. Савва часто намекал Попову на то, что хорошо было бы ему получить русский паспорт и протекцию — в этом случае он бы мог спокойно вернуться домой и стать постоянным корреспондентом Славянского комитета⁴⁸.

В марте 1874 г. Косанович отправился в Сараево. Он ещё мог оставаться некоторое время в России, но его преследовали болезни. Азиатский департамент и Св. Синод предлагали назначить другую кандидатуру для сбора пожертвований, но, по свидетельству архимандрита, оказалось, что вещей и денежных средств, привезенных им, было достаточно⁴⁹. Вскоре в адрес Н.А. Попова, Славянского комитета, Св. Синода и российского МИД были отправлены многочисленные благодарности от представителей сараевской православной общины⁵⁰.

По сообщению российского консула в Сараево А.Н. Кудрявцева, в России архимандриту удалось собрать около 4500 руб. и 10 ящиков с одеждой, утварью и книгами⁵¹. По другим данным, сумма собранных средств превышала 9000 руб. (в частности, было получено 3000 руб. от неизвестного благодетеля)⁵².

Помимо благоустройства храма, на собранные в России средства было куплено два дома рядом с собором, в одном из которых разместилось женское училище⁵³.

После 1874 г. Косанович в Россию больше не приезжал, но долгое время оставался корреспондентом Славянского комитета и вел многолетнюю переписку с русскими общественными деятелями и учеными.

Соборная церковь Рождества Пресвятой Богородицы, строительство которой завершилось благодаря собранным в России средствам, до Первой мировой войны являлась резервацией дабробосанских митрополитов. Она и по сей день украшает Сараево.

* * *

Выходцы из Боснии и Герцеговины, так же, как и другие южные славяне, получали образование в России, но их было немного. Молодые босняки и герцеговинцы направлялись в Одессу и Киев, на третьем месте был Петербург, а потом уже

Москва. Известно, что в 1860—1870-е годы в Московском университете проходили курс обучения: Иван Дреч, Георгий Филиппович⁵⁴, Иван Лепава⁵⁵ и Ваца Пелагич. Ещё был некий Ристо Миленков, который слушал лекции, но о нём, к сожалению, не удалось найти никаких сведений.

В 1858 г., по окончании своей службы в Боснии, А.Ф. Гильфердинг возвращался домой через Мостар. Оттуда он привёз в Россию уроженца Герцеговины — Ивана (Йована) Фёдоровича Дреча, которому в то время было около десяти лет.

Иван Дреч стал воспитанником Гильфердинга. В 1858 г. он обучался в частной школе и готовился к третьему классу гимназии⁵⁶. Интересно, что из Петербурга в Мостар не поступало никаких сведений о судьбе Дреча. В 1862 г. Чокорило в письме просил М.Ф. Раевского разузнать что-нибудь о подопечном Гильфердинга. Из-за долгого молчания семья мальчика решила, что он погиб в России⁵⁷.

В 1864 г. Иван Дреч окончил 3-ю Санкт-Петербургскую гимназию. Он успешно сдал экзамены и был зачислен в ряды студентов Санкт-Петербургской медико-хирургической академии⁵⁸, получив стипендию от российского правительства. На второй курс его перевели без экзаменов. Однако на этом его успехи в учёбе закончились. В 1866 г. его ещё раз оставили на втором курсе академии, а в 1867 г. и вовсе отчислили «за неуспехи в науках»⁵⁹. Герцеговинцу выдали аттестат; согласно характеристике студент «поведения был очень хорошего»⁶⁰.

Причины потери интереса к учёбе были связаны с тем, что И. Дреч увлёкся политической деятельностью. В апреле 1866 г. он вместе с воспитанником Михайловской артиллерийской академии Савой Груичем⁶¹, слушателем Николаевской академии Генерального штаба поручиком Дмитрием Джуричем⁶² и вольнослушателем юридического факультета Санкт-Петербургского университета Дмитрием Дучичем организовал в Петербурге «Сербскую общину»⁶³. Немного позже к ним присоединился и известный впоследствии сербский революционер, социалист Светозар Маркович (1846—1875). В состав организации также вошли герцеговинцы Иван Лепава и Георгий Филиппович. Деятели «Общины» ставили перед собой две главные

задачи: 1) работа над сближением России и Сербии; 2) оказание материальной помощи нуждающимся сербам в России. Секретарём общины стал Иван Дреч⁶⁴.

В августе 1866 г. в Нови-Саде была создана культурно-просветительская и общественно-политическая организация «Объединенная сербская молодежь» (далее — Омладина). «Сербская община» Петербурга начала с ней активное сотрудничество. В 1868 г. «Сербская община» была переименована в «Югославянскую».

В августе 1868 г. Дреч был зачислен на первый курс разряда естественных наук физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета⁶⁵.

К этому моменту молодой человек уже покинул дом Гильфердинга и проживал в ночлежном приюте при кухмистерской «Сербия» на Невском проспекте, где и располагался штаб «Югославянской общины». Посильную помощь ему оказывал обучающийся в России сербский общественный деятель, демократ, публицист Живоин Жуёвич (1838—1870)⁶⁶.

В 1869 г. руководство «Общины» покинуло Петербург: Светозар Маркович отправился в Цюрих, Сава Груич — в Белград, а Иван Дреч зимой 1869 г. переехал в Москву. Он намеревался продолжить обучение на медицинском факультете Московского университета. Объясняя причины своего переезда, Дреч сообщал в своём прошении на имя ректора Московского университета С.И. Баршева (1863—1870 гг.): «Жизнь в Петербурге студентом тамошнего университета далеко не посильна моим скудным средствам, которые я там извлекал непостоянными частными заработками. В настоящее время с истечением первого академического полугодия мне представилась возможность к менее трудной в отношении материальном студенческой жизни в Москве»⁶⁷.

По правилам Московского университета перевод студентов из других высших учебных заведений был возможен только до октября текущего года. Дреч добавлял в своём письме к ректору: «Такое обстоятельство ставит меня в крайне трудное положение: не числясь студентом в течение наступающего второго академического полугодия, я не буду иметь права держать

в конце сего академического года университетский экзамен 1-го курса, на котором я числился бы, и потерю целый год. [...] Ввиду той настоятельной потребности, какую моё отечество — Герцеговина ощущает в своих родичах с медицинским образованием, и мной чувствуемой способности к этой отрасли наук, мне желательно посвятить себя в здешнем университете занятиям по медицинскому факультету»⁶⁸. Прошение герцеговинца было удовлетворено — он получил официальное разрешение о переходе на первый курс медицинского факультета Московского университета.

Поскольку Дреч больше не являлся государственным стипендиатом, он оказался в тяжелом материальном положении. Попытка обращения за помощью в Санкт-Петербургское отделение Славянского комитета, где в это время председательствовал А.Ф. Гильфердинг, не увенчалась успехом⁶⁹.

Для того, чтобы обеспечить проживание Дреча в Москве, был организован сбор средств через белградскую газету «Сербия»⁷⁰. В результате его обучение оплачивали сербские благотворители. Во время учебы Иван продолжал поддерживать контакты со Светозаром Марковичем, занимался пропагандой социалистических идей, поэтому не удивительно, что над ним был установлен полицейский надзор⁷¹.

В 1872 г. Дреч и два его товарища, И. Лепава⁷² и Г. Филиппович⁷³, получили приглашение от Белградского, Крагуевацкого, Новисадского и Цетинского комитетов Омладины вернуться на родину с уверенением в том, что дело национального освобождения сербов подготовлено и в скором времени будет начато. Зимой 1872 г. Дреч подал прошение об отчислении его с третьего курса Московского университета, сообщив при этом о своём желании отправиться в Герцеговину и получить там место народного учителя⁷⁴.

В марте 1872 г. И. Лепаве, Г. Филипповичу и И. Дречу от российского правительства было выдано по 50 руб. на путевые расходы⁷⁵. Судя по всему, они ехали через Вену, где встречались с М.Ф. Раевским. «Письмо это передаст Вам мой экс-воспитанник Иван Дреч, возвращающийся учительствовать на родину в Герцеговину. Не откажите ему в добром совете и, в случае

нужды, в милостивой поддержке Вашей», — писал Гильфердинг Раевскому⁷⁶.

Сербский митрополит Михаил (1826–1898) сетовал по поводу приезда Дреча в письме к секретарю Московского славянского комитета Н.А. Попову: «Жаль, что и этот молодой человек, получив прекрасное направление, губит себя и портит свои отношения. Его как-то испортила какая-то пропаганда, внушив ему вражеские мысли недоверия к России. Глупость, которая только вредит частным лицам и общему славянскому делу! Нельзя ли как-нибудь побережь этих молодых людей от зловредной заразы, по крайней мере, в России»⁷⁷. Хорошо знавший воспитанника Гильфердинга российский дипломат А.С. Ионин писал о нём в своём донесении в Петербург: «Неисправимый нигилист, но умный и с характером. Я его долго убеждал не ездить, но он всё-таки поехал, бросив учение на медицинском факультете и погубив своё будущее»⁷⁸. Ионин считал, что Дреч превратился в «слепое орудие Омладины»⁷⁹.

11 мая 1872 г. Дреч и Лепава прибыли в Мостар⁸⁰. Вскоре они получили места учителей в той самой школе, где когда-то сами учились. Дреч начал разработку проекта открытия в Мостаре училища, самостоятельно составил программу обучения, которая была одобрена турецким правительством⁸¹.

Однако в Мостаре молодых учителей ожидало много неприятностей. В феврале 1873 г. герцеговинский митрополит Прокопий (1863–1875 гг.) донёс на Лепаву, Дреча и присоединившегося к ним Пичету турецкому правительству, обвинив первых двух в шпионаже в пользу России, а последнего — в пользу Сербии⁸². Но благодаря действиям российских дипломатов эти обвинения с молодых учителей были сняты.

Иван Дреч уверил российского вице-консула Якова Петровича Славолубова в своём желании отправиться в Константинополь для дальнейшего обучения медицине, после чего планировал вернуться в Мостар в качестве врача⁸³. Скорее всего, в Константинополь он так и не съездил, но уже в мае 1873 г. оставил школу и открыл в Мостаре аптеку⁸⁴.

До августа 1876 г. Дреч принимал участие в герцеговинском восстании⁸⁵; затем перешёл на работу в Российское общество

попечения о раненых и больных воинах (позже — Российское общество Красного Креста)⁸⁶; с октября 1876 г. он заведовал госпиталем в черногорском Даниловграде⁸⁷. Последнее, что известно об И. Дрече, это то, что он обосновался в Цетинье и открыл там аптеку. В конце 1880-х годов, во время своего путешествия по Черногории, российский государственный деятель, писатель Дмитрий Петрович Голицын (Муравлин) (1860—1928) встретился с Иваном Дречем и охарактеризовал его следующим образом: «Владелец аптеки и один из авторитетнейших жителей города, родом из Герцеговины, верно предан России и отлично знает русский язык»⁸⁸.

Уроженцем Боснии, учившимся в России, был Васа (Василий) Пелагич (1838—1899). Его деятельность и контакты с русскими деятелями хорошо изучены отечественными историками⁸⁹.

Васа Пелагич родился в 1838 г. в боснийском селе Жабар, в Посавинье. Учился в гимназии и семинарии в Белграде. Вернувшись в Боснию, развернул бурную деятельность на педагогическом поприще: работал учителем в школе в Брчко, открыл там читальню. В 1863 г. Пелагич бежал от преследования турецких властей в Белград. Сербский митрополит Михаил порекомендовал молодого талантливому преподавателю М.Ф. Раевскому. Пелагич направился в Вену, а оттуда — в Москву, где пробыл до лета 1865 г.⁹⁰ Благодаря И.С. Аксакову он получал стипендию в 30 руб. ежемесячно от Московского славянского комитета⁹¹. В качестве вольнослушателя историко-филологического факультета посещал Московский университет⁹². Российская исследовательница жизни и деятельности В. Пелагича Д.Ф. Поплыко, посвятившая этому деятелю целый ряд работ, пишет о том, что Пелагич намеревался прослушать следующие курсы: история всеобщей литературы у Ф.И. Буслаева, славянские наречия у О.М. Бодянского, всеобщая история у С.В. Ежевского, политэкономия у И.К. Бабста, логика и психология у П.Д. Юркевича. Ему было позволено посещать любые занятия по желанию. Доподлинно известно, что он изучал политэкономия, историю и медицину⁹³.

В Москве Пелагич сблизился со славянофильскими кругами. Он публиковал небольшие статьи в московских газетах «День», «Современная летопись» и «Московские ведомости»⁹⁴.

В 1866 г. В. Пелагич вернулся на родину. Поработав некоторое время учителем, он решил основать семинарию в Бая-Луке. Она была открыта 1 октября 1866 г. Изначально учебное заведение посещало 40 человек. В 1868 г. Пелагич отказался от выгодной женитьбы, постригся в монахи, был посвящён дабробосанским митрополитом Дионисием (1868—1871 гг.) в иеромонахи, а затем произведён в архимандриты⁹⁵.

В 1868 г. Пелагич был принят в Московский славянский комитет в качестве агента⁹⁶. Он неоднократно просил российское правительство, Славянский комитет и М.Ф. Раевского оказать финансовую помощь семинарии в Бая-Луке. Из России обещали поддержку. Однако, по признанию В. Пелагича в письме к консулу в Сараеве Кудрявцеву, к 1869 г. на семинарию из России не поступило ни одной копейки⁹⁷.

Первые три года его проект реализовывался за счёт местных купцов и жертвователей. Затем, благодаря содействию сербского митрополита Михаила, семинария начала получать ежегодную финансовую помощь от сербского правительства в размере, эквивалентном примерно 2000 русских руб., что являлось весьма существенным пожертвованием⁹⁸.

Выбор именно г. Бая-Лука в качестве центра подготовки сербского духовенства был не случаен. Пелагич считал, что православное учебное заведение должно стать главным очагом сопротивления римско-католической пропаганде, ведь именно в это время на венгерские деньги трапписты* вели здесь активное строительство монастыря, училища и больницы⁹⁹.

В Бая-Луке преобладало христианское население. Однако город граничил с наиболее густо заселёнными мусульманами областями Боснии. По мнению многих российских дипломатов, устройство семинарии в этой местности было слишком рискованным мероприятием, а самого Пелагича они не видели в качестве руководителя этого учебного заведения¹⁰⁰. Затея Пелагича вызывала сомнения и у многих жителей Боснии и Герцеговины, о чём Савва Косанович сообщал Н.А. Попову¹⁰¹. До 1868 г. в Бая-Луке не было организаций по подготовке вос-

* Трапписты — члены католического монашеского ордена, основанного в 1664 г.

стания, и семинария стала главным агитационным центром. Самого Пелагича многие называли «разбойником».

В процессе устройства семинарии российские дипломаты и общественные деятели активно обсуждали вопрос о целесообразности поддержки данного учебного заведения. Необходимость его открытия не ставилась под сомнение, но избранное Пелагичем место оценивалось как провокация. В конечном итоге их опасения подтвердились — семинария подверглась преследованию турецких властей. Весть о ее закрытии турками Кудрявцев, правда, воспринял спокойно, считая это временной мерой¹⁰². Позже, однако, стало ясно, что турецкое правительство настроено решительно. Пелагич попал в тюрьму. Сербский митрополит Михаил активно его поддерживал; он писал, что трудно найти другого такого деятеля в Боснии¹⁰³. Суд состоялся в Константинополе. Пелагича отправили в ссылку в городок Кютяй; срок его заключения, по совокупности «преступлений», составлял 101 год.

Тогда именно Россия встала на защиту Пелагича. Ещё по дороге к месту ссылки (в 1870 г.) российский посол в Константинополе Н.П. Игнатьев передал ему денежное пособие и способствовал установлению его контактов с земляками¹⁰⁴. В 1871 г. стараниями Н.П. Игнатьева Пелагича удалось освободить из ссылки. Он получил русский паспорт, и на пароходе «Тамань» был вывезен в Одессу, а оттуда перебрался в Белград. Впоследствии Пелагич принимал активное участие в работе сербской Омладины.

Во время восстания 1875—1878 гг. в Боснии и Герцеговине Пелагич стал одним из его руководителей. После оккупации Боснии он перебрался в Сербию. За пропаганду социалистических идей в 1896 г. Пелагич был арестован и умер в тюрьме в г. Пожаревац в 1899 г.

* * *

Москва с её богатым купечеством и щедрыми благотворителями всегда привлекала сборщиков из славянских земель. Здесь им, как правило, удавалось получить значительное количество как финансовых средств, так и другой помощи. Актив-

ные деятели Московского славянского комитета — Н.А. Попов, И.С. Аксаков, П.А. Бессонов, М.П. Погодин и другие занимались вопросами организации пребывания герцеговинцев в Москве. К сожалению, их представители П. Чокорило и С. Перович не сумели достойным образом распорядиться собранными средствами. Пребывание же С. Косановича в России в 1872–1874 гг. было организовано значительно лучше и имело результатом возведение в Сараеве православного храма.

Обучение боснийских и герцеговинских славян в Москве было скорее исключением. Получая образование в Московском университете в 1860–1870-е годы, молодые люди были связаны с различными революционными организациями, состояли в сербской Омладине. Ни один из них так и не окончил курса.

Не часто Москва принимала у себя выходцев из Боснии и Герцеговины, но щедро их одаривала. Одни привозили на родину средства, на которые были возведены два величественных православных храма, другие — революционные идеи, подтачивавшие их на борьбу с османским владычеством.

Примечания

¹ *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. СПб., 1873. С. 5.

² Там же. С. 56.

³ *Прокопий (Чокорило), иером.* Летопись Герцеговины. 1831–1857 // Русская беседа. 1858. Кн. 2. Ч. 2. Смесь. С. 93–121.

⁴ *Чокорило П.* Летопись Герцеговины 1831–1857 // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. СПб., 1873. С. 499–525.

⁵ Там же. С. 501.

⁶ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985. С. 83.

⁷ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2938. Л. 1 об.

⁸ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 797. Оп. 27. Отд. II. Стол 2. Д. 410. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 10.

¹¹ Там же. Л. 12, 62.

¹² Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975. С. 125.

¹³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 231/II. Картон 8. Ед. хр. 3. Л. 1.

- 14 РГИА. Ф. 797. Оп. 27. Отд. II. Стол 2. Д. 410. Л. 15, 22.
- 15 ОР РГБ. Ф. 231/II. Картон 13. Ед. хр. 28. Л. 31–32.
- 16 Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 480. Л. 59.
- 17 ОР РГБ. Ф. 231/II. Картон 13. Ед. хр. 28. Л. 30–31.
- 18 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 161. Главный архив. 1859. Всеподданнейшие доклады. Д. 35. Л. 1–1 об. Копии материалов из АВПРИ были получены автором статьи в архиве Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.
- 19 РГАДА. Ф. 1274. Ч. 2. Ед. хр. 2420. Л. 1.
- 20 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 61–61 об.
- 21 РГИА. Ф. 797. Оп. 27. Отд. II. Стол 2. Д. 410. Л. 74.
- 22 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2053. Л. 73 об.–74.
- 23 Земельный участок для постройки церкви был приобретен еще в 1836 г. См.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2048. Л. 19–20.
- 24 Строительство храма было завершено в 1873 г. архитектором Андреем Дамьяновым.
- 25 ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 53.
- 26 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 21.
- 27 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 207–208.
- 28 Там же. С. 222–223.
- 29 Там же. С. 436–437.
- 30 Там же. С. 437.
- 31 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы. М., 1988. С. 17.
- 32 Там же. С. 36–37.
- 33 Там же. С. 48.
- 34 Там же. С. 48–49.
- 35 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2053. Л. 75 об.–79.
- 36 Там же. Л. 77 об.
- 37 Там же. Л. 77.
- 38 Там же. Л. 76.
- 39 Освободительная борьба народов Боснии, Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 69.
- 40 *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима (1856–1878). Сарајево, 1988. С. 534.
- 41 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2053. Л. 78–78 об.
- 42 Там же. Л. 76 об.–78.
- 43 *Данченко С.И.* Материалы архива Н.Н. Дурново по истории российско-сербских связей в XIX в. Публикация // *Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина: Сборник статей.* М., 2013. С. 770.
- 44 Там же. С. 767–768.
- 45 Косанович осуществил две большие поездки по России, в ходе которых посетил Москву, Санкт-Петербург, Рязань, Моршанск, Козлов (совр. Мичуринск), Тамбов, Саратов, Хвалынский, Казань, Вятку, Нижний Новгород, Елец и Орёл. // См.: ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 11, 12.

⁴⁶ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 12. Л. 31.

⁴⁷ Там же. Л. 43–44.

⁴⁸ Там же. Л. 42.

⁴⁹ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 13. Л. 11 об.

⁵⁰ См.: ГА РФ. Ф. 1750; ОР РГБ. Ф. 239; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.). Ф. 400.

⁵¹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 363.

⁵² Данченко С.И. Указ. соч. С. 770.

⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 8. Л. 69–70.

⁵⁴ Георгий (Джордже) Филиппович — родом из Герцеговины (по другим данным — из Черногории), учился в Санкт-Петербургской духовной академии; в 1869 г. получил стипендию от российского правительства для обучения на медицинском факультете Московского университета. В 1872 г. вернулся в Сараево. Позже переехал в Мостар, где работал учителем в школе до начала герцеговинского восстания 1875 г. Принимал в нем активное участие, был правой рукой М. Любичевича. В августе 1876 г. вернулся в Москву и поступил на третий курс медицинского факультета Московского университета. Подробнее см.: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 156, 282, 342–343, 391, 396–397; Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М., 2008. С. 321–322; *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 511–518.

⁵⁵ Иван Лепава (1850–1916) — родился в Восточной Герцеговине, в селе Полица (Попово поле). Учился в школе при монастыре Житомирский. В 1863 г. был отправлен в Россию консулом В.В. Безобразовым. В 1867 г. получил стипендию от российского правительства для обучения во 2-й киевской гимназии. Позже учился на историко-филологическом факультете Киевского университета, затем переехал в Петербург. После 1869 г. обучался в Московском университете. С 1872 по 1875 г. работал учителем в мостарской школе. Принимал участие в герцеговинском восстании, сотрудничал с русским Красным Крестом и Славянским комитетом. В 1878 г. Лепава был помощником представителя Петербургского славянского комитета среди герцеговинских беженцев в Черногории А.В. Васильева. В 1881 г. переехал в Черногорию, где активно работал на поприще просвещения. Преподавал русский язык. Написал несколько учебников. Лепава был преподавателем (1889–1903 гг.; 1905–1908 гг.) и директором (1890–1902 гг.) гимназии в Цетинье, возглавлял семинарию (1903–1905 гг.), преподавал в Женском черногорском институте имени императрицы Марии Александровны. Работал в министерстве просвещения и церковных дел Черногории. В 1908 г. вышел на пенсию и переехал с семьей в Белград. Подробнее см.: *Јово Љепава (1850–1916) // Мартиновић Д.Ј.* Портрети (био-библиографски преглед). Цетинье, 1983. С. 143–146.; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 81–82; 282, 342–343; Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. С. 404–411; *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 511–518.

⁵⁶ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского... С. 129.

⁵⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 54, 56.

⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 4331. Л. 1–2.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Сава Груич (1840–1913) — сербский военный и государственный деятель. С 1877 г. — военный министр, с 1879 г. — генеральный консул в Болгарии, с 1882 г. — посланник в Афинах. В 1887 г. был произведен в полные генералы и назначен посланником в Санкт-Петербург, позже снова стал военным министром

и главой сербского правительства. В 1891 г. был назначен председателем Государственного совета, с 1892 г. — посол в Константинополе, с 1893 г. — председатель правительства и военный министр, с 1897 г. — посол в Санкт-Петербурге. В 1899 г. отставлен от должности и привлечён к суду за подозрение в организации покушения на жизнь сербского короля Милана. В 1900 г. был реабилитирован.

⁶² Дмитрий Джурич (1838–1893) — окончил белградскую артиллерийскую школу, в 1862 г. был командирован в Пруссию, в 1864 г. перешел на русскую службу. В 1865–1867 гг. обучался в Николаевской академии Генерального штаба в Санкт-Петербурге. С 1881 г. — начальник отделения Главного Генерального штаба Сербии. В 1889–1890 гг., 1892 г. — военный министр Королевства Сербия.

⁶³ *Игњатовић Ђ.* Светозар Марковић и «српска општина» у Петрограду // *Историјски часопис.* Књ. XXII. Београд, 1975. С. 112–147.

⁶⁴ Там же. С. 114.

⁶⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 4331. Л. 1–2.

⁶⁶ *Карасёв В. Г.* Сербский демократ Живоин Жувич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. М., 1974. С. 62.

⁶⁷ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 157.

⁶⁸ Там же. С. 157.

⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 231/IV. Картон 2. Ед. хр. 86.

⁷⁰ *Карасёв В. Г.* К вопросу о первых боснийско-герцеговинских социалистах // *Међународни научни скуп: проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875.* Сарајево, 1987. С. 85–88.

⁷¹ Югословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80 године XIX века. Т. 2. Књ. 1. Београд, 1989. С. 228.

⁷² ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 102–102 об.

⁷³ Там же. Ед. хр. 70. Л. 56.

⁷⁴ АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. Д. 12911. Л. 1–1 об.; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 282.

⁷⁵ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 282.

⁷⁶ Югословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског... С. 228.

⁷⁷ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 13. Ед. хр. 45. Л. 1–1 об.

⁷⁸ Уједињена омладина српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. Нови-Сад, 1977. С. 293.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 282.

⁸¹ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2058. Л. 88–90.

⁸² АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. 1873. Д. 629. Л. 24–25; Уједињена омладина српска и њено доба. С. 306–308.

⁸³ Уједињена омладина српска и њено доба. С. 276–277.

⁸⁴ Москва–Сербия. Белград–Россия: Сборник документов и материалов. Т. 2: Общественно-политические связи 1804–1878 гг. Москва–Белград, 2011. С. 267; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 343.

⁸⁵ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. С. 319–320.

⁸⁶ *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 480.

⁸⁷ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. С. 321.

- ⁸⁸ Голицын (Муравлин) Д. У синя моря. Путевые очерки Черногории и Далматинского побережья. СПб., 1896.
- ⁸⁹ Подробнее о В. Пелагиче см.: Очак И.Д., Поплыко Д.Ф. Новые данные о связях сербского революционера В. Пелагича с Россией во второй половине 60-х годов XIX в. // Славянский архив. М., 1961.; Поплыко Д.Ф. Васа Пелагич и Россия. Из истории сербской революционной мысли. М., 1983; Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., 2011. С. 165–170.
- ⁹⁰ Поплыко Д.Ф. Васа Пелагич и Россия... С. 20.
- ⁹¹ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. С. 165.
- ⁹² По некоторым сведениям, Пелагич также учился в Киевской духовной академии // См.: Пилиповић Р. Српски богослови на школовању у Русији у другој половини 19. века — према оцени руског царског дипломате // Годишњак за друштвену историју 2. Београд, 2012. С. 89–90.
- ⁹³ Поплыко Д.Ф. Васа Пелагич и Россия... С. 25–26.
- ⁹⁴ Там же. С. 31–32.
- ⁹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 124 об.
- ⁹⁶ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 64 об.
- ⁹⁷ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 5–6.
- ⁹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 125.
- ⁹⁹ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 86.
- ¹⁰⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 6 об.; Југословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског. С. 312–313.
- ¹⁰¹ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 12. Л. 10 об.
- ¹⁰² ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 125 об.
- ¹⁰³ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 13. Ед. хр. 44. Л. 14.
- ¹⁰⁴ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. С. 176.

Этнографические пласты в творчестве Любена Каравелова московских лет

Среди множества болгар, по различным причинам оказавшихся в 50–70-е годы XIX в. России (получение образования, вынужденная эмиграция, или и то, и другое одновременно), важнейшей фигурой являлся Любен Каравелов (1834–1879)¹. За сравнительно короткое время он вырос в одного из крупнейших деятелей болгарского национального Возрождения — творцов и борцов за освобождение родной земли от османских поработителей. Его литературная и политическая деятельность была исключительно многогранной: он автор художественных произведений, драматург и критик, он стал также одним из основоположников жанра повести в болгарской литературе, занимался стихотворчеством, выпускал революционные газеты, писал пламенные публицистические статьи и т.д.². Многие из видов этой деятельности реализовывались не на русской земле, а в других странах — в Сербии и Румынии. Там Каравелов также находился в качестве эмигранта, потому что, возвратись он в Болгарию, здесь его ждали бы тюрьма, суд и повешение, как другого болгарского национального борца против турецкого ига — Васила Левского. Мы не будем касаться румынского и сербского периодов жизни Л. Каравелова — нас интересует, в первую очередь, то, что он создавал в России.

Л. Каравелов отправился в Россию в 1857 г. с намерением поступить в кадетский корпус и получить военное образование, чтобы бороться с оружием в руках против ненавистных турок. Но его надежды не сбылись: в кадеты принимали до 15 лет, а Любену тогда уже исполнилось 23. Не сдал Каравелов и вступительные экзамены в Московский университет, однако в 1859 г. он всё же сделался вольнослушателем его историко-филологи-

ческого факультета — благодаря стипендии своего покровителя, русского купца В.А. Кокорева.

В университетские годы Л. Каравелов увлекся идеями русских революционных демократов, зачитывался литературно-критическими статьями В.Г. Белинского, А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского. В Москве он познакомился с такими видными русскими учеными и общественными деятелями, как М.П. Погодин, О.М. Бодянский, В.И. Ламанский, И.С. Аксаков и др. Любен не явился ни на один университетский экзамен, но был очень начитанным и образованным человеком. Он прочел огромное количество книг по литературе, философии, истории и этнографии.

В Москве Каравелов печатает свои первые стихотворные опыты в журнале «Братский труд» (1860), который издавала Московская дружина болгарских студентов. Это были его стихотворения «Желание», «Загорец» и «Пастырь». В целом московский период его творческой жизни был весьма плодотворным: помимо стихотворений, он публиковал в журналах и газетах рассказы и повести, литературно-критические статьи и рецензии. Чаще всего они появлялись в таких изданиях, как «Наше время», «Московские ведомости» и «Родная речь». В Москве Л. Каравелов решил подготовить многотомное издание памятников болгарского фольклора и быта³, снабдив его научным исследованием, и составить общеславянский словарь. Остановимся вкратце на первой из этой серии книге, вышедшей в Москве в 1861 г. под названием «Памятники народного быта болгар». Для начала Каравелов намеревался издать три тома «Памятников», но второй и третий по разным причинам при его жизни не увидели свет и остались в рукописном виде. В Москву он приехал с уже собранными в Болгарии фольклорными материалами, а часть их ему передали болгарские эмигранты в России. Эта практика продолжалась и в дальнейшем, о чем свидетельствует предуведомление к I тому, в котором Л. Каравелов призывает своих соплеменников, знающих народные басни, сказки и легенды, присылать их ему для публикации в последующих томах. Причем, за присланные материалы автор обещал отправителям денежное вознаграждение («за които, ние щемъ заплатимъ»).

В I томе Каравелов опубликовал 3000 поговорок, дневник народных поверий и легенды. В дальнейшем он, по его словам, собирался издать песни, басни и сказки. Интерес к фольклору у Каравелова не был случайным. Он начал интересоваться устным народным творчеством и этнографией родного народа еще до приезда в Москву. В период своего недолгого пребывания в Константинополе (с лета 1856 г. по лето 1858 г.), куда отец отправил его учиться торговому делу, он предпринял поездку в Бургас, Шипку и Габрово, во время которой записывал болгарские песни и поговорки, встречался с известными народными певцами и собирал материалы для своих будущих этнографических исследований. Любовь к фольклору Л. Каравелову, видимо, привил известный болгарский ученый и просветитель Н. Геров (1823—1900), составитель знаменитого «Словаря болгарского языка»⁵. В течение нескольких лет он был учителем Любена в Пловдиве, куда тот приехал для продолжения образования из родного города Копривштицы.

Подготовка памятников родного фольклора к изданию болгаринном в России была делом чрезвычайно сложным. Возможно, Л. Каравелов не смог бы издать и I том, если бы рядом с ним не оказался опытный помощник и единомышленник. Им явился русский ученый И.Г. Прыжов (1827—1885), с которым Каравелов, скорее всего, познакомился на лекциях в Московском университете в конце 1850-х годов. Прыжов был старше его и гораздо более подготовлен в деле собирания и издания памятников фольклора. Он был учеником известного профессора О.М. Бодянского и другом украинского фольклориста А.А. Котляревского, подготовил ряд основательных научных трудов по этнографии и фольклору, которые остались в рукописи. Среди них были такие работы, как «Быт Малороссии по памятникам ее литературы с XI по XVIII век», «Ведьма», «Записки по истории русского народа» и др.⁶. Сближала Каравелова и Прыжова и обоюдная убежденность в необходимости революционного преобразования общества. За участие в нелегальной организации «Народная расправа» Прыжов в 1869 г. был арестован, заключен в Петропавловскую крепость, предан суду и приговорен к 12-летней каторге с отбыванием срока в Сибири⁷.

После своего освобождения он остался на сибирской земле, где и умер. А Каравелов за свои революционные взгляды был взят под негласный надзор русской полиции и находился под ним несколько лет⁸.

Пословицы и поговорки приводились в I томе «Памятников» на болгарском языке без перевода на русский. Возможно, Каравелов был отчасти этому и рад, поскольку благодаря данному обстоятельству русский читатель мог приобрести хотя бы некоторое представление о том, что болгарский язык действительно является родственным русскому, и при известном усилии отдельные места болгарского текста становятся доступными для понимания. В целом язык для Каравелова стоял на первом месте по важности при определении принадлежности людей к тому или иному народу, ибо в этом плане он является наиболее стойким элементом. «Несмотря ни на какие политические и религиозные перемены, — писал он, — язык народа остается верным самому себе до тех пор, пока не исчезнет сам народ путем или постепенного вымирания, или полного поглощения *другой* народностью. Скорее поменяются анатомический тип, народный характер, привычки и обычаи, народ может, так сказать, совершенно переродиться, но язык его непременно сохранит национальные черты»⁹.

Оставляя болгарские пословицы и поговорки без перевода, Каравелов давал русскому читателю понять, что его народ является славянским и говорит на языке, который имеет много схожих черт с русским. Вместе с тем отсутствие русского перевода болгарских пословиц, несомненно, объясняется и иными причинами. Дело в том, что язык этих фольклорных единиц был довольно сложным из-за обилия болгарских диалектизмов и турцизмов. И вообще переводить пословицы и поговорки на иностранный язык всегда очень трудно: буквальный перевод лишает их «соли», а имеющиеся для части из них русские соотвественства чаще всего, даже передавая суть переводимого, не в состоянии отразить его тонкие смысловые нюансы. Работавший вместе с Каравеловым И.Г. Прыжов не мог выступать в роли переводчика болгарских пословиц и поговорок: для этого ему нужно было одинаково хорошо знать русский и болгарский

языки. А проживший к тому времени несколько лет в России Каравелов ещё не успел овладеть русским языком в такой мере, чтобы справиться с задачей перевода подобного материала. На помощь читателю при соприкосновении с болгарскими пословицами и поговорками должен был прийти помещенный в конце книги небольшой словарь встречающихся в них турецких и греческих слов. Однако существенно исправить положение он, конечно, не мог.

Несомненно, такие примеры слов и словосочетаний, как «*гемия*» — корабль, «*инат*» — упрямство, «*алыш-вериш*» — покупка-продажа, «*касмет*» — удача или рок, «*менджа*» — пища, «*параклес*» — панихида, «*протогер*» — старшина, «*табак*» — кожевник, «*пирон*» — гвоздь, «*терзия*» — портной, «*тенджеря*» — кастрюля, «*хабер*» — новость, «*хесан*» — счет, представляли ценность для развития славянской лексикографии и составления будущего словаря иностранных слов. Но в данном разделе были допущены и существенные просчеты. Во-первых, над болгарскими словами в словарики не были проставлены ударения (отсутствовали они и в пословицах и поговорках и над словами болгарскими). А во-вторых, даже в пояснениях Каравелов использовал диалектную огласовку слов, поскольку болгарский литературный язык к тому времени еще не сформировался¹⁰. Не скрывал автор и того, что часть материалов для книги он позаимствовал из изданий Императорской Академии наук, вышедших в Санкт-Петербурге около 10 лет назад. Но последнее обстоятельство Каравелова абсолютно не смущало. Он осознавал, что объединение этих материалов, его собственных и заимствованных, еще больше увеличивает их значимость, и был твердо убежден в важности изучения фольклора для осмысления национальной истории. Так, в одной из своих статей Каравелов задавался вопросом, почему внимание ученых обращено на библиотеки и рукописи, т.е. на слово письменное, а вторая «половина народной души», т.е. слово устное, совсем не учитывается, хотя живой его носитель, народ, находится перед глазами ученых ежедневно.

Важность изучения родного фольклора для национального самопознания звучит и в рецензии Л. Каравелова на статью

И.П. Липранди «Восточный вопрос и Болгария»¹¹. В ней он писал, что только изучив народ, описав его нравы и обычаи, его статистику и положение, собрав народные песни, пословицы и поговорки, можно принести ему добро, едва ли не большее, чем историки. Каравелов считал, что перед его современниками находятся «живой материал, живые источники, живые хронографы, и они и есть сам народ»¹². Принципиально важным для Каравелова было и место издания собранных им памятников фольклора Болгарии. В предисловии ко II тому его «Памятников народного быта болгар», опубликованному, к сожалению, только в начале XX в.¹³, он писал, что издание болгарских песен происходит не только из-за ряда социальных причин¹⁴ и личности самого собирателя, но и благодаря существованию «внутренних оснований». Ими, по мысли Каравелова, являлись близость России и русского народа к Болгарии и болгарам. По этому поводу он писал следующее: «...ни один из славянских народов в последнее время не стоял в таких близких отношениях к болгарам, как русский, ни одно славянское племя так глубоко и, прибавим, — искренно не интересуется болгарам, как русские... Вот почему памятникам народного творчества болгар прилично явиться в России, они встретят здесь приём, как если бы они были изданы на родине»¹⁵.

На первый взгляд, I том «Памятников» предназначался для ученых узкой специализации. Но это не совсем так. В нем имелись и такие разделы, чтение которых могло доставить удовольствие и более широкому кругу читателей. К ним, в частности, относятся примечания к поговоркам и пословицам, помещенные на с. 158—172. В отличие от предыдущих материалов, пояснения Л. Каравелова, составленные явно при помощи И.Г. Прыжова, приводились на русском языке, и они вызывают интерес и в наше время. Содержание этих примечаний было непосредственно связано с бытом болгар XIX века, а сами они служили приметам тогдашней болгарской жизни. Так, в примечании № 4 Каравелов писал, что в Болгарии по селам ходили тогда знахари и травники и зазывно выкрикивали: «Билки! Билки! Билки!», т.е. «Травы! Травы! Травы!» По его свидетельству, целители предлагали селянам избавление

от сглаза, колдовства, запоя и других народных недугов. Или, например, примечание о сущности эха в народном представлении. По словам Каравелова, раздающееся на крик человека эхо в народе считалось ответом чёрта. Единственным способом избавиться от наваждения можно было крикнув сначала в снятую с головы шапку и тем самым изгнать из нее притаившегося там чёрта. В этом случае на крик человека отзовется именно тот, кого криком позвали.

Привлекает читателя и описанный Л. Каравеловым народный обычай потягивания мальчиков за различные части тела: при рождении, по большим праздникам, в день рождения, при надевании в первый раз новой одежды, купании и в ряде других случаев. Мальчика тянут за уши, ноги и руки, чтобы быстрее рос и был здоровым, за нос — с той же целью и чтобы был красивым. Или, например, примечательна попытка Каравелова дать реалистическое объяснение причины возникновения у болгар убеждения, что после смерти вампирами становятся преимущественно турки и цыгане. В народе знали, что те хоронят своих соплеменников без гроба, покрывая покойника лишь досками. Когда доски сгниют, земля проваливается, и безногие и безрукие мертвецы выбируются наружу. Но выбравшись, передвигаться они не могут и поэтому лежат рядом с могилами. Причем, наверху они появляются из-за того, что снизу на них давит чёрт. Л. Каравелов полагал, что никакой нечистой силы здесь нет; просто мусульмане зарывают своих покойников в землю не очень глубоко, а забредающие на кладбища свиньи легко откапывают мертвецов и объедают у них руки и ноги. Болгары же, увидев такие обезображенные трупы, думают, что перед ними — вампиры¹⁶.

Несколько странными могли показаться читателю некоторые приметы, связанные с неожиданными встречами. Если болгарин случайно встречал попа или монахиню, он был уверен, что его ждет несчастье. Русский крестьянин, случись с ним такое, попросил бы у батюшки благословение и спокойно бы продолжил свой путь. Крестьянин же болгарский был убежден, что ему нужно вернуться назад, плюнуть на свой кулак и только тогда снова отправиться в дорогу. Более привычными, на рус-

ский взгляд, выглядели приметы, относящиеся к неожиданной встрече с покойником или со старухой. В первом случае следовало отказаться от задуманного дела, иначе погибнешь, а во втором — крепко зажмуриться и пройти мимо, не то приключится беда. Схожими у русских и болгар были и приметы по поводу встреченных по дороге полных или пустых ведер для воды или встреч самих водоносов. Встретишь девушку или женщину с полными ведрами — ожидает удача, а если «водоноса» увидит, что несут покойника, она должна вылить воду на землю, чтобы облегчить участь почившего на том свете. То же самое относилось и к обычаю выливать воду на свадьбе, при строительстве нового дома или церкви. Отсюда, по словам Каравелова, возникло правило пожелания здоровья перед поднятием полной чаши ракии или вина.

Л. Каравелов намеревался опубликовать болгарские народные сказки во II томе «Памятников народного быта болгар», но иногда не мог удержаться от этого и в I-м. Так, в примечании № 24 он опубликовал запоминающуюся сказку об упрямой жене, которая считала, что женщины выше мужчин и поэтому всегда должны быть впереди. Она никогда не уступала мужу, вечно была готова стоять на своем и твердила, что черное — это белое, а белое — это черное. Так она, в конце концов, и добилась смертного наказания от мужа, не желая ему уступить (по одной из версий сказки муж бросил строптивую жену в воду, а та, уже утопая, показывала ему жестами, что трава пострижена, а не скошена)¹⁷.

Следует отметить, что Л. Каравелов не был подвержен славянофильским увлечениям. Он критиковал за них своего соотечественника Райко Жинзифова. Но, тем не менее, «Памятники народного быта болгар» Каравелов издал на средства известного славянофила И.С. Аксакова. Возможно, не без его влияния и при активном содействии И.Г. Прыжова Каравелов применил сравнительно-исторический метод исследования, сопоставляя болгарский народный календарь праздников, обрядов, легенд и поверий с народными праздниками русских, украинцев, белорусов и отчасти поляков и сербов. Тем самым Л. Каравелов вводил болгар в семью славянских народов и де-

лал болгарский народ более близким русским людям. Благодаря каравеловским «Памятникам» читатели убеждались в славянских корнях полузабытого в Европе народа и незаметно приходили к выводу о духовной общности между болгарами и русскими. В этом смысле издание Каравелова оказывало гораздо большее воздействие на умы, чем яркие статьи славянофилов, публиковавшиеся в российской общественно-политической и литературной периодике.

Особым складом, настроем и поэтикой отличались написанные в Москве художественные произведения Л. Каравелова. Они были призваны пробудить в русских людях чувство близости к болгарскому народу и вызвать в них сочувствие к его трагической исторической судьбе. Иногда Каравелов сознательно поступался в своем творчестве художественной стороной ради достижения большего резонанса в русском обществе. Прекрасной иллюстрацией здесь может служить изданный в 1862 г. в Москве сборник «Страницы из Книги страданий болгарского племени». О том, кому предназначались помещенные в нем сочинения, лучше всего говорит его посвящение: «Эти слабые очерки быта несчастной моей Родины писаны мной на Руси, и теперь я братски посвящаю их тем русским людям, сердцу которых близко великое дело славянской свободы»¹⁸.

Почти все входящие в это издание произведения также насыщены элементами болгарской этнографии. Так, в зарисовке «Турецкий паша. Записки одной монахини» перед читателем с первой страницы появляется фигура типичного болгарского пастуха. Он облачен в козих со складками сзади, на голове у него — черная меховая шапка, ноги прикрыты светлыми узкими брюками с красным поясом, к которому на цепочках прикреплены нож, огниво, кисет-«*кисия*» с табаком. За поясом у него пистолет, на левом боку — переброшенная через плечо сумка-«*чанта*» с парой ложек в футляре; обут он в кожаные лапти и белые онучи с тонкими ремешками до самых колен¹⁹. Фактически здесь Каравелов описал типичный костюм болгарского пастуха-*шопа*. Представители этой болгарской этнической группы и поныне обитают в Софийской округе. Описание несколько длинноватое, но зато исчерпывающее, оно позволяет

русскому читателю получить ясное представление о костюмах болгарских пастухов того времени.

Скупыми штрихами обрисован в повести и болгарский монастырь Введения (Пресвятой Богородицы во храм. — *И. К.*). Каравелов представляет его как небольшую низенькую церковь с желтой черепичной крышей, увенчанной железным крестом. По его словам, она выглядит очень бедно и даже убого в сравнении с роскошными мусульманскими мечетями в Карлове. Такое убожество писатель связывает с запретом турок христианам строить для себя красивые дома, не говоря уже о строительстве православных церквей и монастырей.

Другой картинкой из болгарской жизни в этом же произведении является приводимый Каравеловым вид Балканских гор близ г. Калофер. Они были самые разнообразные: мрачные и бесплодные, отливающие всевозможными цветами и украшенные буйной растительностью. Крутой Калоферский хребет прорезали дикие пропасти и утесы. Ущелье было изрыто бурными потоками. Путник заметил там огромное, тысячеголовое стадо овец, передвижение которого сопровождалось позвякиванием колокольчиков и звуками выщипываемой скотиной травы. Услышав топот коня, к всаднику сразу же с громким лаем устремились собаки, еще мгновение назад спокойно лежавшие на траве, мирно посапывавшие и чуть ворчавшие²⁰.

История, которую поведал читателю путник, помещалась на страницах тетрадки, подаренной ему игуменьей. Она оказалась женщиной очень образованной и много в своей жизни испытавшей. По ее словам, ей часто приходили на ум мучительные вопросы: а стоит ли болгаркам рожать детей, если над ними, когда они вырастут, будет вечно нависать угроза смерти от удара турецкого ятагана, на виселице или от огня устроенного турками пожара? Имеет ли смысл детям оказаться в этой жизни, в которой турки и греки блаженствуют, а болгары должны таиться и прятать свои сундуки, потому что в любой момент к тебе в дом может заявиться свирепый, алчный турок и начнется настоящий ад? Турок может распороть всем животы во имя Магомета, надругаться над вашей юной дочерью, а вашего мальчика-сына забрать в янычары, и тот делается

воином ислама и грозой для христиан, включая родных и близких. В этой жизни, думала героиня, греки вступили в сговор с турками, и сколько болгарских душ из-за этого отправились на небо, сколько трупов болгар было сброшено в море и сколько юных болгарских красавиц попало в гарем Семибашенного замка турецкого султана в Константинополе. Своеобразным публицистическим резюме служат последние строчки дневника игуменьи о том, что славяне на Балканах требуют очень немногого — «они требуют от Европы, от людей просят, у Бога — просят, чтобы их оставили в покое...»²¹.

Героине, действительно, пришлось испытать многие превратности судьбы. Проходя через их горнило, она фиксировала в своей памяти особенности трагического быта болгар, например, невольничий рынок, на котором болгар продают, как скот. Перед его продажей «хозяин» придает ему «товарный» вид: девушек и женщин моют, накладывают на их лица румяна и белила, умащивают кожу ароматными маслами, а затем покрывают полотном. Если кто-то из покупателей обратил внимание на «товар», то покрывало с него срывают, и он предстает голышом перед оценивающим взглядом потенциально нового хозяина. При покупке женщин обращают внимание на их грудь и ноги, а у мужчин — на руки и ноги.

Очутившись в мусульманской среде, рабы невольно оказываются свидетелями быта турок и их празднеств. В главе VII, например, описывается турецкая свадьба. Вначале в доме жениха собираются его друзья для проводов холостяцкой жизни своего друга, а в доме невесты по тому же поводу — девицы. Подружки красят невесте ноги и волосы *хыною*, после этого плачут и поют. В пятницу мулла читает молодым молитву, заставляя жениха клясться, что он будет любить жену, а невесту — дать обещание, что она покорится мужу. Затем мулла выходит за дверь и плюет в глаза «чёрту», чтобы тот не соблазнял молодых, в особенности молодую, и не расстраивал бы их семейное счастье. Вслед за этим обрядом к волосам молодых привязывают, в зависимости от степени богатства, золотые или серебряные нити. И тогда отец передает дочь зятю и благословляет их по-своему. После этого обряда невеста и сопровождающие ее женщины — все

укутанные накидками *яшмаками* — отправляются кататься в карете по улицам. А в доме жениха, не переставая, бьют барабаны и борются удалцы. Все эти празднества длятся целых три дня.

В другом произведении рассматриваемого сборника — «Дончо. Рассказ болгарского атамана»²² — Каравелов, как бы между прочим, создает образ идеального вожака болгарских гайдуков и перечисляет жесткие запреты для них, нарушение которых карается смертью. Она постигнет всякого гайдука, кто убьет или ограбит христианина, кто возьмет у турка деньги и отпустит его живым, кто струсит во время боя и побежит, кто убьет старика, старуху, девицу, женщину или ребенка, кто обидит женщину или девицу. Но если здесь «кодекс поведения» гайдуков тесно связан с основной темой произведения, то в другом — «Неда (рассказ моей бабушки)»²³ — привязать к ней картину традиционного сельского базара в Болгарии можно лишь с трудом. Каравелов пишет, что по воскресеньям на рынке турки обычно продают яблоки, абрикосы, персики, виноград и кизил, а болгары — рис, красный перец, бобы, капусту и лук. Высокие и плечистые *шопы*²⁴ торгуют белым хлебом, кукурузой, ячменем и просом, а евреи *чафуты* — полотном, ситцем, стамбульскими и карловскими платками, лентами, пуговицами, иголками и лекарствами. Продают свои изделия и болгарки. В основном они торгуют домотканными холстами и вязаными чулками и, выручив за них деньги, покупают что-либо необходимое для дома и семьи²⁵.

Вводя в повествование одну из главных героинь рассказа, обаятельную девушку Неду, Каравелов не упустил возможность описать ее костюм. Пояс на тонком стане Неды расшит золотыми и шелковыми нитями и украшен медными бляхами *чопразами*. На голове у нее — желтый платочек, а тело облачено в черный шерстяной сарафан *сукман* с узорчатым подолом и нашитыми на него четырехугольными желтыми, синими и красными суконцами. К поясу приторочены продолговатые полоски ткани *опатки*, висящие сзади, словно два хвоста, а душегрейка *кунтуш*, по словам Каравелова, хоть и не была подбита лисьим мехом, но выглядела вполне прилично²⁶. И далее писатель продолжает обогащать представление русского читателя

о типичном облачении болгар и болгарок. Он сообщает, что голову болгарки обычно украшают свежими цветами, а зимой и осенью — цветами бумажными. На шее они носят коралловые, раковинные и стеклярусные бусы или ожерелья. Бляхи на поясах бывают золотые, серебряные или медные, а душегрейки, если девушка из богатой семьи, могут быть оторочены мехом куницы или горностаея. На ногах у них надеты пестрые чулки, а ниже виднеются сафьяновые башмачки или бархатные тапочки *чехли*. Болгарские парни, по словам писателя, рослые, у них бойкие, круглые лица и пышные усы. Они носят черные барашковые шапки, шелковые или хлопчатобумажные жилеты *элеци*, рубашки с открытым воротом и черные меховые душегрейки без узоров. Стан их стянут широким красным поясом. Штаны у них из черного сукна, они широкие, а внизу под коленом — сужающиеся. В нижней части но́ги перехвачены тонкими ремешками и обуты в черные башмаки²⁷.

Не преминул Каравелов упомянуть и об особенностях болгарского праздника *Бьдна вечер* — Сочельник перед Рождеством. Он протекает следующим образом. Парни и девушки под обрядовые песни срубают грушевое дерево и ставят его в медный котел *медник*, наполненный водой. Затем начинается гадание — кем кто из парней станет и за кого девушка выйдет замуж. В котел на красных нитках с букетиками васильков опускают различные мелкие личные вещи участников действия: крестики, колечки, гривны, ожерелья. Вслед за тем под слова обрядовых песен выбранная хорошенькая, русоволосая девушка вынимает за нитки из котла вещи, одну за другой и, в соответствии с только что прозвучавшими словами очередной песни, объявляет, кто из парней станет богачом, а кто пастухом или разбойником. Девушкам же она предрекает, с кем им суждено связать свою жизнь — с баловнем или пасынком судьбы. После этого *медник* с грушей и висящими на ней вещичками уносят в дом русоволосой девушки, где он остается на ночь. На следующий вечер его снова выносят на сельскую площадь, и начинаются шумные, веселые хороводы. А дома вечером варят свиную голову и пекут пирог *тутманник*, в который запекают серебряные и одну золотую монеты. Они привязаны к тонень-

ким веточкам кизила и при разрезании пирога оказываются в различных его кусочках. По тому, кому из домочадцев какая досталась монетка при выборе им кусочка, судят о состоянии его здоровья и удаче в наступающем Новом году.

В рассказе «Неда» Л. Каравелов отразил также ту сторону быта болгар, которая была связана с присутствием в их жизни турок и совершаемыми ими насилиями. Болгары, повествует автор, живут в постоянном страхе перед угрозой налета турецких головорезов *делибашей*, и поэтому в большинстве домов оборудованы *скрывалища* — глубокие, замаскированные ямы, в которых болгары прячут наиболее ценное имущество: медную посуду, холсты, дорогую одежду, ожерелья и мониста из золотых монет *ривца*. Турки могут явиться в любой болгарский дом как незваные гости и приказать, чтобы их досыта накормили и напоили. Притом денег хозяевам-гяурам они не только не заплатят, а наоборот — могут еще и издевательски потребовать с них *дишпарасы* — плату за работу своих зубов. Поводы к расправе над болгарами у турок бывают самые незначительные. В данном рассказе незваные турецкие «гости», наевшись до отвала, разъярились из-за того, что бабушка Цвета не смогла подать им в конце трапезы шербет, для приготовления которого требуется мед, а его ни у кого из сельчан не было по причине межсезонья. За это они старушку пришибли, а ее внучку швырнули в пламя очага. На помощь бросился молодец Стойко, но турки вшестером его одолели, зверски избили и повесили на вербе. Поэтому у болгар, по словам писателя, живет легенда о дедушке Николе, который один только и может освободить болгар от насильников. Он уже присылал в Болгарию москвитов, и все они как на подбор — высокие и статные. И вместе с ними присылал он болгар в бараньих шапках, которые зовут себя казаками²⁸.

Преимущественно этнографическим является и описание Л. Каравеловым его путешествий из родной Копривштицы до Филиппополя (Пловдива) и на Шипку из Бургаса. Он опубликовал эти материалы под названием «Из записок Болгара»²⁹ как ответ на этнографический очерк Г. Лежана³⁰, в котором обнаружил множество неточностей и грубых ошибок в отношении

болгар. Этот автор, например, утверждал, что в Добрудже живут одни турки, хотя на самом деле там обитали еще и болгары, татары и черкесы. Вызвали недоумение у Каравелова и данные Лежана о том, что в Филиппопольской округе есть албанцы, за которых он принял *крьджелий* — переселенцев из малоазийской Турции. Неверными также оказались многие сведения о расстояниях от одного болгарского города до другого. Поэтому Каравелов решил сообщить русскому читателю некоторые выверенные лично им данные о Болгарии. С этой целью он рассказал о своем путешествии, которое еще мальчиком совершил из Копривштицы в Филиппополь для продолжения обучения, а также о своей поездке на Шипку уже в более зрелом возрасте.

Описание проводов в путь из Копривштицы мальчика, сопровождаемого отцом и слугой с багажом на муле, не лишено интересных этнографических деталей. На привале, который провожающие и путники устроили под большим деревом, все подкрепились не только традиционными жареными гусем и курицей — здесь фигурируют также большой пирог *млин* и деревянные болгарские фляжки для вина и воды *быклицы*. После этой бытовой сценки повествование всё больше начинает напоминать традиционный географический и этнографический очерк. Вся дорога должна была занять не менее 12 часов с остановками, поскольку расстояние до конечного пункта назначения составляло 60 верст. На протяжении пяти верст путь лежал через гору Влык («*Вълк*» — Волк) — одну из величественных горных вершин Балкана. Дорога была скользкая, каменистая, тянувшаяся вдоль края пропасти. Путникам, чтобы не свалиться вниз, приходилось цепляться за каждое деревце, куст или камень. При этом еще нужно было постоянно оглядываться по сторонам из-за опасения натолкнуться на разбойников. Их шайки грабили путников, раздевая их буквально догола, отбирая и обувь, без которой в горах нельзя было обойтись³¹.

Через некоторое время близ горной вершины показались сторожа *сеймены* и их выбеленная известкой сторожка *варда*. В ней, поджав под себя скрещенные ноги, потягивая горький кофе и попыхивая длинной трубкой, сидел начальник *сейменов билюк-баши*. Он оказался человеком любезным и не только

напоил путников горячим кофе, но и откликнулся на просьбу сопроводить их до близлежащего источника, потому что где-то рядом свирепствовала разбойничья шайка Петко Кривого. Спуск вниз был очень сложным, поскольку из-за его крутизны путники непрерывно падали. Доехав до источника, турок, как и все его пятеро сейменов, оторвали от своей одежды по куску ткани и повязали ими одну из ветвей высокой вербы. Такими же разноцветными полосками ткани, красными и белыми нитками были усеяны и другие ветви вербы. Подобные деревья, пишет Каравелов, можно встретить в Болгарии повсеместно. Они являются отражением народного обычая приносить жертву русалкам — «самодивам», «самовилам», или просто «вилам», и лихорадкам «трясавицам», чтобы те не мучили путников.

Сейменами, по словам Каравелова, обычно служат *помаки* — болгары магометанской веры, живущие в Ловечском округе в Доспатских горах. Их общая численность составляет 120 000 человек, причем, часть из них, по всей видимости, приняли чужую веру сравнительно недавно, потому что носят христианские имена, но с добавлением «оглу», т.е. сын. Как и христиане, помаки зажигают свечи на могилах родственников, отмечают важнейшие для болгар праздники (например, св. Георгия и св. Николая) и соблюдают православные посты, особенно перед Пасхой. Помаки поют болгарские народные песни, в том числе о битвах с турками и их насилиях. Они сумели сохранить чистоту древнего болгарского языка больше, чем другие болгары: в нем нет турецких и греческих слов³².

Через два часа пути, продолжал свой рассказ автор, ландшафт изменился: исполинские дубы, сосны и красивые буки исчезли. Перед путниками теперь простиралась равнина, поросшая кустарниками, а также ветвистым грецким орешником, рощами яблонь, груш и других фруктовых деревьев. Тучная земля на равнине была вспахана, все поля засеяны, весь скот — крупный, а народ при всём этом — бедный. По дороге путникам встретилось село Крастово, где они решили переночевать в корчме. Как и во всех *ханах* (постоялых дворах) и караван-сараях, плата за ночлег не взимается — платят только за еду и корм для лошадей. Хозяин даже самой бедной корчмы

в Болгарии денег за ночлег с путников не берет, а по воскресеньям даже накормит их бесплатно обедом и ужином. Услышав стук копыт, навстречу прибывшим выбежали хозяин, хозяйка и пара мальчиков в рубахах и высоких бараньих шапках. Последние без слов приняли у них лошадей, чтобы расседлать их, накормить и напоить.

Отведенная путникам комната была четырехугольной и просторной. В ней находилось два больших глиняных кувшина с водой, в одном углу лежал теленок, а на полочке над камином сидело несколько кур. В центре комнаты стоял большой белый козел, задумчиво жевавший свою жвачку. Путники развернули свои ковры и, положив в изголовье чемоданчики вместо подушек, тем самым подготовили себе место для ночлега. Затем они прошли в общую гостиную, которая служила и трактиром, и кухней, и лавкой для продажи товаров. В центре располагалась *огнище* — окруженный камнями очаг, горящие в нем дрова освещали комнату. Помимо этого в гостиную проникал свет, струившийся из распахнутого окна. Другие окна были закрыты тряпками, чтобы дым от очага не гулял по помещению. Дыму надлежало выходить в пробитое в потолке отверстие, но он упорно «сопротивлялся» и образовывал целое облако фута три высотой. Кроме очага, в гостиной находились три бочонка с вином и несколько полуштофов с водкой³³, а за прилавком — шкафчики, полные риса, фасоли, бобов, лука и других овощей. По стенам были развешены различные веревки и кнуты, а вокруг очага стояли трехногие скамейки, на которых сидели несколько селян и местный священник с белой, как снег, бородой.

В корчме зачастую есть решительно нечего, и путник нередко рискует остаться голодным. Так и на этот раз вареного здесь ничего не нашлось, поэтому путники заказали себе вскладчину общую трапезу. Во время приготовления пищи рассказчик вышел погулять и осмотрел село. Оно было бедное и неряшливое, хотя сёла во Фракии по другую сторону Балкан обычно отличаются своей зажиточностью и опрятностью. Их богатство заключается в большом количестве овец и коров. Болгары здесь недоверчивы в отношениях с турками и греками, но между со-

бой очень дружелюбны и доброжелательны. Им не присущи жестокость и жадность, характерные для обитателей гор. Село Крастово, по словам рассказчика, являлось исключением, чему имелось свое объяснение. Местный священник поведал ему, что землей крестьян завладел богатей-*чорбаджия*, заставляя их работать на него почти даром. Поэтому те понемногу обленились, начали спиваться и перестали ходить в церковь. Батюшка признался, что по воскресеньям ему приходилось нанимать турецкого стражника, чтобы тот гнал православных из корчмы на церковную службу³⁴.

В очерке Каравелов описывает также болгарский народный обычай *помагало*. Он заключается в оказании коллективной помощи кому-либо из сельчан. Схожие обычаи, отмечает писатель, имеются и у восточных славян: русские называют их *вечёрки*, украинцы — *вечерниці*, а белорусы — *толоки*. Каравелов случайно стал свидетелем того, как собравшиеся вечером под огромным деревом девушки готовили приданое обручившейся подружке. Они вязали, шили, пели песни, перебрасывались шутками и смеялись. Рядом, облокотившись на плетень, стояли парни, лукаво поглядывали на девушек и старались вставить словечко. *Помагала* отличаются от многих других сходок молодежи тем, что на них только поют, но никогда не танцуют. Подобное можно увидеть у славян на территории всей Османской империи.

По дороге путникам нередко встречались колодцы *кладенцы* и фонтанчики *чучуре*, которые зажиточные болгары строят на старости лет во спасение души, подобно тому, как богатые турки с той же целью возводят на свои средства караван-сарай, бани и мечети. В караван-сараях люди останавливаются не так часто, а любой путник остановится у источника испить водицы, напоить лошадей и отдохнуть, укрывшись от палящего солнца под навесом *кёшком*. Дороги обычно имеют четыре сажени в ширину и вымощены крупными камнями. Ту дорогу, по которой передвигались наши путники, построил Хаджи Калычов. Любопытным является и другое сообщение Каравелова — о запрете ремонтировать и обновлять дороги, источники и караван-сарай в дальнейшем кому-либо иному, кроме родственников

того человека, который пожертвовал деньги на их сооружение. Если родственники бедны, или таковых после его смерти не находится, то строение приходит в полное запустение. Обычай этот старый, но, по справедливому замечанию Каравелова, не самый разумный.

Дальнейшая дорога в Филиппополь была мало интересной. После села Карамустафалар характер местности изменился. Растительность на ней была скудной: ни деревца, ни кустарников. Исчезли и птицы, кроме сорók. Филиппополь расположен посередине обширной степи, частично засеянной вдоль дороги рисом — *сарацинским пшеном*. Рисовые поля принадлежат здесь турецким беям. Для выращивания риса требуется много воды, поэтому в этом районе существует разветвленная ирригационная система каналов и обнесенных земляными валами рисовых участков. Вода для них берется из реки Марицы. Из-за запруд и каналов вокруг города образовалась масса гнилых, вонючих болот, которые, особенно утром и вечером, испускают вредные испарения. Неудивительно поэтому, что в городе свирепствуют лихорадка и холера, эпидемии которых вспыхивают каждый год. На рисовых полях, которые кишат лягушками и змеями, трудятся молодые болгарские парни и девушки, работающие по колено в воде. В Болгарии нет крепостного права, однако порой беи заставляют болгар работать бесплатно. Кроме того, сборщиками налогов в Османской империи обычно назначают греков, евреев и армян, а те нередко повышают размеры дани по своему усмотрению.

Филиппополь — один из самых богатых городов Европейской Турции, ведущий оживленную торговлю с Константинополем, Малой Азией и Веней. Он поставляет рис, хлеб, лес, грубое домотканное сукно и сафьян. Город раскинулся на трех скалистых холмах, на одном из которых расположена башня с часами. Как и большинство восточных городов, Филиппополь красив только издали: он поражает богатством красок домов, белыми мечетями и спокойствием мирно несущей свои воды Марицы. А войдешь внутрь города — и взору предстанут кривые, грязные, смердящие улицы, обилие грязи, в которой лошади утопают по колено. От неимоверной вони путникам

приходится затыкать носы, чтобы не задохнуться. В лужах плавают дохлые кошки, собаки и даже лошади. Всех жителей города, по переписи турецкого правительства, насчитывается 91 300 человек. Здесь живут армяне, евреи, греки, цыгане, цинцары (валахи), венгры и павликяне (болгарские католики). В городе имеется 13 христианских церквей: шесть греческих, пять болгарских, католическая и армянская. Мечетей в городе 31, есть и одна синагога. Церкви почти все новые, построенные за последнюю четверть века. Из турецких мечетей самой старой является Джумая, что по-турецки означает «Пятница», поскольку это переделанная в мечеть православная церковь св. Параскевы (Пятницы).

Другой достопримечательностью города является мечеть Имарет (т.е. Мария), также представляющая собой перестроенную турками церковь Успения Богородицы. Стенописи в обоих христианских храмах были закрашены зеленой краской. Единственные сохранившиеся в Имарет-мечети православные реликвии — муляж свиного окорока, железный крест и старинная надвратная икона. По этому поводу среди болгар и турок существует легенда, о которой Каравелов поведал читателям. В соответствии с ней, в те времена, когда турки пытались покорить болгарские земли, они не сумели с первого раза захватить Филиппополь. Посланный с этой целью турецкий визирь возвратился к султану Мураду, не солоно хлебавши. Тогда тот решил сам овладеть городом и отправился туда, прихватив с собой дочь болгарского царя Ивана Шишмана, некогда отданную ему в жены. Мурад потребовал от жителей открыть ему ворота, угрожая в противном случае казнить царевну на виду у всех прямо перед стенами города. Городские бояры (*боляре*) хотели пойти на попятную, но находившиеся в городе сербы не позволили открыть ворота. И тогда разозленные турки исполнили свою угрозу. Потрясенные боляре тайно ночью отперли ворота, впустили турок и указали Мураду лагерь сербов, расположенный рядом с горой, которая теперь называется Бунарджик, а раньше — *Гроб краля Марко*³⁵. Султан приказал обезглавить сербских воевод, а болярам и священникам пожаловал различные льготы. После этого Мурад пожелал войти в церковь

Успения Пресвятой Богородицы и вдруг увидел, что из царских врат на него грозно смотрит его убиенная жена Мария — живая и невредимая. Испугавшись, Мурад бросился из храма прочь, но Мария догнала его и предрекла ему гибель от руки сыновей тех сербских воевод, которых он приказал обезглавить. Султан приказал превратить церковь в мечеть, но всё равно, когда приходил туда на молитву, перед ним всегда возникала его казненная жена. Тогда он повелел перегородить внутри мечеть, но на ее вратах невидимая рука водрузила свиной окорок, железный крест и старую икону. А пророчество Марии сбылось: султан Мурад погиб на Косовом поле в 1389 г. от руки серба Милоша Обилича³⁶.

Каравелов писал, что греческих архиепископов и епископов изгнали из многих болгарских городов, в том числе и из Филиппополя. Греческие духовники составляют черное духовенство, которое просто роскошествует. А почти всё белое духовенство города состоит из болгар. Городские церкви небогаты, но имеют всё необходимое, и священники живут неплохо. В первый день каждого месяца они кропят святой водой дома прихожан, получая за это мзду. Кроме того, в церквях стоят церковные кружки для сбора пожертвований. Раньше все церковные книги в Болгарии были киевской или московской печати, но турецкое правительство установило цензуру, и книги для церкви стали печатать либо в Константинополе, либо в Белграде.

Общественные здания в Филиппополе, если не считать дворца паши, резиденции митрополита и гимназии, отсутствуют. Находящийся на берегу реки дворец паши имеет большой двор, где находятся тюрьма, присутственные места и *тумрук-хана* — пыточная. Паши и городничие *аяны* окружены красивыми мальчиками из армян, азиатских греков и евреев. Их берут в услужение к султану: подавать трубку, кисет или поддерживать его с двух сторон, когда он верхом на коне. Из этих мальчиков потом вырастают паши, судьи *кадии*, обер-полицмейстеры *тюфекчи-баши* и прочая знать. Турки крайне ленивы, расточительны и предаются грязным, скотским порокам. Самые бедные из них кажутся еще более откровенно порочными и

расточительными. Целыми днями они сидят в кофейнях, курят кальян, пьют кофе, наслаждаются музыкой и танцами мальчиков *кёчеков*. Они не обрабатывают земли, считая это занятие унижительным для правоверного турка, не занимаются и какими-либо ремеслами, полагая, что они предназначены для гяуров. Поэтому среди турок так много праздношатающихся *чаккынов* — бедняков, которые добывают средства для пропитания при помощи грабежей и разбоев. Исходя из этого, Каравелов в очерке выражает мнение, что у турецких реформ нет реальной опоры, обосновывая свой вывод меткой народной поговоркой: «*На камне розы не растут*»³⁷.

Писатель сообщает далее, что, протекая вдоль Филиппополя, река Марица разделяется на два рукава, образуя живописный остров с шелковичными деревьями. Сам город раскинулся на левом берегу реки. Район, который населяют болгары и турки, называют *Карши-ека*. По обе стороны единственной прямой городской улицы *Чаршия* расположены лавки евреев, павликян и отчасти турок. Последние продают главным образом изделия из кожи. Евреев легко отличить по длиннополым цветным халатам, хлопковым или шерстяным. Поверх них они носят суконный кафтан *джубе*, на ногах у них — желтые или черные туфли, а на голове — повязанная платком феска. Большинство из них являются банкирами (так Каравелов, видимо, называет ростовщиков. — *И. К.*) или гуртовыми торговцами. Обычно они очень честны, любят людей, невзирая на пол, род или веру, и готовы прийти тебе на помощь. Говорят они на ломаном испанском языке, в то время как в России евреи используют ломаный немецкий. Среди них в Турции не встретишь нищего, вора или мошенника, и это говорит в их пользу по сравнению с греками, валахами и армянами. Еврейки, подобно турчанкам, носят шаровары и паранджу *фередже* с тем лишь отличием, что последняя темно-зеленого цвета, и лица они не закрывают³⁸.

Что же касается греков, то они одеты в широкие, доходящие до колен шаровары, а ниже на ноги надеты длинные чулки с подвязками. Верхняя часть тела прикрыта душегрейкой малинового цвета на куньем меху, голову украшает феска, стан подпоясан поясом апельсинового цвета. А гречанки носят

европейские костюмы и вместо турецкой чалмы прикрывают макушку маленьким платочком и причесывают волосы на две стороны. Такая прическа называется у них *дуалет* (от слова «туалет»).

В отличие от греческих облачений, одежда болгар Филиппополя и окрúги выглядит наполовину турецкой — такие же длинные, широкие шаровары, черный кунтуш с белым поясом и шапка из бараньего меха. Некоторые носят феску или чалму, но обычно они черного цвета — турки запрещают гяурам иметь головные уборы зеленого, белого или ярко-красного цвета. У женщин одежда гораздо разнообразнее: свой тип одежды имеет каждая деревня, город или даже его *махала*, т.е. квартал. В Филиппополе и его предместьях — Мараша, Карши-ека и Ново село — обычно носят сарафан из шерсти *сукман*, полы которого обшивают четырехугольниками желтого, красного и голубого сукна. Кунтуш, как правило, красный, синий или белый, а пояс — желтый или золотой с большими серебряными бляхами. Головной платок — желтый, белый или голубой; волосы распущены по плечам, грудь прикрыта тоненькой сорочкой, на шее — ожерелья.

Достоинство человека здесь измеряется степенью роскоши его одежды. Если чужеземец в воскресенье заглянет на обедню в церковь, то поразится обилию богато наряженных господ *кокон*. Они буквально усыпаны украшениями, хотя дома у них нет ни гроша. Городская знать, которая насчитывает не более 500 человек, состоит из метисов-греков и валахов. Они говорят на смешанном греко-болгарско-турецком языке.

Дома в Филиппополе, особенно богатые, похожи на крепости, они окружены высокими каменными стенами и почти все двухэтажные. Верхний этаж имеет окна на улицу, а в нижнем — только одна комната, в которой есть *чекма*, выступающее наружу оконце с обзором улицы на три стороны. В остальных помещениях окон нет за ненадобностью: они служат кладовыми и чуланами. Полы в доме, как правило, не красятся, а стены украшены различными рисунками масляными красками. Стены и потолок принято красить одним цветом — желтым, голубым или малиновым. В изображениях преобладают птицы,

цветы и разнообразные ландшафты. Для строительства домов обычно нанимают каменщиков из Брацигово, а плотников из Буково и Мирково — сел, расположенных в Софийской округе. При возведении дома плотники в центре крыши ставят крест. По завершении строительства его облачают в сорочку, которую дает хозяин или хозяйка, обвязывают подаренными родственниками платками и полотенцами и украшают принесенными девушками цветами. Все подаренные вещи достаются главному плотнику, распределяющему их среди своих подручных, в соответствии с их местом в артели. При переходе в новый дом в старом замешивают тесто, утром его переносят в новый дом и пекут там хлеб *кравай*, который обмазывают медом. Мастер делит его на кусочки и раздает всем, кто попадет на глаза. Затем оставшимся медом мажут двери, полы, потолки, а кое-где и пороги покоев³⁹.

Рассказал Каравелов русскому читателю и о весенних хороводах. Они начинаются со дня св. Петки. На площадь стекаются парни и девушки и водят хороводы под песни и монотонные звуки волынки *гайды* или скрипки. Впереди идут парни, за ними — обрученные девушки, следом молодые женщины, девицы и дети. Они берут друг друга за пояс, составляя полукруг, посередине которого перемещается музыкант с гайдой. Во время пения образуются две партии — пять-шесть девиц с наиболее звонкими голосами вокруг музыканта и остальной хоровод. Поэтому часто один и тот же стих повторяется дважды. После завершения песни скрипка продолжает играть, и хоровод движется молча. Внезапно он распадается, девушки бросаются в разные стороны, за ними гонятся вздыхающие по ним парни. Начинается беготня, раздается смех, звучат шутки.

Большинство болгар живут несколькими семьями в одном доме, составляя общину, во главе которой стоит *дядо* (дед). Вместе с внуками и правнуками она может насчитывать до 50—80 человек. Дед блюдет мораль и поддерживает порядок, назначает работу каждому члену семьи, платит подати, заведует кассой, проводит совещательные советы со старшими представителями рода и принимает решения большинством голосов. У женщин подобную функцию в хозяйстве исполняет *баба* (ба-

бушка), в руках которой находятся все ключи от хозяйства. При разделе имущества между членами рода в общине соблюдаются определенные обычаи. Главным богатством в доме считается медная посуда, которой в каждом доме наберется от одного до 20 пудов. Её получает старший по дому, а дом остается самому младшему брату. Если мать жива, меньшей брат берет посуду и обязан кормить ее до смерти. В его обязанности также входят выдача сестер замуж и обеспечение им *прикя* — приданого. Раздел имущества обычно происходит тихо и мирно. Судья вмешивается в эти дела очень редко. Если приходится прибегать к его помощи, то он делит всё имущество между братьями поровну, а сестрам достается седьмая его часть. Пашни и луга делятся между братьями, а сестры права на земельную собственность не имеют⁴⁰.

Рассказ Каравелова о посещении им Шипки и жизни болгар в этой части страны значительно короче. В это большое село (в нем тогда жило около 1500 чел.) писатель добрался из Константинополя пароходом в июле 1857 г., через Ахело—Бургас, а затем на перекладных. Согласно его описанию, село Шипка лежит у подножия Балкан. Свое название оно получило от слова «*шипка*» (шипец-розан), так как со всех сторон было окружено виноградниками и великолепными розовыми садами. Позднее Каравелов поднялся на гору и смог убедиться в том, что село, действительно, оправдывает свое название: сверху оно выглядело как прекрасный распутившийся цветок дикой розы. В мае из лепестков обильно растущих здесь роз делают знаменитое розовое масло. Его отсылают в Константинополь, а оттуда оно расходится по всей Европе. Лепестки роз болгарские девушки с песнями собирают до восхода солнца, пока оно не высушило капли росы. В этом случае розовое масло приобретает особый аромат, который невозможно получить, если срывать лепестки после того, как солнце взошло⁴¹.

Посетил Каравелов и местную школу, в которой тогда было 120 учеников. А осенью, когда родители освобождают своих детей от летних работ, как поведал местный учитель, их число возрастает до 200. Старшие ученики учат младших, тем самым высвобождая время для педагогов. В школе препода-

ют церковную, болгарскую и всеобщую историю, географию, арифметику, славянскую грамматику, турецкий и греческий языки. В болгарских селах школы, как пишет Каравелов, существуют с незапамятных времен. На Шипке он впервые услышал легенды о Потемкине и Беклеше, которые у болгар связывались с неизбежным их освобождением от ига турок с помощью России⁴². Интересными можно считать и наблюдения писателя о разнице между болгарскими и русскими церквями. У болгарских нет куполов, колонн и колокольни. Они представляют собой длинное здание с покрытой черепицей крышей и крестом посередине. Потолки в них деревянные, а полы — кирпичные. Многие молодые священники неграмотны — их за деньги рукополагают греки. Болгары миролюбивы, робки, суеверны и простодушны и вечно заняты заботой о хлебе насущном. Они услужливы и честны. Здешние женщины расторопные, сметливые, бойкие и живые. Они ведут дела мужей и расчеты с покупателями, подают мужьям советы, угощают гостей.

Описал в очерке Каравелов и особенности свиданий болгарских парней с девушками в селах. Обычно они происходят у источника *кладенца*, где девушка высматривает себе суженого. Во время свиданий используется особый язык жестов и действий, имеющих скрытый внутренний смысл. Если парень попросил у девушки напиться воды из кувшина *стомны* и она ему не отказала, это знак, что она относится к нему благосклонно и согласна выйти за него замуж. Если парень протянул девушке свой букетик цветов и она в ответ дала ему свой, это значит, что она не против прихода сватов. Ну, а если девушка не откликнулась на просьбу парня испить водицы и молча удалилась, то это означает, что у них ничего не получится.

Русских читателей, наверняка, поражал сообщенный Каравеловым факт о принадлежности в Турции лесов и гор близлежащим селам. Болгарские селяне, по его словам, могут рубить лес, сколько душа пожелает. Село может также сдавать в аренду лес или продать его часть. Помимо земледелия, в Добрудже болгары занимаются овцеводством и коневодством. У каждого болгарского крестьянина есть несколько коров, буйволов, овец, коз и кобыл. Если стадо насчитывает более 50 голов, его обычно

пасет общественный пастух. Часто пастухи объединяют стада, образуя пастушеские дружины под предводительством общего вожака *кехая*. Этот вожак делает запасы сена и отрубей, платит туркам десятину *беглик*, продает сыр, масло и шерсть. Сводное стадо дружины может достигать 3000 голов. В нем есть овцы *дойницы*, т.е. дающие молоко, яловицы *шиле-та* и ягнята. Каждый пастух прекрасно играет на свирели. Своих жен пастухи в горы не берут. Вожаков для стада овец готовят загодя, выбирая для этого самых красивых ягнят. Им особым образом связывают рожки, чтобы те росли вверх и принимали необычную форму. Шерсть у них в некоторых местах не стригут. У других овец выстригают шерсть посередине, на спине и животе, а у будущих вожаков выстригают только голову и живот, в других же местах шерсть у них спадает прядями до самой земли.

Часть скота селян иногда пасут на арендуемых у соседей пастбищах, а часть отправляют на зимний выпас *зимовиште*. Оттуда пастухи возвращаются в марте и строят на отрогах Балкан *мандры* — мастерские по изготовлению сыра и брынзы, а затем разъезжают по селам и меняют свою продукцию на то, что им нужно. В сыроварнях существует своя специализация: *маслар* занимается сбиванием масла, а *сиренар* делает брынзу и сыр. Они готовятся из овечьего и козьего молока и в большом количестве, наряду с мясом ягнят и овец, отсылаются в Константинополь. Мандра обычно состоит из трех отделений, отгороженных друг от друга плетнем и покрытых тесом. Под первым навесом на скамье из дёрна плотно сидят пастухи со сдвинутыми ногами: раздвинув их, они хватают гонимую сзади загонщиками овцу и начинают ее доить. Во втором помещении находится масларня, где стоит огромный чан, в котором маслар сбивает масло. Молоко течет в чан по наклонному желобу из первого помещения, а оставшееся — по другому желобу перетекает в огромную кадь для изготовления брынзы. Остатки молока здесь вначале кипятят, доводят до кондиции, а затем солят на овечьих шкурах. Масло сбивают в период с 20 мая по 1 июля, а с 1 июля до осени изготавливают только брынзу и творог⁴³.

Чтобы воспрепятствовать злему колдовству, в каждое ведро для молока кладут пучок чемерицы. Считается, что эта трава не

дает колдуньям переманить молоко от одних овец к другим. Болгары верят, что колдуньи обладают способностью при помощи магии ночью похищать луну с неба и доить её до тех пор, пока вместо молока не потечет кровь. Они отпускают луну только после того, как та передаст им право распоряжаться плодородием.

1 июля пастухи в Болгарии празднуют Скотьин день, принося жертвы, чтобы короста и болезни обходили их стада стороной. Пастушеством в стране обычно занимаются валахи, по большей части рослые мужчины, до шести футов высотой. Все они, как и пастухи-болгары, прекрасно играют на свирели. В очерке Каравелов приводит сведения и о валашках. В отличие от валашских мужчин, они небольшого роста. Верхняя одежда у них, как и у шопок, изготовлена из грубого белого домотканного сукна. Они носят рубашки с рукавами, расшитыми разноцветными шелковыми или шерстяными нитями, белый *сукман*, подол которого также вышит цветными нитями, красный пояс и фартук в красную или синюю клетку. Валашские девушки носят на голове фески, а женщины — чалму.

Анализируя созданные Л. Каравеловым в Москве рассказы и повести, сразу же замечаешь их перегруженность этнографическим материалом. Правда, здесь сразу же следует подчеркнуть неравномерность его распределения по отдельным произведениям. Так, в написанной под сильным влиянием Н.В. Гоголя⁴⁴ повести «Болгары старого времени» этнографический элемент присутствует, но он достаточно умерен и уступает первенство элементу художественному. В рассказах о дневнике игуменьи и атамане болгарских гайдуков Дончо доля этнографического материала значительно возрастает, что сразу же обращает на себя внимание. А в очерке «Из записок Болгара» художественный элемент едва просматривается и служит лишь связующей нитью для очередных этнографических зарисовок. При оценке произведений Л. Каравелова, которые он написал в Москве и опубликовал на русском языке, важны заметки о них, печатавшиеся в «Книжных обозрениях»⁴⁵. Общий их тон в целом положительный, а отклик в журнале «Всемирный труд» можно назвать похвальным. Анонимный рецензент высоко оценил первое издание каравеловского сборника «Страницы из кни-

ги страданий болгарского племени». Он особо отмечал, что в основу помещенных в нем произведений положены «личные наблюдения и этнографические заметки автора», который «рисует живыми красками нынешнее безотрадное положение [болгар], оправдывающее современные попытки их к восстанию»⁴⁶. Положительной была и рецензия в «Отечественных записках» на переиздание данного сборника в Москве в разгар русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

С такими отзывами резко контрастирует характеристика Л. Каравелова как беллетриста, данная ему российским ученым второй половины XX в. Л. В. Воробьевым. Суть его претензий, высказанных при рассмотрении каравеловского произведения «Неда (рассказ моей бабушки)», сводится к следующему: чрезмерное обилие эпизодов и этнографических описаний, не связанных с главной линией сюжета. По мнению ученого, такие дополнения «нарушают композиционное равновесие», и всё это происходит на фоне вторжения в художественное произведение «диалектизмов, архаических выражений, непонятных читателю»⁴⁷. Такая оценка, на наш взгляд, сложилась у Л. В. Воробьева в результате неполного осознания им идеологических установок Каравелова. Они отчетливо прозвучали в его публикации «По поводу славянского отдела в газете «"День"»⁴⁸, явившейся откликом на статью Н. Г. Чернышевского «Народная бестолковость». Каравелов призывал к созданию специального журнала, призванного знакомить русских читателей с литературой, историей и бытом «славянских племен»⁴⁹. Такой журнал в России при жизни Каравелова, к сожалению, не появился, и писатель всеми силами своего таланта пытался заполнить лакуны, существовавшие тогда в российской периодике и литературе в отношении Болгарии. Это в значительной мере объясняет многогранность деятельности Каравелова — как писателя, критика, этнографа, публициста, журналиста и политика.

И, действительно, в болгарской художественной литературе того времени Каравелов стал крупнейшей фигурой, а его повесть «Болгары старого времени» вошла в «золотой» национальный литературный фонд, превратившись в хрестоматийную. Он издает в Москве «Библиографию современной болгарской литера-

туры»⁵⁰, знакомит русского читателя с развитием национальной журналистики, напечатав очерк «Болгарская журналистика»⁵¹, публикует I том «Памятников народного быта болгар», т.е. приобретает функции автора-универсала, делается своеобразным рупором, доносящим до русского общества самые различные сведения о болгарском народе. Не случайно И.Г. Прыжов в своей рецензии на «Обзор истории славянских литератур» А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича (СПб., 1865) выразил удивление, что эти исследователи «пропустили» в своем труде такую заметную фигуру, как Любен Каравелов. Ведь в то время он, по словам Прыжова, был единственным человеком, который знакомил русских с болгарским народом. Рецензия эта при жизни русского ученого, правда, опубликована не была и осталась в его архиве.

Понятно желание Каравелова рассказать русскому читателю обо всём том болгарском, чего они не знали: об этнографии, истории, литературе, журналистике, языке, столь близком к языку русскому. Но для всего этого у Каравелова недоставало ни времени, ни финансовых возможностей. Фиаско с осуществлением его первоначального грандиозного проекта по изданию 12-томного собрания «Памятников народного быта болгар», а затем хотя бы трехтомного, заставляли его помещать в свои художественные произведения этнографический материал с определенной целью. Каравелов стремился показать русскому читателю, что болгары не татары, а славяне⁵², что их древние обычаи и предания такие же, как и у прочих славян, и ближе всего они к обычаям и преданиям русским, что костюмы болгар похожи на малороссийские. Давал Каравелов русскому читателю и возможность осознать, что, при известном усилии с его стороны, болгарский язык нетрудно понять, потому что более близких языков в мире нет. И, конечно же, писатель настойчиво доводил до сознания русских людей факт трагедии родственного им народа, страдающего от безжалостных иноземных угнетателей⁵³ и видящего своего освободителя в единственно поднявшейся на его защиту России. Именно благодаря такой полифоничности Каравелов, как никто другой из его соплеменников, наполнял тогда сердца русских людей чувствами симпатии и сострадания к поработанному болгарскому народу.

Примечания

- ¹ См.: *Лихачева Л. П.* Л. Каравелов. Биобиблиографический указатель. М., 1954.
- ² О многогранной и плодотворной деятельности Л. Каравелова свидетельствует 12-томное издание его разнообразных сочинений, созданных им в 50–70-е годы XIX в.; сам он прожил очень недолгую жизнь, умерев в неполные 45 лет, сразу же после освобождения Болгарии от османского ига.
- ³ В одном из своих писем И. С. Аксакову он сообщал о замысле подготовить 12-томное издание памятников болгарского фольклора, но затем решил «поумерить» свой творческий замах // См.: Публицистика на Л. Каравелов. София, 1958. С. 582–584.
- ⁴ Эти материалы хранятся в Национальной библиотеке им. свв. Кирилла и Мефодия в Софии (далее — НБКМ). БИА. Ф. 2. См.: *Минкова Л. Л.* Каравелов и Иван Гаврилович Прижов (сътрудничество им в областта на фолклористиката) // Известия на Института за литература. Кн. 14–15. София, 1963. С. 57–80.
- ⁵ См.: *Геров Н.* Речник на българский язык с тълкувание речити на българский и на руски. Ч. I–V. Пловдив, 1895–1904.
- ⁶ См.: Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 1227. Оп. 1. Д. 2, 8. См. также: *Леков Д.* Интересът на Любен Каравелов към фолклора и етнографията на славянските народи // Славянска филология. Т. V. София, 1963. С. 69–87.
- ⁷ *Мазуркевич А. Р.* И. Г. Прыжов. Из истории русско-украинских литературных связей. Киев, 1958; *Прыжов И. Г.* Очерки. Статьи. Письма. М.-Л., 1934.
- ⁸ Полиция следила за деятельностью Каравелова с 1859 по 1865 гг. См.: *Воробьев Л. В.* Философские и социологические воззрения Любена Каравелова. М., 1962. С. 38.
- ⁹ *Леков Д.* Указ. соч. С. 81.
- ¹⁰ Вины Каравелова во втором случае, разумеется, не было. Но здесь необходимо отметить, что в современном болгарском языке многие приведенные им слова звучат иначе: менджа — манджа, касмет — кысмет, парклес — параклис (кстати говоря, это греческое слово имеет в болгарском языке и другое значение — часовня. — И. К.).
- ¹¹ *Липранди И. П.* Восточный вопрос и Болгария // Чтения в Обществе истории и древностей российских. № 1. М., 1868. С. 1–139.
- ¹² Каравелов опубликовал рецензию в издаваемой им в то время газете «Свобода» — № 2 от 12. X. 1869.
- ¹³ См.: Болгарские песни, собранные Л. Каравеловым, изданные под наблюдением В. А. Лаврова. М., 1905.
- ¹⁴ Здесь Л. Каравелов подразумевает материальную помощь Московского славянского благотворительного комитета, благодаря которой был издан I том «Памятников народного быта болгар»; Каравелов получил от И. С. Аксакова и авторский гонорар в размере 170 руб.; сведения об этом были помещены в отчете Комитета, опубликованном в газете «День» в январе 1862 г. (№ 17).
- ¹⁵ См.: Болгарские песни, собранные Л. Каравеловым, изданные под наблюдением В. А. Лаврова... С. 3.
- ¹⁶ *Каравелов Л.* Памятники народного быта болгар. Т. I. М., 1861. С. 160.
- ¹⁷ Там же. С. 165.
- ¹⁸ Страницы из Книги страданий болгарского племени. Повести и рассказы Л. Каравелова. (Изд. II). М., 1878. С. 3.

¹⁹ Там же. С. 1–2.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 30.

²² Впервые этот рассказ был опубликован в № 150 газеты «Наше время» в 1860 г. под названием «Атаман»; второй вариант — в «Санкт-Петербургских ведомостях»: № 118 и 120 от 28 и 31 мая 1864 г.; на болгарском языке Каравелов его напечатал в газете «Свобода»: № 48–52 за 4 января — март и за 4 ноября — 10 декабря 1870 г.

²³ Рассказ был опубликован в «Русском вестнике». М., 1861. Т. XXXIII. № 6; вариант его на болгарском языке появился в каравеловской газете «Свобода»: № 5–12 за 29 июля — 16 сентября 1872 г.; в том же году он вышел отдельным изданием в Бухаресте.

²⁴ Здесь Каравелов уточняет ареал обитания шопов как особой этнической разновидности болгар: Софийская, Пиротская, Берковицкая и Кюстендилская округи.

²⁵ *Каравелов Л.* Неда (рассказ моей бабушки) // Страницы из Книги страданий болгарского племени. М., 1878. С. 205–207.

²⁶ Там же. С. 208.

²⁷ Там же. С. 224.

²⁸ Там же. С. 211, 214.

²⁹ *Каравелов Л.* Из записок Болгара // Русский вестник. М., 1867. Т. 68. № 3–4. Март. Ч. I–IV. С. 370–399; Апрель. Ч.V–VIII. С. 661–689.

³⁰ См.: *Лержан.* Этнография Европейской Турции // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Географическим обществом. Вып. 6. СПб., 1853–1856. Раздел «Болгары». С. 32–35.

³¹ *Каравелов Л.* Из записок Болгара... С. 372.

³² Там же. С. 376.

³³ Здесь Каравелов русифицировал название крепкого болгарского алкогольного напитка «ракии» (обычно виноградной или сливовой), назвав его более понятным русскому читателю словом «водка». (На самом деле, водка тогда в Болгарии не была известна. — *И. К.*)

³⁴ Там же. С. 379.

³⁵ Королевич Марко — прославленный герой южнославянского эпоса, борец с турками и защитник народных интересов, вершащий праведный суд над обидчиками народа.

³⁶ *Каравелов Л.* Из записок Болгара... С. 385.

³⁷ Там же. С. 387.

³⁸ Там же. С. 388.

³⁹ Там же. С. 390.

⁴⁰ Там же. С. 399.

⁴¹ Там же. Апрель. Ч. V–VIII. С. 663.

⁴² Там же. См. также: *Макарова И.Ф.* Россия в представлениях и отношении к ней болгар (начало XVIII в. — 1875 г.) // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. — 1878 г.). М., 1995. С. 146; *Калиганов И.И.* Проблемы истории и культуры славянских народов. М., 2015. С. 305. Согласно легенде, Беклеша вместе с Суворовым и Потемкиным послала для освобождения болгар императрица Екатерина II. Причем, Беклеш был болгарского происхождения.

⁴³ Там же. С. 675.

⁴⁴ См.: *Велчев В.* Любен Каравелов и Гоголь // Ученые записки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Труды кафедры русской литературы. Кн. 3. М., 1948. С. 91–126; *Леков Д.* Любен Каравелов. Творецът, гражданинът, съвременникът. Пловдив, 1998.

⁴⁵ См., например, «Вестник Европы». СПб., 1868. Кн. 2.

⁴⁶ Всемирный труд. СПб., 1868. Август. С. 372–373.

⁴⁷ *Воробьев Л.В.* Любен Каравелов. Мироззрение и творчество. М., 1963. С. 109, 89. [С подобным мнением ученого решительно не совпадает суждение о «Страницах...» Л. Каравелова, прозвучавшее в отзыве на нее во «Всемирном труде». Рецензент не только молчаливо одобрил «этнографические заметки автора» книги, но и сожалел, что тот не предварил её кратким очерком истории Болгарии (С. 373). Это ясно показывает, в какого рода знаниях о болгарях нуждался тогда русский читатель. — *И. К.*]

⁴⁸ Она была опубликована в первом и единственном номере газеты «Русская речь» 4 января 1862 г.

⁴⁹ Это тем более странно, потому что ученый был прекрасно об этом осведомлен. См.: *Воробьев Л.В.* Философские и социологические воззрения Любена Каравелова. С. 43–44.

⁵⁰ Она была напечатана в «Библиографических записках». М., 1861. № 7.

⁵¹ Очерк был опубликован в «Московских ведомостях» 13 и 14 июля 1862 г. № 153–154.

⁵² Об этом ранее писал в своей нашумевшей среди болгар книге Ю.И. Венелин: «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном и религиозном их отношении к россиянам». Ч. I. М., 1829.

⁵³ В произведениях Л. Каравелова встречаются описания турецких насилий и зверств по отношению к болгарам (сдирание кожи с живых людей, разрезание их на куски, скармливание тел замученных жертв голодным собакам и т.д.), но гораздо реже, чем в рассказах и повестях современных ему болгарских писателей В. Друмева и И. Блыскова.

Из истории открытия Сербского подворья в Москве

30 ноября 1874 г., в день св. апостола Андрея Первозванного, в центре Москвы, на Солянке, в бывшей церкви св. Кира и Иоанна, было открыто первое постоянное представительство Сербской православной церкви — Сербское подворье, своеобразный островок православной Сербии в древней столице Русского государства. Безусловно, это было важное и значимое событие — как для Сербской православной церкви, так и для русско-сербских и московско-сербских связей.

К сожалению, до сих пор для освещения вопроса об основании и деятельности Подворья в распоряжении исследователей нет достаточного числа документов, так как его архив до сих пор не обнаружен. Очевидцы утверждали, что в 1918 г., когда Подворье было закрыто новой революционной властью, вооруженные люди ночью вторглись на его территорию, загрузили на подводы ящики с какими-то бумагами, а затем увезли их в неизвестном направлении. Возможно, это и был тот самый пропавший архив. Однако сведения по интересующему нас вопросу всё же имеются — в периодике, а главное — в ряде документов, хранящихся в архивах Москвы. Во-первых, в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), где находится фонд Николая Николаевича Дурново, известного общественного и церковного деятеля, первого попечителя Сербского подворья. Во-вторых, в 2011 г. вышел в свет 2-й том совместной российско-сербской публикации «Москва — Сербия. Белград — Россия»¹. В этом ценном, выполненном на высоком профессиональном уровне труде представлен ряд новых архивных материалов по истории Подворья — из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).

Идея создания в Москве сербского духовно-организационного центра, особого Подворья, зрела давно. Подобные подворья с храмами уже имели древнейшие поместные церкви православного Востока — Иерусалимская, Антиохийская, Александрийская, Константинопольская.

Переговоры о возможности открытия Сербского подворья велись со Св. Синодом Русской православной церкви уже с конца 50-х годов XIX в. Поддержку этому начинанию оказал обладавший авторитетом у московских властей митрополит Московский и Коломенский Филарет (1782—1867), известный своим покровительством православным церквям Востока. Как писал известный ученый и общественный деятель Н.А. Попов, «Сербская церковь, подобно греческим, хотя и гораздо реже, присылала в Москву за помощью, в особенности после Восточной войны (Крымской. — С.Д.), и митрополит оказывал ей глубокое свое внимание. Хиландарская лавра на Афоне (архимандрит Софроний), Дечанская лавра (иеромонах Кирилл) близ столярного Ипека в Старой Сербии, Герцеговина (архимандрит Серафим Перович), Босния (игумен Прокопий) — каждая из них собирала пожертвования, и митрополит Филарет, вписывая всегда первый свое имя в сборную книгу, в изобилии снабжал славянские земли богослужебными книгами»².

Открытию Подворья препятствовали несколько обстоятельств. Во-первых, Сербская православная церковь в то время еще не была автокефальной и подчинялась Константинопольской патриархии, чье подворье в Москве уже существовало. Возникли и другие трудности, связанные с подысканием подходящего храма, а также со сбором необходимых материальных средств. Эти хлопоты и дальнейшее решение всех проблем Подворья взял на себя созданный в 1858 г. Московский славянский благотворительный комитет, и в первую очередь его секретарь, профессор Московского университета Н.А. Попов, а также уже упоминавшийся деятельный член комитета Н.Н. Дурново³.

С сербской стороны наибольшую активность в деле открытия Подворья с самого начала проявил митрополит Сербский и архиепископ Белградский Михаил [в миру — Милое Йованович (1826—1898)]. В 1846—1853 гг. он обучался в Киевской духов-

ной семинарии и академии, где стал кандидатом богословия, получив ученую степень (первым из сербских уроженцев) за диссертацию «Обзор истории сербской церкви». Позднее она была издана в Белграде под заглавием: «Погляд на историју Српске цркве» (1856).

29 марта 1853 г. Милое принял постриг, в апреле, уже под именем Михаила, был рукоположен в диаконы, а вскоре — в иеродиаконы. Через год молодой образованный монах вернулся в Сербию, где стал заметной фигурой в церковной жизни (в 1854 г. — архимандрит монастыря Студеница, в 1854—1859 гг. — епископ Шабацкий). 25 июля 1859 г. он был избран на сербский митрополичий престол.

Будучи последовательным русофилом, митрополит Михаил «культурно-религиозную и политическую связь с ...Россией... полагал неременным условием самого существования и развития Сербии, как православного славянского государства, сохранения ее самобытности в условиях мусульманско-католического окружения»⁴.

Митрополит Михаил был очень авторитетной фигурой в русско-сербских контактах церковного и общественного плана. Он имел в России огромное число друзей и почитателей, прежде всего в славянофильской среде, а также в кругу видных церковных деятелей, дипломатов, политиков, ученых-славистов. Со многими он вел оживленную многолетнюю переписку, поэтому его послания имеются, к счастью для исследователей, во многих фондах отечественных архивохранилищ.

Осенью 1869 г. Михаил приехал в Россию в качестве приглашенного гостя на празднование 50-летия Киевской духовной академии. После Киева он посетил Москву, где находился с 8 по 16 октября, проживая в Чудовом монастыре. Во время своего пребывания в древней русской столице Михаил практически каждый день знакомился с православными святынями, осмотрел ризницы кремлевских соборов, совершил паломничество в Троице-Сергиеву лавру, побывал с визитами у ряда церковных и государственных деятелей, а 12 октября принял участие в литургии в Успенском соборе Кремля и традиционном торжественном крестном ходе вокруг кремлевских стен в

память избавления Москвы от нашествия французов в 1812 г. Как отмечала 19 октября 1869 г. популярная газета «Современная летопись», литургию митрополит Михаил служил в белом роскошном облачении, подаренном ему митрополитом Московским и Коломенским Иннокентием, а во время крестного хода на нем было облачение «малиновое, бархатное, поднесенное московскими гражданами»⁵.

В рамках визита, 14 октября 1869 г., в здании Московского университета состоялось заседание Московского славянского благотворительного комитета, на котором сербский иерарх выступил с речью. Она носила панегирический характер, в ней всячески превозносились славяне с их «особыми оттенками жизни» и Россия, к которой «и взоры, и сердца славян обращаются с чаянием лучшей своей общности». Наряду с этим, сербский митрополит высоко оценил «похвальную деятельность» Славянского благотворительного комитета, которая, по его убеждению, развивает идеи славянской взаимности, укрепляя «духовные, братские отношения между всеми славянскими народами»⁶.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, во время этого визита Михаила вопрос об открытии Сербского подворья в Москве со стадии разговоров и пожеланий перешел в стадию конкретного воплощения. Во всяком случае активность в этом направлении и сербских властей, и московской общественности в лице руководства Славянского комитета значительно возросла. Безусловно, этому способствовала и та благожелательная атмосфера, которая сложилась в русском обществе в отношении славянских народов после Этнографической выставки в Москве и Славянского съезда 1867 г.

По замыслу отцов-основателей Подворья, оно было призвано осуществлять многогранную деятельность по укреплению и развитию русско-сербских церковных, общественных и культурных связей. Сербия в рассматриваемый период еще не была независимым государством. И если Российская империя была представлена в Сербии открывшимся в 1838 г. в Белграде консульством, то никакого представительства Сербского княжества, вассала Османской империи, в России не было. Таким образом, Подворье должно было стать первым офици-

альным представительством Сербии в России со следующими основными функциями: сбор пожертвований, поступающих от различных учреждений и частных лиц Российской империи в пользу православных храмов в сербских землях, и оказание необходимой помощи молодым сербам, приехавшим на учебу в Россию.

20 октября 1869 г., т.е. буквально через четыре дня после отъезда митрополита Михаила из Москвы, председатель Славянского комитета М.П. Погодин обратился в Св. Синод с предложением учредить в Москве Подворье Сербской православной церкви⁷.

Судя по опубликованным⁸ и неопубликованным документам, хранящимся в отечественных архивах, до этого в Славянском комитете уже была проведена большая подготовительная работа⁹ и, главное, была найдена церковь, подходящая для этой цели, — св. Кира и Иоанна на Солянке.

В 1870 г. было получено принципиальное согласие митрополита Московского и Коломенского Иннокентия на открытие Подворья. 26 июня 1870 г. им было направлено в Св. Синод соответствующее послание, в котором особо подчеркивалось следующее обстоятельство: «Дарование в Москве церкви для митрополии не противоречит по той степени самостоятельности, которою церковь единоплеменного нам народа сербского пользуется, так как связь ее с константинопольским патриархом состоит в знаках общения, а не подчинения (подчеркнуто нами. — С.Д.), как то: митрополит сербский возносит в священнослужении имя вселенского патриарха и патриарха поставляет в известность о каждом новопоставленном епископе; св. миро... сербский митрополит получает из Киева — а сие из указанных знаков общения есть сильнейший»¹⁰.

Получив официальное разрешение, сербский митрополит Михаил, со своей стороны, направил в Св. Синод ходатайство об открытии Сербского подворья в Москве — «как для лучшего единения и общения православных славян на юге с Россией, так и для посильного удовлетворения нуждам церкви нашей благотворительною помощью благочестивых россиян, всегда и везде поддерживающих православие»¹¹.

Прошло еще около двух лет, во время которых весьма неторопливо шло согласование вопроса в различных ведомствах. Очень затягивали открытие Подворья два момента. Первый был связан с урегулированием с московскими духовными властями порядка передачи Сербскому подворью церкви св. Кира и Иоанна и принадлежащих ей территории и построек. Вопрос о выкупе церкви был решен положительно после того, как в 1872 г. сербское правительство выделило на эти цели 10 тыс. руб. И хотя тяжбы, связанные с передачей дворовых построек, тянулись еще несколько лет, всё же вопрос был в принципе решен.

Второй проблемой при открытии Подворья стал выбор настоятеля. В письме к Н.А. Попову (октябрь 1872 г., т.е. за два года до открытия Подворья) Н.Н. Дурново предлагал в качестве настоятеля либо архимандрита Васу Пелагича, либо архимандрита Серафима Перовича, которые, несмотря на свой сан, являлись активными участниками национально-освободительной борьбы в Боснии. Н.Н. Дурново считал, что «архимандрит здесь (в Москве. — С. Д.) нужен известный, ...потому что сборы его тогда могут быть значительны, и непременно образованный, чтоб не уронить себя в глазах русского духовенства, тем более что и на греческих подворьях, Иерусалимском и Антиохийском, настоятелями находятся замечательно образованные лица»¹².

В начале 1873 г. в переписке Н.А. Попова и сербского митрополита Михаила речь шла уже о кандидатуре Нестора [в миру — Николай Попович (1833—1884)], окончившего Киевскую духовную академию. По возвращении в Сербию он сначала был преподавателем, а затем стал ректором белградской семинарии. Нестор также обучал Закону Божьему молодого сербского князя Милана Обреновича, являлся основателем и автором первых сербских духовных журналов — «Сион» и «Пастырь». В 1872 г. он принял монашеский постриг.

Однако в России кандидатуру Нестора сочли нежелательной — из-за слухов о его якобы «неблаговидном поведении». «Неблаговидность поведения», подтвержденная русским посланником в Белграде Н.П. Шишкиным, заключалась в приверженности Нестора либеральным идеям.

В ноябре 1873 г. всплыла кандидатура о. Саввы из сербского монастыря Горняк. Он в результате и стал первым настоятелем Сербского подворья — с 15 июня 1874 г. и вплоть до своей смерти в 1880 г. О. Савва, пользовавшийся большим авторитетом и уважением в церковных и славянофильских кругах Москвы, был похоронен в московском Алексеевском женском монастыре, при котором существовало училище, где обучались девочки из южнославянских стран.

Но вернемся в 1873 год. 22 марта (4 апреля) Св. Синод наконец-то принял положительное решение по вопросу об открытии Подворья, а 12 мая 1873 г. император Александр II утвердил его.

И сразу же начались интенсивные ремонтные работы, продолжавшиеся около полутора лет и включавшие восстановление храма, внутреннюю отделку, роспись стен, установку нового иконостаса, приобретение церковной утвари. Финансирование этих дорогостоящих работ взяли на себя московские купцы и среди них — самый крупный жертвователь, купец II-й гильдии В.В. Сысоев, позднее ставший старостой храма Сербского подворья. Из письма настоятеля о. Саввы к сербскому митрополиту Михаилу (декабрь 1874 г.) мы узнаем, что В.В. Сысоев снабдил церковь Подворья богослужебными книгами, а также пожертвовал 12 предобразных паникадил, 8 подсвечников, дарохранительницу, несколько воздухов и покровов — всего на сумму 1 360 руб. сер. На устройство нового иконостаса он пожертвовал 5640 руб. сер. и лично собрал пожертвований деньгами по декабрь 1874 г. 960 руб. сер.¹³

Целый ряд церковных вещей, по просьбе Н.Н. Дурново, был передан Сербскому подворью из ризницы Троице-Сергиевой лавры и лично от ее наместника архимандрита Антония. Среди них — архимандритский серебряный крест с распятием на финифти, украшенный стразами, мантия из шерстяной материи, несколько риз, две пелены на аналогий и пр.¹⁴

Интересные сведения о церкви св. Кира и Иоанна, на базе которой было открыто Сербское подворье, содержатся в статье Н.Н. Дурново, которую он опубликовал в «Московских епархиальных ведомостях» в декабре 1874 г. Впервые этот храм

упоминался в русских летописях XVI в. Впоследствии «за ветхостью» он был разобран и построен вновь уже по указанию Екатерины II в память принятия ею православия в 1744 г. и вступления на престол 28 июня 1762 г., в день празднования памяти св. Кира и Иоанна. План нового храма был составлен архитектором Бланком, рассмотрен и одобрен самой императрицей. В 1765 г. церковь была заложена и по окончании постройки освящена в присутствии Екатерины II — 19 января 1768 г. В 1812 г. церковь, как и многие московские храмы, была разграблена французами, но вскоре после окончания Отечественной войны была восстановлена. К ней была приписана церковь Всех святых на Кулишках, со всем своим приходом. В 1860 г. богослужение в церкви св. Кира и Иоанна прекратилось. 18 февраля 1866 г. Всехсвятская церковь была обращена в самостоятельную, а Киро-Иоанновская стала приписной¹⁵.

Обновленный на средства московских благотворителей в начале 70-х годов XIX в. храм св. Кира и Иоанна впечатлял своей красотой. Пятирусный вызолоченный иконостас был искусно выполнен мастером М.А. Большаковым. Все иконы и стены были расписаны по золотому фону. Из числа 33 святых, здесь изображенных, одиннадцать принадлежали сербской церкви, среди них пять находились в русских святцах: св. Савва, первый архиепископ сербский; его преемник св. Арсений; св. цари сербские: Стефан Неманя (в монашестве Симеон), Стефан Первовенчанный (в монашестве Симон) и князь сербский Лазарь. Имена ряда святых символизировали духовное единство двух православных народов: св. Кирилл и Мефодий, св. Александр Невский — небесный покровитель царя Александра II, даровавшего сербской церкви Подворье в Москве; великомученица Екатерина — в память императрицы, по воле которой был построен храм¹⁶.

Старый же иконостас из церкви св. Кира и Иоанна (в нем находилось 26 икон) был отправлен в Черногорию на средства уже упоминавшегося В.В. Сысоева¹⁷.

Сербское подворье в Москве было открыто, как уже упоминалось, 30 ноября 1874 г., в день св. Андрея Первозванного. Этот день был памятен для Сербии, ибо именно 30 ноября

в 1830 г. была провозглашена ее автономия — сделан первый шаг на пути создания независимого Сербского государства. На освящении церкви Сербского подворья (во имя Благовещения Пресвятой Богородицы) присутствовали и совершили божественную литургию: епископ Алексей; архимандриты московских монастырей: Чудова — Вениамин, Сретенского — Виктор; подворий: Александрийского — Геннадий, Сербского — Савва. Торжественное слово о единении православных церквей на церемонии произнес профессор Московского университета, протоиерей Александринской при Военном училище церкви А.М. Иванцов-Платонов. На освящении присутствовали представители московской интеллектуальной элиты, члены Московского славянского благотворительного комитета — его председатель М.П. Погодин, вице-председатель П.Н. Батюшков, ректор Московского университета С.М. Соловьев, славянофилы И.С. Аксаков, братья Ю.Ф. и Д.Ф. Самарины, Н.А. Попов, Н.Н. Дурново и др., а также легендарная московская знаменитость — Петр Васильевич Хавский, правовед, тайный советник, известный составитель и редактор законов Российской империи¹⁸. Родившись в 1771 г., он жил при пяти императорах, четырех из которых пережил, так как скончался в 1876 г., в возрасте 105 лет! А начал он свою служебную деятельность в должности подкopiиста в земском суде при Екатерине II. Говоря словами Фамусова из грибоедовского «Горе от ума», «при государыне служил Екатерине». А в 1874 г., во время освящения церкви Сербского подворья, П.В. Хавскому было уже 103 года. И он не только выстоял всю службу, но и принял затем участие в торжественной трапезе в настоятельских покоях. Присутствие Петра Васильевича на открытии Сербского подворья свидетельствовало о высоком уровне данного мероприятия в глазах московской общественности.

Вот так и появилось в 1874 г. Сербское подворье в Москве¹⁹, просуществовавшее до 1918 г. На протяжении всего этого периода Подворье активно участвовало, с помощью московских благотворителей, в сборе денежных и других пожертвований в пользу сербов и остальных южных славян. Особенно плодотворной была эта деятельность в годы Великого Восточного кризиса

70-х годов XIX в. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Здесь проводились панихиды об упокоении «всех православных иже в Старой Сербии, Герцеговине и Боснии христороливно и братолюбиво пострадаша», молебны о ниспослании сербскому и черногорскому воинству победы. В Подворье стекались немалые пожертвования москвичей. Так, старообрядцы Москвы в 1876 г. собрали 30 тыс. руб., купили походный лазарет и отправили его в Белград. В Сербию выехала группа сестер милосердия женской Покровской общины. Благодаря собранным через Подворье средствам десятки вооруженных добровольцев ежемесячно отправлялись в армию генерала М.Г. Черняева, главнокомандующего сербской армией во время сербо-турецкой войны 1876 г.

И в последующие годы Сербское подворье являлось духовно-культурным центром сербов, проживавших в Москве, и играло большую роль в укреплении и поддержании на должном уровне русско-сербских связей различной направленности. Благодаря пожертвованиям москвичей, никогда не оскудевавшим, сербские сироты помещались в приюты, молодые сербы обучались в средних и высших учебных заведениях, а бедные монастыри и храмы Сербии и Черногории украшались ценной утварью и облачениями. На территории Сербского подворья больше пяти лет прожил сербский митрополит Михаил, смещенный князем Миланом Обреновичем с митрополичьего престола в 1881 г. и вынужденный покинуть Сербию. В 1884 г. он приехал в Россию и с разрешения властей поселился сначала в Киево-Печерской лавре, а затем в Москве, на территории Подворья. Как вспоминали современники, опальный митрополит «приобрел общую любовь и уважение среди жителей первопрестольной столицы... Москва горячо полюбила доброго, умного, кроткого старца, который нашел в ней вторую родину»²⁰. В мае 1889 г. он возвратился в Белград, по приглашению нового сербского короля Александра Обреновича, и вновь занял митрополичий престол.

В 1918 г. Сербское подворье, как уже упоминалось, было закрыто, в ряду других православных подворий, а Благовещенский храм сделался приходским. В 1933 г. храм с часовней были разрушены.

В настоящее время представительство Сербской православной церкви в Москве также существует — с 31 декабря 1999 г., в храме Петра и Павла у Яузских ворот, в Петропавловском переулке.

Примечания

¹ Москва–Сербия. Белград–Россия. Сборник документов и материалов. Том 2. Общественно-политические связи. 1804–1878 гг. Белград–Москва, 2011.

² Попов Н.А. Очерки религиозной и национальной благотворительности на Востоке и среди славян. Вып. 1. СПб., 1871. С. 102–103.

³ В справке об устройстве Сербского подворья в Москве Н.Н. Дурново писал: «Каждый православный русский сочувственно относится к устройству Сербского подворья, чрез что и самые сношения Русской церкви с Сербскою сделаются более близкими, а сербские церкви будут в изобилии снабжены всем необходимым от православных россиян...» // Цит. по: Москва–Сербия. Том 2. С. 550.

⁴ См.: Шемякин А.Л. Сербский митрополит Михаил: годы изгнания (1883–1889) // Балканские исследования. Вып. 17. Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 259–260.

⁵ См.: Москва–Сербия. С. 277–278.

⁶ Там же. С. 553.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1750. Оп. 1. Д. 79. Л. 56–56 об.

⁸ Помимо уже упомянутого труда «Москва–Сербия. Белград–Россия...», см. нашу публикацию «Материалы архива Н.Н. Дурново по истории российско-сербских связей в XIX в.» // Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013.

⁹ См.: Москва–Сербия. С. 282–285.

¹⁰ Там же. С. 288.

¹¹ Там же. С. 290.

¹² Там же. С. 294.

¹³ Там же. С. 322–323.

¹⁴ Там же. С. 311.

¹⁵ Московские епархиальные ведомости. 1874.8.XII. № 50.

¹⁶ Подробное описание обновленного иконостаса содержится в брошюре «Сербское подворье в Москве. Краткий исторический очерк» (М., 1902), составленной сербским выпускником Московской духовной академии Синкелом Платоном [в миру — Миливое Йованович (1874–1941)].

¹⁷ Там же. С. 31.

¹⁸ Московские епархиальные ведомости. 1874.8.XII. № 50.

¹⁹ Позднее, в 1894 г., рядом с Благовещенским храмом на средства московского купца И.И. Силуанова была сооружена часовня во имя св. Саввы (архитектор М.С. Шуцман).

²⁰ Информация взята с Интернет-сайта Сербского подворья: http://www.serbskoe-podvorie.ru/history_1.php.

Сербское подворье в Москве в последней четверти XIX — начале XX вв. Проблема подбора кадров

30 ноября 1874 г. в самом центре Москвы по адресу: Солянка, 4, неподалеку от Яузских и Варварских ворот, в церкви св. Кира и Иоанна было торжественно открыто Подворье Сербской митрополии.

Идея открытия Подворья принадлежала с российской стороны Николаю Николаевичу Дурново, а с сербской митрополиту Михаилу (Йовановичу). Обе эти фигуры, знаковые в становлении и развитии русско-сербских общественных, политических и духовных связей, встретились в 1869 г. в Москве и приняли решение ходатайствовать об открытии Подворья. Задача была непростой, так как еще не было случая, чтобы открывалось иностранное подворье не в ранге Патриархии.

Подворье должно было, по мнению членов Славянского комитета, служить делу политического объединения сербского народа и создания автокефальной сербской церкви. Об этом прямо пишет в своей записке об открытии Подворья Н.Н. Дурново: «Сербское подворье должно зависеть от митрополита княжества Сербии; до тех пор, покуда все сербы не соединятся в одно государство, тогда подворье будет зависеть от Сербского патриарха»¹.

Подворье должно было стать также центром по сбору пожертвований, поступающих от различных учреждений и частных лиц Российской империи в пользу не только православных храмов, но и бедствующего славянского населения Османской империи. Оно также должно было вести учет всех учащихся, прибывавших из сербских земель в Россию, оказывать им материальную поддержку и помогать в случае возникновения каких-либо трудностей.

14 мая 1873 г., с одобрения императора Александра II, был издан указ Св. Синода об открытии Сербского подворья. В нем, в частности, говорилось: «Святейший Синод, приняв во внимание, что сербская православная митрополия по своему положению в княжестве несамостоятельном и расположенном между мусульманским населением заслуживает оказания помощи со стороны единой ей Российской церкви, признал возможным допустить учреждение в Москве Подворья для означенной митрополии *не в пример другим заграничным православным учреждениям*»². Тем самым подчеркивались исключительность такого шага и нежелание Св. Синода сделать его прецедентом.

Организационная и подготовительная работа продолжалась более пяти лет, в течение которых сербской и российской стороне пришлось преодолеть немало трудностей. Из-за сложности с ремонтом доставшегося Подворью ветхого храма св. Кира и Иоанна его пришлось освящать трижды. Первый раз, как уже упоминалось, при его открытии. Капитальный ремонт церкви и установление нового иконостаса потребовали и нового освящения 22 марта 1875 г. Благодаря стараниям старосты С. И. Камынина внутреннее убранство храма было закончено в 1878 г. Это потребовало еще одного освящения 5 ноября 1878 г., на котором присутствовал министр просвещения и церковных дел Сербии Алимписе Васильевич³.

К истории замысла и реализации идеи открытия Сербского подворья в Москве мы уже обращались⁴, во многом опираясь на документы, выявленные и опубликованные в ходе подготовки второго тома сербско-русской публикации «Москва—Сербия. Белград—Россия»⁵. Представленные в нем материалы по открытию Подворья⁶ были дополнены в следующем, третьем, томе документами о его функционировании в конце XIX — начале XX вв.⁷. Эти материалы, а также первый очерк о Подворье сербского монаха Платона* позволяют обратиться к одной из

* Платон (в миру Миливое Йованович) (1874–1941) — протосингел, сербский выпускник Московской духовной академии, профессор Ягодинской учительской семинарии. По рекомендации митрополита Михаила подвизался на Сербском подворье в качестве иеромонаха. Книга «Сербское Подворье в Москве» была написана им в 1898 г. на сербском языке во время учебы в Москве, по случаю 25-летия открытия Подворья. В 1902 г. увидел свет русский перевод сочинения Платона. После его мученической

главных проблем функционирования Сербского подворья — проблеме подбора кадров.

Штат Подворья составляли как присланные из Сербии священнослужители, так и московский обслуживающий персонал. Главными фигурами, безусловно, были настоятель и староста Подворья, и именно с их назначением возникали определенные трудности.

Настоятель Подворья должен был, наряду со своими повседневными церковными обязанностями, вести большую работу по укреплению русско-сербских духовных связей. Роль настоятеля была настолько значимой, что кандидатуру его утверждали как сербская, так и российская сторона, причем, наряду с церковными, и светские власти. В России за проверку сербских кандидатур непосредственно отвечали чиновники Азиатского департамента министерства иностранных дел.

Российская сторона признавала при этом особые права сербского митрополита, который не только являлся главой Подворья, но и сам подбирал кандидата на пост настоятеля. Летописец Подворья протосингел Платон так характеризует его правовой статус: «Учрежденное в Москве Сербское Подворье занимает одинаковое в административном отношении положение наряду с первоклассными сербскими монастырями, подлежит одним и тем же с ними государственным законам и находится в полной зависимости от того же сербского митрополита. Последний является главным его начальником. Сербскому митрополиту принадлежит право избирать и назначать настоятеля Подворья, а затем и всех вообще членов служащей в нем братии, он же утверждает и избранного для Подворья старосту. При назначении настоятеля Подворья митрополит Сербский на приезд его в Россию испрашивает разрешение русского Правительствующего Синода. Он же, сообразуясь с финансовым состоянием Подворья, назначает ему и братии жалованье»⁸.

кончины в годы Второй мировой войны он был прославлен сербской церковью в качестве священномученика Платона епископа Банялужского. См. о нем: *Дурковић-Јакшић Љ.* Платон Јовановић епископ банялучки. Крагујевац, 1986; *Јович Платон, иеромонах.* Священномученик Платон (Јованович) Епископ Банялужский. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия. Сергиев Посад, 2008.

Но еще до открытия Подворья начались проблемы с подбором настоятеля. Первая кандидатура, предложенная митрополитом Михаилом, была решительно отклонена российской стороной. Это был любимый ученик митрополита Михаила, получивший образование в России, архимандрит Нестор (Попович).

В истории сербской церковной жизни архимандрит Нестор (1833—1884) занимает весьма заметное место. После окончания белградской семинарии он работал учителем, а затем стал приходским священником. После смерти жены в 1854 г. уехал на обучение в Россию, где окончил Киевскую духовную академию. По возвращении в Белград в 1863 г. он сначала служил в духовном суде Белградской митрополии, а с 1865 г. преподавал в гимназии. В 1868 г. был произведен в сан протоиерея, став в то же время профессором белградской семинарии, а затем и ее ректором. Принял постриг 11 декабря 1872 г., 11 марта 1873 г. был произведен в архимандриты. В 1883 г. он был назначен на ответственный пост епископа Нишской епархии, где вскоре и скончался. Нестор оставил по себе добрую память как грамотный и добросовестный духовный пастырь. Следует отметить, что этот прекрасный знаток догматики и богословия, известный публицист, четыре года обучавший богословской науке сербского князя Милана Обреновича, характеризовался русскими дипломатами крайне негативно⁹. Однако позднее, после его скоропостижной смерти в 1884 г., российский МИД занес его в список самых талантливых выпускников русских духовных учреждений¹⁰. Чем же мог так себя скомпрометировать основатель сербских духовных журналов «Пастырь» и «Сион» в глазах русских консулов?

Документы свидетельствуют, что сомнения вызывали его политические взгляды. Российское министерство иностранных дел было весьма озабочено распространением революционных и либеральных идей в Сербском княжестве, в том числе и среди духовенства. Несмотря на рекомендацию митрополита Михаила, российская сторона отклонила кандидатуру архимандрита Нестора. Способствовал этому и русский консул в Белграде Н.П. Шишкин, который обвинил Нестора в «либеральном умо-

настроении»¹¹. Эта подозрительность по отношению к Нестору сохранялась у российских консулов и позднее. В 1875 г., когда архимандрит Нестор был кандидатом на занятие шабачской епископской кафедры, русский консул А.Н. Карцов сообщал в строго секретном донесении директору Азиатского департамента А.А. Мельникову: «... во главе кандидатов митрополии стоит знакомый императорскому министерству архимандрит Нестор, которому в 1873 году за чудовищно-безнравственное поведение высочайше воспрещен был въезд в Россию»¹².

Ответственность за нравственное состояние сербского духовенства Карцов возлагал на митрополита Михаила: «Не менее пагубно отразилось вредное направление главы сербской церкви на духовенстве белом. Правда, что его распущенность и безнравственность не достигли еще тех пределов как среди монашествующих, но, следуя примеру своего владыки, священники более занимаются борьбою внутренних политических партий, чем отправлением духовных треб прихожан, в которых вследствие этого всё глубже и глубже укореняются чувства неуважения к своему духовенству, вместе с полным к вере и церкви равнодушием»¹³.

Еще в июле 1869 г. глава русского генерального консульства в Сербии А.С. Троянский, извещая МИД о нравственном состоянии сербского клира, тесно связывал этот вопрос с политической перспективой объединения сербского народа: «...в княжестве Сербии, где, насколько мне известно, православие находится, к крайнему сожалению, в большом упадке и где пастыри церкви, постоянные посетители кофеен и гостиниц, занимаются преимущественно решением всевозможных политических вопросов, оставляя в стороне вопросы веры и нимало не заботясь о просвещении народа в духе чистого православного учения. С упадком же религии, служащей связующим и объединяющим южнославянские племена началом, естественно должен подвергнуться сомнению самый вопрос об их политическом существовании»¹⁴.

Об этом же пишет русский консул в Белграде Н.П. Шишкин, которого митрополит Михаил обвинял в том, что он из личной неприязни очернил архимандрита Нестора в глазах

русского правительства и «успел представить человеком безнравственным и вольнодумцем, между тем как он монах самый смиренный и поведения безукоризненного»¹⁵.

Н.П. Шишкин, вернувшись в июне 1873 г. после почти годового отсутствия в Белград, встретился с митрополитом Михаилом и вновь убедился в его политической активности, связанной с поддержкой сербской прогрессивной организации «Объединенная сербская молодежь» (Омладина). «Митрополит до того увлекся своими связями с Омладиной и преследуемыми ею происками, — писал он, — что занимается исключительно политическими соображениями. Все три правительства, составившиеся одно за другим в течение моего здесь 10-летнего пребывания, видели высокопреосвященного в рядах оппозиции; митрополия сделалась сборным местом недовольных, и еще недавно, когда образовывалось министерство после смерти генерала Блазнавца, князь Милан имел в руках список министров, составленный в доме его высокопреосвященства, и в присутствии своих приближенных выразился, что покровительство митрополита в его глазах есть ручательство полной неблагонадежности»¹⁶.

Заменявший Шишкина А.Н. Церетелев в своих донесениях также критически характеризовал деятельность митрополита Михаила и поэтому не выдал его кандидату на пост настоятеля Сербского подворья архимандриту Нестору разрешение на въезд в Россию.

Итак, открытие Подворья осложнялось сомнениями российского МИД в политических взглядах и самого митрополита Михаила. Его принадлежность к либеральной партии, контакты с Омладиной и другими оппозиционными правительству кругами с подозрением воспринимались в Петербурге. Именно поэтому почти на год растянулось утверждение кандидатуры на пост настоятеля Подворья. И хотя предполагалось, что «Подворьем управляет архимандрит, назначаемый из Сербии, из лиц знакомых с русским языком», на деле оказалось, что последнее слово всё-таки за российской стороной и прежде всего за Азиатским департаментом МИД: именно здесь, на основании подробных донесений русских представителей в Сербии, определялась благонадежность предлагаемой кандидатуры.

Митрополиту Михаилу пришлось искать другого кандидата. Им стал архимандрит монастыря в Горняке (Белградская митрополия) Савва (Грбович) (1825?–1880), который возглавил Подворье в мае 1874 г.¹⁷ и оставался на этом посту до самой смерти. Он скончался 8 октября 1880 г. в Москве и был похоронен здесь на территории Алексеевского Девичьего монастыря.

Подворье оказалось после смерти архимандрита Саввы в тяжёлом положении. Митрополит Михаил писал по этому поводу в ноябре 1880 г. Н.А. Попову: «Что касается Сербского подворья, теперь нельзя ничего предпринимать, пока там не приедет настоятель, которого еще не определили. Но трудно что-нибудь сделать до тех пор, пока не уплатит Подворье свой долг банку, а долг большой, 28 000 рублей, а потом весь доход можно издерживать на содержание Подворья и на стипендии»¹⁸. Долги Подворья были связаны с большими расходами как по ремонту самого храма св. Кира и Иоанна, который достался Подворью в плачевном, полуразрушенном состоянии, так и для строительства необходимых дворовых построек.

Нелегко проходили и выборы кандидата на пост нового настоятеля. Министр просвещения и церковных дел Сербии А.Васильевич предложил кандидатуру архимандрита Никифора Дучича, хорошо известного в России своим героическим участием в сербо-турецкой войне 1876 г. (в качестве командующего отрядами добровольцев Ибарской армии), однако её не поддержала Сербская скупщина¹⁹. Митрополит Михаил, подыскивая новую кандидатуру, столкнулся с очередными бюрократическими препонами, как с сербской, так и с российской стороны. Поэтому в марте 1881 г. временно исполняющим обязанности настоятеля был назначен иеромонах Сербского подворья Иоанникий.

Наконец, 26 июня 1881 г. митрополит направил в качестве настоятеля игумена **Феофила** (*сербск.* — Теофила), который при предшествующем настоятеле был старшим иеромонахом Подворья (с 1874 по 1878 гг.). Но именно с этим настоятелем Подворье оказалось в центре большого скандала. Вызвано это было как личностью самого Феофила, так и обстоятельствами церковного кризиса в Сербии, приведшего к отставке ми-

трополита Михаила и фактическому изгнанию его из страны. Формальным предлогом для конфликта митрополита с властями было его нежелание принимать новый закон о церковных таксах. 18 октября 1881 г. указом князя Милана митрополит Михаил был отстранен «от управления архиепископией Белградской и митрополией Сербской»²⁰. Новый митрополит Феодосий (*сербск.* — Теодосий) Мраович (1815–1891) был избран через полтора года 20 марта 1883 г. и фактически стал главой Подворья в Москве, ему подчинялся и новый настоятель Феофил. Обстоятельства так называемого «дела митрополита Михаила» с негодованием были восприняты в России, и это отразилось на делах Подворья. Исследовательница истории сербской православной церкви в 1878–1920 гг. Ю.А. Колиненко так характеризует сложившуюся ситуацию: «Продолжение затянувшегося конфликта Сербии и России было перенесено на русскую почву. Жертвой очередной разыгранной партии пало Сербское подворье в Москве, закрытие которого было “асимметричным” ответом уязвленных действиями Белграда русских властей»²¹.

Личность нового настоятеля Феофила также сыграла негативную роль в судьбе Подворья. Поначалу митрополит Михаил был доволен своим ставленником. («Я и другие друзья довольны отцом Феофилом, но пока нужно подождать с произведением его в архимандриты»²².) Протосингел Платон же характеризует Феофила, управлявшего Подворьем с августа 1881 г. до 20 июля 1883 г., как «молодого и честолюбивого монаха», который «не стеснялся тратить без всякого расчета, подчас единственно для своего удовольствия, и без того ничтожные суммы Подворья, ввел его в громадные долги, которые, постепенно накапливаясь всё больше и больше, возросли в конце концов до ужасающих размеров»²³. По его словам, Феофил вывез, уезжая из Москвы, «помимо множества разных весьма верных вещей и предметов, составляющих полную собственность Подворья, до 1500 руб. денег, при этом храм Подворья запер и ключи от него увез с собою. Из вещей им были взяты все архимандричьи кресты, антиминс, значительная часть ризницы и много книг из собранной архимандритом Саввою библиотеки, бóльшая

часть которой была передана Подворью И.С. Аксаковым в 1878 г. после закрытия Московского Славянского общества, для занятий сербских студентов Московской духовной академии и Московского университета»²⁴.

Развязка наступила 22 мая 1883 г., когда Феофил, прежде не поминавший на литургиях нового сербского митрополита Феодосия, вынужден был это сделать, так как этого потребовала прибывшая в Москву на коронацию Александра III официальная сербская депутация. «За это ему было со стороны митрополита Московского и заседавшего в Москве Священного Синода воспрещено священнослужение. После этого он признал за лучшее совсем бежать из Москвы и оставить Подворье в самом печальном состоянии»²⁵. В определении Московской духовной консистории сообщалось, что «...на Подворье остался один дворник, но и тот за необъявление куда следует о выезде игумена Подворья подвергся полицейскому на три дня аресту»²⁶. Московские духовные власти после этого постановили приостановить деятельность Подворья: «Консистория признает необходимым Кири-Иоанновскую церковь на Сербском подворье, самовольно запертую настоятелем подворья игуменом Феофилом и покинутую им на жертву всяких случайностей, немедленно же открыть с учреждением необходимого за нею надзора [...] и затем церковь со всем имуществом передать в заведование причта Всехсвятской церкви, от которой она была отчислена в пользу Сербского подворья, и обо всем донести его высокопреосвященству»²⁷. Сам Феофил о двусмысленности своего положения неоднократно писал и телеграфировал митрополиту Феодосию в Белград, сообщая, что московские духовные власти запрещают ему помянуть сербского митрополита, и умолял разрешить ему вернуться в Сербию. Документы свидетельствуют также, что он закрыл церковь св. Кира и Иоанна и забрал с собой ключи от нее, повинувшись приказу из Белграда²⁸. Вернувшись на родину, он представил подробнейший доклад о финансовом положении Подворья, о своей деятельности на посту настоятеля и о консультациях с сербским посланником в России Д. Хорватовичем по вопросам русско-сербских церковных отношений. Он также представил обстоятельную записку о

том, как следует формировать библиотеку Подворья, комплекта её, наряду с русскими, сербскими книгами²⁹.

Митрополит Михаил, находившийся в изгнании, с горечью писал 29 ноября 1883 г. Н.А. Попову о московских событиях: «Жаль мне Подворья, что дураки осрамили его. Но что можно теперь делать в пользу его?». Однако уже в январе 1884 г. он сообщил о желании направить в Москву на Подворье своего сторонника, епископа Иеронима (Йовановича) (1825—1895). Но и эта кандидатура не прошла, и после двухлетнего перерыва в работе Подворья летом 1885 г. управлять им стал иеромонах Иоанникий, еще один ставленник митрополита Михаила, возведенный им впоследствии, в 1888 г., в сан архимандрита. Объясняя свой выбор, митрополит писал из Киева в Москву: «Второй год начался, как Подворье закрыто, и здание, и вещи в нем могут испортиться; посему посылаю отца Иоанникия, который убежал из Сербии от гнусных преследований, чтобы очистил Подворье и старался под надзором консистории сохранить Подворье от убытка и погибели»³⁰.

11 февраля 1885 г. московские духовные власти получили распоряжение Св. Синода о передаче Сербского подворья в заведование иеромонаху Иоанникию, что фактически означало противостояние позиции властей Сербского королевства. Иоанникий прибыл в Москву из Киева, где находился вместе с митрополитом. Но фактически делами Подворья распоряжался сам митрополит Михаил, который поселился на его территории с 25 августа 1885 г. и проживал там до 5 мая 1889 г. Он служил на Подворье литургии. Так, 11 января 1888 г., «по случаю кончины известного благотворителя старообрядца Тимофея Саввича Морозова, оказавшего немало пособий сербам в сербско-турецкую войну 1876 года, а равно и сербской церкви, митрополит Михаил совершил заупокойную литургию и панихиду»³¹.

В 1889 г., в связи с изменившимися политическими обстоятельствами в Сербии и изгнанием из страны короля Милана, митрополит вернулся на родину, а Подворьем до мая 1891 г. продолжал управлять архимандрит Иоанникий.

Новым настоятелем Подворья стал архимандрит Кирилл (Живоин Йовичич) (1837—1908). Выпускник Московской ду-

ховной академии, известный богослов, профессор, писатель и переводчик, архимандрит Кирилл принимал участие в качестве полкового священника в сербо-турецкой войне 1876 г. и был награжден медалью за храбрость. Он управлял Подворьем с 3 апреля 1891 г. по 20 июня 1898 г. В «Заметке о сербах, получивших образование в России», написанной по запросу Первого департамента МИД Российской империи консулом в Ускюбе А.К. Беляевым 21 ноября 1906 г., дается следующая характеристика архимандриту Кириллу: «Несмотря на грехи молодости, архимандрит Кирилл по справедливости должен быть признан одним из лучших русских воспитанников, не зарывшим своего таланта в землю. Многие в Сербии жалели, что в прошлом году, при выборе епископа в Шабаце, некоторые архиереи, державшие себя в молодости отнюдь не лучше Кирилла, из-за старых личных счетов помешали его избранию»³². Высоко также оценивалась и его деятельность на посту настоятеля Подворья, состояние которого он существенно улучшил. Архимандриту Кириллу выпала честь принимать 20 июля 1891 г. на территории Подворья молодого сербского короля Александра Обреновича, который прибыл в Россию вместе с регентом Йованом Ристишем с официальным визитом.

14 июня 1898 г., прощаясь с москвичами перед отъездом на родину, настоятель Сербского подворья Кирилл сказал: «...прощаясь с вами, могу вас уверить, братья мои, что уношу с собой на свою родину самые дорогие, самые отрадные воспоминания о святой Руси и священном русском Сионе — матушке Москве. До конца жизни своей не забуду того неподдельного радушия, того гостеприимства, той сердечной и искренней любви, которыми я пользовался среди вас во всё время моего служения в Москве»³³.

Следующим настоятелем Подворья 30 июня 1900 г. был назначен архимандрит Арсений (Бранкович) (1847? — после 1914).

Важную роль в жизни Подворья играли и помощники настоятелей — иеромонахи, назначаемые также из Белграда. Нам известны имена некоторых из них:

В 1874—1878 гг. — иеромонах Феофил; в 1880—1883 гг. — иеромонах Иоанникий; с ноября 1895 г. по 25 мая 1896 г. — иеромонах Леонтий; с 3 октября 1896 г. по 25 августа 1897 г. — иеро-

монах Платон (будущий протосингел и автор первой истории Сербского подворья); с 19 октября 1897 г. — игумен Митрофан, который заведовал Подворьем после отъезда архимандрита Кирилла вплоть до приезда в июне 1900 г. архимандрита Арсения Бранковича.

Наконец, следует отметить, что повседневная жизнь Подворья во многом зависела от рдения и добросовестности церковных старост, которые по большей части были представителями московского купечества. В 1874—1875 гг. эту должность занимал купец А.И. Колганов; в 1875—1878 гг. — В.В. Сысоев, который за свою деятельность был награжден сербским орденом Такова 4-й степени. В 1878—1880 гг. обязанности старосты исполнял потомственный почетный гражданин Степан Иванович Камынин. Он немало сделал для внутреннего убранства церкви. Благодаря его стараниям иконостас был вызолочен, были сооружены четыре киота, паркетный пол, мраморные подоконники. Он был награжден сербским орденом Такова 3-й степени. После его смерти новый староста Александр Николаевич Еремин в 1880—1886 гг. обогатил ризницу церкви, устроил серебряный ковчег для частиц св. мощей. Он ушел с должности по болезни и в том же году умер. Сменил его купец Н.И. Свиридов, который являлся церковным старостой в 1886—1898 гг. Он за свои труды был награжден сербским орденом св. Саввы 3-й степени, черногорским орденом князя Даниила I 4-й степени и шейной золотой медалью «За усердие» на Станиславской ленте³⁴.

Но встречались среди старост и люди равнодушные и недобросовестные. Так, занимавший в 1898—1901 гг. эту должность потомственный почетный гражданин А.К. Ечкин, по словам протосингела Платона, лишь номинально именовался старостой и «был в храме не более 3 раз. За него правил должность старосты Василий Львович Блиндин, который часто не топя по несколько дней зимою храм, довел его до такого положения, что попечитель Подворья Н.Н. Дурново, с согласия арх. Арсения, счел нравственным долгом просить его оставить должность.[...] Ровно ничего не сделавшие для церкви Подворья и доведшие храм до плохого состояния гг. Ечкин и Блиндин были награждены орденом св. Саввы 3 ст.»³⁵.

В феврале 1901 г. старостой был назначен грек Еврипид Иванович Янула-Панайот, «поставщик конфет ко двору их величеств королей Греческого и Сербского и их высочеств великого князя Черногорского и наследного цесаревича греческого». В 1902 г. он вызолотил иконостас и обновил стенопись.

В 1907 г. орденом св. Саввы 4-й степени был награжден староста Сербского подворья Сергей Егорович Чеблаков, московский купец, который вложил свои 3000 рублей в обновление храма св. Кирилла и Иоанна³⁶.

Закрото Подворье было в 1918 г., а 25 марта 1919 г. Югославянский совет рабочих и крестьянских депутатов направил письмо в НКВД РСФСР о взятии им в свое ведение домов, принадлежащих Сербскому государству, заявив, что «берет с сегодняшнего дня в свои руки все дела, касающиеся домов 4/6 и 6 по Солянке (Сербское подворье), принадлежавших Сербскому (в настоящее время объединенному югославянскому государству), предварительно опечатав бывшее помещение архимандрита Михаила и назначив управляющего делами т. Ольрома управляющим означенных домов»³⁷. Революционной Югославянскому совету оказалась близкой революционная атеистическая пропаганда в новой России, объявившей войну церкви и ее институтам³⁸.

Примечания

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1750. Оп. 1. Д. 43. Л. 29 об.

² Цит. по : [Синкел Платон]. Сербское Подворье в Москве. (Краткий исторический очерк). Составил Синкел Платон. М., 1902. С. 12–13.

³ [Синкел Платон]. Сербское Подворье в Москве. С. 33.

⁴ Кузьмичева Л.В. Открытие Сербского Подворья в Москве в 70-е гг. XIX века // Историки-слависты МГУ: Кн. 8: Славянский мир: в поисках идентичности М., 2011. С. 301–313; она же. Деятельность московских славянофилов по укреплению позиций сербской православной церкви в середине XIX в. // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами (К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского). М.-СПб., 2013. С. 123–130.

⁵ См.: Кузьмичева Л.В. Москва и сербский вопрос в 1804–1878 гг. // Москва–Сербия. Белград–Россия: сборник документов и материалов. Т. 2: Общественно-политические связи. 1804–1878 гг. Белград–М., 2011. С. 39–82.

⁶ Москва–Сербия. Белград–Россия: сборник документов и материалов. Т. 2. С. 271–323.

⁷ Москва–Сербия. Белград–Россия: сборник документов и материалов. Т. 3: общественно-политические и культурные связи. 1878–1917 гг. Белград–М., 2012. С. 164–220, 599–611.

⁸ [Синкел Платон]. Сербское Подворье в Москве. С. 39.

⁹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 239. П. 13. Д. 47. Л. 13–13 об., 23–23 об.

¹⁰ *Пилипович Р.* Сербь в богословских учебных заведениях России во второй половине XIX века — мнение царского дипломата // Русский сборник: исследования по истории России. Том XIV. М., 2013. С. 115.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 239. П. 13. Д. 47. Л. 23–23 об.

¹² Уједињена Омладина Српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. Нови Сад, 1977. С. 350.

¹³ Там же. С. 351.

¹⁴ Там же. С. 111.

¹⁵ Там же. С. 350.

¹⁶ Там же. С. 326.

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 239. П. 8. Д. 32. Л. 15–16.

¹⁸ Москва–Сербия. Белград–Россия. Т. 3. С. 165.

¹⁹ Там же. С. 167.

²⁰ См. подробнее: *Колиненко Ю.В.* Сербская православная церковь в 1878–1920 гг.: национальная идеология и политическая практика. М., 2016. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. С. 151–166.

²¹ Там же. С. 169.

²² Москва–Сербия. Белград–Россия. Т. 3. С. 174.

²³ [Синкел Платон]. Сербское Подворье в Москве. С. 44.

²⁴ Там же. С. 44–45.

²⁵ Там же. С. 46.

²⁶ Москва–Сербия. Белград–Россия. Т. 3. С. 179.

²⁷ Там же. С. 181–182.

²⁸ Там же. С. 603–604.

²⁹ Там же. С. 605–611.

³⁰ Там же. С. 192.

³¹ [Синкел Платон]. Сербское Подворье в Москве. С. 62.

³² *Пилипович Р.* Сербь в богословских учебных заведениях... С. 116.

³³ Москва–Сербия. Белград–Россия. Т. 3. С. 210.

³⁴ [Синкел Платон]. Сербское Подворье в Москве. С. 51–52.

³⁵ Там же. С. 55.

³⁶ Москва–Сербия. Белград–Россия. Т. 3. С. 643.

³⁷ Москва–Сербия. Белград–Россия. Т. 4: Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. Белград–М., 2017. С. 248–249, С. 368.

³⁸ Храм св. Кира и Иоанна был разрушен в 1933 г. Сейчас на его месте остался лишь перестроенный приходской дом (Солянка, 4). В 1948 г. Подворье было возрождено в храме Петра и Павла у Яузских ворот. Однако по политическим причинам оно так и не смогло начать свою деятельность. В 1999 г., согласно указу Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, храм св. Апостолов Петра и Павла был преобразован в Патриаршее подворье, при котором было вновь открыто представительство Сербской православной церкви. Сербское подворье в Москве было восстановлено лишь в 2001 г., но уже на территории другого храма, хотя и неподалеку от прежнего места.

«Московско-черногорские» отношения в конце XIX — начале XX вв. (по материалам Архивного отделения Национального музея Черногории)

Одно из самых серьезных заблуждений российской славистики на рубеже XIX–XX вв. — это стереотипное, явно упрощенное и идеализированное представление о «нерушимой дружбе» Российской империи и Черногорского княжества (с 1910 г. — Королевства), зародившейся еще во времена Петра Великого. Архивные материалы не подтверждают этого политического мифа. Официальные отношения двух государств нередко подвергались серьезным испытаниям и переживали острые кризисы. Причиной этого были различные внешнеполитические и дипломатические стратегии, взятые на вооружение правящими кругами стран-партнеров. Россия после тяжелых испытаний на Берлинском конгрессе 1878 г. более-менее твердо придерживалась политики статус-кво на Балканах и настойчиво рекомендовала своим славянским союзникам присоединиться к этому курсу. Обострение противоречий и пограничных споров российские дипломаты старались пресечь в зародыше, а если не удавалось избежать осложнений, неизменно сдерживали балканских коллег, призывая их к осторожности. Черногорские руководители, напротив, никогда не отказывались от идеи территориального расширения. Поэтому любую конфликтную ситуацию на границах Османской империи они готовы были использовать для достижения своих смелых замыслов. Препятствием на пути к мечте были не предостережения и увещания российских дипломатов, а слабость Княжества, ограниченность собственных ресурсов и возможностей. Договориться об общей линии поведения в международных делах оказалось очень сложно.

Откуда же в таком случае у писателей, ученых, журналистов, путешественников возникла глубокая убежденность в существовании прочной российско-черногорской дружбы? Почему в течение многих десятилетий отечественная публицистика писала о союзе двух православных народов? Почему множилось число сторонников этой красивой, хотя и не совсем правдивой точки зрения?

Отчасти ответы на поставленные вопросы следует искать в тех архивных фондах, где отложились материалы «личного» характера — письма, обращения, адреса, прошения, петиции. Они, в отличие от сухих официальных документов, свидетельствуют о симпатиях и антипатиях, о патриотических порывах и благотворительных инициативах, о сочувствии и сострадании, которые проявляли русские и черногорцы по отношению друг к другу. В самом субъективном характере этих материалов заложена бесценная информация об умонастроениях, царивших в обществе в тот или иной момент. Подобного рода «второстепенные» источники оказываются незаменимы при изучении национальных стереотипов, предрассудков и предубеждений, заблуждений и мифов. В Архивном отделении Национального музея Черногории (Архивско одељење Народног музеја Црне Горе — Архивное отделение Национального музея Черногории, далее — АОНМЧ) такие сведения хранятся в личном фонде князя (короля) Николы и в фонде «Обновленные рукописи» («Приновљењи рукописи»). Содержание первого фонда понятно по его названию, в нем осели самые разные сведения, плохо поддающиеся систематизации. Видимо, Никола Петрович оставлял у себя под рукой то, что казалось ему важным или полезным для повседневной работы. Поэтому в папках перемешаны официальные документы и частные обращения по разнообразным поводам как самих черногорцев, так и иностранцев. Второй фонд более цельный по содержанию, это рабочий архив российской дипломатической миссии в Цетинье, который не успели уничтожить или вывезти из страны в годы Первой мировой войны, когда австрийская армия стремительно наступала на Королевство. Секретные материалы в нем отсутствуют, а будничная, маловыразительная на первый

взгляд, жизнь русских дипломатов в Цетинье высвечивается очень ясно. Деятельность миссии предстает перед нами с разных сторон, всплывают неожиданные подробности российско-черногорских контактов.

Во время Первой мировой войны папки из обеих канцелярий были спешно спрятаны, закопаны в землю. Одна часть бумаг погибла, другая была извлечена после войны из тайников; к сожалению, многие источники утрачены или не поддаются прочтению. Однако основной массив документов сохранился и вошел в архивное наследие Черногории. С учетом вероятных потерь, можно утверждать, что около двух десятков единиц хранения в фонде короля Николы, содержащих данные о культурных связях Москвы и Цетинья, представляют собой, пользуясь языком социологов, случайную выборку. Немало свидетельств о характере этих связей содержится и в фонде «Приновльеньи рукописи». В совокупности такого рода архивные данные позволяют судить, во-первых, о формах и целях прямого сотрудничества общественных организаций России с черногорцами. Во-вторых, можно установить и проанализировать инициативы, исходившие от отдельных лиц, считавших своим долгом помочь черногорцам. В-третьих, суммировав содержание разнообразных документов, нетрудно выделить основные направления и реальные результаты «народной дипломатии», выходящей за рамки формального взаимодействия Российской империи и Княжества-Королевства. Именно на почве таких контактов возникала устойчивая эмоциональная связь двух очень разных народов, которую многие считали искренней дружбой.

География неформальных контактов была весьма широкой. Мы находим письменные обращения россиян, присланные в Цетинье из Тобольска, Уфы, Владимира, Херсона, Одессы, Чернигова, Варшавы, Тамбова, Казани и других городов Российской империи. В архиве черногорского правителя сохранилось более сотни «русских» писем. Понятно, что больше всего корреспонденции шло из Петербурга, где располагались не только главные государственные учреждения империи, но и различные общественные организации. Однако и Москва,

как древняя столица России, занимает почетное место среди адресатов.

На основании обращений к князю Николе из Москвы удалось выделить несколько главных направлений, по которым развивались общественные связи с черногорцами. Это — образование, благотворительность, присвоение почетных званий научных учреждений и обществ, высылка светских и духовных книг, выражение монархических чувств по поводу различных юбилеев и семейных событий в правящих домах и, крайне редко, письма от московских фабрикантов. В последних речь шла, как правило, не о предпринимательской деятельности в Княжестве, а о том, чтобы получить престижное звание поставщика черногорского двора¹. Некоторые подобные письма каким-то образом попали в фонд «Приновльеньи рукописи». Там же хранится много документов, связанных с пересылкой из России денег на благотворительные цели, с обучением в Москве черногорских студентов, обращения на имя князя Никола по поводу разных культурных мероприятий, поздравления черногорскому монарху и т.д. Из отдельных фактов и частных инициатив, свидетельства о которых находятся в архивах, складывается многоцветная мозаика «московско-черногорских» отношений.

Начнем с черногорских учащихся. С 80-х годов XIX в. в Московском университете регулярно учились юноши из Княжества. Так, в 1881 г. студенты Врбица, Ораховац, Калуджевич и Радонич получили при посредничестве Азиатского департамента МИД деньги на обучение, переданные черногорской княгиней Миленой². В 1895 г. тот же департамент оплатил возвращение на родину закончившего университет Вука Дюрашковича³. В 1904 г. студент историко-филологического факультета университета Митар Джоревич просил князя Николу выделить еще стипендию на два года для завершения курса обучения. В доказательство своих успехов он приложил к прошению две опубликованные им работы⁴. Конечно, материалы московских архивов содержат куда больше сведений о получавших в Москве образование черногорцах. Однако и письма из личного фонда черногорского монарха подтвержда-

ют, что выходцам с Балканского полуострова в начале XX в. был хорошо известен адрес в Борисоглебском переулке. Здесь в доме № 15 располагалось Попечительство над учащимися в Москве славянами, которое было одним из подразделений Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. Туда обращались все, кто учился или мечтал учиться в Первопрестольной. В данном случае важно подчеркнуть, что адрес Попечительства сохранился именно в черногорском фонде. Это косвенное подтверждение того, что сотрудничество москвичей и черногорцев в сфере образования было постоянным и плодотворным.

Еще ярче высвечивает личный архив господаря масштабы благотворительности москвичей в пользу Княжества. Например, во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. известный пианист и дирижер Н.Г. Рубинштейн организовал 33 благотворительных концерта. Вырученные от продажи билетов деньги были переданы российскому Красному Кресту. 13 сентября 1880 г. Александра Николаевна Стрекалова, возглавлявшая Общество поощрения трудолюбия в Москве, отправила главе российской миссии в Цетинье А.С. Ионину письмо-просьбу: «Милостивый государь, Александр Семенович! Пользуясь постоянным вниманием, которое Вы оказываете к моим ходатайствам, я приемлю смелость засвидетельствовать перед Вашим превосходительством об особых заслугах почетного члена председательствуемого мной общества, директора Московской консерватории Николая Григорьевича Рубинштейна. С самого начала борьбы за славянскую независимость Николай Григорьевич целой серией концертов, даваемых им в различных городах России, собрал громадные суммы денег, свыше пятидесяти тысяч рублей, на помощь участникам славянской войны и их семьям. Значительная доля этой суммы поступила в распоряжение главноуполномоченного Общества Красного Креста в Черногории, немалая часть уделена и Дому воспитания сирот убитых воинов, где половина воспитанниц — славянки. В виду таких заслуг я позволяю себе просить Ваше превосходительство исходатайствовать у Его высочества князя Николая пожалования г. Рубинштейна кавалером ордена Даниила I за незави-

симось Черногории, присовокупляя, что г. Рубинштейн уже состоит кавалером орденов Св. Владимира четвертой степени, Св. Анны второй степени и французского Почетного легиона офицерского креста...»⁵. Ходатайство известной благотворительницы А.Н. Стрекаловой ярко свидетельствует об отзывчивости и щедрости представителей московской творческой интеллигенции по отношению к черногорцам. Обнаруженный нами факт из жизни известного музыканта и общественного деятеля заслуживает особого внимания специалистов по истории музыки. Тем более что им хорошо известно, каким скромным было материальное положение самого Н.Г. Рубинштейна, нередко испытывавшего серьезные денежные затруднения.

Другой пример отзывчивости москвичей связан с историей строительства психиатрической лечебницы в окрестностях Даниловграда. Это медицинское учреждение построили и открыли на пожертвования черногорцев и иностранных благотворителей в 1903 г. Необходимость создания подобного лечебного учреждения была очевидной. П.А. Ровинский писал в 1897 г.: «Вечная война с внешним неприятелем, до недавнего времени бывшие племенные междоусобия и кровавая месть создали в черногорце особенно нервное состояние, которое переходило из поколения в поколение. Кровавые войны новейшего времени 1858, 1862, а особенно 1875—1878 гг., без сомнения, не остались без влияния на оказывающееся в настоящее время большое число душевнобольных в Черногории...»⁶. Медицинских учреждений в Княжестве было вообще очень мало, а психически нездоровые люди не могли получить никакой помощи из-за отсутствия специальной лечебницы. В июле 1899 г. черногорец Йован Куячич, изучавший медицину в России, обратился к московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу с просьбой разрешить публикацию в русских газетах объявления о начавшемся сборе средств на строительство психиатрической больницы⁷. Разрешение было дано, и уже с ноября 1899 г. в дипломатическую миссию в Цетинье стали поступать деньги от россиян. В Москве при Славянском благотворительном обществе был создан Главный комитет по сбору пожертвований, который возглавил Андрей Иванович

Дросси⁸. Так жители нашего города вместе с самими черногорцами и теми европейцами, которые откликнулись на призыв, приняли участие в важной благотворительной акции, позволившей открыть в Черногории крайне необходимое медицинское учреждение.

Благотворительная деятельность россиян в пользу черногорцев никогда не прекращалась, но становилась особенно активной в годы военных испытаний. В 1912—1913 гг. поток пожертвований заметно вырос. Приведем некоторые цифры. В конце 1912 г. московский городской голова распорядился выслать 27 мест багажа с вещами «для больных и раненных воинов», собранными жителями Москвы. 5 января 1913 г. Московский биржевой комитет отправил 23 посылки с постельным бельем, одеялами, теплой обувью и одеждой «для черногорских военных лазаретов, приобретенных по открытой Биржевым комитетом подписке». 11 февраля 1913 г. в Черногорию был отправлен багаж весом 19 пудов 18 фунтов от Славянского вспомогательного общества Москвы⁹. Такую же картину можно видеть и в начале Первой мировой войны. Вóвремя оказанная гуманитарная помощь давала современникам основания верить в то, что дружба славянских народов — не пустые красивые слова, а реальный фактор общественно-политической жизни.

Было бы преувеличением говорить о прочных научно-просветительских связях Москвы и Черногории, но некоторые зачатки подобного сотрудничества все-таки существовали. Московский университет регулярно высылал черногорскому монарху как своему почетному члену ежегодные отчеты. Возможно, такое внимание со стороны московской профессуры льстило самолюбию князя, страстно желавшего оставить свой след в культуре, как это сделал его предок-поэт Петр II Петрович Негош. В 1883 г. князю Николе выслали золотую памятную медаль, выпущенную в честь годовщины Отечественной войны 1812 г. и завершения строительства храма Христа Спасителя в Москве¹⁰. Комиссия по проведению юбилейных торжеств в честь Н.В. Гоголя пригласила правителя Черногории на открытие памятника писателю в апреле 1909 г.¹¹. Были приглашения и на другие мероприятия, связанные с памятными датами. Что

же касается собственно науки, то имеются документы, свидетельствующие о стремлении первых черногорских историков работать в московских архивах. Важной составляющей «московско-черногорских» отношений был книжный обмен, но он носил односторонний характер — движение шло только из Москвы в Княжество. Во-первых, это высылка из московских типографий больших партий церковных книг, во-вторых, некоторые авторы, увлеченные славянскими идеями, посылали в Княжество свои произведения. Среди таких корреспондентов были как известные ученые, так и никому не знакомые энтузиасты, чьи творения большой научной или художественной ценности не имели. Нередко книги посылали из практических соображений, как, например, проживавший на Поварской улице в Москве Евгений Григорьевич Лукьяновский. Он написал брошюру о борьбе с холерой и выслал в Цетинье два экземпляра, предлагая передать ее местным учителям, которые донесли бы важную информацию до своих земляков. «Насколько мне известно здесь в России, — писал автор, — в Черногории нет достаточного числа врачей для народа, следовательно, распространение таких и подобных сведений о болезнях между народом — дело великой важности. А сознание, что я принесу посильную помощь своим отдаленным собратьям, было бы для меня лучшей наградой и истинным утешением»¹². Тут же Лукьяновский добавил, что занимается переводом «Горного венца» Петра II Негоша, который тоже готов послать в Черногорию. Но можно усомниться в качестве этого любительского перевода, так как свою брошюру о холере он предлагал перевести «на черногорский язык», то есть славистом явно не был. Посылали в Черногорию, на суд князя-поэта Николы Петровича, и художественную прозу. Так, московский художник Николай Перелыгин, проживавший на Тверской улице, отправил в Цетинье свое трехтомное сочинение «Свет и тьма», которое охарактеризовал как «правдивую историю из обыденной жизни»¹³.

Отдельного внимания заслуживают те документы, в которых выразались монархические чувства россиян в отношении Дома Петровичей-Негошей и их родственных связей с династией Романовых. Например, москвич Н.П. Полгрязнов выслал в

1886 г. на имя Николы свое сочинение «Думы в дни священного коронования их императорских высочеств» и сопроводил подарок такими словами: «Я человек больной, религиозный, и в молитвах своих всегда молюсь о Вашем здравии и благодеянии за «любовь Вашу к нашему престолу»¹⁴. Другое письмо, от Владимира Сергеевича Казанцева, проживавшего на Покровке, было послано князю Николу по случаю участия черногорского монарха в погребении Александра III в 1894 г. Казанцев написал: «С глубокой любовью и уважением относится к Вашей светлости моя родина, где Вы в сердце ее, не являетесь чужим, а родным и дорогим ее душе». А в конце послания становится понятно, почему так восторженно отзывается автор письма о князе: «В минувшую годину турецкой войны я, как сотрудник московской газеты покойного Гилярова-Платонова* «Современные известия», видел геройство народа Вашего, горящего любовью и преданностью к Вам, и к православию, и истинным братским чувством к России»¹⁵. Очевидно, что общие духовные ценности, православие, героизм, с которым черногорцы защищали родину, создавали у россиян чувство близости и родства.

Чтобы картина «московско-черногорских» связей не выглядела слишком благостной, следует упомянуть и другого рода письма, адресованные князю Николу. Их было мало, но они отличались печальным, даже трагическим характером. Редко, но всё же обращались в Черногорию за помощью российские бедняки, поверив в то, как благороден и отзывчив её правитель. Так, жившая на Мещанской улице 83-летняя дворянка Софья Ивановна Капцевич по случаю свадьбы черногорской княжны Елены с принцем «наполитанским» (будущим итальянским королем Виктором Эммануилом III. — *В. X.*) выслала князю вышитый собственноручно каминный экран и одновременно попросила его о денежной помощи. Однако в 1896 г. она получила сухой ответ: «Сейчас они не в том положении, чтобы сделать что-либо для вас» («Сада нијесу у стању да учине штогод

* Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824–1887) — русский публицист, общественный деятель, богослов, философ, литературный критик, мемуарист. С 1 декабря 1867 г. до 13 октября 1887 г. издавал в Москве еженедельную газету «Современные известия», где печатались смелые и правдивые, часто неугодные властям статьи, вследствие чего газета неоднократно подвергалась цензурным предостережениям и взысканиям.

за вас») ¹⁶. Как видим, черногорская элита не отличалась сентиментальностью и отзывчивостью, считая, что помощь должна идти только в одном направлении — из России в Черногорию.

Были и курьезные послания из России. Случалось, что в письменных обращениях к Николе звучали критические замечания в адрес московских общественных организаций. Некий Федор Иванович Ежишек, чех, проживший в России 11 лет, предложил пространный проект создания в Москве «консультской комиссии», задачи которой он очень подробно описал. Это и «политическое поддержание братского союза русского народа с черногорским», и ознакомление русского общества с той ролью, которую сыграла Черногория «в судьбах славянства». В случае войны, считал автор письма, можно было бы организовывать «подписки на сбор пожертвований в пользу военных сил Черногории», отправлять туда добровольцев. Также, с его точки зрения, было бы полезно проводить подписки в пользу «учащихся и воспитывающихся в Москве черногорцев», помогать больным. И коммерческие цели тоже не стоило забывать, по мнению бывшего чеха и новоиспеченного россиянина, — через комиссию станет значительно проще распространять в Черногории российские товары. Поводом для составления таких масштабных планов стало «неудовлетворительное», по мнению Ежишека, состояние российско-черногорского сотрудничества. «...Недостаток общения между братскими народами... порождает весьма странные обстоятельства, которые не могут не радовать врагов славянства», — говорилось в его послании ¹⁷. Главная претензия обрусевшего чеха была предъявлена московским славянским благотворительным обществам, которые проявляют «весьма мало жизни». А правильно организованная консульская служба, как утверждал Ежишек, непременно сможет решить все проблемы, которыми занимались МИД, славянские комитеты и образовательные учреждения, вместе взятые. Несмотря на свое критическое отношение к общественным организациям Москвы, чех утверждал, что москвичи питают к князю Николе «беспредельное восторженное уважение» и считают его «князем-героем». Таким образом, даже недовольный результатами проделанной славянскими обществами работы

энтузиаст не мог обойти молчанием тот факт, что в России вообще и в Москве, в частности, черногорцев выделяли среди всех славян и относились к ним с особой теплотой.

Подводя итог, можно утверждать, что разнообразные связи Москвы (как и других российских городов) с Черногорией подпитывали политический миф о прочной дружбе двух стран, который, в свою очередь, побуждал русских людей активно действовать в поддержку славян. Этот искренний порыв принес немало пользы черногорцам, а россиянам давал повод проявить великодушие и щедрость. Так через народную дипломатию на рубеже XIX—XX вв. выражалась не казенная, сформулированная российскими монархистами на страницах своих пропагандистских изданий, а подлинная солидарность славянских народов.

Помогая другим, россияне менялись сами. Они всё больше верили в свою важную историческую миссию, в то, что обязаны покровительствовать братским нациям. Идея славянской взаимности стала важной составной частью российского менталитета. С одной стороны, она заставляла защищать тех, кто был слабее и нуждался в поддержке. С другой, формировала русский патернализм по отношению к славянским народам, чувство старшего брата, несущего ответственность за них и имеющего права настаивать на послушании. Проявления этого патернализма дают о себе знать до настоящего времени.

Примечания

¹ Например, письмо московского купца Василия Ильича Алексеева // АОНМЧ. Ф. Краля Николе. 1904. № 186.

² АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1881. Фас. XXIX.

³ АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1894. Фас. XLIV.

⁴ АОНМЧ. Ф. Краля Николе. 1904. № 172.

⁵ АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1880. Фас. XXVIII.

⁶ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. Ч.1. СПб., 1897. С. 344. В последнем томе своей монографии ученый писал, что черногорское правительство обратило внимание на значительное число психических заболеваний в стране «и решило устроить дом для сумасшедших. Устройство его решено сделать на пожертвования как внутри Черногории, так и за границей. Для этого в Цетинье образован был главный комитет с отделами в других местах Черногории. С того времени в «Гласе Черногорца» («Глас Црногорца») стали помещаться списки жертвователей. Приходили и из-за границы пожертвования, и иногда довольно значительные суммы. На эти пожертвования и устроили дом на прекрасном месте

близ Даниловграда. Открыт он в 1903 г.» // *Ровинский П.А.* Черногория... Т. III. Пг., 1915. С. 468–469.

⁷ АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1899. Фас. XLVII. Део 1.

⁸ В 1908 г. А.И. Дросси в качестве почетного члена Славянского общества Москвы написал князю Николе письмо, в котором выражал негодование по поводу «злодейского замысла» против «державного вождя» (имелась в виду «бомбовая афера»). Автор послания утверждал, что русские люди чтут «доблестнейшего и великого черногорского князя Николая, как мудрого государя геройского народа, как олицетворенный идеал славянства и „единственного верного друга России“, громогласно признанного таковым перед лицом всего мира великим царем-миротворцем (Александром III. — В. Х.)» // АОНМЧ. Ф. Краља Николе. 1907. № 226.

⁹ АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1913. Фас. LXVI.

¹⁰ АОНМЧ. Ф. Краља Николе. 1883. № 17.

¹¹ АОНМЧ. Ф. Краља Николе. 1909. № 17.

¹² АОНМЧ. Ф. Краља Николе. 1886. № 26.

¹³ АОНМЧ. Ф. Краља Николе. 1886. № 3.

¹⁴ АОНМЧ. Ф. Краља Николе. 1886. № 9.

¹⁵ АОНМЧ. Ф. Краља Николе. 1894. № 61.

¹⁶ АОНМЧ. Ф. Краља Николе. 1896. № 7.

¹⁷ АОНМЧ. Ф. Краља Николе. 1886. № 45.

Исторические точки соприкосновения Москвы и Черногории

В России ничего не знали о Черногории до начала XVIII в., когда в российскую столицу Москву случайно попали два черногорца — Михаил Милорадович, происхождением из Герцеговины, и Савва Владиславич из Черногории¹. Первый эмигрировал в Россию в 1711 г. и был приглашен на русскую службу, а второй приехал раньше и участвовал вместе с царем Петром I в Прутском походе. Как писал русский историк-славист, этнограф, публицист и нештатный драгоман русской миссии в Черногории Павел Аполлонович Ровинский (1831–1916), проживший здесь не одно десятилетие, именно «через посредство их (Милорадовича и Владиславича. — *Н. С.-Б.*) и завязываются у нас первые с ней (Черногорией. — *Н. С.-Б.*) сношения»². Милорадович был посланником Петра I, принесшим черногорцам ту знаменитую грамоту с воззванием к совместной борьбе против турок в марте 1711 г.³. За успешное выполнение своей миссии он был удостоен чина полковника⁴.

С этого времени и ведется отсчет в развитии русско-черногорских отношений. До этого Черногория всецело «принадлежала» Западу — в своем труде «Черногория в её прошлом и настоящем» П.А. Ровинский писал о том, что черногорские владыки ездили к венецианцам на поклон в качестве просителей⁵. Более того, Венецианская республика ставила владык в положение своих вассалов и даже подданных⁶.

Желая отнять у черногорских правителей единоличную власть, венецианцы убедили племенных главарей в необходимости создания *гувернадурства*. Должность гувернадура была введена в 1717 г. — это было лицо, наделенное высшей гражданской властью в Черногории. По сути, гувернадурство было направлено против владык. Оно было ликвидировано только

тогда, когда вместо венецианского влияния было установлено австрийское (губернадурство было уничтожено владыкой Петром II Петровичем-Негошем в 1832 г.)⁷.

* * *

Установление русско-черногорских отношений в 1711 г. создало условия для массового переселения черногорцев и других югославын на территорию России в середине XVIII в. Это всячески поддерживалось со стороны императрицы Елизаветы Петровны (1709–1761, императрица с 1741 г.). Она уделяла большое внимание укреплению армии и считала целесообразным привлечь на русскую службу выходцев из югославянских земель, особенно черногорцев, славившихся своей воинственностью и храбростью, с перспективой создания в будущем особого черногорского отряда. Переселенческая политика российского правительства была связана также с планом освоения и заселения пустующих плодородных земель юга России путем создания военно-хозяйственных поселений⁸.

Массовому переселению черногорцев предшествовали поездки черногорского митрополита Василия Петровича-Негоша в Россию (первая поездка в 1752 г.) с целью добиться политической поддержки и материальной помощи⁹. Он представил императрице несколько проектов, среди которых было и предложение об организации переселения черногорцев в Российскую империю целыми семьями.

В мае 1753 г. Василий Петрович (1709–1766, митрополит с 1750 г.) посетил Москву и во время этого визита сделал невозможное. Подняв перед русским двором вопрос о международном положении Черногории, митрополит Василий убедил императрицу и её окружение в том, что черногорцы — свободный народ, не платят дани Порте и постоянно с оружием в руках отстаивают свою независимость¹⁰. И это несмотря на то, что де-юре черногорские земли были включены в состав Османской империи. Именно тогда, весной 1753 г., в Москве были заложены те основы русско-черногорских контактов, которые на протяжении последующих веков поражали своей уникальностью как очевидцев событий, так и нынешних историков. Была создана почва для доверительных отношений между главами государств

(несмотря на то, что Черногории как государственной единицы не существовало до 1878 г.), в России крепили уверенность в независимом статусе черногорцев, убежденность в их отваге и героизме в борьбе против общего врага — турок, и в связи с этим в необходимости оказывать им всестороннюю помощь.

В ходе московского визита 1753 г. была также достигнута договоренность и получено согласие правительства Елизаветы Петровны на то, что впредь митрополит Василий Петрович-Негош будет посылать в Россию из Черногории семьи, желающие переселиться в Империю¹¹.

По просьбе черногорского владыки и с одобрения императорского правительства в Черногорию был направлен Степан Петрович (черногорец, прибывший в Россию еще в 40-х годах XVIII в. с рекомендательным письмом от митрополита Саввы и просьбой о зачислении его на русскую службу¹²) — для помощи в переселении черногорских семей. Послу России в Вене Г.К. Кейзерлингу были даны указания об обеспечении безопасности и беспрепятственного прохода черногорцев через границу Габсбургской монархии, чего тот и стал целенаправленно добиваться¹³. При этом российскому послу пришлось столкнуться с непониманием венского кабинета данного направления политики России. Австрийское правительство рассматривало Черногорию как часть османских владений, поэтому на просьбы Кейзерлинга обеспечить беспрепятственное пересечение границ черногорцами, заявило, что считает их подданными Турции, с которой Габсбургская монархия связана обязательствами «добраго соседства»¹⁴. Позиция же России была основана на тех уверениях в независимости черногорского народа, которые распространил митрополит Василий во время своего московского визита 1753 г. Издание в России его книги «История о Черной Горы» (1754 г.), в которой настойчиво подчеркивалось независимое положение Черногории, также способствовало укоренению представлений о её неподвластности Порте.

Правительство Елизаветы Петровны решило не отступать от принятого решения и продолжало через посредство Кейзерлинга настаивать на свободном пропуске черногорцев, как народа, ни от кого не зависимо¹⁵.

Предпринятые усилия увенчались успехом. В апреле 1755 г. из Черногории в Россию отправилась первая партия черногорцев численностью около 100 человек. А в сентябре 1755 г. митрополит Василий в своем письме российскому правительству сообщал о готовности переселиться еще одной тысячи черногорцев, ожидавших прибытия за ними вышеупомянутого Степана Петровича¹⁶.

Отечественная исследовательница Н.И. Хитрова в одной из своих статей анализирует обнаруженный ею в Архиве внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ) уникальный документ — ведомость Коллегии иностранных дел, в которой приводятся данные о прибывших на территорию Российской империи черногорцах¹⁷. Согласно ведомости, в 1756 г. в Россию прибыло 99 человек (из них — 13 женщин), в 1757 г. — 161 человек (56 женщин и детей). Все они были отправлены на поселение в Оренбург. В 1757 г. прибыла еще одна партия переселенцев — 162 человека (с ними 10 детей). Черногорцы были направлены в Москву — в контору Военной коллегии — для формирования особого черногорского эскадрона при армии. Детей приняли в Московский университет. В 1758 г. в Россию было отправлено еще 942 человека (из них 510 женщин и детей). 207 человек поступили на военную службу, остальные были направлены на поселение: 688 — в Новую Сербию* и 17 — в Славяно-Сербию**. Всего за период с 1756 по 1759 гг. в Россию из Черногории переселились 1499 человек¹⁸.

В конце 1758 г., не желая вызывать осложнений в отношениях с Портой, российское правительство решило прекратить организацию переселения черногорцев и других югославян в

* Новая Сербия (или Ново-Сербия) — военно-административная единица в Российской империи на правом берегу Днепра в северо-западной части Заволжья (территория современной Украины), куда в 1751–1754 гг. были переселены выходцы из Сербии, Черногории и других балканских стран. Столицей Новой Сербии стал военный город-шанец Новомиргород, существующий и теперь (Кировоградская область Украины). Ново-Сербия имела автономный статус и подчинялась непосредственно Сенату и Военной коллегии. В 1764 г. Новая Сербия вошла в состав созданной императрицей Екатериной II Новороссийской губернии.

** Славяно-Сербия (или Славяносербия) — в 1753–1754 гг. область военно-земледельческих поселений сербов, черногорцев, болгар и других славян между реками Лугань и Бахмут, на южном берегу Северского Донца в Российской империи. Сейчас это территории Луганской области Украины.

пределы Империи, но с оговоркой, что они могли переселяться в Россию самостоятельно. Последнему, однако, препятствовали дальнейшее расстояние и отсутствие денежных средств. По подсчетам Степана Петровича, на путевые расходы каждому переселенцу требовалось не менее шести червонцев, а в 1756—1759 гг. на отправление из Черногории в Россию 1499 человек русским правительством было израсходовано 42 тыс. 168 рублей 3/4 копейки¹⁹.

Несмотря на многочисленные обращения черногорцев с просьбами о создании особого черногорского полка, сформировать его так и не удалось (даже учитывая масштаб переселенческого движения в 1750-е годы)²⁰. Вместо полка были решено создать черногорские эскадроны²¹. Подготовительные работы данного мероприятия проводились в Москве. Именно сюда съезжались все черногорцы, желающие поступить на русскую военную службу. В Москву также были направлены черногорские переселенцы из Киева и Оренбурга²². Военная коллегия принимала меры по обеспечению черногорских эскадронов всем необходимым: обмундированием, оружием и лошадьми — из расчета затрат 5 тыс. руб. на 150 человек²³. Затем формирование этих воинских подразделений стало проводиться в Пскове и Великих Луках²⁴. После обучения черногорские эскадроны влились в части русской армии под командованием графа В.В. Фермора (1702—1771, граф с 1758 г.)²⁵, успешно сражавшейся в это время с прусскими войсками в ходе Семилетней войны (1756—1763 гг.) в Восточной Пруссии.

* * *

С Москвой связано и другое важное событие, на этот раз из конца XIX в., которое впоследствии сыграло большую роль в судьбах представителей черногорской правящей династии Петрович-Негош. Речь пойдет о знакомстве черногорской княжны Елены Николаевны с итальянским престолонаследником Виктором-Эммануилом.

Елена Петрович-Негош родилась 27 декабря 1872 г. (8 января 1873 г.) в черногорской столице, г. Цетине, в семье правящего князя Николы (с 1910 г. король) и его супруги Милены. Ее

крестным был российский император Александр II; на обряде крещения его представителем был А.С. Ионин, русский консул в Дубровнике. Планируя связать будущее своих дочерей (а их у княжеской четы было девять*) с Россией, князь Никола отправил Елену в Петербург вместе с сестрами: Зоркой, Милицей, Станой и Марией — учиться в Смольном институте, хотя и в Черногории уже существовало подобное учебное заведение — Женский институт императрицы Марии Александровны. Он был открыт в Цетине в 1869 г. при помощи России и сразу завоевал широкую славу и авторитет не только в Черногории, но и вообще на Балканах, о чем писали русские путешественники и дипломаты в Черногории²⁶. По сути своей, Цетинский институт являлся черногорским аналогом петербургского Смольного института благородных девиц, существовал на русские деньги, преподавание в нем велось русскими учителями и по учебникам, присылавшимся из России, а русский язык изучался наравне с сербским²⁷.

Самую старшую из своих дочерей, Зорку, черногорский князь использовал как «орудие» для обострения политической ситуации в Сербии. Летом 1883 г., незадолго до Тимоцкого восстания в Сербском королевстве, он выдал ее замуж за князя Петра, представителя династии Карагеоргиевичей, давней соперницы правящей тогда в Сербии династии Обреновичей. Эта свадьба была расценена сербским королем Миланом как явная угроза его престолу²⁸. При этом он считал совершившийся брак происками России, которая якобы стремилась посадить на сербский трон Петра Карагеоргиевича и через него проводить русскую политику на Балканах²⁹.

Милица и Анастасия в 1889 г. вышли замуж за представителей Дома Романовых, соответственно за великих князей Петра Николаевича (1864–1931) и Николая Николаевича-младшего (1856–1929), внуков императора Николая I (1796–1855), кузенов Александра III (1845–1894) и двоюродных дядей Ни-

* У Николы и Милены Петрович-Негош было 12 детей, из них 3 сына — Данило (1871–1939), Мирко (1879–1918) и Петр (1889–1932), и 9 дочерей — Зорка (1864–1890), Милица (1866–1951), Стана (Анастасия) (1867–1935), Марица (или Мария) (1869–1885), Елена (1873–1952), Анна (1874–1971), София (2 мая 1876 — 14 июня 1876), Ксения (1881–1960) и Вера (1887–1927).

колая II (1868–1918). Молодых черногорских принцесс при дворе считали высокомерными, самоуверенными выскочками, подруг у них так и не появилось. Однако прошло некоторое время, и они вошли в расположение к императрице и стали близки с царской четой.

Самая младшая из черногорских принцесс, отправленных в Петербург для учебы, Мария, не выдержала тяжелого климата столицы и скончалась на 17-м году жизни. В последний путь ее проводили с невероятными почестями, каких она не видела при жизни. На прощании присутствовали император Александр III и престолонаследник³⁰.

Дочери Елене честолюбивый князь Никола прочил будущее русской императрицы и лелеял мечту выдать ее замуж за будущего императора Николая II. Еще в 1888 г., на традиционном ежегодном балу Смольного института, 15-летняя черногорская принцесса в первый раз вышла в свет и сразу всех очаровала. Она открывала бал вместе с престолонаследником, после чего в придворных кругах стали поговаривать об их помолвке³¹. Но этого не произошло. Возможной причиной было нежелание императрицы Марии Федоровны нарушать традиции принятия в семью Романовых немецких принцесс, иначе новая русская императрица была бы славянского происхождения³². Однако другой причиной могла быть и личная привязанность престолонаследника к принцессе немецких кровей Алисе Гессенской. После объявления в апреле 1894 г. о помолвке цесаревича и принцессы Алисы, надежды князя Николы на дочь Елену как будущую императрицу России рухнули. Свадьба российского престолонаследника и немецкой принцессы состоялась в 1894 г., но черногорский правитель на это торжество приглашен не был.

Однако вскоре к князю Николе обратился итальянский дипломатический представитель в Цетине с предложением о брачном союзе княжны Елены и савойского принца Виктора-Эммануила.

Следует отметить, что со стороны Итальянского королевства наблюдалась заинтересованность в установлении тесных связей с Черногорией, ставшей в 1878 г. независимым государ-

ством. С конца XIX в. Италия начинает активное экономическое освоение Балканского полуострова. Через экономическое шло и политическое влияние, что было необходимо для создания «Великой Италии» — «заветной мечты многих итальянских политиков, которую пытался реализовать впоследствии Б. Муссолини — сделать Адриатическое море “внутренним итальянским морем”»³³.

В конце XIX — начале XX вв. Балканы, где последствия многовекового османского господства являлись огромным тормозом на пути развития производительных сил, стали ареной активной борьбы европейских держав, особенно Австро-Венгрии и Италии, за источники сырья, рынки сбыта, концессии и сферы влияния³⁴. Для Италии в этом плане особенно важной представлялась Черногория, служившая «воротами» в Албанию. Весьма интересовал Италию черногорский порт Бар, из которого ходили суда в итальянский порт Бари. Кстати, именно этим путем в 1896 г. в Италию приехала черногорская княжна Елена, невеста итальянского престолонаследника Виктора-Эммануила. В городе Бари, в церкви св. Николая, она приняла католичество.

Но возвратимся в 1894 год. Тогда итальянскому уполномоченному в делах при князе Николе графу Санминиатели было приказано «срочно» и «строго секретно» получить информацию о состоянии здоровья двух незамужних взрослых черногорских принцесс, Елены и Анны*, и их фотографии³⁵. Когда в ноябре 1894 г. необходимая информация итальянской стороной была получена, стали планировать смотрины³⁶.

В феврале 1895 г. итальянская императорская чета отправилась в Венецию на международную художественную выставку — Биенале. Узнав об этом, черногорская княгиня Милена, мать принцесс Елены и Анны, поспешила туда же. Король Умберто I и королева Маргарита навестили Милену в отеле «Даниели», где она остановилась. Королевская чета пригласила княгиню в театр и всячески оказывала ей знаки внимания³⁷. В дальнейшем планировалось организовать встречу черногор-

* Анна Петрович-Негош вышла в 1897 г. замуж за Франца Иосифа Баттенбергского (1861–1924).

ских принцесс и итальянского престолонаследника, однако с ней пришлось повременить из-за неудач итальянского оружия в Абиссинской войне (1895–1896 гг.).

В сентябре 1895 г. возникла новая возможность для встречи Виктора-Эммануила и Елены. Европейская пресса опубликовала новость о планируемом путешествии савойского принца на своей яхте «Гойола» мимо острова Корфу к южной Албании. Граф Санминиатели отправил телеграмму в Цетине о планируемом посещении Виктором-Эммануилом Скадарского озера. Однако и на этот раз встреча не состоялась³⁸. А произошла она весной 1896 г. в Москве, на торжествах по случаю коронации Николая II, на которую Елена Петровиц-Негош была официально приглашена своей сестрой, русской великой княгиней Милицей Николаевной Романовой. Именно тогда, 14 мая 1896 г., на пышном торжественном балу княжне Елене был официально представлен итальянский престолонаследник³⁹. После этой встречи в Москве начались переговоры об их помолвке со всеми подробностями и тонкостями. Свадьба Елены и Виктора-Эммануила состоялась в том же 1896 г. в Риме. В знак протеста против смены вероисповедания Еленой, ее мать, княгиня Милена, отказалась присутствовать на венчании.

Этот союз в дальнейшем сыграл немаловажную роль в судьбах родственников Елены Петровиц-Негош. С приходом к власти в России большевиков начались гонения на представителей Дома Романовых. Семьи Милицы Николаевны и Петра Николаевича и Анастасии Николаевны и Николая Николаевича Романовых сначала перебрались в Крым, откуда, вместе с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, в 1919 г. на корабле «Мальборо» навсегда покинули Россию. Именно у Елены, тогда уже итальянской королевы (королева с 1900 по 1946 гг.), они и нашли пристанище.

Черногорский король Никола, который после поражения и отступления сербской армии в январе 1916 г. был вынужден покинуть свою страну, умер во французском городе Антибе, а похоронен был в Италии, в русском храме Христа Спасителя города Сан-Ремо. Лишь в 1989 г. прах Николы, его супруги и двух их детей (дочерей Ксении и Веры) был перезахоронен

в Черногории, в дворцовой церкви Рождества Богородицы в Цетине.

После свержения монархического режима в Италии в 1943 г. русская великая княгиня Милица и итальянская королева Елена бежали в Египет, где и скончались соответственно в 1951 и 1952 гг.

Примечания

¹ *Ровинский П.А.* Черногория в истории и литературе Италии и их взаимное политическое положение // Журнал министерства народного просвещения. 1897. № 8. С. 210.

² Там же.

³ Грамота Петра I черногорскому народу с призывом к антиосманскому восстанию в связи с началом русско-турецкой войны от 3 марта 1711 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 29–31.

⁴ Письмо С.Л. Владиславича-Рагузинского полковнику М. Милорадовичу о задачах его миссии в Черногории по организации антиосманского выступления югославянских народов от 4 марта 1711 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями. С. 31–32.

⁵ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. I. СПб., 1888. С. 529–536 и приложение. С. 777–783.

⁶ *Ровинский П.А.* Черногория в истории и литературе Италии. С. 212.

⁷ Там же.

⁸ *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982.

⁹ *Станојеввић Г.* Митрополит Василије Петровић и његово доба (1740–1766). Београд, 1979. С. 101–102.

¹⁰ Там же. С. 104.

¹¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Сношения России с Сербией. 1753–1756 гг. Оп. 86/1. Д. 2. Л. 1. Выписка о черногорцах (Цит. по: *Хитрова Н.И.* Черногорцы в России во второй половине XVIII в. // Черногорцы в России. М., 2011. С. 67–68.)

¹² Письмо Саввы Петровича А.А. Вешнякову с рекомендацией своего племянника Степана Петровича для вступления в русскую службу от 27 июня 1745 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями. С. 130–131.

¹³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями. С. 130–131, 168–173, 176–177; *Хитрова Н.И.* Черногорцы в России. С. 68.

¹⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1753–1756 гг. Д. 2. Л. 14–16 об. Нота венского двора от 18 апреля 1754 г. (Цит. по: *Хитрова Н.И.* Черногорцы в России. С. 69.)

¹⁵ *Хитрова Н.И.* Черногорцы в России. С. 70.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1753–1756 гг. Д. 2. Л. 34–34 об. (Цит. по: *Хитрова Н.И.* Черногорцы в России. С. 71–72.)

¹⁷ Там же. С. 74–76.

¹⁸ Там же. С. 76.

¹⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1715–1778 гг. Д. 4. Л. 12. (Цит. по: *Хитрова Н.И.* Черногорцы в России. С. 76.).

²⁰ Прощение представителей черногорской команды в Москве Елизавете Петровне о создании особого черногорского полка и выдаче им жалования, оружия и обмундирования от 24 августа 1758 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями. С. 228–229.

²¹ Указ Сената Военной коллегии об отпуске средств для формирования и снабжения черногорских эскадронов от 23 марта 1758 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями. С. 219; Указ Елизаветы Петровны Коллегии иностранных дел о награждении черногорских депутатов денежными суммами и золотыми медалями и посылке черногорскому народу 1 тыс. золотых портретов (имеются в виду монеты с изображением императрицы. — *Н. С.-Б.*) // Там же. С. 221–222.

²² Рапорт Военной коллегии в Сенат об отправлении прибывающих в Россию черногорцев в Псков и Великие Луки для формирования черногорских эскадронов от 4 августа 1758 г. // Там же. С. 226–227; Справка Военной коллегии о формировании из прибывших в Россию черногорцев особых эскадронов и отправлении их в армию от 20 октября 1758 г. // Там же. С. 235–236.

²³ Указ Сената Военной коллегии об отпуске средств для формирования и снабжения черногорских эскадронов от 23 марта 1758 г. // Там же. С. 219.

²⁴ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями. С. 227.
²⁵ Там же.

²⁶ АВПРИ. Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. Д. 9074. Л. 7–13 об. — Секретная депеша посланника в Черногории д.с.с. П.Н. Власова министру иностранных дел России В.Н. Ламздорфу № 84. 7 августа 1901 г.; *Кулаковский П.* Юбилей князей Негошей в Черногории. 1696–1896 г. М., 1896. С. 80; *Князь Голицын Дм.* У сияя моря. Путевые очерки Черногории и Далматинского побережья. СПб., 1898. С. 98; *Горталов Н.К.* Княжество Черногория и поездка казанских гимназистов в июне 1901 года. Казань, 1903. С. 9; *Россиев П.А.* Гнездо орлов. М., 1914. С. 36; *Ровински П.А.* Девојачки институт Царице Марије на Цетињу. Цетиње, 2000. С. 5; *Јовановић Ј.* Историја Црне Горе. Подгорица, 2001. С. 257.

²⁷ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9074. Л. 13–13 об. — Фактические данные о Мариинском женском институте в г. Цетине; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 669 (Великая княгиня Милица Николаевна). Оп. 1. Д. 98 — Учебный план (программа) школы для девочек в Цетине (Черногория) на сербском языке, типографический экземпляр. 1880 г. Л. 1–6; *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. Ч. 1. М., 1993. С. 111–125.

²⁸ После Берлинского конгресса 1878 г. сербский князь Милан изменил свою внешнеполитическую ориентацию — с России на Австро-Венгрию. Никола решил воспользоваться недовольством народа новой политикой Милана и сыграть на традиционных чувствах уважения к сербской династии Карагеоргиевичей и своей династии Петровичей. Сам Никола вел политический курс по объединению всех югославян и тем самым поднимал собственный авторитет и популярность во всех югославянских землях и, конечно же, в их центре — Сербии, где его политика получала полное одобрение и поддержку.

²⁹ Отчет МИД за 1883 и 1884 год // Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске Империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903). Нови Сад, 1996. С. 73.

³⁰ Архивско одељење Народног музеја Црне Горе. Фонд краља Николе. Фасц. 1885 г. 3.XII.1885.

³¹ *Јовићевић М.* Вјенчање на црногорском двору. Београд-Цетиње, 1990. С. 135.

³² Там же. С. 136.

³³ *Кузьмичева Л.В.* Балканские принцессы в семье европейских монархов // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.). СПб., 2007; *она же.* Королева Елена Савойская (очерк) // http://www.senator.senat.org/Elena_Savoiskaja.html.

³⁴ *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. Ч. 2. М., 1993. С. 214–215.

³⁵ *Јовићевић М.* Вјенчање на црногорском двору. С. 138.

³⁶ Там же. С. 139.

³⁷ Там же. С. 140.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 141; *Кузьмичёва Л.В.* Королева Елена Савойская.

Челночная дипломатия: визиты сербов в Россию накануне Первой мировой войны

Развитие отношений между Сербией и Россией в начале XX в. (а более точно — после Майского переворота 1903 г., сменившего правящую сербскую династию) представляло собой один из ключевых аспектов общей динамики развития международных отношений на Балканах и в Европе в целом. И в данном контексте немаловажная роль принадлежала непосредственным встречам и переговорам руководителей Сербии с российскими государственными и общественными деятелями. Персональный фактор традиционно играл (и продолжает играть) важную роль в сербской политике, и потому подобные встречи задавали тот или иной вектор как двусторонним взаимоотношениям Белграда и Санкт-Петербурга, так и в более широком плане динамике ситуации в регионе. Члены правящей сербской династии, премьер-министр Никола Пашич и члены его кабинета активно пытались привлечь Россию к реализации собственных внешнеполитических планов (зачастую весьма рискованных и далеко не всегда отвечавших российским национально-государственным интересам). Российская сторона стремилась сохранить и укрепить собственные позиции в Сербии и при этом использовать сербский фактор в собственных геополитических комбинациях — особенно в период Балканских войн 1912–1913 гг. При этом ситуация осложнялась таким немаловажным обстоятельством, как «противоречивость взаимных ожиданий» обоих государств — когда в Белграде и Санкт-Петербурге по-разному трактовали в том числе и достигнутые договоренности. «Сложные процессы на Балканах приносили большую пагубу отношениям расположенных здесь стран с Россией. Все они созидали свою государственность по

западноевропейскому образцу и резко отрицательно относились к самодержавию», — указывает в этой связи российский балканист В.Н. Виноградов¹. И подобная оценка в значительной степени относится к сербо-российским отношениям начала XX в.

Однако политики в Белграде хорошо понимали, что любые внешнеполитические — да и в значительной степени внутриполитические — комбинации не могут быть реализованы без поддержки со стороны Санкт-Петербурга, и торопились лично решать проблемы и согласовывать планы.

Среди поездок государственных деятелей Сербии в Россию накануне Первой мировой войны ключевое место принадлежит визиту представительной сербской делегации в конце января 1914 г., в ходе которого, по оценке российского югославииста академика Ю.А. Писарева, было фактически достигнуто соглашение «о взаимной поддержке в случае войны с Центральной коалицией»². О том значении, которое в Сербии придавали данному визиту, говорит тот факт, что в состав делегации вошли престолонаследник Александр и председатель Совета министров Н. Пашич. С российской стороны во встрече на высшем уровне приняли участие император Николай II и министр иностранных дел С.Д. Сазонов.

Формально встреча была приурочена к крестинам сына сербской принцессы Елены (дочери Петра I Карагеоргиевича) и князя Иоанна Константиновича Романова. Их роскошная свадьба была сыграна в январе 1910 г. в Санкт-Петербурге, а шаферами новобрачных стали император и императрица.

Однако в центре бесед по понятным причинам оказались военно-политические вопросы. Сербия нуждалась в срочном и масштабном укреплении своей армии после двух кровопролитных Балканских войн. Россия стремилась заручиться безусловной поддержкой Белграда в случае негативного развития общей ситуации в Европе.

Взаимные обязательства сторон подтвердили лично Н. Пашич и С.Д. Сазонов. Россия пообещала поставить в Сербию 120 тыс. ружей, 250 тыс. шинелей, 60 полевых и горных артиллерийских орудий и другую военную технику, боеприпасы и

амуницию. Кроме того, Николай II лично пообещал сербам «любую поддержку, которая ей понадобится». Сербия же взяла на себя обязательство согласовывать свои военные планы с Генеральным штабом русской армии. Визит сербской делегации и ход переговоров были весьма восторженно встречены в самой Сербии. Сербский посланник в Санкт-Петербурге М. Спалайкович заявил, что прием, оказанный сербской делегации, «превзошел все ожидания»³.

Что же касается российской стороны, то в развитие достигнутых договоренностей Генеральный штаб оперативно приступил к разработке планов совместных действий России и Сербии на случай войны. Уже 1 марта 1914 г. генерал-квартирмейстер русской армии Ю.Н. Данилов направил Николаю II и С.Д. Сазонову секретный доклад под названием «Записка о вероятных планах Тройственного союза против России», в котором особое место было уделено Сербии. Согласно оценкам военных, сербы могли оказать весьма существенную помощь на Балканском театре военных действий. В частности, в «Записке» подчеркивалось, что сербская армия способна отвлечь на себя от трех до шести корпусов австро-венгерской армии. Двусторонние консультации было решено продолжить на уровне военных министерств, и уже в мае 1914 г. ведомства обменялись более конкретной информацией о нуждах и возможностях Сербии⁴.

Как показали первые месяцы начавшейся общеевропейской войны, российские военные поставки в Сербию фактически спасли эту страну от немедленного разгрома. Вот как описывал сложившуюся ситуацию в своих воспоминаниях тогдашний чрезвычайный и полномочный посланник России в Белграде князь Г.Н. Трубецкой: «По единогласному отзыву всех, бывших в то время в Сербии, крупным переворотом в военных делах сербский народ больше чем наполовину был обязан своему престарелому королю Петру. Другим фактором, оказавшим благотворное воздействие, была русская помощь снарядами и обмундированием». «Австрийское вторжение одно время совершенно деморализовало армию, — вспоминал российский дипломат. — Снарядов не было, армия была разута и раздета. Сербы спохватились очень поздно. Они зывали за помощью

к нам, но нам было очень трудно оказать эту помощь. В начале войны наш Генеральный штаб сделал геройское усилие и послал в Сербию 120.000 берданок, хотя сами мы также нуждались в ружьях». «Благодаря этим берданкам, пришедшим в последнюю минуту, сербы отразили первое австрийское нашествие. До того у них было так мало ружей, что в бою был вооружен только первый ряд солдат, а второй ряд выжидал, когда убьют или ранят его товарищей, и тогда пользовался их ружьями. Ко времени второго вторжения сербы ощущали, как я уже сказал, острый недостаток в артиллерийских снарядах и обмундировании. У нас было решено послать снаряды из добычи, захваченной нами в Галиции», — свидетельствует Г.Н. Трубецкой⁵.

Подобная ситуация была связана как с общей неподготовленностью Сербии к новой войне после двух Балканских войн, так и с тем фактом, что сама Австро-Венгрия вела планомерную подготовку к антисербскому выступлению еще с 1907—1908 гг. (хотя данная опция далеко не всегда рассматривалась Веней в качестве определяющей). Как подчеркивают в этой связи сербские исследователи А. Митрович и А. Растович, в зависимости от расклада военно-политических сил на Балканах и в Европе в целом, монархия Габсбургов могла привести в действие один из трех сценариев: полный раздел Сербии между Австро-Венгрией, Болгарией и Румынией, передачу значительной части территории Сербии Болгарии, Румынии и Албании с тем, чтобы лишить сербское государство жизнеспособности и тем самым заставить Белград полностью ориентироваться на Вену, и, наконец, включение территории Сербии в состав Австро-Венгрии (в том числе по определенной аналогии с Боснией и Герцеговиной)⁶.

Следует отметить, что военно-политические договоренности, достигнутые в первой половине 1914 г., стали лишь завершающим этапом многопланового взаимодействия Сербии и России, в котором многочисленные визиты и переговоры зачастую преследовали цель не только не раскрывать внешнеполитические карты, но и тщательно их скрывать. Министр иностранных дел, а позже — председатель Совета министров Сербии М. Милованович являлся одним из убежденных сторонников создания Балканского союза на основе заключения

договора с Болгарией. «Самым непримиримым и самым упорным был Пашич, самым уступчивым Милованович», — так описал свои впечатления от состоявшейся в сентябре 1911 г. и посвященной созданию Балканского союза встречи представителей Сербии и Болгарии делегат Софии Д. Ризов⁷. Однако даже Милованович, дважды (в 1910–1911 гг.) посещавший с визитами Россию и обсуждавший создание болгарского блока с А.П. Извольским и С.Д. Сазоновым, не смог предоставить российским собеседникам всю полноту информации о ходе сербо-болгарских переговоров о заключении союзного договора. Впрочем, болгарские визитеры были еще более скрытными. Как позднее признавался Ст. Данев, он в ходе собственных переговоров в Ливадии с Николаем II и С.Д. Сазоновым ни словом не обмолвился о готовившейся в то время сербо-болгарской военной конвенции⁸.

Если уж даже такой убежденный сторонник Балканского союза, как М. Милованович, был вынужден скрывать многие ключевые подробности внешнеполитической деятельности сербского правительства, то умудренный опытом Н. Пашич тем более был не склонен к излишней откровенности. Однако и он хорошо понимал, что успех сербской внешнеполитической стратегии в значительной мере определялся поддержкой со стороны России.

И Россия отвечала ему взаимностью. Во время официального визита сербского короля Петра I Карагеоргиевича в Россию 10 марта 1910 г. сопровождавший его Пашич был награжден российским орденом Белого орла с бриллиантами.

История этого ордена, к слову, тоже несет в себе занятные исторические аналогии. Он был причислен к российским орденам в 1831 г. как императорский и царский орден Белого орла, однако был учрежден еще в 1705 г. в Польше. После разделов Речи Посполитой орден Белого орла стал наградой Варшавского герцогства, а после 1815 г. — Царства Польского в составе Российской империи.

В 1831 г. в Польше вспыхнуло восстание, и после его подавления российский император Николай I постановил причислить все польские ордена к российским. Первыми «лауре-

атами» ордена Белого орла «российской» версии закономерно стали военные, «отличившиеся» при подавлении польского восстания: генерал-фельдмаршал светлейший князь И.Ф. Варшавский, граф И.Ф. Паскевич-Эриванский, генералы от кавалерии И.О. Витт и П.П. Пален.

С 1835 г. ордену Белого орла было отведено почетное место в иерархии российских орденов — следом за орденом св. Александра Невского. Знак ордена следовало носить у правого бедра на синей (с 1883 г. — темно-синей) широкой ленте через левое плечо, а сама звезда носилась на левой стороне груди.

Никола Пашич неизменно гордился русскими орденами, в числе которых, помимо ордена Белого орла с бриллиантами, выделялся также орден св. Владимира I степени. Они сопровождали патриарха сербской политики и в последний путь — после его кончины в 1926 г. Пашич лежал в ореховом гробу, усыпанном красными гвоздиками и белыми розами. У его одра стояло 128 венков. В первом ряду среди наград, которые несли курсанты Военной академии, были оба вышеупомянутых ордена, а на груди покойного лежала русская икона св. Спиридона в серебряном окладе, к которой прикладывались все пришедшие проститься с Пашичем.

Никола Пашич искренне любил Россию и всегда чувствовал себя в ней своим, общаясь на русском языке. Сербский посланник в России Димитрие Попович вспоминал, как на приеме по случаю упоминавшегося выше визита в Санкт-Петербург короля Сербии Петра I Карагеоргиевича в 1910 г. Пашич разговаривал без переводчика с одним русским генералом, и последний в заключение с удивлением признался: «А я и не знал, что сербский язык так похож на русский». Расписываясь в книгах посещений во время собственной дипломатической службы в качестве сербского посланника в России в 1893–1894 гг., будущий глава правительства неизменно указывал «Николай Петрович Пашич». Аналогичную запись он оставил уже в годы Первой мировой войны, когда 28 апреля 1916 г. подтверждал распиской получение от Московской городской думы 100 тыс. рублей на нужды сербской армии. «Николай Петрович Пашич. Министр Председатель Сербский», — было указано в расписке.

Однако при всем при том вряд ли будет преувеличением сказать, что активно развивавшиеся в начале XX в. отношения между Сербией и Россией не только служили традиционным «раздражителем» для других великих держав (в первую очередь, Австро-Венгрии), но и порождали в Белграде стойкие соблазны спровоцировать Санкт-Петербург на неосмотрительные действия или, в крайнем случае, использовать российскую поддержку для решения внутривосточных задач. Впрочем, и российская общественность, и средства массовой информации в своих явных и тайных желаниях и намерениях не уступали сербским — тем более, что взрывоопасная обстановка на Балканах то и дело подбрасывала им «горячие» поводы. Да и сама система международных отношений в Европе переживала в рассматриваемый период глубинные трансформации. «Инклюзивность ставит под вопрос прежнюю клубную дипломатию и превращает в достояние прошлого решения Венского конгресса, которые столь долго служили основанием западной дипломатии. Она ослабляет концепцию полярности, равно как и постулат об упорядоченности международной системы», — весьма точно замечает в этой связи профессор Парижского института политических исследований Бертран Бади⁹. И хотя в Сербии применительно к внешней политике отсутствовали пресловутая «боязнь расчленения» и концепция «осажденной крепости», которая в начале XX в. в значительной степени отягощала ситуацию в македонском национальном движении,¹⁰ — общая ситуация военно-политической неопределенности оказывала дестабилизирующее влияние на сербскую внешнюю политику.

Предыстория Второй Балканской войны 1913 г. — наглядный пример ограниченности российского влияния на своих балканцев, которые предпочитали прислушиваться к Санкт-Петербургу лишь тогда, когда намеревались сыграть на противоречиях великих держав или же когда сами оказывались в военно-политическом тупике. Понимая нависшую над Балканским союзом реальную угрозу, Николай II в июне 1913 г. направил руководителям Сербии и Болгарии личное послание, в котором выразил удивление и озабоченность в связи с тем, что его предложение о созыве в российской столице конферен-

ции лидеров правительств заинтересованных государств не было услышано, и еще раз призвал стороны сохранить союзнические отношения и согласиться на его арбитраж, указав, что в случае, если на Балканах вспыхнет братоубийственная война, Россия «оставляет для себя полную свободу действий»¹¹. К тому же в Петербурге должны были принимать во внимание весь комплекс актуальных балканских проблем. А среди них, помимо сербских и болгарских планов, всё более важную роль в рассматриваемый период играл албанский фактор, включавший в себя в том числе «все более крупные антитурецкие выступления албанцев»¹².

Боснийский кризис 1908—1909 гг. — еще одна веха в истории Сербии, когда Белграду понадобилась поддержка Петербурга — как минимум политическая, но лучше военная. И в ноябре 1908 г. Н. Пашич отправился с рассчитанным на неделю визитом в Россию, который внес дополнительную сумятицу в головы сербов и россиян. Цитируем заметку из газеты «Русское слово»: «Сегодня Н. Пашич выезжал в Царское село, где пробыл около двух часов. Вашему корреспонденту Пашич заявил, что он в высокой степени счастлив оказанным ему приемом. Маститый сербский патриот смотрит весьма оптимистически в будущее. Он уверен, что делу мира не угрожает опасности, что державы не допустят возникновения военных действий на Балканах. Сегодняшний день укрепил в сильнейшей степени веру Пашича в мирный исход конфликта. Н. Пашич покинет Петербург 5-го ноября». Однако в том же номере газеты на тему «Россия и аннексия» позиция Санкт-Петербурга в отношении аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией была изложена в ином смысле, и опять-таки со ссылкой на визит сербского премьера: «После сегодняшнего посещения Н. Пашичем Царского села к вечеру распространился упорный слух о том, что Россия окончательно не признает аннексии»¹³.

Между тем официальная позиция России была более сдержанной. Санкт-Петербург призвал рассмотреть этот вопрос на международной конференции государств-участников Берлинского конгресса 1878 г., а до того посоветовал сербскому правительству не предпринимать никаких самостоятельных действий.

Как известно, вследствие противодействия со стороны Австро-Венгрии и Германии и отказа Франции предоставить России действенную и безусловную поддержку, международной конференции по Боснии и Герцеговине не суждено было состояться. В этих условиях Россия сочла благоразумным и для себя, и для Сербии не противодействовать аннексии, что, как показало последующее развитие событий, очевидно, было оптимальным решением в столь сложной международной обстановке, тем более, что и Англия отнюдь не намерена была выступать против Австро-Венгрии. Как признавал уже после Первой мировой войны премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж, выступая в британском парламенте в январе 1918 г., «в задачи английской политики не входит разрушение Австро-Венгрии»¹⁴. Что же касается собственно Османской империи, в состав которой, согласно Берлинскому трактату, входили обе провинции, то механизм обеспечения ее интересов уже после аннексии был прописан в соглашении от 26 февраля 1909 г. «Об урегулировании между Австро-Венгрией и Османской империей»¹⁵.

Но вернемся к «российскому измерению» сербской политики. Отнюдь не только Петр I Карагеоргиевич и Никола Пашич регулярно «сверяли часы» с российскими руководителями, как любят говорить сегодняшние дипломаты. Наследник сербского престола, крестник российского императора Александра III Александр I Карагеоргиевич был связан с Россией еще более тесными узами. В 1904 г. он окончил Пажеский корпус в Санкт-Петербурге и с тех пор был весьма привязан к России и русским. Из воспоминаний баронессы Е.Н. Мейендорф можно узнать, что Николай II просил ее деда, генерал-адъютанта Б.Е. Мейендорфа, опекать будущего сербского короля в свободные от занятий дни. И Александр стал часто бывать в их гостеприимном доме. Закономерно не обошли стороной храброго и харизматичного сербского престолонаследника и российские ордена. После окончания Балканских войн, в которых он принимал личное участие и отличался, по свидетельствам российских дипломатов, беспримерной храбростью, королевичу был пожалован орден св. апостола Андрея Первозванного,

а за мужество, проявленное уже в сражениях Первой мировой войны, Николай II последовательно награждал его орденами св. Георгия 4-й и 3-й степеней.

Российские дипломатические представители на Балканах традиционно высоко оценивали фигуру Александра Карагеоргиевича, внимание к которому в Санкт-Петербурге значительно возросло летом 1914 г. в силу сербских внутривосточных обстоятельств. Король Петр Карагеоргиевич, отправляясь на лечение во Враньску-Баню (курорт, находившийся на пути между городами Скопье и Ниш), издал 24 июня специальный манифест, в котором говорилось о передаче на время его лечения всех прав и полномочий престолонаследнику Александру. Это был первый случай, когда монарх, находясь в стране, предоставил регентство наследнику¹⁶.

Конституция Сербии предусматривала два случая регентства. В статье 53 говорилось, что в случае временного отсутствия короля на территории Сербии его полномочия переходят к наследнику престола¹⁷. Статья 69 гласила, что «в случае отсутствия у короля возможности осуществлять королевскую власть, наследник престола, если он является совершеннолетним, должен править от его имени»¹⁸. Следует подчеркнуть, что регентство на основании последней статьи устанавливалось впервые за всё время правления короля Петра¹⁹. В королевском манифесте говорилось следующее: «Моему дорогому народу. Так как болезнь препятствует мне в течение некоторого времени вершить мою королевскую власть, то я постановляю, чтобы, на основании 69-ой статьи конституции, пока будет продолжаться мое лечение, — именем моим властвовал наследник престола Александр. Поручаю и в этом случае свою дорогую отчизну защите Всемогущего»²⁰.

Возвышенный тон манифеста и упоминание о том, что регентство продлится всё время, пока будет продолжаться лечение, произвели большое впечатление в стране, породив самые разнообразные оценки и слухи, в том числе и о возможном отречении²¹. Согласно официальной версии, изложенной в газете «Самоуправа» («Самоуправление»), данный шаг короля не был вызван какими-либо сенсационными обстоятельствами, и тем

более нельзя говорить о его отречении от престола. Здоровье Петра Карагеоргиевича, которому 12 июля 1914 г. должно было исполниться 70 лет, заметно ухудшилось. Обострившийся в последние годы склероз, мучительные ревматические боли и прогрессирующая глухота привели к практически полному отказу короля от участия в официальных мероприятиях. За последнее время он почти не появлялся на людях, за исключением непродолжительных загородных прогулок на автомобиле. Государственная деятельность его утомляла, а иногда и вызывала раздражение. Во время последнего правительственного кризиса король дважды перенес продолжительный обморок, в связи с чем врачи, во избежание осложнений, категорически предписали ему полный покой и всестороннее лечение. Это побудило Петра Карагеоргиевича передать управление страной сыну Александру. «Я, может быть, скоро умру, — сказал король в частной беседе с Пашичем, — пора же наконец престолонаследнику ближе познакомиться с государственными делами»²².

Российский посланник в Сербии Н.Г. Гартвиг, имевший многочисленные встречи и беседы с престолонаследником в самые тяжелые и переломные моменты сербской истории, докладывал в МИД России, что, «несмотря на свою молодость, королевич Александр поражает зрелостью суждений и здравым пониманием интересов Сербии, спокойствием и совсем не свойственной его годам уравновешенностью. Питая глубокое уважение и доверие к Пашичу, престолонаследник, одно время увлекавшийся наравне с воинствующей партией успехами сербского оружия, готов был осудить премьера за нерешительность действий, но вскоре, под влиянием дальнейших событий, он осознал свою ошибку и ныне является ярким сторонником осторожной и благоразумной политики первого государственного мужа Сербии»²³. Так же высоко Н.Г. Гартвиг оценивал королевича Александра и в частном письме министру иностранных дел России С.Д. Сазонову от 14 января 1914 г., в котором подчеркивал, что тот «так прекрасно вел себя за весь тяжелый период, проявил столько самообладания, личной храбрости и самоотвержения во время обеих кампаний, что положительно завоевал себе симпатии и уважение не только всех сербов, но

и союзников. Его образ действий сильно укрепил династию; семейные недоразумения стихли окончательно, и королевич Александр является единственным законным наследником»²⁴.

Среди высокопоставленных представителей династии Карагеоргиевичей мы можем найти в начале XX в. еще одну примечательную фигуру, являвшую собой живое свидетельство тесных русско-сербских отношений. Это князь Арсен Карагеоргиевич — брат короля Петра и внук вождя Первого сербского восстания 1804—1813 гг. Карагеоргия. После начала русско-японской войны 1904—1905 гг. он вступил добровольцем в состав русской казачьей конной армии и воевал в рядах сначала Второго Нерчинского, а затем Второго Аргуского полков Второй бригады Забайкальской казачьей дивизии. За боевые заслуги и героизм Арсену Карагеоргиевичу было пожаловано звание казачьего есаула. Под его командованием оказались сначала эскадрон, а затем кавалерийский полк. Он принимал участие в важнейших сражениях русско-японской войны — в битве за Порт-Артур, а также в Мукденском сражении. За проявленное мужество Арсен Карагеоргиевич был возведен в чин полковника и награжден золотой Георгиевской саблей.

Активно стремились в Россию, как в политических, так и в культурных целях, депутаты Народной скупщины Сербии. В российских дипломатических архивах сохранились свидетельства о нескольких подобных визитах — в частности, о пребывании в Москве двух сербских парламентариев от Старорадикальной партии — Драгана Йовановича и Душана Михайловича — в конце 1913—начале 1914 гг. Согласно сохранившимся в Архиве внешней политики Российской империи документам, их интересовали перспективы российско-сербских военно-политических отношений в случае нового обострения ситуации на Балканах, а также различные аспекты интеграции освобожденных в результате Балканских войн областей — в первую очередь, Старой Сербии (Косово)²⁵. В ходе встреч со своими коллегами из Московской городской думы сербские депутаты стремились прояснить два интересовавших их главных вопроса: поддержит ли Россия Сербию в том случае, если сербское правительство придет к выводу о необходимости за-

нять более жесткую позицию в отношении сербо-албанского территориального разграничения, и насколько значимой может оказаться поддержка с российской стороны в случае нового обострения взаимоотношений между Белградом и Веной. «Окажет ли российское правительство немедленно помощь Сербии, если ее справедливые планы обеспечить свои интересы встретят противодействие со стороны Австро-Венгрии, включая военную операцию?» — таким вопросом задавался Д. Йованович в ходе своих встреч в Москве с местными депутатами, журналистами и общественными деятелями.

Его собеседники, со своей стороны, всячески стремились умерить ожидания сербских парламентариев, подчеркивая, что Россия искренне надеется на сдержанность как Белграда, так и Вены, которая, в том числе, служит надежным источником обеспечения интересов Сербии в плане мирного «освоения» вновь присоединенных балканских областей. При этом российские представители ссылались на самого главу правительства Сербии Н. Пашича, который в данной связи подчеркивал: «Сегодня в наших интересах, чтобы Австро-Венгрия существовала еще 25–30 лет, пока мы на юге не освоим всё настолько прочно, что эти территории нельзя будет от нас отделить»²⁶. А российский поверенный в делах в Белграде В.Н. Штрандтман сообщал в российское внешнеполитическое ведомство, что «Сербия сможет перевооружить свою армию только через два с половиной года, и то при активной помощи своих союзников»²⁷.

В беседе с представителем Санкт-Петербургского телеграфного агентства В. Сватковским, состоявшейся 4 октября 1913 г. в Вене, Н. Пашич следующим образом охарактеризовал первоочередные задачи своей страны в деле восстановления и укрепления вооруженных сил: численное увеличение армии до полумиллионного строевого состава, включающего в себя 400 тыс. человек пехоты и 100 тыс. человек, связанных с кавалерией, артиллерией и техническими войсками, помимо не включаемых в это число вспомогательных частей, а также служб охраны путей сообщения и поддержания общественного порядка в стране. Данные количественные показатели определялись Пашичем исходя из поставленной им общей стратегической

цели: сделать сербскую армию по всем основным показателям не уступающей по силе болгарской. При этом в мирное время предполагалось держать под ружьем 50–60 тыс. человек. Одновременно перед сербскими вооруженными силами встала необходимость восполнить убыль офицерского корпуса и повысить его численность пропорционально увеличению рядового состава. По свидетельству сербского посланника в Вене Й. Йовановича, убыль сербских офицеров во время войны, не признаваемая официально, составила около 10% от всего их числа. При этом необходимо принять во внимание тот факт, что в сербской армии на 100 солдат приходился всего один офицер. Кроме того, следовало в кратчайшие сроки пополнить запасы боеприпасов и других военных материалов²⁸.

Одному из харизматичных генералов британской армии XX в., генеральному комиссару и главнокомандующему войсками Соединенного Королевства в Малайе в 1950-х годах сэру Джерарду Темплеру приписывают фразу о том, что решение проблем, возникающих в колониальных владениях, «заключается не в отправке большего числа войск в джунгли, а в завоевании сердец и умов»²⁹. Разумеется, Сербию и другие балканские страны накануне Первой мировой войны никоим образом нельзя отнести к «колониальным владениям» ни России, ни какой-либо иной великой державы. Однако задача «завоевания сердец и умов» народов региона никогда не сходилась с повестки дня российской политики в Белграде, Софии, Бухаресте или Афинах. Чем сами балканские лидеры активно пользовались.

Примечания

¹ *Виноградов В.Н.* Дом Романовых и судьбы Балкан // Императорский дом Романовых и Балканы. М., 2014. С. 67.

² *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 235.

³ Цит. по: *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы... С. 236.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 532. Л. 235–238.

⁵ Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С. 604–605.

⁶ *Растовић А.* Срби, Руси и Први светски рат — један пример ревизије историје // Историјски часопис. 2015. Књ. LXIV. С. 368.

- ⁷ *Ђорђевић Д.* Пашић и Миловановић у преговорима за Балкански савез 1912 // Историјски часопис. 1959. № 9/10. С. 467–469.
- ⁸ Подробнее см.: *Данев Ст.* Моите аудиенции с императора Николай II // Сила. 1922. № 18.
- ⁹ *Бади Б.* Возобновление истории? // Международные процессы. 2016. № 2. С. 11.
- ¹⁰ *Колосков Е.А.* Боязнь расчленения: образ бухарестского договора 1913 г. во внешней политике РМ 1991–2001 г. // Букурешкиот мировен договор (1913) и неговите долгорочни последици за Македонија и Југоисточна Европа. Скопје, 2017. С. 41–42.
- ¹¹ *Искендеров П.А.* Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погребѣ Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 497.
- ¹² *Искендеров П.А.* Роль дипломатии в истории Балкан // Вопросы истории. 2018. № 4. С. 117.
- ¹³ Русское слово. 12.11.1908.
- ¹⁴ Цит. по: *Трайнин И.* Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. М.-Л., 1947. С. 270.
- ¹⁵ Подробнее см.: *Искендеров П.А.* Боснийский узел // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.). М., 2017. С. 371.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2912. Л. 27, 30.
- ¹⁷ La Constitution de la Vieille Serbie. Belgrade, 1913. P. 9.
- ¹⁸ Ibid. P. 10.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2912. Л. 30.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Александру I Карагеоргиевичу в 1914 г. исполнилось 26 лет.
- ²⁴ АВПРИ. Оп. 482. Ф. Политархив. Д. 532. Л. 21.
- ²⁵ Там же. Д. 530. Л. 123–125.
- ²⁶ Споменица Николе П. Пашића 1845–1925. Београд, 1925. С. 721.
- ²⁷ Цит. по: Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998. С. 13.
- ²⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2907. Л. 2.
- ²⁹ *Малкин С.Г.* Колониальный опыт Великобритании и стратегическое мышление США // Международные процессы. 2016. № 3. С. 55.

Чехи и словаки в Москве в конце XIX — начале XX вв.

Сейчас, как известно, своеобразной Меккой экономической эмиграции из разных стран, в том числе и из России, стали Германия, богатые и социально благополучные страны Западной и Северной Европы. Центром притяжения для эмигрантов продолжают традиционно оставаться и США. Но в XIX столетии страной больших возможностей являлась Россия, куда устремлялись иностранцы, в том числе славяне, в поисках лучших условий жизни.

После Этнографической выставки в Москве 1867 г., когда связи славян разных стран и земель укрепились, число чехов и словаков, желавших отправиться в «Белокаменную», значительно возросло. После Славянского съезда 1867 г. ученый-славист, профессор Санкт-Петербургского университета В.И. Ламанский и чешский писатель и педагог, директор одной из петербургских гимназий И.Ф. Шрамек стали получать сотни писем от чехов и словаков с просьбами найти им место службы в России¹. Россия привлекала иностранцев возможностями продвинуться по социальной лестнице, усовершенствоваться профессионально и заработать. Словацкий предприниматель Ф. Бениач писал своему дяде: «Я просил бы вас понять, что Россия — это огромный и богатый край, где можно еще заработать так, как нигде на западе...»². В другом письме тому же адресату он рассуждал: «Здесь таятся для иностранцев огромные богатства. А почему бы не мы, словаки, могли бы взять хотя бы малую часть того, тем более, что мы так в этом нуждаемся. Положение словаков и в географическом отношении очень выгодно, ведь мы соседи и самые близкие. Далее очень важно, что мы славяне, русский учим легко, и это уже само по себе такая выгода, которой нет у других иностранцев...»³.

К тому же в России можно было значительно улучшить благосостояние, не потеряв при этом национальную идентичность и не понизив свой социальный статус, как это часто бывает при переезде за границу (а зачастую и повысить его)⁴. В письме личного врача Л.Н. Толстого Д. Маковицкого председателю Словацкой лиги в Америке А. Маматею читаем: «Жизнь в России для славянина полна такого же смысла, как бы он жил дома... В России славянину легко привыкнуть и можно хорошо себя чувствовать. Пусть вас не страшат тревоги, в газетах всё втрое или даже вчетверо преувеличено, а многое просто выдуманно»⁵.

При посредничестве протоиерея церкви при российском посольстве в Вене Михаила Федоровича Раевского в 1868 г. в Россию переехало много чехов и словаков, и среди них — преподаватель банско-быстрицкой гимназии, член комитета Матицы Словацкой словак Эмил Черны. Он с семьей обосновался в Москве и через год сообщал своему благодетелю, что был с радушием принят историками Г.П. Георгиевским* и Н.А. Поповым** и, представившись профессору Московского университета филологу П.М. Леонтьеву***, приобрел его влиятельное покровительство. Леонтьев устроил Черного в основанный им вместе с М.Н. Катковым**** Лицей цесаревича Николая (На Большой Дмитровке, в доме Цыплякова) на должность старшего надзирателя в пансионе воспитанников старшего возраста, наставника и учителя греческого и немецкого языков с жалованием 800 руб. в год, семейной квартирой и дровами. Кроме того, ему выдавалось за каждого подопечного 52 рубля за надзор и на мелкие расходы. Черны уже с третьего месяца после приезда в Москву стал преподавать на русском языке, а выдержав экзамен по русскому, был назначен еще и учителем древних языков 3-й московской гимназии на Лубянке, где

* Г.П. Георгиевский (1866–1948) — археограф, библиограф, историк церкви.

** Н.А. Попов (1833–1891) — русский историк, славист, архивист, профессор Московского университета.

*** П.М. Леонтьев (1822–1874) — известный филолог, доктор римской словесности, член-корреспондент Санкт-Петербургской АН, ординарный профессор Московского университета, основатель и директор Лицея цесаревича Николая.

**** М.Н. Катков (1818–1887) — влиятельный русский публицист, издатель, литературный критик, редактор газеты «Московские ведомости», основоположник русской политической журналистики, сторонник контрреформ Александра III.

стал преподавать греческий язык в 5-м и 6-м классах с жалованием 900 руб. в год. В письме Раевскому он признавался, что «никогда не надеялся в так скором времени достичь здесь так выгодного состояния»⁶. Здесь же Черны информировал Михаила Федоровича о том, что в Москву, в его гимназию, из Тулы переведен их общий знакомый, бывший учитель левочской гимназии Ходобай, а еще один словак-земляк, заезжавший к нему из Воронежа, также надеялся получить место в Москве.

Э. Черны подробно описывал московскую жизнь в словацкой газете «Pešťbudínske Vedomosti», где иронизировал над словацкими «мадьяронами», распространявшими «лживые выдумки о русском варварстве». Но, справедливости ради, он указывал Раевскому, что ему не очень нравятся в Москве три обстоятельства: еще недостаточно развитое чувство славянской взаимности у русских, громадное множество немцев и французов в должностях и других кругах общественной жизни и «ложное направление» воспитания женского пола. Последнее обстоятельство, вероятно, особо его волновало, так как у него было три дочери. В частности, он описывал москвичек «удивительно как нелюбящих труда», как неопытных в самых нужнейших делах хозяйства, ужасных «щеголих», а при том неопрятных в доме; с другой же стороны, из тщетной хвастливости увлекающихся каким-то умственным, «не природным им» высшим образованием, сопровождаемым обыкновенно пренебрежением семейными добродетелями. Такого рода заявления свидетельствовали о достаточно патриархальных взглядах словацкого преподавателя на семью и роль женщины в обществе. «Вот в чем, по-моему, значительная опасность для благополучного преуспевания русского народа! — в недостатке хороших добросовестных матерей»⁷, — заключал он свои рассуждения, сообщив Раевскому о рождении сына-«москвича» Владимира.

Правда, чехи и словаки, родившиеся и воспитанные в России, иногда испытывали значительные жизненные трудности. Так, В.Ф. Билек, родившийся и выросший в России (его отец прослужил здесь более 30 лет), «по душе и по убеждениям» считавший себя «никак» не чехом, «а только русским», и «по легкомыслию выехавший из России», не смог устроиться и получить

работу в Праге. В отчаянии он обратился к М.Ф. Раевскому с просьбой содействовать в осуществлении его желания принять православие и русское подданство, чтобы вернуться домой и покончить с двойственностью своего положения⁸.

Любопытное свидетельство о чехах и словаках в Москве оставил Федор Коваржик, в 1929 г. написавший и в 1932 г. опубликовавший книгу под названием «Пережитое и впечатления русского чеха во время царства»⁹. Автор, родом из Пльзенья, прожил в России более 30 лет, преподавал, занимался общественной деятельностью, был знаком со многими известными людьми — К.П. Победоносцевым, И.С. Аксаковым и др. Коваржик приехал в Россию в 1878 г., побывал в Варшаве, Санкт-Петербурге, Полтаве. В Москве он провел два года, учась в Московском техническом училище. По его словам, чешская московская колония в то время была достаточно многочисленной и собиралась в ресторанах «Моравия» и «Прага»*, а также в ресторане немца Ваелда, где управляющим был чех.

В Москве, по данным Коваржика, работал ряд чешских профессоров**: Яреш с бородой до колен, красавец Вегр, уроженец Табора, Квичала — брат профессора Пражского университета, словак Черны и многие другие. Однако далеко не все в Москве были довольны обилием чешских и словацких профессоров и преподавателей. Тот же Коваржик рассказывал о длившейся более месяца травле чешской профессуры в прессе, начатой статьей Н.П. Гилярова-Платонова в «Современных

* В 1872 г. открылся трактир «Прага» с невысокими ценами; его постоянными посетителями были московские извозчики со стоянки на Арбатской площади, которые переименовали название в «Брага». В 1896 г. новым владельцем трактира стал купец С.П. Тарарыкин, выигравший его на билльярде у бывшего хозяина. Воспользовавшись выгодным местоположением, он превратил трактир в первоклассный ресторан. В 1902 г. здание было перестроено по проекту Л.Н. Кекушева, в 1914–1915 гг. вновь перестроено А.Э. Эрихсоном с изменением фасадов в классическом стиле. По воспоминаниям современников, «Прага» был одним из лучших московских ресторанов. В 1898 г. А.П. Чехов праздновал здесь с мхатовцами премьеру «Чайки». Там же в 1913 г. И.Е. Репинным был устроен банкет по случаю восстановления его картины «Иван Грозный и сын его Иван», изрезанной старообрядцем-иконописцем Абрамом Балашовым, а Л.Н. Толстой устраивал публичные чтения «Воскресения». После революции это была и просто столовая, и образцово-показательная столовая «Моссельпрома» (куда Ипполит Матвеевич из «Двенадцати стульев» повёз Лизу обедать). URL: <http://moscow.drugiegoroda.ru/attractions/27706-restoran-praga/> (дата обращения 5.03.2017).

** По чешской традиции всех преподавателей гимназий называют профессорами.

известиях»*, в которой критиковалось засилье в русских гимназиях приезжих чехов и словаков.

Из ремесленников и торговцев Ф. Коваржик называл первоклассного портного Загоржанского и владельца великолепного мехового магазина Пеликана. Все московские оркестрионы** чинил Старек, ученик Грубеша из Поржичи. Отличное пиво варил Миклаш, в его пивоварне на Шаболовке работало много чехов. Управляющим самого крупного косметического магазина был вечно веселый Краупнер, сын пражского аптекаря.

В Большом театре солировали тенор Баркал и бас Фюхрер, последний был сыном регента пражского церковного хора. Половина музыкантов оркестра Большого театра были чехами, среди них выделялся Бенда. Хормейстером там состоял Богуслав¹⁰.

У.И. Авранек (1853—1937), окончивший в 1870 г. Пражскую консерваторию (по классам виолончели и теории музыки) и игравший в оркестре Немецкой оперы в Праге, в 1874 г. переехал жить в Россию. С 1882 г. он стал дирижёром и главным хормейстером Большого театра. Под управлением Авранека на его сцене и на сцене филиала (Нового театра) впервые были поставлены оперы: «Князь Игорь» и «Ночь перед рождеством» (1898), «Ледяной дом» (1900), «Моцарт и Сальери» (1901), «Пир во время чумы» (1901) и др. Авранек способствовал подъёму в Москве русской оперной хоровой культуры¹¹.

Еще одним выдающимся чешским музыкантом, дирижёром и композитором, имя которого связано с Большим театром, был (с 1906 г.) дирижер Вячеслав Иванович Сук (Václav Suk, 1861—1933), роль которого в жизни Большого театра часто сравнивают с аналогичной ролью его соплеменника, чеха Эдуарда Францевича Направника — главного дирижера Мариинско-

* «Современные известия» — ежедневная газета, выходила в Москве в 1867—1887 гг.; была адресована широкому слою малообразованных горожан, включая купцов и мещан. Издатель-редактор — бывший цензор Московского цензурного комитета Н.П. Гиляров-Платонов. URL: expositions.nlr.ru/ex_rare/slavophils/61_86/izvest_1867.php (дата обращения 2.12.2017).

** Оркестрион — 1. Самоиграющий механический музыкальный инструмент, воспроизводивший звучание симфонического оркестра, изобретен в XVIII в. В России небольшие механические органы-оркестры встречались во второй половине XIX — начале XX вв. в трактирах и частных домах. После изобретения грамзаписи вышли из употребления. 2. Небольшой переносной орган, звучанию которого придавалась оркестральность с эффектом духовых и струнных инструментов.

го театра в Санкт-Петербурге. В.И. Сук приехал в Россию как скрипач-солист оркестра под управлением Ф. Лауба из Праги, где окончил в 1879 г. консерваторию по классу скрипки. Поначалу он служил скрипачом в оркестре киевской частной оперы И.Я. Сетова, потом в Большом театре, дирижировал оркестрами во многих городах России. В Москве Сук дирижировал спектаклями итальянского оперного товарищества, в Петербурге руководил частной «Новой оперой». П.И. Чайковский изумлялся его капельмейстерскому мастерству. Постоянный репертуар В.И. Сука составляли около 50 опер¹².

Некоторое время в Итальянской опере в Москве выступал и чешский бас-кантанта Йосиф (Осип Осипович, как называли его на русский манер) Палечек (1842–1915).

Но вернемся к воспоминаниям Ф. Коваржика. Из чехов-строителей он знал Станька, Антонина Индру и старшего десятника Антонина Кафку. Индра и Кафка работали у архитектора Вебра, пражского немца, который ценил их, так как они хорошо знали свое дело и, если надо, могли работать даже по большим праздникам и во время Крестного хода.

Интересной личностью был зять настройщика музыкальных инструментов Старека Корналик, который когда-то изготовлял шляпы в Праге у Малостранских ворот и был ревностным соколом*. В 1863 г. он участвовал в Польском восстании, был арестован, но «добрый казак» отпустил его. Бежать в Россию ему пришлось после попытки вместе с другими заговорщиками (среди которых, по словам Коваржика, находился и поэт Сватоплук Чех**) уничтожить петардой в полицейском управлении статую императора Франца Иосифа. В России Кор-

* Соколы и соколки — члены спортивно-патриотической организации «Сокол», созданной М. Тыршем и Й. Фюгнером в 1863 г. в Чехии. Сокольское движение быстро распространилось по славянским землям. В Санкт-Петербурге сокольское гимнастическое общество возникло в 1878 г., а в Москве в 1883 г.

** Сватоплук Чех (1846–1908) — один из крупнейших чешских писателей и поэтов, участник революционных событий 1848 г., полулегальных патриотических организаций, национальных волнений 1860-х годов. В 1874 г. Сватоплук в качестве журналиста побывал в России, посетил Кавказ, Одессу, Севастополь, Ялту, Новороссийск, Владикавказ. В период нахождения в России он изучил русский язык, и многие русские реалии впоследствии нашли отражение в его творчестве. URL: <http://www.litpedia.ru> (дата обращения 1.12.2017).

налик выучился на телеграфиста, стал начальником небольшой станции, а затем получил место управляющего крупным кирпичным заводом.

В Москве жил также скульптор Вацлав Кафка, брат Антонина. По свидетельству Коваржика, подготовка 15-й Всероссийской промышленно-художественной выставки на Ходынском поле в 1882 г.* была по большей части делом рук чехов, особенно работы по устройству царского павильона. Они были поручены Вебру, который передал их Индре, а все скульптурные украшения сделал В. Кафка.

В Москве Коваржик познакомился и с инженером Херингом, который позднее стал главным управляющим на заводе Рингхоффера** по выпуску первых чешских трамваев.

Хотя чешско-словацкая колония в Москве была весьма пёстрой по профессиональному, возрастному и имущественному составу, но чехи и словаки часто объединялись в различные союзы и общества (в отличие от США, где чешская и словацкая

* 15-я Всероссийская промышленно-художественная выставка 1882 г. стала наиболее крупной выставкой России XIX — начала XX вв. Она собрала четыре тысячи участников и миллион посетителей, представила изделия народов Российской империи, включая самые отдаленные провинции. На ее устройство было затрачено два миллиона рублей. На Ходынском поле, на площади в 30 гектаров, появилось 80 павильонов с центральным зданием в форме звезды, которое простояло на Ходынке до 1895 г. В нем устраивались и другие экспозиции, такие как Всероссийская ремесленная выставка 1885 г. и Французская торгово-промышленная выставка 1891 г. Кроме центрального здания было возведено еще девять главных павильонов. К главным выставочным постройкам относился и павильон, построенный для отдыха высочайших особ и выполненный в русском стиле с исключительно роскошной отделкой. Это здание сохранилось до сих пор. URL: http://tushinec.ru/?news_read=3116 (дата обращения 23.11.2017).

** В 1852 г. машиностроительные мастерские Рингхофферов были трансформированы в завод в пригороде Праги — Смихове, производство которого было сконцентрировано на изготовлении железнодорожного транспорта. Барон Франтишек Рингхоффер в 1871 г. основал пивоварню, и спустя три года появился легендарный бренд *Velkoporovický Kozel*. URL: <https://www.abw.by/archive/503/l-praga.htm> (дата обращения 5.03.2017). С 1876 г. машиностроительная фирма Рингхоффера стала выпускать первые чешские трамваи сначала для пражской конки, а затем и для электрической дороги. В пражском трамвайном парке первой половины XX в. были исключительно трамваи от «Рингхоффера». После Второй мировой войны его предприятие было национализировано и переименовано в «Вагоны Татра Смихов». Трамваи *Tatra* экспортировались в СССР, Хорватию, Латвию, Германию, Румынию, Украину, Узбекистан и другие страны Восточного блока. В 1907 г. Рингхоффер создал Пражский автозавод («*Pražské tovarny na automobily*») по выпуску автомобилей. Эта компания под названием *PRAGA Hostivař* и поныне выпускает грузовики. URL: <https://www.facebook.com/GET.SPb/photos/a.1477713099120795.1073741828.1477284912496947/1576373959254708/?type=1&theater> (дата обращения 5.03.2017).

колонии существовали раздельно, никогда не смешиваясь)*, любили собираться и общаться на родном языке. В 1890-е годы в Москве уже действовало Австро-венгерское общество взаимопомощи, куда, наряду с немцами, входили и чехи. Правда, между чехами и немцами часто возникали разногласия, о чем сообщало генеральное консульство в Москве в министерство иностранных дел в Вену¹³.

В 1902 г. в Москве возник Чешский кружок, с 1904 г. он располагался на Ирининской улице**, в доме предпринимателя Й. Гумгалья. Управлял им комитет, секретарем которого был фабрикант Й. Йизбера, проживавший в Улановском переулке, в доме Красковского (кв. 14). Члены кружка собирались у Гумгалья либо в гостинице «Богемия» в Неглинном переулке, а иногда в Малом Эрмитаже, неподалеку от Большого театра. Членов Чешского кружка часто можно было встретить в кофейне-булочной Филиппова на Тверской улице. Кружок помогал соотечественникам получить хорошее место в России. Обязательными условиями для этого были: владение русским, немецким или каким-нибудь другим иностранным языком, какой-либо специальностью, а также наличие рекомендаций. При Чешском кружке имелось бюро для консультаций, поиска рабочих мест и предоставления информации русским, заинтересованным в установлении торговых и производственных контактов с чехами¹⁴.

Накануне Первой мировой войны под руководством Й. Павлика Чешский кружок превратился в своеобразный центр, который не только находил работу молодым способным чехам, приехавшим из Чехии или переезжавшим из других российских регионов в Москву, но также приобретал и обменивал чешские книги и журналы, занимался благотворительностью, поддерживал контакты с чешскими корпорациями, осуществлял посредничество в отношениях с российскими партнерами в различных областях — искусстве, науке, спорте, экономических и торговых предприятиях¹⁵.

* Даже по Всероссийской переписи населения 1897 г. чехи и словаки учитывались вместе, составляя на тот момент более 50 тыс. человек.

** Ныне улица Фридриха Энгельса.

Чешский кружок поддерживал связь с гимнастическим обществом «Сокол», выделившимся в самостоятельную организацию и обосновавшимся в здании Промышленного училища на Минской площади. Первый сокольский кружок в Москве, появившийся в 1883 г., вскоре преобразовался в сокольское объединение¹⁶. Среди первых его членов были писатели А.П. Чехов* и В.А. Гиляровский, последний в 1892—1895 гг. даже являлся его председателем. В число основателей кружка входили представители известных купеческих родов и предпринимательских кланов: Николай Шустов, Сергей и Савва Морозовы и др.

Члены чешских и словацких организаций в России участвовали в неославянском движении, активизировавшемся в начале XX в. Так, председатель московского Чешского кружка Й. Гумгаль 18 мая 1909 г. приветствовал на чешском языке славянских гостей, заехавших в Москву после подготовительного совещания неославистов в Санкт-Петербурге¹⁷. Среди них находились чешские депутаты австрийского рейхсрата — Карел Крамарж, Вацлав Клофач, Йозеф Дюрих, староста чешских соколов Йозеф Шейнер и глава Живностенского банка Ярослав Прейс¹⁸.

На Б. Никитской улице в доме княгини Шаховской некоторое время находился Чешский физкультурный кружок. Информационный кружок располагался по двум адресам: на Тверской-Садовой ул., в д. 167, где секретарем состоял С. Коничек, и на Садово-Кудринской ул., во главе с профессором Ф.К. Шнеппом. В отеле «Bill», в помещении Австро-венгерского союза, собирались члены Свободного объединения чехов. Чехи и словаки входили в Славянский вспомогательный союз, находившийся на Кузнецком мосту в доме барона Джангарова.

В 1909 г. в Москве было основано Всеславянское общество «Славия» под председательством С.О. Коничека. Его участники собирались ежемесячно в доме Шипулиной в Ивановском проезде Петровско-Разумовского района. Чешско-славянский вспомоществовательный и информационный союз организовал

* А.П. Чехов был одним из 53 москвичей, подписавшихся под прошением на имя министра внутренних дел России об учреждении Московского гимнастического общества «Сокол», он платил взнос, но непосредственного участия в работе общества не принимал. См.: *Гиляровский В.Я.* Избранное в трех томах. Т. 1. М., 1960. С. 336.

А. Грабе в доме Милешина на Большой Тверской ул. В Газетном переулке располагалась пивная А. Калабиса. Местом встреч и посиделок для чехов являлся также ресторан «Новый Петергоф», где к их услугам всегда были чешские газеты и журналы.

В феврале 1914 г. в Москве образовалось Русско-чешское вспомогательное общество Яна Гуса, которое стремилось содействовать сближению русских с чехами и словаками (или, как тогда говорили, с «чехославянами/ чешско-славянами»). Согласно утвержденному 3 марта того же года уставу, Общество ставило своими целями: всесторонне изучать жизнь Яна Гуса и гуситское движение, способствовать сближению русских с «чехославянами» «на почве общих интересов», оказывать русским поддержку в их сношениях с «чешско-славянами», а также помогать приезжающим в Россию «чехославянам». Кроме того, в задачи Общества входило распространение русского языка и «правильных» сведений о России на Западе. Для достижения этих целей Общество предполагало: устраивать собрания, беседы, языковые и литературные курсы, лекции, вечера, спектакли, концерты, выставки и благотворительные базары. Оно выдвигало задачи: уделять внимание духовным нуждам чешских православных прихожан в России и русских, живущих в чешских и угорских (венгерских. — *Е. С.*) землях, способствовать обучению русских детей в чешских школах, а детей чехославян — в русских, исследовать нужды и быт русских подданных-чехославян, оказывать им содействие в трудоустройстве и консультациями о русском законодательстве, организовывать съезды по культурно-экономическому сближению, заботиться о больных и престарелых заслуженных деятелях славянского движения, учредить свой печатный орган, библиотеку-читальню с общежитием для приезжающих в Москву чехов и словаков, залом для чтения лекций и гимнастических упражнений, комнатой с образцами произведений чешских и словацких кустарей, произведений литературы и искусства, видами дачных и водолечебных местностей, интересных для развития туризма.

В Москве практически не существовало области, в которой бы не трудились чехи или словаки. Поэтому не удивительно, что с течением времени их московская колония лишь бога-

тела и становилась всё более влиятельной¹⁹. Именно в Москве уже после начала Первой мировой войны на призыв архитектора Родионова откликнулись чехи с идеей создать Чешскую дружину, а скульптор Аморт записался первым добровольцем. В Москве чешская депутация обратилась к Николаю II с просьбой об освобождении земель короны св. Вацлава²⁰. Москва (наряду с Киевом, Петроградом и Варшавой) стала одним из главных центров чехословацкого национального движения в России. Но это уже следующий период жизни московских чехов и словаков.

Примечания

¹ *Jirásek J.* Rusko a my. Díl III. Praha, 1945. S. 27.

² Цит. по: *Голец Р.* Словацкие предприниматели в России накануне Первой мировой войны // Мифы–стереотипы–образы. Восприятие России в Словакии. Братислава–Йошкар-Ола, 2010. С. 35.

³ Там же.

⁴ *Серapiroнова Е.П.* Чехи в России (вторая половина XIX — начало XX в.) // Славянский альманах 2009. М., 2010. С. 196.

⁵ Цит. по: *Голец Р.* Словацкие предприниматели в России накануне Первой мировой войны. С. 34.

⁶ M.F. Raevskij a Slováci v 19. storočí / M. Daniš, V. Matula. Bratislava, 2014. S. 95–96.

⁷ Ibid. S. 97.

⁸ *Cesty na východ. Češi v korespondenci M.F. Rajevského.* Ed. V. Doubek. Praha, 2006. S. 21–22.

⁹ *Kovářík F.* Zažitky a dojmy ruského Čecha za carství. Praha, 1932.

¹⁰ Ibid. S. 88–89.

¹¹ Ульрих Иосифович (Осипович) Авранек. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_music/215/%d0%90%d0%b2%d1%80%d0%b0%d0%bd%d0%b5%d0%ba (дата обращения 20.11.2017).

¹² Вячеслав Иванович Сук. URL: <http://www.belcanto.ru/suk.html> (дата обращения 20.11.2017).

¹³ Národní archiv ČR (далее — NA). F. Ministerstvo zahraničních věcí Vídeň (MVZ/R). Kart. 18. Inv.č. 367. Sign. 1/2 78 (I.B).

¹⁴ NA. F. Národní Rada Česká (NRČ). Kart. 325. Inv.č. 156 (1909–1914).

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ *Kotov V.* Sokolské hnutí v Moskvě. Magisterská diplomná práce. Brno, 2015. S. 6.

¹⁷ Речь. 29 мая 1909 г.

¹⁸ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1909. Д. 3424. Л. 41.

¹⁹ *Kovářík F.* Zažitky a dojmy ruského Čecha za carství. S. 88–89.

²⁰ Ibid. S. 89.

Словенцы в России: Павел Голиа (1914–1917 гг.)

Начало XX века стало временем великих потрясений. Его события по-разному отразились на судьбах многих словенцев. Одни испытали тяготы военного лихолетья дома, другие волею судьбы оказались оторванными от родных мест и буквально заброшенными за тысячи километров с тем, чтобы, пройдя фронт, военный плен (вынужденный или выбранный сознательно), вернуться домой с новыми впечатлениями, опытом и стремлением использовать его на благо своего народа.

У каждого из них была своя судьба, своя история пребывания в России и свой нелегкий путь возвращения на родину. Среди известных словенцев этой эпохи можно назвать критика и переводчика Йосипа Видмара, писателя Франце Бевка. Сюда же можно отнести и Янко Лаврина, который учился в России, а в период Первой мировой войны работал корреспондентом на Балканах и в 1916 г. выпустил книгу очерков «В стране вечной войны (Албанские эскизы)». Но он покинул Россию накануне революции.

Интересна и история журналиста Франца Зупанчича (1884–1946), который был призван в армию в июне 1914 г., воевал в Галиции, в августе 1917 г., находясь в Румынии, попал в русский плен и в конце сентября оказался в городке Инсар (тогда входившем в состав Пензенской губернии). Благодаря записям из его дневника, который он вел от первого до последнего дня пребывания в армии, российская исследовательница и переводчица из Санкт-Петербурга М.Л. Бершадская постаралась воссоздать наиболее яркие события его жизни в этот период¹. Подводя итог всем трудностям жизни в плену, Зупанчич напишет в своем дневнике: «Мы живы, и это главное». Здесь же в плену он внимательно следил за известиями с полей сра-

жений, за международной обстановкой, за разворачивающимися в России событиями. В декабре 1917 г. (еще находясь в плену) Зупанчич запишет в дневнике: «Ленин хочет погубить Россию»². Но это взгляд издалека, отстраненно. В революционную Москву и на короткое время он попал уже в 1918 г.

2 августа 1918 г., не дожидаясь официального на то решения, Ф. Зупанчич и его друг, словенский учитель Иван Черней, переодевшись в штатское и обзаведясь фальшивыми документами, покидают Инсар, надеясь, что из Москвы им будет легче вернуться на родину. Однако для начала они решают поехать в Ясную Поляну, чтобы посетить могилу Л. Н. Толстого. И это решение не было спонтанным: об отношении к русскому писателю и его творчеству свидетельствует сохранившееся небольшое зупанчичевское эссе «Граф Лев Николаевич Толстой. Биография. Произведения». Записанное в ученической тетрадке, купленной в книжном магазине инсарской библиотеки имени М.Ю. Лермонтова, оно было датировано 4–7 июля 1918 г. Благополучно, несмотря на огромные трудности, добравшись до Ясной Поляны, друзья встретились здесь с Софьей Андреевной, а также личным врачом Л.Н. Толстого Душаном Маковицким, который пригласил нежданных гостей переночевать в своей комнате. После возвращения домой Ф. Зупанчич опубликовал в 1927 г. в одном из словенских журналов очерк «В доме и на могиле Л.Н. Толстого», а его дневники с записями о событиях тех лет были изданы в 1998 г. его внучкой Ясминой Погачник³.

Не менее примечательна судьба другого словенца, который также в эти годы оказался в России и Москве. Павел Голиа (1887–1959) — словенский поэт, драматург, переводчик. В течение длительного периода (1919–1943 гг.) он занимал пост директора словенского Национального театра — Люблянской Драмы, подняв его на европейский уровень в отношении и актерского мастерства, и репертуара. В 1953 г. П. Голиа был избран действительным членом Словенской академии наук и искусств. Он был не только известным поэтом, автором нескольких поэтических сборников⁴, отмеченных влиянием Словенской модерны, но и признанным отцом словенской детской

драматургии: его пьесы: «Сказка Триглава» («Triglavska bajka»), «Принцесса и пастушок» («Princeska in pastirček»), «Снегурочка» («Sneguljčica») и др. — многие годы с успехом шли на сценах словенских театров.

Павел Голиа родился в 1887 г. в г. Требне словенской провинции Нижняя Крайна. После окончания школы и последующей учебы в гимназии он выбрал для себя военную стезю, окончил кадетскую школу в Карловце и в 1907 г. поступил на военную службу, оказавшись сначала в Триесте, а позже, в 1913 г., в Любляне в 17-м пехотном полку, откуда в 1914 г. был послан на Русский фронт в Галицию. Здесь, осенью того же года, он впервые попытался перейти на сторону русских, но безуспешно.

Через год, в 1915 г., капитан австрийской армии П. Голиа вместе с ротой, которой он командовал, добровольно сдается в плен и до конца 1915 г. оказывается в лагере для военнопленных. В 1916 г. он поступает в штаб Первой дивизии Первого сербского добровольческого корпуса в Одессе и активно занимается агитацией среди пленных словенцев, хорватов и сербов за вступление в ряды русской армии. В 1917 г. Голиа участвует в боях, получает ранение в Добрудже, а после выздоровления в апреле того же года в числе 20 офицеров, среди которых были словенцы и хорваты, недовольные духом, царившим в корпусе, покидает его и вступает в ряды 6-го полка русских стрелков.

Известие о победе Октябрьской революции застаёт молодого офицера в Киеве, городе, ставшем центром Югославянского революционного союза, который летом 1917 г. насчитывал около 20 000 членов. П. Голиа, как и многие его земляки, попавшие в Россию в результате войны, с воодушевлением встретил это событие. Свидетельством тому стала его речь, произнесенная (на русском языке) на митинге представителей народов Австро-Венгрии, который проходил 12 декабря 1917 г. в помещении киевского цирка. Митинг собрал около пяти тысяч человек разных национальностей: чехов, словаков, хорватов, словенцев, сербов, поляков, украинцев и румын. Здесь же присутствовали посланники и военные атташе многих стран, аккредитованные в России.

Выдвинутый своими боевыми товарищами как высокопрофессиональный военный и авторитетный командир, П. Голия произнес речь от имени всех югославянских народов, главной идеей которой стало провозглашение права любого народа на свободу и самоопределение. В своем выступлении он также озвучил чаяния словенцев по поводу будущих мирных переговоров, призванных определить и судьбы Триеста, Горицы, Риеки и Истрии, чем вызвал не только бурные аплодисменты своих соратников, но и открытое недовольство присутствовавших на митинге королевского посланника и военного атташе Сербии, демонстративно покинувших зал. Заключительным аккордом пламенной речи Голия стали слова поддержки благородных принципов русской революции⁵.

После пребывания в Киеве и непродолжительного в Одессе П. Голия в начале 1918 г. оказывается в Москве, где он пробыл до конца года, и уже в январе 1919 г. вернулся домой. В Москве он сближается с представителями революционно настроенной югославской интеллигенции и становится членом Югославянской коммунистической группы при РКП(б) и переводчиком при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР.

Одним из направлений деятельности вышеназванной группы было издание переводов книг и брошюр (главным образом, революционного содержания) на языки народов Югославии⁶. Кроме того, П. Голия принимал самое активное участие в переводе статей и подготовке к изданию печатного органа группы — газеты «Всемирная революция». В 34-м номере газеты за 1918 г. было впервые опубликовано его известное стихотворение «Песнь полей», заканчивавшееся символическим приветствием в адрес русской революции, давшей импульс к преобразованиям другим народам («Iztok je dal signal» — «Восток подал сигнал»).

Эта сторона деятельности П. Голия достаточно хорошо известна: об этом писали Ф. Калан и Ф. Клопчич⁷; упоминания о П. Голия есть и в воспоминаниях Ц. Цирмана в книге «Югославыне в Октябре»⁸ и других работах словенских и российских исследователей, в частности, М.Л. Бершадской⁹. В них также

выделена другая сторона деятельности словенского поэта в этот период — его работа в качестве журналиста и исследователя театра.

И. Графенауэр, автор статьи, посвященной П. Голиа в «Словенском биографическом лексиконе», лишь упоминает об этой работе¹⁰. Более развернутую информацию находим в послесловии Ф. Калана к сборнику «Избранных стихов» П. Голиа: «Там (в Москве. — Т. Ч.) он занимается журналистикой и — с особым интересом — театром. В Московский Художественный театр его ввел литовско-русский поэт Юргис Казимирович Балтрушайтис, и он имел возможность постоянно присутствовать на всех спектаклях и репетициях»¹¹.

Однако об этой стороне, несомненно, творческих интересов и связей П. Голиа известно гораздо меньше. И здесь на помощь исследователю приходят самые разные источники: материалы прессы, документы из его личного архива в рукописном отделе Национальной университетской библиотеки в Любляне (NUK), а также документы, связанные с жизнью и творчеством Юргиса Балтрушайтиса (1873—1943) в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и материалы из Архива Музея МХАТ в Москве. Все они были обнаружены нами в результате разнонаправленных поисков в России и Словении.

О своих отношениях с Ю. Балтрушайтисом, поэтом, представителем раннего символизма, П. Голиа говорил сам — в интервью для газеты «Люблянский дневник» («Ljubljanski dnevnik») в 1951 г. Отвечая на вопросы журналиста Божидара Борко о влиянии на него русской литературы, писатель вспоминал:

«В 1915 г. военный вихрь забросил меня в Россию, и здесь я остался вплоть до конца 1918 г. ... Когда война занесла меня в Россию, я оказался в мире, который уже хорошо знал из книг. Я был вынужден учить язык, и это шло у меня легко, а ударение я, например, отработывал, читая вслух стихи Пушкина или Лермонтова. В 1918 г. в Москве мы собирались у поэта, родом из Литвы, Юрия Балтрушайтиса. Туда приходили Бальмонт, Андрей Белый и др. Я посещал многочисленные литературные вечера, слушал Маяковского, декламировавшего свои напористые стихи»¹².

В этом интервью П. Голия не касается истории своего знакомства с литовским поэтом, хотя их дружба не прекратилась с отъездом словенского деятеля домой. Об этом свидетельствует сохранившееся письмо Ю. Балтрушайтиса к П. Голия от 18 декабря 1923 г. К тому времени прошло уже более года, как Балтрушайтис стал чрезвычайным послом и полномочным министром Литвы в Советской России. В своем послании он, обращаясь к другу «Дорогой Павел», просит его принять и помочь писателю из России Елпатьевскому¹³. С присущей ему доброжелательностью Ю. Балтрушайтис характеризует его:

«Сверстник Чехова и других великих, а, главное, чудесный человек и душа, давно и глубоко мною уважаемая и чтимая. Прими его, как принял бы меня самого. Познакомь его со всеми, кто мог бы заинтересовать его...».

И добавляет:

«О себе напишу как-нибудь на досуге. О тебе слышал только от артистов Художественного театра.

Надеюсь, ты много написал за минувшие годы и твоя песня крепко знакома всей Югославии.

С братским приветом твой Ю. Балтрушайтис»¹⁴.

К сожалению, пока не удалось выявить документального подтверждения тому, как, где и благодаря кому познакомились эти два выдающихся человека, два поэта. Произошло ли это уже в Москве в 1918 г., или ранее, в период, когда П. Голия переезжал из Киева в Яссы, а затем в Москву. Бóльшая часть личного архива Ю. Балтрушайтиса находится в Париже и пока не доступна для исследователей в полном объеме¹⁵. Однако можно сделать некоторые предположения.

С одной стороны, связующим звеном мог оказаться словенец Янко Лаврин (1887–1986), долгое время живший и работавший в России в качестве корреспондента российских газет и лично знакомый с известным литовским поэтом¹⁶. Знакомство П. Голия и Ю. Балтрушайтиса могло состояться также благодаря хорватскому писателю и драматургу Йосипу Косору (1879–1961), который в 1916–1917 гг. в течение девяти месяцев, вплоть до своего возвращения на родину, жил в России. В этот период Й. Косор побывал в Одессе и Киеве, в Петрограде встречался

с М. Горьким, в Москве — с К.С. Станиславским. Встреча с последним и предшествующие ей события достаточно хорошо отражены документально и свидетельствуют о тесном знакомстве Й. Косора с Ю. Балтрушайтисом. Возможно, их первое знакомство произошло еще в Одессе в 1915 г. И здесь же в конце 1915 — начале 1916 гг. П. Голия мог встретиться с Й. Косором¹⁷ и познакомиться с Ю. Балтрушайтисом.

Знакомство П. Голия и Ю. Балтрушайтиса могло произойти и позже, уже в Москве, в результате их деловых контактов. П. Голия, как член югославянской группы и переводчик при Народном комиссариате по делам национальностей, вполне вероятно, мог познакомиться с Ю. Балтрушайтисом как руководителем Репертуарной секции Театрального отдела (ТЕО) при Народном комиссариате просвещения (образованного весной 1918 г. после переезда советского правительства в Москву). Во всяком случае, упоминания словенских ученых об огромном интересе П. Голия к московским театрам и их репертуару опосредованно, но подтверждают это.

Знакомство с Ю. Балтрушайтисом, несомненно, помогало молодому словенцу не только ощутить атмосферу литературной Москвы (литературных вечеров, встреч, дискуссий о новых направлениях и тенденциях в литературе и искусстве), но и узнать многое о развитии самого театрального дела¹⁸. А беседы с Ю. Балтрушайтисом, посвященные созданию нового репертуара нового театра новой России, не могли не давать ему пищу для размышлений о будущей работе на этом поприще.

В начале 1919 г. П. Голия, наконец, получает долгожданное разрешение и возвращается в Люблянчу через Киев, Одессу, Стамбул и Дубровник. О стремлении молодого человека вернуться на родину свидетельствует одно из писем (от 7 октября 1918 г.), сохранившееся в личном архиве П. Голия. Оно написано по-немецки и адресовано матери и сестрам. Из этого послания можно узнать многое: и пункты его передвижения по России, и то, что он, любящий сын и брат, старался не описывать картины тяжелого послереволюционного времени, а всё внимание близких людей сосредоточил на мысли о своем скором возвращении на родину:

«...Я полагаю, что великое испытание подошло к концу и близок час, который принесет мир народам, тебе же, дорогая мама, вернет потерянного сына. Как бы я хотел оказаться подле вас, но вы вряд ли можете себе представить, с какими трудностями это сопряжено. И всё-таки я твердо верю, что если не твои именины..., то Рождество мы уже будем праздновать вместе.

Я прилагаю к письму фотографию и хочу вскоре прислать еще и лучшего качества...»¹⁹.

В заключительных строках письма особенно остро звучит ностальгия по родине, в них, как в капле воды, отражены, пожалуй, главные черты словенского национального характера:

«...Наше групповое фото я храню вместе со снимками, на которых мама и Адольф, Густав, а также Кирила. Они — вместе с шерстяной фуфайкой и ликом мадонны — подарком Кирилы, — всё, что осталось у меня дорогого в память о вас и о родине и что я постоянно ношу с собой. Всё другое пропало...»²⁰.

Вернувшись в Любляну, П. Голиа начинает работать (сначала как руководитель литературной частью Словенского национального театра), пишет стихи, пьесы для детей, переводит пьесы (в том числе, русских писателей: Л.Н. Толстого «Живой труп», М. Горького «На дне» и др.) для постановки на сцене, а затем становится директором этого театра вплоть до вынужденного (под давлением оккупационных властей) выхода на пенсию в 1943 г.²¹. После окончания войны, в 1945–1946 гг., он вновь становится директором Люблянской Драмы. Как уже отмечалось, его заслуги перед национальной литературой и культурой были высоко оценены.

* * *

Пребывание П. Голиа в России (1914–1918 гг.), на первый взгляд, представляет собой лишь факт биографии, небольшой отрезок жизни словенского писателя. Однако, на наш взгляд, он явился весьма значительным событием, повлиявшим на его последующую творческую жизнь. Нельзя не согласиться с М.Л. Бершадской, что «пребывание в Москве определило не только идейную ориентацию Голиа, но и его подлинное при-

звание; именно в Москве Голиа страстно полюбил театр, с которым впоследствии оказалась связанной вся его жизнь»²².

Долгое время в словенской науке объемная тема «Словенцы в России в начале XX в.» изучалась в большей степени с усиленным вниманием к тому, насколько положительно была принята Октябрьская революция и последующие изменения в России теми, кто волею судьбы стали их свидетелями. Этому во многом посвящены материалы сборников, изданных в Словении во второй половине 60-х годов XX в.²³.

Но за прошедший период выявлено и издано много новых эго-документов (воспоминаний, дневников и т. д.) бывших военнопленных, людей, по разным причинам оказавшихся в России. И эта работа продолжается благодаря усилиям ученых разных, в том числе и славянских, стран. И поскольку новые публикации, как правило, свободны от идеологических ограничений, уверена, что результаты подобных исследований помогут ответить на многие новые вопросы, создать более полную картину происходящего в те, без сомнения, судьбоносные для России годы.

Примечания

¹ Бершадская М.Л. Веточка с могилы Льва Толстого // Российская газета. 03.12.2015 (режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/03/12/tolstoi.html>) (дата обращения: 16.03.2016 г.).

² Там же.

³ Вот одна из них: «В дороге мы очень много говорили о писателе, о нашем желании поклониться его праху, а сейчас молча сидим на скамейке рядом с его могилой, вынули из карманов блокноты, пишем и молчим. Снова подходим к могиле и снова молчим... Нам кажется, что эти минуты дарованы нам как необычайно щедрое вознаграждение за все мучения, которые мы пережили во время войны» («Дневник», 06.08.1918). Уходя, Ф. Зупанчич взял на память две маргаритки и веточку папоротника из скромного венка, лежавшего на могиле, которая бережно хранилась в его семье. См.: Бершадская М.Л. Веточка с могилы Льва Толстого.

⁴ Pesmi o zlatolaskah. Ljubljana, 1921; Večerna pesmarica. Ljubljana, 1921; Izbrane pesmi / Uredil F. Kalan. Ljubljana, 1951.

⁵ Впервые текст речи П. Голиа, «словенца из Крайны», на так называемом «Митинге народов» в переводе на словенский язык был опубликован в работе Ф. Клопчича «Павел Голиа в России в период революции». Словенский исследователь собрал данные из разных источников, касающиеся биографии и общественно-политической деятельности П. Голиа в России и Москве, ввел в научный оборот документы, относящиеся к этому периоду. См.: Klopčič F. Pavel Golia v Rusiji med revolucijo // Sodobnost. L. 15. Ljubljana, 1967. Št. 6. S. 620–631.

⁶ Всего в период с 1918 по 1921 г. было издано 43 книги и брошюры на языках югославянских народов, из них 11 — на словенском языке. В 1918 г. на словенском языке вышли три книги: К. Либкнехта, К. Цеткин и Б. Куна. — *Ibid.* S. 630.

⁷ *Kalan F. Podatki o pesniku // Golia P. Izbrane pesmi. Ljubljana, 1951. S. 198–200; Klopičič F. Pavel Golia v Rusiji med revolucijo. S. 620–631.*

⁸ *Cirman C. V sekretariatu jugoslovanske komunistične skupine v Moskvi // Jugoslovani v Oktobru. Zbornik spominov udeležencev Oktobarske revolucije in Državljanske vojne v Rusiji (1917–1920). Ljubljana, 1969. S. 602–606.*

⁹ *Бершадская М.Л. Словенский театр 1918–1941 гг. и русская литература // Русская литература и зарубежное искусство: Сб. исследований и материалов. Ленинград, 1986. С. 198–215.*

¹⁰ *Grafenauer I. Golia Pavel // Slovenski biografski leksikon / Ur. Iz. Cankar, F.K. Lukman. Knj. 1. Ljubljana, 1925–1932. S. 228.*

¹¹ *Kalan F. Podatki o pesniku. S. 199.*

¹² Narodna in universitetska knjižnica (NUK). Ljubljana. Rokopisni oddelek. F. P. Golia. Intervjui. Ms 79. S. 3.

¹³ Речь идет о Сергее Яковлевиче Елпатьевском (1854–1933), русском писателе, публицисте, авторе книг очерков и воспоминаний о крупнейших русских писателях XIX — начала XX вв.: М. Горьком, А.П. Чехове, Л.Н. Толстом и др.

¹⁴ NUK. Ljubljana. Rokopisni oddelek. F. P. Golia. Korespondenca. Br. 13/73.

¹⁵ Следует отметить, что часть личной переписки Ю. Балтрушайтиса издана в 2015 г., остальные материалы находятся в процессе подготовки к изданию. См.: *Jurgis Baltrušaitis. Laiškai "Rašau tik tai, kas yra mano gili vidinė būtinybė". Vilnius, 2015.*

¹⁶ О знакомстве Я. Лаврина с П. Голия есть немало свидетельств. Так, в частности, в письме Я. Лаврина Осипу Шесту из Ноттингена (от 22 января 1937 г.), посвященном вопросу оплаты его статьи о югославском театре, есть выразительная приписка в конце: «Прошу передать привет П. Голия». См.: *Lavrin J. Pisma v domovino / Ur. D. Moravec. Ljubljana, 2004. S. 74.*

¹⁷ Косвенным свидетельством тому, что П. Голия и Й. Косор были знакомы, вполне может служить и тот факт, что оба они сотрудничали в издании «Славянский юг» («Slavenski jug»), которое выходило в Одессе в этот период.

¹⁸ Известно, что П. Голия выступал и в качестве театрального репортера, писавшего краткие заметки о самых разных постановках в московских театрах в то время. Однако нам не удалось выявить эти публикации, поскольку большинство подобных текстов печатались в те годы без подписи или только с инициалами (часто вымышленными).

¹⁹ NUK. Ljubljana. Rokopisni oddelek. F. P. Golia. Korespondenca. Br. 8/88.

²⁰ *Ibidem.*

²¹ В 1923–1925 гг. П. Голия работает также руководителем драматического театра в Осиеке и в 1925 г. — Национального театра в Белграде. См.: *Slovenski biografski leksikon. Knj. 1. S. 228.*

²² *Бершадская М.Л. Словенский театр 1918–1941 гг. и русская литература. С. 192.*

²³ *Oktobarska revolucija in slovenska literatura. Murska Sobota, 1968; Jugoslovani v Oktobru. Zbornik spominov udeležencev Oktobarske revolucije in Državljanske vojne v Rusiji (1917–1920). Ljubljana, 1969 и др.*

Московские адреса Николаы Пашича (1885–1916 гг.)

«Лично Вам, Николай Петróвич, слава и привет!»
(М.В. Челноков, московский городской голова,
апрель 1916 г.)

Из всех сторон противоречивой личности Николаы Пашича (1844–1926), пожалуй, только одна ни у кого не вызывает сомнений и не порождает споров — это отношение к России. Утверждение о *безусловной* прорусской ориентации (как в политике, так и в жизни) бессменного вождя Народной радикальной партии давно уже стало общим местом в мировой историографии. И Петербург (Петроград) платил ему той же монетой, всегда оставаясь для популярнейшего среди русских политиков и общественных деятелей Николая Петровича* самой мощной и надежной опорой. В подтверждение тезиса о его немалой известности и респекте в России приведем всего пару примеров. Спрашивается, — с кем и чем ассоциировалась Сербия в глазах русского образованного слоя в начале XX в.? Видный сербский ученый-славист, академик Сербской академии наук и искусств, но при этом русская по рождению, Ирена Грицкат-Радулович вспоминала о своей матери, далекой от всякой политики (она окончила в Петербурге консерваторию, а в Белграде преподавала музыку в школах «Стеван Мокраяц» и «Корнелие Станкович»): «Всё, что мать раньше (т.е. до эмиграции. — *А. Ш.*) знала о Сербии, — это был Дунай с притоками Савой да Моравой, затем города Белград и Ниш, король Петр и министр Пашич»¹. Или же свидетельство поверенного в делах России в Королевстве в начальный период Мировой войны В.Н. Штрандтмана: устраивая порой в русской миссии приемы в честь следующих

* Так в России нередко называли Пашича (см. эпиграф).

транзитом через Ниш соотечественников, он нередко приглашал на них «чету Пашичей», в виду интереса, проявляемого гостями к сербскому премьеру²...

По нашим данным, за свою жизнь Никола Пашич побывал в России (официально и неофициально) не менее 13 раз, причем в 1893—1894 гг. провел в ней более года в качестве посланника Сербии. В первый раз он прибыл в Империю в декабре 1885 г. еще в бытность свою политическим эмигрантом в Румынии. Примерно к этому времени (конец 1885 — 1887 гг.) относится и обретение им полного доверия русских общественных (славянофильских) кругов, чему в огромной степени способствовал опальный сербский митрополит Михаил, в 1884—1889 гг. проживавший в России (Киев, Москва)³. В том же (1885) году мы фиксируем и первый «знак внимания» к Пашичу официальными российскими властями⁴. Дальше — больше: в феврале 1890 г., находясь в должности председателя Народной скупщины Сербии, Пашич впервые посетил Петербург с официальным визитом, во время которого был принят императором Александром III, получил свой первый русский орден — св. Станислава I степени и 80 тыс. винтовок-берданок в дар Королевству⁵.

Но гораздо более важным явилось другое. В начале 1890-х годов началась смена «русских фаворитов» в Сербии. Звезда Йована Ристича — неприкосновенного до этого «любимца» Петербурга — начала закатываться. Он терял доверие императорского правительства. На смену ей стремительно восходила, перефразируя легендарного Виктора Цоя, «звезда по имени Пашич». Ристич волновался и плел интриги. Но русские уже сделали ставку на нового «рысака». В 1894 г. Алимпие Васильевич, ближайший соратник Ристича по Либеральной партии и сербский посланник в России, пытался, как мог, облить грязью Пашича — с целью подорвать его растущее влияние — в глазах русского истеблишмента. «Сербские патриоты не могут простить грех сербу, поднявшему руку на свое Отечество (речь шла о деятельности Н. Пашича в эмиграции в 1883—1889 гг. — *А. III.*); ему и друзья Сербии не смеют подавать руки, — доносил Васильевич шефу. — Все со мной соглашались, кроме военного министра, который защищал Пашича, повторяя, что он шел не

против Сербии, но против Милана (т.е. короля Милана Обреновича. — *А. III.*)»⁶. Военный министр России, Петр Семенович Ванновский — старый соратник Александра III, с которым они вместе «ломали» Балканскую кампанию 1877—1878 гг., был прав. Отношение российской верховной власти к Николаю Петровичу не измени(я)лось...

Мы могли бы долго рассказывать о каждой из многочисленных поездок Николы Пашича в Россию, но в настоящей статье ограничимся лишь его «остановками» в Москве, каких также было немало. И в данном случае весьма символично то, что как первый, так и последний визиты вождя сербских радикалов в Империю оказались тесно связаны с Первопрестольной.

* * *

Говоря о первом визите, а точнее — его причинах, напомним, что начало 1880-х годов оказалось для независимых балканских государств временем бурным. Элита освобожденных народов стояла перед выбором пути внутреннего развития: куда идти и с кем идти? Столкнулись, а кое-где буквально вошли в клинч, два подхода — один на ускоренную модернизацию (или вестернизацию); другой на отстаивание традиционных ценностей в рамках привычной системы аграрного статичного мира. «Либеральная идея и традиция» — это сквозное противоречие определяло всю историю Балкан вплоть до Первой мировой войны.

Наиболее драматично оно проявилось в Сербии. По точной оценке современника — болгарского общественного деятеля Стефана Бобчева, считавшего «внутреннюю» борьбу явлением *типическим* в период становления молодых балканских стран, Сербия (отягощенная соперничеством двух своих «народных» династий) «представляет собой его самый рельефный пример»⁷. После Берлинского конгресса, даровавшего ей независимость, князь Милан Обренович открыто перешел на австрофильские рельсы, связав судьбу страны и династии с Венной. Тем самым он четко обозначил свое намерение *втянуть* Сербию в Европу. Призванный в октябре 1880 г. к власти ка-

бинет прогрессистов (напредняков) во главе с Миланом Пирочанцем и попытался осуществить этот «прыжок из балканского мрака на европейский свет».

Понятно, что брошенный столь явно вызов не мог остаться без ответа. Стремление властей «европеизировать» страну скорым кавалерийским наскоком — т.е. «насадить в ней европейскую культуру»⁸ и «сейчас же втиснуть естественный строй сербского государства в нормы чисто европейские»⁹, как отмечали русские очевидцы, причем без всякого учета ее адаптивных способностей, вызвало протест со стороны оппозиции, принадлежавшей к Народной радикальной партии, основанной в 1881 г. учениками Светозара Марковича. Ее главой (единожды и навсегда) стал Никола Пашич. Отрицая универсальный характер исторического пути Европы и ее образцов, сербские радикалы провозгласили в качестве главной задачи защиту сербской *самобытности*, каковую отождествляли с только что обретенной свободой. «Мы совсем не бережем того, что серба делает сербом, — утверждал радикальный лидер, — но, следуя моде, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы»¹⁰.

Острый внутренний конфликт завершился лобовым столкновением — неудавшимся Тимокским восстанием 1883 г., и Пашич (которому вместе с тремя десятками соратников удалось покинуть Сербию) был вынужден долгих шесть лет скрываться за границей: в Болгарии, Румынии, России. Но он не собирался складывать оружия. Напротив, ожесточение против «внутренних изменников» только росло. За время эмиграции беглец предпринял четыре попытки поднять в Сербии новое восстание и свергнуть Милана Обреновича с престола¹¹. Две из них были связаны с Болгарией, где он временно осел в октябре 1883 г. Однако обе они закончились неудачей. Одну обрекли на провал шпионы короля Милана; другую, запланированную на начало осени 1885 г., — Пловдивский переворот (случившийся 6 сентября) и болгарское Соединение¹².

После болгарского фиаско Никола Пашич напрямую обратился к русским славянофилам. И время для этого пришло — благодаря его выраженной антиавстрийской позиции, а равно, как уже говорилось, неустанной «разъяснительной» деятель-

ности нашедшего политическое убежище в Киевско-Печерской лавре митрополита Михаила, образ вождя «страшных» радикалов (коих русские всегда сравнивали с *нигилистами*) постепенно терял в глазах славянофильских деятелей свою былую идеологическую непривлекательность. И когда в декабре 1885 г. он впервые побывал в России, посетив Петербург и Москву, его уже принимали там как соратника по борьбе за общеславянское дело. Основой этого зародившегося взаимного доверия и начавшегося сотрудничества стало единое отношение к Милану Обреновичу, политике Австро-Венгрии на Балканах и Западу в целом.

В северной столице Пашич близко сошелся с секретарем Петербургского славянского общества В.И. Аристовым, который надолго стал одним из ближайших его конфидентов в России. Тот, в свою очередь, представил сербского гостя председателю организации генералу П.П. Дурново; товарищам председателя, генералу М.А. Домонтовичу и князю П.А. Васильчикову, а также будущему (с 1888 г.) главе Общества — графу Н.П. Игнатьеву. Познакомился Пашич и с другими влиятельными его членами — генералом А.А. Киреевым, профессором П.А. Кулаковским (с ним он состоял в переписке с 1884 г.); а кроме того, восстановил прежние связи с профессорами В.И. Ламанским и А.Л. Петровым.

И здесь следует указать на одну особенность, характерную для петербургских единомышленников Пашича. Подобно тому, как позже в Сербии членов радикального кабинета Лазы Докича (1893 г.) было принято называть «придворными радикалами», их самих, без опасения впасть в преувеличение, можно было бы окрестить «придворными славянофилами». Дело в том, что Славянское общество в Петербурге являлось как бы неофициальным филиалом российского МИД и, как таковое, не имело права в своей благотворительной деятельности выходить за рамки устава, утвержденного министром внутренних дел. Именно поэтому генерал Дурново так никогда и не решился открыто вмешаться в сербские дела на стороне эмигрантов, хотя возглавляемая им организация — по ходатайству митрополита Михаила — и высылала ежегодно Пашичу

определенную сумму денег (по 500–600 руб.) в качестве гуманитарной помощи¹³.

Не найдя поддержки в том объеме, в каком он ее ожидал — Славянское общество ограничилось выдачей ему 400 руб.¹⁴, — Пашич, спустя некоторое время, оказался в Москве. Причем с письмом Аристову, который в вопросе помощи сербским эмигрантам был настроен куда более решительно, чем его непосредственный начальник. В письме, датированном 10 декабря, он рекомендовал Пашича вождю московских славянофилов И.С. Аксакову, призвав того благосклонно отнестись к нуждам своего протеже.

Вечно фрондирующий и всегда готовый к действию, обладающий значительно большей (чем «питерцы») независимостью и немалыми финансовыми возможностями, Аксаков горячо взялся за дело — в Москве, в его квартире в усадьбе Лопухиных по Мало-Знаменскому переулку (ныне здесь расположен международный музей Рерихов), и состоялось заседание штаба заговорщиков в составе самого Ивана Сергеевича, Пашича, митрополита Михаила и генерала М.Г. Черняева. На нем был окончательно согласован очередной план вторжения в Сербию, который, судя по всему, начал разрабатываться еще в октябре. Для начала, по просьбе Аристову, Аксаков выдал Пашичу еще 400 руб.¹⁵. Не остался в стороне и переехавший к тому времени в Москву владыка. Располагая оперативным фондом, предоставленным ему Обществом, он снабдил своего земляка такой же суммой¹⁶.

С самого начала дело было поставлено на широкую ногу — Аксаков держал свое слово. Как писал Пашич, вернувшийся в конце декабря в Румынию, Аристову, «товар получил...»¹⁷.

Однако удача и на сей раз отвернулась от заговорщиков. 1 января 1886 г. Милан Обренович объявил амнистию арестованным по делу о Тимокском восстании. Узнав об этом, многие эмигранты, особенно из крестьян, решили вернуться в Сербию, хотя на них высочайшее прощение не распространялось. Пашичу с огромным трудом удалось отговорить их от такого шага. Но надолго ли? Тем более, что и в отношении него начали распускаться «капитулянтские» слухи, которые докати-

лись до Москвы. В связи с чем митрополит Михаил писал ему: «Господин, который дал обещание, спрашивает — правда ли, что вы послали письмо с выражением лояльности, как об этом сообщают газеты? Он сомневается <...> и желает, чтобы вы, или через меня, или каким-то иным способом, ему поскорее ответили <...>. Объясните же ему, что никаких колебаний с вашей стороны нет»¹⁸.

Пашич отреагировал мгновенно. «Считаю излишним напоминать, — отвечал он владыке, — что из Белграда и Софии обо мне совершенно ложные слухи распускают с целью осрамить меня и моих друзей». И теперь уже он торопит своих московских подельников: «Прошу вас уверить Ивана Сергеевича и Михаила Григорьевича, что новейшие явления в Сербии нисколько не могут переменить ничего от того, о чем мы с ними говорили. Новые явления утверждают то, что нужно скорее действовать и приготовить всё то, что может обеспечить успех нашего предприятия»¹⁹.

Аксаков мог быть доволен — ответ Пашича, переведенный владыкой на русский язык, он получил и даже успел прочесть. Но повороты судьбы часто непредсказуемы — через несколько дней Иван Сергеевич скончался. Удар был сокрушительным: человека, с которым, по словам Пашича, эмигранты связывали все свои надежды²⁰, не стало. Они потеряли самого верного, а главное — решительного, союзника и покровителя. Это предопределило очередную неудачу. Однако складывать оружие никто не собирался...

В следующий раз Пашич побывал в Белокаменной ровно через год. Цель визита была той же — в Петербурге и Москве вожак сербских эмигрантов утрясал детали нового, на сей раз *синхронного*, плана «освобождения» Сербии от режима Милана Обреновича. Опубликованные ранее нами материалы позволяют реконструировать его достаточно полно.

Во-первых, сама идея очередного переворота была одобрена русскими. Во-вторых, во время переговоров с В.И. Аристовым в Петербурге Пашичу было обещано оружие. В-третьих, по ходатайству генерала М.Г. Черняева и профессора Московского университета А.И. Чупрова, он получил тысячу рублей

от «добрых и щедрых московских купцов», которые «готовы и бóльшую помощь дать, если бы убеждены были, что правительство с этим согласно»²¹. В-четвертых, встретился с влиятельнейшим «москвичом» М.Н. Катковым²². И, наконец, самое главное. Вторжение в Сербию боевиков Пашича было обусловлено «развязкой болгарского спора»²³. То есть, русские советовали «подождать, пока ситуация в Болгарии полностью не определится, пока не станет ясным — начнется ли война, или Болгария сама выполнит то, что Россия от нее требует»²⁴. Кстати, большую войну тогда ожидали многие, причем уже весной 1887 г. На это время Пашич и ориентировался. «Всё живое ожидает весны, — писал он Аристову 16 декабря, — и уповает на громогласное слово православного славянского царя, которое возвестит новую жизнь славянскому миру»²⁵.

На пути из России, Пашич встретился в Киеве с митрополитом (тот переселился туда весной 1886 г.), с которым «поговорил об нашем деле»²⁶.

Задержавшись на несколько дней в Румынии, он затем тайно отправился в Русук. Именно там, а также в Силистрии, в феврале 1887 г. вспыхнул офицерский мятеж против софийского режима Стевана Стамболова, который готовился не без участия русских, — по свидетельству хорошо информированного издателя А.С. Суворина, «на подготовку болгарского восстания дано по ходатайству Мих.[аила] Ник.[ифоровича] Каткова болгарским офицерам 100.000 рублей»²⁷. Пашич знал этих офицеров-русофилов (Косту Паницу, например), а потому можно предположить, что каким-то образом и он участвовал в их движении (а равно и его зять Христо Иванов — супруг сестры Ристосии²⁸), тем более, что «развязка болгарского спора», как мы уже видели, являлась отмашкой для столь желанного вторжения в Сербию. Но мятеж был Стамболовым подавлен, соответственно и вторжение провалилось. А 24 февраля Аристов писал митрополиту: «Пашич собирается снова в Россию. Нового о болгарских днях сообщить ничего не могу. Ужас, ужас, ужас»²⁹.

Вернувшись в Россию в конце февраля, Никола Пашич провел в ней около четырех месяцев, до 20 июня. Причем теперь уже дважды беглец отнюдь не сидел сложа руки. Напротив,

21 марта он направил директору Азиатского департамента МИД России И.А. Зиновьеву обширный меморандум, в котором, на этот раз от имени «Объединенной сербской оппозиции», просил предоставить ей помощь в размере 100 тыс. руб. для подготовки нового заговора³⁰. Нам думается, что сумма совсем не случайно совпала с той, какая была выделена болгарским офицерам. Тем более, что 5 апреля отрывок из меморандума, в виде отдельного документа, был передан Пашичем именно М.Н. Каткову³¹, что позволяет предположить, что и на этот раз он «заезжал» в Москву. Но фиаско следует за фиаско — летом умер Катков, а российское правительство оставалось по-прежнему непреклонным: в МИД Пашичу дали ясно понять, чтобы он «не обманывался в своих несбыточных надеждах»³².

По всей видимости, это была последняя попытка Пашича найти союзников в деле свержения сербского короля. Хочешь — не хочешь, но приходилось угомоняться, ибо готовить новые заговоры было уже не с кем. Проживая в Петербурге, Бухаресте и Одессе, он консультировал Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество по балканским делам, а также занимался самообразованием; переводил своего любимого Н.Я. Данилевского на сербский язык и внимательно следил за развитием событий в Сербии... Так и шло время. До тех пор, пока 22 февраля 1889 г. Милан Обренович не отрекся от престола. Путь домой для изгнанника был открыт. Отныне «остановки» Николы Пашича в Москве носили исключительно официальный характер.

* * *

17 июля 1891 г., сопровождая вместе с наместником Йованом Ристичем молодого Александра Обреновича в столицу России, премьер-министр Сербии Никола Пашич (только там, думается, возможны такие кульбиты, когда буквально за два года человек из приговоренного к смерти заговорщика «вырастает» до предсовмина) на два дня задержался в Москве. Встреча была торжественной. Почетный караул составляли чины 12-го Астраханского Его величества пехотного полка, а приветствовать сербского монарха на вокзал Московско-Курской железной

дороги прибыл лично генерал-губернатор Белокаменной великий князь Сергей Александрович. Он же и «приютил» короля на одну ночь, предоставив в его распоряжение собственные покои в Большом Кремлевском дворце. Гостеприимный хозяин отвез также тезку и крестника Александра II в одну из главных московских святынь — Иверскую часовню, дабы приложиться к одноименной чудотворной иконе, пригласив затем в Нескучный дворец (ныне — старое здание Президиума РАН) на концерт духовной музыки³³... Во время этого визита в списке московских адресов Н. Пашича появился еще один — улица Солянка, где в церкви св. Кира и Иоанна располагалось подворье Сербской православной церкви. 18 июля король Александр вместе с Ристичем и премьером присутствовали здесь на торжественном молебне, оставив затем свои автографы в Книге почетных гостей. Тогда же сербская делегация отбыла в Санкт-Петербург.

В последующие 19 лет Пашич в Москву не «заглядывал», хотя в России успел побывать как минимум четырежды — в 1893–1894, 1900, 1902, 1908 гг. Только весной 1910 г., опять же сопровождая суверена, он проездом оказался в Первопрестольной по пути из столицы в Киев. Правда, монарх был уже другой: известного нам Александра Обреновича (как и его жену, королеву Драгу) на рассвете 29 мая 1903 г. brutally ликвидировали офицеры-заговорщики, призвав на сербский престол князя Петра Карагеоргиевича. Так вот, спустя только семь лет после «возвращения» в Белград, прорвав-таки с помощью многоумного Пашича многолетнюю дипломатическую блокаду Сербии, король Петр совершил свой первый зарубежный визит, — разумеется, в Россию.

В 9 часов утра 14 марта 1910 г. императорский поезд с почетными гостями прибыл из Питера в Москву на Николаевский вокзал. Встречали сербского монарха все высшие московские чины и почетный караул, выставленный от лейб-гвардии Екатеринославского императора Александра III гренадерского полка, «со знаменем и хором музыки»³⁴. А далее как обычно — по пути в Большой Кремлевский дворец, где королю были приготовлены апартаменты, он (в обществе Пашича) «завер-

нул» в Иверскую часовню с целью приложиться к знаменитому образу. А затем, после небольшого отдыха, последовали обедня в Успенском соборе, посещение кремлевских соборов, Оружейной и Грановитой палат, торжественный обед и, наконец, Большой театр со «Спящей красавицей». Московский гражданский губернатор, свиты е.и.в. генерал-майор В.Ф. Джунковский так передал атмосферу пребывания Петра Карагеоргиевича в Москве: «По осмотре Оружейной палаты король проехался в коляске по улицам Москвы и был везде встречаем с восторгом»³⁵.

На следующий день, обозрев палаты бояр Романовых на Варварке, венценосец со своим первым министром отправились на Солянку, в Сербское подворье, где отстояли торжественную службу. Их визит также остался зафиксированным в Книге почетных посетителей. Ну, а затем, пришло время совсем уж частных дел. Августейший гость посетил несколько известных магазинов и пассажей, а также Кустарный музей московского губернского земства, где «осмотрел все отделы выставки, интересовался подробностями и приобрел некоторые изделия в русском стиле и характерные русские игрушки»³⁶. Вторая половина дня была посвящена посещению Третьяковской галереи и Архива МИД на Воздвиженке. В 7 часов вечера король со свитой отбыли на Брянский вокзал, где их ожидал императорский поезд. Курс объявлялся на Киев...³⁷.

А потом наступили беспокойные годы (хотя после Аннексионного кризиса 1908–1909 гг. Европа, собственно, уже никогда не вернулась к былой политической полудреме). 1912-й год — время создания Балканского союза и Первой Балканской войны. Россия не желала конфликта, всячески удерживая союзников от соблазна побить Турцию, во что тогда мало кто верил! На 30 мая планировалось открытие памятника Александру III в Москве. Ожидалась сербская делегация. Российский посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг посоветовал назначить ее главой Николу Пашича, «чтобы дать ему возможность непосредственно осведомить императора Николая II и С.Д. Сазонова о вполне спокойном настроении сербов»³⁸. Вопрос «в верхах» решился быстро, и сербский премьер выехал в древнюю русскую столицу. В назначенное время памятник был передан городу. Пер-

вый венок на него возложили посланцы Сербии: «Благодарна Србија — Његовом величанству императору Александру III»³⁹. После церемонии в Кремле состоялся торжественный гала-ужин, а назавтра (31 мая) в присутствии императорской четы, был открыт Музей изящных искусств Александра III⁴⁰.

Естественно, что не обошлось и без политических бесед с русскими. Они состоялись в Петербурге. В ходе их (22 июня) Пашич лично передал Николаю II текст союзного договора, заключенного между Сербией и Болгарией 13 марта того же года⁴¹. После завершения переговоров сербский премьер получил знаки ордена св. Александра Невского. Посвящал он время и частным делам — так, 10 июня завтракал у сербской королевы и одновременно русской княгини Елены Петровны (дочери короля Петра, по мужу Романовой) и ее супруга, князя императорской крови Иоанна Константиновича Романова⁴²...

Последняя поездка Николая Петровича в Россию состоялась весной 1916 г., т.е. уже в ходе Великой войны. Она, как и первая (случившаяся 31 год назад), оказалась тесно связанной с Москвой, став для высокого гостя одновременно «триумфом и трагедией». Триумфом, имея в виду то, как его встречали везде в России; трагедией же потому, что страна, столь тепло его принимавшая, менее чем через год перестала существовать!

* * *

Как известно, в январе 1916 г. завершилась трагическая «Сербская Голгофа» — мученический, часто в снежную метель и без куска хлеба, переход остатков сербской армии и части гражданского населения через албанские горы на побережье Адриатики с последующей эвакуацией на Корфу. В элите Королевства царило уныние, перешедшее, по прибытии на благословенный ядранский остров, в перепалку и взаимные обвинения — кто виноват в постигшей Сербию катастрофе? Принц-регент Александр Карагеоргиевич принял меры. Начальник Генерального штаба, воевода Радомир Путник под предлогом болезни был смещен и отправлен на пенсию; свои посты потеряли и его заместитель полковник Живко Павлович, а также военный министр Радивое Бойович. Зашаталась почва

и под Пашичем — движимый ревностью к нему, престолонаследник начал подумывать о новом, военном кабинете во главе с героем Колубарской битвы, воеводой Живоином Мишичем. Однако разменявший восьмой десяток, старый политический лис Пашич всё четко фиксировал и, пытаясь защитить себя, вытащил неубиенную карту — объявил о необходимости визита в Россию. На первый взгляд, связь непонятная, однако, она присутствует и теснейшая.

Итак, ранней весной 1916 г. сербский престолонаследник выехал в поездку по столицам государств — членов Антанты. Его сопровождал Пашич. Рим, Париж и Лондон они посетили вместе, но в Петроград с берегов Темзы премьер отправился один. Уж очень он рвался туда. Но почему? Уже говорилось, что Россия всегда являлась для него самой мощной и надежной опорой. Причем не только ее официальные круги во время правления Александра III и Николая II, но и русское общество.

И Пашич прекрасно знал о таком к себе отношении, сложившемся за десятилетия его собственного последовательного «русофильства». Именно поэтому, в трудную для себя минуту, он и рассчитывал на него. Таким образом, можно констатировать, что одним из важнейших мотивов его стремления в Россию весной 1916 г. было желание укрепить своё пошатнувшееся положение и «подчеркнуть, — как о том злобно выразился завистливый престолонаследник Александр, — свой международный вес»⁴³.

16 апреля 1916 г. Никола Пашич прибыл в Петроград. Отношение к нему в России было ожидаемо доброжелательным и почти семейным, хотя следует сказать, что вечно опасавшийся чего-то министр иностранных дел С.Д. Сазонов поначалу косо смотрел на визит сербского премьера: «Считаю, что приезд его, — писал он послу в Риме А.А. Гирсу, — при настоящих обстоятельствах может вызвать здесь нежелательный шум»⁴⁴. Однако Гирс встал на сторону Пашича: «Очень опасаясь, что <...> отклонение его поездки произведет на него тяжелое впечатление». И далее: «Позволю себе высказать, что <...> едва ли удобно отклонять его приезд в Петроград, тем более, что в настоящую минуту едва ли возможно предполагать возбуждение

щекотливых вопросов»⁴⁵. И министр сдался. В Париж и Рим, для передачи посланнику в Сербии князю Г.Н. Трубецкому, полетела телеграмма: «Можете передать Пашичу, что препятствий к его приезду не встречается...»⁴⁶. Мы уверены, что в резкой смене настроения Сазонова сыграл роль и Николай II, судя по его личному вниманию к сербскому гостю, о чем ниже.

Итак, повторимся, встретили Пашича как родного. Впервые, он прибыл в Россию как гость русского правительства, и все расходы по его пребыванию взяло на себя министерство императорского двора, что было утверждено императором⁴⁷. И далее, он предполагал пробыть здесь всего пять дней, и только в Петрограде, дабы, по его собственным словам, «благодарить за поддержку и иметь личное общение с ответственными руководителями»⁴⁸. Однако вместо этого провел «в гостях» почти месяц, приняв любезное предложение государя побывать, кроме Питера, в Москве и Одессе, где тогда формировалась Сербская добровольческая дивизия.

18 апреля в здании на Певческом мосту Пашич провел переговоры с С.Д. Сазоновым и остался ими полностью удовлетворен. Русские поддержали сербов в главном — в признании необходимости наказания Болгарии за октябрьское предательство 1915 г. Часть дня сербский премьер-министр провел в семье посланника Сербии в России Мирослава Спалайковича, а, кроме того, нанес визиты французскому, английскому, бельгийскому и итальянскому послам⁴⁹.

А 20 апреля сербский премьер получил от императора орден св. Владимира первой степени* — награду очень почетную и редкую: почти за два года войны ею (с мечами) был удостоен всего один человек — командующий войсками Юго-Западного фронта генерал от артиллерии Н.И. Иванов. Что же касается сербов, то из них лишь четверо — бывший регент Йован Ристич, митрополиты Михаил и Димитрие, а также престолонаследник Александр — имели русского Владимира, причем

* Всего же, кроме св. Владимира, Никола Пашич награждался Александром III и Николаем II орденами св. Станислава первой степени (1890), Белого орла (1891), бриллиантами к нему (1910), св. Александра Невского (1912), а также получил «яшмовую, украшенную золотом и бриллиантами, табакерку с вензелевым изображением Высочайшего Имени» (1908).

первые трое, в отличие от Пашича, второй степени, а королевич четвертой с мечами. Таким образом, очевидно, что столь высокое отличие явилось проявлением особого благоволения Николая II к нему.

На следующий день, 21 апреля, последовал очередной знак высочайшего внимания. В 11 часов утра Пашич был принят императором в Царском селе, а затем (вместе со своим заместителем по министерству иностранных дел, секретарем и посланником Спалайковичем) приглашен к завтраку в кругу царской семьи. В архиве сохранился план стола из малой библиотеки Александровского дворца, за которым располагались все участники. Он весьма показателен. Кроме императорской четы, великих княжон (Татьяны, Марии, Ольги, Анастасии) и наследника Алексея Николаевича, а также нескольких придворных и сербской делегации, на завтраке не было ни одного официального лица, что наглядно показывает его приватную, почти интимную, природу⁵⁰.

Всё это совсем не случайно. Ведь еще будучи наследником (в 1893 г.) Николай II лично познакомился с Пашичем — тогда посланником Сербии в России⁵¹ *. История донесла и его интегральную оценку сербского премьера, данную 15 лет спустя, в 1908 г.: «Пашич — это опора здоровой политики Сербии»⁵². Во время известной аудиенции 20 января 1914 г. император обещал ему: «Мы всё сделаем для Сербии!»⁵³, что благородно и исполнил всего через полгода. А в конце 1914 г., завершая прием вновь назначенного посланника в Сербии князя Г.Н. Трубецкого, он передал свои приветы «наследнику и Пашичу»⁵⁴, не забыв ни почему-то старого короля Петра.

В день апрельского свидания Николай II записал в дневнике: «После короткой прогулки принял <...> старика Пашича, прибывшего из Греции с Корфу. Завтракал с ним и другими сербами»⁵⁵. И цесаревич Алексей, который, по словам серб-

* Известный столичный публицист И. Родионов, нередко встречавшийся с Пашичем во время его наездов в Петербург, вспоминал в эмиграции, как в 1900 г., вернувшись с высочайшей аудиенции, тот был в полном восторге от отношения к нему Николая II: «Он встретил меня как брата, со своей чудесной улыбкой. Вспомнил наши встречи в Аничковом дворце в бытность свою престолонаследником...» (Родионов Ив. Никола Пашич у Петрограду. Поводом десетогодишњице смрти // Народна одбрана. 3. јануар 1937. Бр. 1–2).

ского гостя, «оказывается, первый раз завтракал в большом обществе»⁵⁶, также занес в памятную книжку упоминание о нем, причем без всяких комментариев, как о ком-то хорошо знакомом⁵⁷. Это полуфамильярное «старик» опять же, как нам думается, свидетельствует о подлинном отношении царской семьи к Николаю Петровичу. Добавим к тому, что во время аудиенции император передал Пашичу 150 тыс. руб. на нужды сербской армии.

Не отставало от императора и петроградское общество. 25 апреля в ресторане гостиницы «Астория» в его честь был устроен банкет с присутствием трехсот приглашенных. В тот же день Петроградский комитет помощи Сербии передал Пашичу 70 тыс. руб.⁵⁸.

* * *

В Москве посланец маленького, но не сдавшегося врагу народа был встречен с еще большим восторгом. 28 апреля в 10 часов утра на Николаевском вокзале городская голова М.В. Челноков, по словам московских газет, «поднес ему по русскому обычаю хлеб-соль на серебряном блюде в древнерусском стиле, украшенном камнями с такой же солоницей. На блюде надпись: „От московского городского общественного управления 28 апреля 1916 г. министру-президенту Сербии Николае Пашичу“»⁵⁹. Это блюдо (впрочем, уже без камней и «солоницы»), — увы, единственное, что сохранилось от многочисленных русских наград и пожалований, коих удостоился Никола Пашич за свою беспримерно долгую политическую карьеру. В 1995 г. его младший внук Джордже Пашич передал оное блюдо на хранение в Мемориал своего деда в его родном городе Заечаре. Там оно хранится и поныне. Но вернемся к визиту.

А 29 апреля 1916 г. в «Метрополе», чтобы его приветствовать и угостить, собралось уже 600 человек! Причем даже меню банкета здесь было выдержано в духе «манифестации»: «Суп славянский. Бульон московский. Филе из судака по-чешски. Жаркое. Салат по-сербски. Соуса: польский и хорватский»⁶⁰. В этом вся Белокаменная — широкая, хлебосольная, славянская. Не то что чопорный «европейский» Питер — с его «кре-

мом шампиньон» и «севрюгой по-английски», чем закусывали в «Астории»⁶¹.

Накануне же вечером, по случаю приезда сербского премьера, Московская городская дума провела «экстренное» заседание, на котором тот присутствовал в черно-красной ленте ордена св. Владимира. Фото из газеты «Московский листок»⁶² дает нам редкую возможность лицезреть Пашича во владимирской «кавалерии» со звездой. Заседание единогласно постановило: «1. Просить его превосходительство председателя Совета министров Сербии Николу Петровича (так в тексте. — А. Ш.) принять от Московской городской думы в знак благословения Москвы икону св. Георгия Победоносца. 2. Ассигновать из средств Московского городского управления в распоряжение Николы Петровича Пашича на нужды разоренного войной сербского народа сто тысяч рублей*»⁶³. Под бурные овации наш герой по-русски подписал расписку в получении пожертвования: «Николай Петрович Пашич. Министр-председатель Сербский»⁶⁴.

В своем ответном слове (и снова по-русски) он благодарил москвичей за щедрый дар и, обращаясь к М.В. Челнокову, отметил: «Я благодарю Вас за привет лично мне. Я давно знаю Москву, бываю в ней, люблю ее и высоко чту ваше общественное самоуправление, работу которого я, как бывший городской голова города Белграда**, могу особенно оценить и уважать»⁶⁵. И действительно! Имея опыт руководства крупным городом, Пашич пытливо осмотрел трамвайный парк в Сокольниках и Рублевский водопровод. Однако война диктовала своё, — побывал он и на снарядном заводе, который также был им «осмотрен самым подробным образом»⁶⁶. Везде его встречали криками «Живио!» («Да здравствует!») и хлебом-солью.

А русское общество продолжало жертвовать в пользу сербов. Московский славянский комитет вручил Пашичу 50 тыс. руб.⁶⁷, Губернская земская управа — 10 тыс. руб.⁶⁸. Позднее,

* Всего на 28 апреля 1916 г. (т.е. еще до выдачи ста тысяч Пашичу) на оказание помощи населению Сербии Московской городской думой было ассигновано 262.665 руб. и ею же собрано индивидуальных пожертвований от граждан — 5.060 руб. 13 коп. (Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3453. Л. 6.).

** Никола Пашич возглавлял белградскую городскую общину, т.е. мэрию, дважды — в 1890–1891 и 1897 гг.

когда сербский премьер отправился из Москвы в Одессу для инспекции Добровольческой дивизии, он (во время остановки в Киеве) получил от киевских городских властей еще 25 тыс.⁶⁹, а от одесских — 30 тыс. руб.⁷⁰.

14 мая 1916 г., после посещения сербских добровольцев в Одессе, Никола Пашич, в прекрасном расположении духа и словно заново политически родившись, покинул свою верную защитницу Россию и кружным путем (через Париж и Ниццу) выехал на Корфу. Всё впереди казалось светлым и радужным... Но неисповедимы пути Господни, и очень скоро Михаил Васильевич Челноков, еще совсем недавно возглашавший Николаю Петровичу с трибуны Мосгордумы «славу и привет»⁷¹, напишет ему в Белграде расписку в получении 10 тыс. динаров беженской помощи⁷². Всё смешалось!

* * *

И в заключение еще об одном, тесно связанном со сказанным выше. В отличие от многих других политиков, Николе Пашичу было свойственно чувство благодарности, что и хотелось бы показать, проследив «судьбу» полученных им в России денег.

В Историческом архиве «Тимокская краина» в Заечаре (Сербия) хранится его сберегательная книжка, датированная 1922-м годом и имеющая непосредственное отношение к последней поездке в Россию. 15 лет назад ее обнаружил в частных руках и выкупил для Архива тогдашний директор и одновременно руководитель Мемориала «Никола Пашич» Бора Димитриевич*. Эту книжку Пашич открыл 11 января 1922 г., положив на нее 684.875 динаров сер. Ниже имени и фамилии вкладчика в скобках означено: «Русские пожертвования» (в оригинале — «Руски прилози»)**. А на следующей странице начертано:

* Мы выражаем искреннюю признательность коллеге Б. Димитриевичу за любезное предоставление нам ксерокопии обнаруженной им сберкнижки Н. Пашича.

** А годом ранее, 29 января 1921 г., директор Белградского филиала Французского ипотечного банка Л. Гаврилович выдал Пашичу расписку в том, что он получил от «господина Н.П. Пашича, председателя Совета министров, 269.237 французских франков с тем, чтобы по самому лучшему курсу обменять их на динары, которые затем вернуть господину председателю Пашичу» (Архив Сербии. Заоставшина Николе Пашића (несређена грађа)). Мы убеждены, что именно эта сумма во французской валюте и составляла «русские пожертвования» или, вероятнее всего, то, что от них осталось

«Деньги с этой сберкнижки имеет право снимать только господин Никола Пашич». И далее — другим почерком: «В случае моей смерти деньги с книжки передать председателю Народной скупщины, чтобы она употребила их на возведение памятника блаженнопочившему русскому императору Николаю II в знак благодарности сербского народа. Никола Пашич (собственно-ручной автограф. — *А. Ш.*). 24 марта 1922 г. Белград»⁷³.

В декабре 1926 г., когда Пашич скончался, сумма «русских пожертвований» на его счету составляла уже 826.605 динара, т.е. выросла за счет процентов. Уважая волю почившего вкладчика, директор Госбанка особым письмом известил о ней председателя Народной скупщины Марко Трифковича, процитировав дословно пожелание Пашича. Это письмо известно — впервые оно было опубликовано в IV-м томе радикального альманаха «Пашич» еще в 1927 г.⁷⁴. А потому мы и были всегда уверены, что деньги со счета Пашича пошли на строительство знаменитого памятника «Николаю II и двум миллионам русских солдат Великой войны 1914 г.», возведенного в 1935 г. по проекту архитектора Р.Н. Верховского на Новом кладбище в Белграде⁷⁵. Каким всё казалось благостным!

Однако обнаружение сберегательной книжки и введение ее в научный оборот, как важнейшего источника, раскрыло истинное положение дел. И стало ясно, что средства *не были* использованы по назначению, оставаясь на счету и продолжая из года в год прирастать процентами. Их следы теряются в апреле 1946 г., когда они были изъяты (кем?), а счет закрыт⁷⁶. Но, к счастью для нас, сама «закрытая» книжка каким-то чудом уцелела, хотя по правилам банка ее должны были уничтожить.

Спрашивается, — кто виноват в том, что последняя воля Николы Пашича так и не исполнилась? Семья или, что представляется более вероятным, руководство Народной скупщины, за которым стоял король сербов, хорватов и словенцев

после использования в военное время. Пашич был крайне экономным «хозяином», особенно касательно «подарков», предпочитая не тратить их сразу и оставляя часть, если не всё, на самый «черный день», подтверждение чему мы обнаруживаем и во время Балканских войн. Внесенные же на сберкнижку почти 700 тыс. динаров — это сербский эквивалент оставшихся у него «русских пожертвований». Показательно, что открыл он ее не в филиале Французского банка, а в Государственном банке Королевства СХС.

Александр Карагеоргиевич (давний завистник, он в последние годы жизни Пашича буквально возненавидел его)? В данный момент на сей вопрос невозможно ответить. Точно известно одно — сам покойник в этом никак не замешан...

Примечания

¹ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине // Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные материалы) / Сост. А.Л. Шемякин. М., 2014. С. 519.

² *Шtrandтман В.Н.* Балканские воспоминания / Подгот. текста А.Л. Шемякина. М., 2014. С. 366.

³ Подробнее об этом см.: *Шемякин А.Л.* Митрополит Михаил в эмиграции (вместе с Николой Пашичем против Милана Обреновича) // Славянский альманах. М., 2003. С. 112–129.

⁴ См.: *Он же.* Никола Пашич и Россия (1883–1889) // Балканские исследования. Россия и славяне. М., 1992. С. 131–143.

⁵ См.: *Он же.* «Что за подлец и мерзавец этот Милан». Александр III и политическая элита независимой Сербии // Родина. 2015. № 2. Специальный выпуск. С. 65–68.

⁶ Архив Српске Академије наука и уметности (далее — АСАНУ). Ф. Јована Ристића. Инв. бр. 10/218. Сигн. X/7.

⁷ *Бобчевъ С.С.* Изъ славянските земи. I. Въ Белградъ. 1897 г. София, 1903. С. 27.

⁸ *Овсяный Н.Р.* Сербия и сербы. СПб., 1898. С. 90.

⁹ *Кулаковский П.А.* Сербия в последние годы // Русские о Сербии и сербах. Т. I (письма, статьи, мемуары) / Сост. А.Л. Шемякин. СПб., 2006. С. 275.

¹⁰ АСАНУ. Пашићеве хартије. Бр. 14615–1–27.

¹¹ Подробнее о них см.: *Шемякин А.* Никола Пашић у емиграцији (1883–1889). Бугарска, Румунија, Русија // Никола Пашић. Живот и дело. Београд, 1997. С. 215–226.

¹² Подробнее об этом см.: *Шемякин А.Л.* Никола Пашич в Болгарии (1883–1885 годы) // STUDIA BALKANICA. К юбилею Р.П. Гришиной. М., 2010. С. 96–117.

¹³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 400. Оп. 1. Д. 410. Л. 1; Д. 576. Л. 98; Д. 587. Л. 36, 42; Д. 632. Л. 1; *Слијепчевић Б.* Михаило, архиепископ Београдски и митрополит Србије. Минхен, 1980. С. 324.

¹⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 14. Оп. 1. Д. 55. Л. 3.

¹⁵ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 38. Л. 12.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 14. Д. 55. Л. 3–3 об.; Кратки поглед на борбу, стање и тежње народа српског у Краљевини Србији од Берлинског конгреса па до данашњег дана // *Никола П. Пашић.* Писма, чланци и говори (1869–1891.) / Приред. Л. Перовић, А. Шемякин. Београд, 1995. С. 246.

¹⁷ АСАНУ. Заоставштина Николе Пашића. Бр. 11762 (Никола Пашић — неидентификованој особи [И.С. Аксакову]. Б/м., 6/д. [јануар 1886.]).

¹⁸ Митрополит Михаил — Николи Пашићу. Москва, 12. јануара 1886. // Митрополит Михаило и Никола Пашић. Емигрантска преписка (1884–1888.) / Приред. А. Шемякин. Београд, 2004. С. 177.

- 19 Никола Пашич — митрополиту Михаилу. Б/м., 9 января 1886 г. [Рус. яз.] // Там же. С. 137.
- 20 Никола Пашић — митрополиту Михаилу. Б/м. Б/д. [19. фебруар 1886.] // Никола П. Пашић. Писма, чланци и говори (1869–1891). С. 211.
- 21 Никола Пашич — В.И. Аристову. Б/м. [Рущук], 16. декабря. Б/г. [1886 г.]. Рус. яз. // Митрополит Михаил и Никола Пашић. Емигрантска преписка (1884–1888.). С. 214.
- 22 Там же. С. 215.
- 23 Там же. С. 216.
- 24 АСАНУ. «Pašić collection». Бр. 14924/85 (Никола Пашић — неидентификованој особи. Б/м., 23. новембар 1886.).
- 25 Никола Пашич — В.И. Аристову. Б/м. [Рущук], 16. декабря. Б/г. [1886 г.]. Рус. яз. // Митрополит Михаил и Никола Пашић. Емигрантска преписка (1884–1888.). С. 216.
- 26 Там же.
- 27 Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 1999. С. 306.
- 28 Государственный архив Одесской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1455. Л. 444–448.
- 29 ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 616. Л. 2.
- 30 «Обзор деятельности сербской оппозиции». Записка Н. Пашича директору Азиатского департамента МИД России И.А. Зиновьеву. 1887 г. / Публ. А.Л. Шемякина // Исторический архив. 1994. № 5.
- 31 АСАНУ. Заоставштина Николе Пашића. Бр.11847.
- 32 Сава Грујић — Милутину Гарашанину. Петроград, 20. март 1887 // *Раденић А.* Радикална странка и Тимочка буна. Зајечар, 1988. Т. 2. С. 969 (Прилози).
- 33 Московский листок. 18 июля 1891 г. № 198. С. 2.
- 34 Там же. 16 марта 1910 г. № 61. С. 2.
- 35 *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. I. М., 1997. С. 478.
- 36 Там же. С. 479.
- 37 Московский листок. 16 марта 1910 г. № 61. С. 2.
- 38 *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. С. 127.
- 39 *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. I. С. 666.
- 40 *Шевцова Г.И.* Красные маки для княгини. М., 2017. С. 170–171.
- 41 *Терзић С.* Россия и Первая балканская война // Слово.ру: Балтийский акцент. Калининград, 2014. С. 97.
- 42 *Шевцова Г.И.* Красные маки для княгини. С. 158.
- 43 *Драшкић П.* Моји мемоари / Приред. Д. Батаковић. Београд, 1990. С. 157.
- 44 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив (1916 г.). Д. 4024. Л. 20 (2/15 марта 1916 г.).
- 45 Там же. Л. 21–22 (А.А. Гирс — С.Д. Сазонову. Рим, 4/17 марта 1916 г.).
- 46 Там же. Л. 23 (С.Д. Сазонов — А.П. Извольскому и А.А. Гирсу. Петроград, 6/19 марта 1916 г.).
- 47 Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 472. Оп. 60. Д. 2300. Л. 3 об. — 4.
- 48 АВПРИ. Ф. Политархив (1916 г.). Д. 4024. Л. 22 (А.А. Гирс — С.Д. Сазонову. Рим, 4/17 марта 1916 г.).
- 49 *Шевцова Г.И.* Красные маки для княгини. С. 331.
- 50 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 1939. Л. 3.
- 51 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 1587. Л. 33 об.

- ⁵² Поповић Д. Никола Пашић и Русија // Годишњица Николе Чупића. Књ. XLVI. Београд, 1937. С. 146.
- ⁵³ Пашић Н. Аудијенција код руског цара Николе II // Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010). Антологија / Приред. М. Јовановић. Београд, 2011. С. 233.
- ⁵⁴ Трубецкој Г.Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 71.
- ⁵⁵ Дневники императора Николая II. Т. 2. 1905–1918 гг. С. 128.
- ⁵⁶ Новое время. 23 апреля (6 мая) 1916 г.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Д. 189. Л. 116.
- ⁵⁸ Новое время. 26 апреля (9 мая) 1916 г.
- ⁵⁹ Раннее утро. 29 апреля 1916 г.
- ⁶⁰ Архив Србије (далеке — АС). Заоставштина Николе Пашића (несређена грађа).
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Московский листок. 30 апреля 1916 г.
- ⁶³ Центральный государственный архив города Москвы (далеке — ЦГА Москвы). Ф. 179. Оп. 21. Д. 3453. Л. 9. Опубликовано: Москва — Сербия, Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи 1878–1917 гг. / Сост. А.Л. Шемякин, У.В. Иванова, М. Перишич, А. Тимофеев, Г. Милорадович. М.-Белград, 2012. С. 344.
- ⁶⁴ ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3453. Л. 10. Опубликовано: Москва — Сербия, Белград — Россия. Т. 3. (иллюстрации).
- ⁶⁵ Там же. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3453. Л. 5. Опубликовано: Москва — Сербия, Белград — Россия. Т. 3. С. 348.
- ⁶⁶ Русское слово. 30 апреля (13 мая) 1916 г.
- ⁶⁷ Речь. 30 апреля 1916 г.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Русские ведомости. 3 мая 1916 г.
- ⁷⁰ Новое время. 5 (18) мая 1916 г.
- ⁷¹ ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3453. Л. 8. Опубликовано: Москва — Сербия, Белград — Россия. Т. 3. С. 346.
- ⁷² АС. Заоставштина Николе Пашића (несређена грађа).
- ⁷³ Историјски архив Зајечара. Збирка докумената о Николи Пашићу. Бр. 36 (далеке — ИАЗ. НП-36). Опубликовано: Димитријевић Б. Штедна књижица Николе Пашића из 1922. године // Архив. Београд, 2002. Бр. 3. С. 124–130.
- ⁷⁴ «Пашић». Илустровани радикални алманах. Грађа за педесетогодишњу историју Народне радикалне странке и политичку историју Србије. Књ. IV. Београд, 1927. С. 97.
- ⁷⁵ См., напр.: Шемякин А.Л. Никола Пашич. 1845–1926 // Пленники национальной идеи. Политические портреты лидеров Восточной Европы (первая треть XX века). М., 1993. С. 178.
- ⁷⁶ ИАЗ. НП-36.

Улица Мархлевского в Москве

Новая эпоха, начавшаяся с 1917 г., должна была изменить многое в жизни общества, в том числе и облик патриархальной Москвы, ставшей с 12 марта 1918 г. столицей молодого социалистического государства. Тогда же начались и первые переименования московских улиц и площадей: вместо Покровской улицы появилась Бакунинская, Большая Пресненская стала улицей Красная Пресня; вместо Воскресенской площади появилась площадь Революции, а Александровская стала площадью Борьбы. Позднее, во второй половине 1920-х годов, на карте Москвы возникли улицы, названные в честь поляков-революционеров: Дзержинского и Мархлевского. Они находились рядом друг с другом, обе выходили к Сретенскому бульвару, а также обеим им в 1990-е годы были возвращены исторические названия: улица Большая Лубянка и Милютинский переулок. Чем же объяснялось такое «уличное» соседство? Дружбой двух поляков-революционеров? А может быть, они жили или работали на этих улицах? И если с улицей Дзержинского всё очевидно — в доме № 11 находился кабинет Феликса Эдмундовича, то с улицей Мархлевского всё не так просто.

Юлиан Балтазар Мархлевский (1866–1925) — польский марксист, который участвовал в создании коммунистических партий в Польше, Германии, России, боролся за национальное и социальное освобождение польского рабочего класса, сегодня оказался почти забыт. В советское время и в России, и в Польше о нем много писали, его именем называли учебные заведения, предприятия, районы, улицы, однако с 1990-х годов интерес к рабочему движению в общем и к биографиям отдельных его деятелей, в частности, заметно поубавился. В нашей стране биографией и творчеством Мархлевского в основном занималась М.Н. Черных¹, в Польской Народной Республике эту проблематику долгое время разрабатывал Норберт Михта².

по книгам, но и на собственном опыте: поступил на красильный завод в качестве рабочего-красильщика. В 1880-е годы он пешком обошел всю Германию, работая на разных красильных фабриках. Мархлевский описывал тяжелые условия, в которых он, как и многие другие рабочие, был вынужден трудиться: повышенная влажность, духота, вредные испарения. В 1901 г. Мархлевский совершил еще одно продолжительное путешествие, целью которого также было знакомство с жизнью рабочих и крестьян — на этот раз, уже на велосипеде, он объездил Галицию, Баварию, Чехию, Моравию и Силезию.

Организационной работой Мархлевский занялся в конце 1880-х годов. Летом 1889 г. в Варшаве он вместе с Людвиком Кшивицким (1859–1941) учредил Союз польских рабочих. На повестке дня этой организации стояли экономические требования, что должно было, по мнению ее участников, отвлечь соответствующие органы от подозрений в политической неблагонадежности Союза⁷. Однако эти надежды не оправдались, избежать арестов не удалось: Мархлевский около года просидел в тюрьме, а Кшивицкий сумел остаться на свободе, вóвремя уехав в Берлин.

После освобождения Мархлевский решил получить высшее образование. В 1893 г. он поступил на отделение политических наук Цюрихского университета и в 1896 г. защитил диссертацию «Учение физиократов в Польше», в которой анализировал влияние французского Просвещения на идеологию Польши второй половины XVIII в. В это время он продолжает свою работу по организационному оформлению партии рабочих. В июле 1893 г. совместно с Розой Люксембург (1871–1919) Мархлевский учреждает Социал-демократическую партию, куда влился и Союз польских рабочих. Первый съезд состоялся весной 1894 г. в Варшаве, на котором была определена политическая линия новой партии — достижение социализма в рамках мировой революции пролетариата. На этом же съезде было уточнено название: Социал-демократическая партия Королевства Польского (далее — СДКП). На втором съезде в 1899 г., после того, как в СДКП влились литовские рабочие, партия приобрела известное название — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (далее — СДКПиЛ). В конце 1918 г. СДКПиЛ и

ППС-Левица (Польская социалистическая партия) слились в Коммунистическую рабочую партию Польши, которая с 1925 г. стала называться Коммунистическая партия Польши (далее — КПП). Она просуществовала вплоть до августа 1938 г., когда Исполком Коминтерна объявил КПП «вредительской» и проголосовал за ее роспуск. Организаторы и члены партии также не смогли избежать арестов, еще в 1893—1894 гг. многие из них попали в тюрьму, и, по сути, до второго съезда, т.е. почти на пять лет, деятельность КПП прекратилась. На этот раз Мархлевскому удалось не попасться в руки полицейских — он смог выехать за границу и сначала некоторое время жил в Цюрихе, затем в Саксонии (1897—1898 гг.) и Баварии (1898—1905 гг.).

События 1905 г., начало первой русской революции, заставили Мархлевского нелегально вернуться в Варшаву, но бурную деятельность ему развить тогда не удалось: с декабря 1906 г. по февраль 1907 г. он пробыл в заточении в Новогеоргиевской крепости (ныне это крепость Модлин недалеко от Варшавы).

Начало Первой мировой войны Мархлевский встретил в Берлине, где вместе с Р. Люксембург и К. Либкнехтом (1871—1919) включился в формирование союза «Спартак». За антивоенную и антиправительственную деятельность 22 мая 1916 г. он был заключен германскими властями в концлагерь, где и встретил известие о событиях Февраля и Октября 1917 года. Выйти на свободу он смог только после подписания Брестского мира. 22 мая 1918 г. его обменяли на пленного немецкого генерала, после чего он вместе с семьей приехал в Советскую Россию и семь лет, вплоть до своей смерти, прожил в Москве.

В столице Советской России Мархлевский сразу же был «кооптирован» в состав ВЦИК и назначен на работу в Центротекстиль, как опытный рабочий-красильщик. Он принимал участие в организационном собрании будущего Коминтерна, стал представителем Польши в Исполкоме этой организации⁸.

Осенью 1918 г. Мархлевский был подключен и к работе в Наркоминделе. Однако нельзя сказать, что его дипломатическая деятельность была очень успешной, ведь она пришлась на самый сложный период существования нового социалистического государства, когда его еще не рассматривали как серьез-

ного и постоянного игрока на международной арене. Сначала Мархлевского планировали отправить в качестве дипломатического представителя РСФСР в Польшу⁹, однако Регентский совет Польши (польское государство, существовавшее в 1916–1918 гг. на оккупированной Германией и Австро-Венгрией российской территории Царства Польского) доживал свои последние дни и ничего не ответил правительству Советской России.

5 января 1919 г. в Берлине началось восстание «спартакистов». К. Либкнехт и Р. Люксембург попросили Мархлевского приехать в Германию для помощи в борьбе, но он опоздал: выступление уже было подавлено, а его товарищи убиты. Непродолжительное время Мархлевский проработал в ЦК Коммунистической партии Германии, агитировал рабочих Рурского бассейна, но пробыл в Германии лишь до марта 1919 г. и спешно покинул страну, поскольку его вполне могла постичь участь К. Либкнехта и Р. Люксембург.

Путь Мархлевского из Берлина лежал через Польшу, где он встретился с вице-министром внутренних дел Юзефом Бекон (1894–1944) и предложил ему начать доверительные переговоры¹⁰. 13 февраля 1919 г. считается началом польско-советской необъявленной войны, когда в окрестностях Барановичей произошло столкновение польских и советских войск¹¹. Переговоры проходили 21–29 июля в Барановичах и Беловеже и были посвящены как частным вопросам (обмену заложниками и гражданскими пленными), так и более общим: вопросу о мире между Польшей и Советской Россией¹². Поскольку переговоры носили неофициальный характер, то было решено, что для официальных переговоров обе стороны встретятся через некоторое время повторно. В октябре 1919 г. Мархлевский получил от Наркоминдела полномочия выступать на них в качестве официального представителя. Эти переговоры велись на станции Микашевичи с 10 октября по 13 декабря. 2 ноября 1919 г. было подписано соглашение «Об окончательном разрешении вопроса о польских заложниках в РСФСР», а 9 ноября — «О взаимной передаче гражданских пленных». Но договориться о прекращении военных действий Мархлевскому не удалось, и война разгорелась с новой силой¹³.

На волне побед Красной армии в советско-польской войне 30 июля 1920 г. был создан Временный революционный комитет Польши (Польревком) во главе с Мархлевским, в состав которого вошли: Феликс Дзержинский (1877–1926), Феликс Кон (1864–1941), Эдуард Прухняк (1888–1937), Юзеф Уншлихт (1879–1938). Польревком должен был выполнять функции правительства на подконтрольной большевикам части территории Польши, подготовить советизацию этой страны. Однако он не смог наладить взаимоотношения с местными коммунистами и населением, причинами чему были «пассивность, ожидание указаний сверху, недостаток людей с навыками организационной работы... малочисленность пролетарских элементов»¹⁴. Особенно же навредила попытка решения аграрного вопроса: из помещичьих земель стали создавать социалистические хозяйства, в то время как польские крестьяне хотели получить землю в личную собственность¹⁵. Неудачи на фронте окончательно перечеркнули всю работу Польревкома: в августе 1920 г. он прекратил свою деятельность, просуществовав, таким образом, всего 22 дня. 21 сентября 1920 г. в Риге начались переговоры, а 18 марта 1921 г. делегации РСФСР (выступала и от имени БССР) и УССР, с одной стороны, и Польши, с другой, подписали мирный договор. Таким образом, задача советизации Польши не была решена.

Работу на дипломатическом поприще Мархлевский продолжил в Финляндии: в мае–октябре 1921 г. он был назначен председателем Центральной русско-финской смешанной комиссии для урегулирования вопросов, связанных с заключением мира с Финляндией. В 1921–1922 гг. Мархлевский являлся чрезвычайным представителем РСФСР на Дайренской конференции при переговорах с Японией¹⁶.

Политическая и общественная работа занимала в жизни Мархлевского главное место, но он также очень любил проводить время в библиотеках, писать статьи, беседовать со студентами, хотя времени на это у него было крайне мало. Мархлевский написал несколько работ, посвященных истории Польши, занимался вопросом о значении Октябрьской революции для восстановления независимости Польского государства¹⁷.

Преподавательская деятельность членов партии в первые годы существования советской власти была задачей государственной важности. Еще весной 1918 г. В. И. Ленин в работе «Очередные задачи Советской власти» указал, что «без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта переход к социализму невозможен»¹⁸. В соответствии с этой установкой вузы предполагалось перестроить и подчинить интересам строительства нового общества, как тогда говорилось — превратить высшую школу из орудия классового господства буржуазии в орудие диктатуры пролетариата¹⁹. В непрочных политических условиях советской власти необходимо было воспитывать сотрудников, которые были бы не просто законопослушными и лояльными новому режиму, но и стали бы активными его проповедниками. Высшая школа должна была стать помощником власти в укреплении социалистического строя, в подавлении сопротивления буржуазии. Следовательно, она не могла строить свою работу по старым учебным планам и программам, содержание которых определялось интересами буржуазного общества; для нее становились обязательными определение новых принципов и методов работы, разработка новых учебных планов и программ, создание новых учебников по ряду предметов²⁰. Вузы предстояло включить в «систему нового порядка вещей, а ее основной задачей являлось воспитание в подрастающих поколениях в процессе научного образования их классового сознания»²¹. Такие задачи требовали в том числе и новых, политически подкованных преподавателей.

В октябре 1920 г. Совнарком включил Мархлевского в состав комиссии при Наркомпросе для коренного пересмотра преподавания общественных наук в вузах. Эта комиссия должна была детально разработать новые учебные планы факультетов, а также составить списки лиц, которым могло быть поручено преподавание общественных наук²². В вузах вместо юридических факультетов появились ФОНы (факультеты общественных наук), а преподавать туда назначили старых, проверенных в революционной борьбе партийных товарищей. С 1921 г. Мархлевский начинает работу на ФОНе I Московского государственного университета (так назывался МГУ с октября

1917 г. по сентябрь 1930 г.) как сверхштатный профессор²³. Он преподавал также и в созданном в 1921 г. Институте красной профессуры²⁴. По уставу целью этого учебного заведения была подготовка преподавателей основных общественных дисциплин. Основное внимание в учебной программе уделялось изучению основ марксизма, политэкономии, исторического материализма, истории народного хозяйства, истории социализма²⁵. В 1922 г. Мархлевский возглавил Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (далее — КУНМЗ), который был создан на основании декрета СНК РСФСР от 28 ноября 1921 г. Целью этого учебного заведения была подготовка будущих революционеров и политических работников²⁶ (университет проработал с 1922 по 1936 г. и позже был назван в честь своего первого ректора — Ю. Мархлевского). Однако государственная служба, постоянные разъезды, важные задания партии не позволяли Мархлевскому вести занятия на постоянной основе. В письмах к дочери он сетовал на нехватку времени, отсутствие возможности поработать в библиотеке²⁷, а в архиве сохранились обращения студентов-коммунистов I МГУ с просьбой «обязать» Мархлевского читать лекции²⁸.

Мархлевский был инициатором создания в 1922 г. и первым руководителем Международной организации помощи борцам революции (далее — МОПР), которая существовала до 1947 г. и занималась благотворительностью: оказывала юридическую, моральную и материальную помощь заключенным-революционерам, а также семьям их погибших товарищей²⁹.

С 1923 г. здоровье Мархлевского стало стремительно ухудшаться, болезни легких и почек всё чаще стали мешать его работе. С начала 1924 г. он пять месяцев пролежал в больнице, весной этого же года уехал на лечение в Крым, а 20 декабря отбыл в итальянский курортный городок Нерви, где и скончался 22 марта 1925 г. Сначала он был похоронен в Берлине, а в 1950 г. урну с его прахом торжественно перевезли в Варшаву на кладбище Воинские Повонзки³⁰.

Где же проживал в Москве Мархлевский все эти годы? Как и многие другие партийные лидеры, он жил в Кремле. Квартира в Потешном дворце, построенном в 1651 г. для тестя царя Алек-

сея Михайловича — боярина Ильи Даниловича Милославского, стала московским пристанищем для Мархлевского и его семьи: жены Брониславы (1866—1952) и дочери Софии (1898—1983).

Почему же тогда именно Милютинский переулок был назван улицей Мархлевского? Может, там в основном и проживали поляки-коммунисты? Ведь их в Москве было действительно много. После советско-польской войны власти П-й Речи Посполитой жестоко преследовали коммунистическую партию как организацию, проводившую, по их мнению, подрывную деятельность. Сама принадлежность к коммунистам уже квалифицировалась как преступление³¹. Связи с Коминтерном и поддержка со стороны СССР трактовались как измена государству, шпионаж в пользу враждебной страны, поэтому не удивительно, что коммунисты массово покидали Польшу. Как отметила в своей статье современная исследовательница А. Н. Канарская, очень долго члены коммунистических партий в Европе считали Советскую Россию лучшей страной в мире, где трудящиеся могли, наконец, обрести счастливую жизнь³². Таким образом, постепенно СССР превратился в крупнейший центр польской политэмиграции.

Конечно, и до 1917 г. в Москве проживало много поляков. Как пишет М. Е. Бычкова, из-за Шведского потопа 1655—1660 гг.*, постоянных набегов крымских татар на польские земли «в Россию регулярно стали выезжать на службу поляки, преимущественно из юго-восточных пограничных земель»³³. После русско-польской войны 1654—1657 гг. «в Москве появилось несколько сот пленных поляков, из которых далеко не все захотели вернуться домой после заключения мира между Россией и Польшей»³⁴. Причем, положение поляков в Москве было не таким, как у прочих иностранцев: все другие европейцы жили в особой слободе — Кукуе, поляки же имели собственные дома

* Шведский потоп — вторжение шведов в Речь Посполитую в 1655 г. Шведское наступление было столь стремительным, что всего в течение нескольких месяцев пали все крупные польские города того времени. Многие магнаты, шляхта и часть армии перешли на сторону шведов; король Ян Казимир бежал из страны. Захватчик был остановлен лишь под стенами Ясногорского монастыря. Героическая оборона этой твердыни вынудила шведов отступить, что воодушевило всю страну и в конечном итоге привело к изгнанию оккупантов. Мирный договор со Швецией был подписан в 1660 г.

или жили в русских семьях³⁵. Торговое и дипломатическое представительство Речи Посполитой (польский или панский двор) в Москве находилось в местности «Старые Паны». Это название сохранилось до сих пор в названии церкви Космы и Дамиана в Старых Панех, что в Старопанском переулке.

Еще одним местом притяжения польской диаспоры в Москве были католические церкви. Перед крушением царской России в городе было три католических храма. Самый последний по времени создания — Кафедральный собор Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии на Малой Грузинской улице — был освящен в 1911 г. В этом районе проживало много поляков, работавших на Александровской железной дороге, соединявшей Москву, Смоленск, Брест, Варшаву. Костел был построен на деньги поляков архитектором польского происхождения Томашем Богдановичем-Дворжецким (1859—1920).

Два других католических храма находились как раз в Милютинском переулке: храм Святого Людовика и храм Святых апостолов Петра и Павла. Первый был местом притяжения французской католической общины, а второй — польской. Оба здания были построены Александром Осиповичем (Алессандро) Жилярди (1808—1871), племянником знаменитого мастера Домения Ивановича (Доменико) Жилярди (1785—1845).

Храм Святого Людовика — самый старый из действующих католических храмов в Москве. На Милютинский переулок выходит его апсидная часть, украшенная мозаикой с изображением Св. Людовика, главный же вход с красивой лестницей обращен на улицу Малая Лубянка. С 1938 г. церковь Св. Людовика была единственным действующим католическим храмом в Москве. Католический храм Св. апостолов Петра и Павла был построен в 1839—1849 гг. в готическом стиле на средства польской католической общины на выкупленной ею земле³⁶.

Таким образом, Милютинский переулок стал церковным центром московских католиков. Сам переулок был назван по имени истопника Петра I — Алексея Яковлевича Милютина (1673—1755), который получил привилегию на устройство первой частной шелковой, ленточной и позументной мануфактуры³⁷. В 1728 г. она занимала два двора на углу с Бобро-

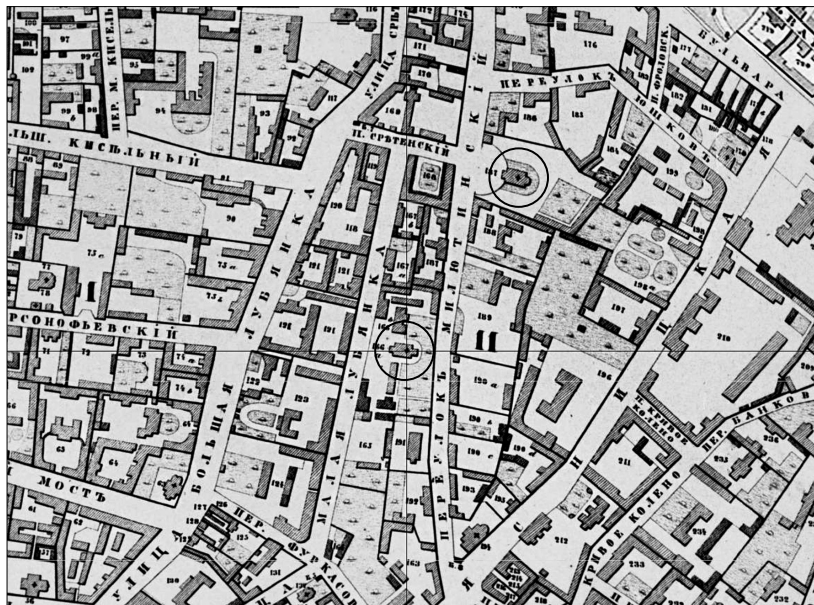

Рис. 2. Католические храмы Св. Людовика и Св. апостолов Петра и Павла на Милютинском переулке. 1852 г.³⁸

вым переулком, на которых стояло четыре жилых и 16 производственных зданий, а впоследствии на этом месте был выстроен римско-католический костел Петра и Павла³⁹. Сами же Милютины в XIX в. переехали в Петербург, и некоторые представители этой фамилии сделали блестящую придворную карьеру: например, Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912) при Александре II стал военным министром⁴⁰, а его брат Николай Алексеевич Милютин (1818–1872) участвовал в разработке Крестьянской реформы 1861 г. и плана по «умиротворению» Царства Польского после Январского восстания 1863–1864 гг.

После революции 1917 г. католический костел Петра и Павла, как это ни странно, стал также и местом притяжения польских коммунистов. Помимо самого здания храма, у домовладения по Милютинскому, 18 были и другие постройки: женская гимназия, «Дом Польский» с библиотекой и театраль-

ным залом, богадельня. Все они перешли в ведение польских культурно-просветительских организаций — Польского рабочего клуба с театром и Центральной польской библиотеки. Впоследствии театр при клубе был преобразован в первый государственный польский театр. В 1921 г. он получил мандат на преимущественное занятие всех освобождающихся помещений в домовладении 18 по Милютинскому переулку. Однако уже буквально через год ситуация изменилась: в августе 1922 г. театр и клуб перешли в ведение «образованного по почину Польбюро ЦК РКП*» Польского культурно-просветительского общества «Труд» (далее — ПО «Труд») ⁴¹.

Согласно уставу, задачей этого общества была «организация культурно-просветительской работы среди проживающих на территории РСФСР польских трудящихся масс с целью содействия советским учреждениям, руководящим культурно-просветительской работой» ⁴². Общество содержало школы (например, польскую школу им. Розы Люксембург), детские дома (в их числе — польский детский дом «Красная звездочка», располагавшийся в доме 3 по Большой Молчановке ⁴³), вело борьбу с безграмотностью среди взрослых, содержало библиотеки, клубы, театры, музеи и пр., а также могло организовывать «дома-общезития для сотрудников и культурно-просветительских работников, мастерские, сельско-хозяйственные коммуны и предприятия, лавки и т.п.» ⁴⁴. По мнению Е.Н. Крякина, разнообразные культурно-просветительские объединения, возникающие в период НЭПа, были «формой экономического и политического выживания представителей различных народов», поскольку помогали своим членам получить жилплощадь, продукты, деньги и т.д. ⁴⁵. Власти же путем утверждения и регистрации подобных обществ стремились объединить нацио-

* Польбюро ЦК РКП (полное название — Польское бюро ЦК РКП(б)) — партийный орган, сформированный в разгар советско-польской войны (19 июля 1920 г.), основной задачей которого на тот момент являлась советизация Польши. Деятельность Польбюро и Польревкома в июле–сентябре 1920 г. во многом совпала, поскольку последний состоял из членов Польбюро, но Польбюро возглавлял Дзержинский, а Польревком — Мархлевский. После подписания Рижского мирного договора Польбюро сосредоточилось на координации работы областных, губернских и местных польских отделов, которая в основном сводилась к политико-воспитательной и культурно-просветительской работе среди польского населения советских республик.

нальные меньшинства, расположить их к себе⁴⁶. Таким образом, культурно-просветительские организации были призваны стать «оружием политического и общественного воспитания рабочего»⁴⁷.

В некоторых трудах, посвященных истории московских улиц, встречается мнение, что Милютинский переулок был назван в честь Мархлевского потому, что он часто выступал здесь в клубе перед польскими коммунистами-эмигрантами⁴⁸. Безусловно, Мархлевский принимал активное участие в культурно-просветительской работе среди своих соотечественников, вместе с женой состоял в ПО «Труд»⁴⁹. Как раз к этому обществу и перешли во владение все постройки, принадлежавшие ранее католическому собору Св. апостолов Петра и Павла (пять отдельных строений, каменный собор и др.)⁵⁰. Скорее всего сам клуб располагался в здании бывшей библиотеки, построенном в 1905 г. по проекту архитектора И. П. Залесского (1850–1909). Помимо клуба, здесь был учрежден также ряд коммерческих предприятий: кинотеатр «Сфинкс» и кафе-столовая, с тем, чтобы ПО «Труд» располагало необходимыми средствами для выполнения своих культурно-просветительских целей и задач⁵¹. По состоянию на начало 1920-х годов в этом доме были водопровод, канализация, электрическое освещение, центральное отопление, а также большой зрительный зал. Однако зданию требовался ремонт: надо было починить крышу, побелить его, разобраться с плохо функционирующим отоплением⁵². Ныне в этом доме располагается Департамент спорта и туризма г. Москвы (дом 18, строение 4 по Милютинскому пер.).

В следующем здании (дом 18, строение 3) были квартиры настоятеля костела, священников, органиста и других лиц. Оно также нуждалось в починке крыши, водопровода и мелком ремонте жилья⁵³.

Большой четырехэтажный дом, в котором ранее располагалась женская гимназия, стал Советской трудовой школой I ступени, однако и у него были неполадки с центральным отоплением и крышей. Сегодня здесь (дом 18, строение 2) находится «Пушкинская школа № 1500»⁵⁴.

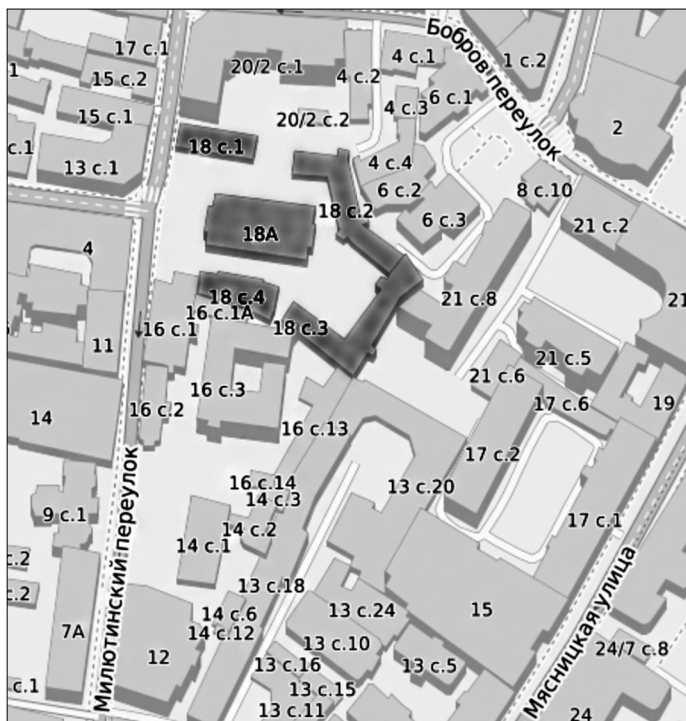

Рис. 3. Комплекс зданий по Милютинскому переулочу⁵⁵

Двухэтажное здание бывшей богадельни (архитектор А. Жилярди) в 1920-х годах являлось общежитием и включало 34 комнаты (дом 18, строение 1). Судя по документам, состояние этого дома было наиболее плачевным: крыша во многих местах прохудилась, и при дожде в комнаты второго этажа через потолок попадала вода. Электричество не работало, водопроводные трубы проржавели, канализация засорилась. На общей кухне имелись плита и русская печь, но топить их было нельзя, поскольку плита развалилась, а печь была засорена в дымоходе⁵⁶.

Руководству «Труда» каким-то образом удалось изыскать необходимые средства, отремонтировать здания и наладить деятельность общества, но просуществовало оно относительно

недолго. 30 декабря 1927 г. ПО «Труд» было ликвидировано, подлинник устава и печать сданы в административный отдел Московского совета, а дом передан жилищному товариществу⁵⁷. Костел был закрыт позже, спустя почти 10 лет. Во время войны в него попала бомба, собор был почти полностью разрушен — остался лишь фундамент и часть задней стены. На этом фундаменте было возведено административное здание, в котором с 1946 г. и по настоящее время находится Государственный проектно-конструкторский и экспериментальный институт угольного машиностроения (18А). Московские поляки-католики неоднократно пытались добиться возвращения постройки католической общине, но безуспешно⁵⁸.

В начале 1990-х годов улице было возвращено её историческое название — Милютинский переулок. На бывшей улице Мархлевского, пожалуй, уже ничто не напоминает о том, что когда-то именно здесь, в домовладении 18, бурлила жизнь московских поляков...

Примечания

¹ Черных М.Н. Новые данные к библиографии трудов Ю. Мархлевского // Советское славяноведение. 1966. № 4. С. 92–96; она же. Ю. Мархлевский о значении Великой Октябрьской социалистической революции для восстановления независимости Польши // Советское славяноведение. 1975. № 1. С. 24–36; она же. Проблемы советско-польских отношений 1918–1921 гг. в трудах Ю. Мархлевского. М., 1981. Автореф. дисс. на соиск. учен. ст. к.и.н.; она же. Деятельность Ю. Мархлевского в Советской России в 1918–1920-х годах // Советское славяноведение. 1988. № 4. С. 3–12; она же. Юлиан Мархлевский о советско-польских отношениях в 1918–1921 гг. М., 1990 и др.

² *Michta N. Julian Marchlewski. Żywy symbol przyjaźni polsko-radzieckiej.* Warszawa, 1970; *Idem. Julian Baltazar Marchlewski. Teoretyki i działacz rewolucyjny.* Warszawa, 1975; *Idem. Julian Marchlewski. Polska — naród — socjalizm.* Łódź, 1975; *Idem. Julian Marchlewski.* Warszawa, 1979.

³ На польском языке: *Tych F., Schumacher H. Julian Marchlewski. Szkic biograficzny.* Warszawa, 1966. На немецком языке: *Idem. Julian Marchlewski-Karski. Eine Biographie.* Berlin, 1966.

⁴ *Jakubowski D. Julian Marchlewski. Bohater czy zdrajca?.* Warszawa, 2007.

⁵ Новый схематический план г. Москвы / Ред. Д.Л. Малинский. М., 1934. URL: <http://www.retromap.ru/m.php#r=061934&z=15&y=55.765969&x=37.620292> (дата обращения: 30.11.2017).

⁶ *Мархлевский Ю.* Литературные наброски. Письма из Японии. М., 1929. С. 17–29.

⁷ Польша в XX веке. Очерки политической истории / Под ред. А.Ф. Носковой. М., 2012. С. 22.

- ⁸ *Мархлевская Б.* Краткий очерк жизни Юльяна Мархлевского (Ю. Карского) 1866–1925 гг. // *Мархлевский Ю.* Литературные наброски. Письма из Японии. М., 1929. С. 13–14.
- ⁹ См.: Письмо наркома Г. В. Чичерина Представительству Регентского совета Королевства Польского в Москве о назначении Мархлевского дипломатическим представителем РСФСР в Польшу (28 октября 1918 г.) // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 143. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
- ¹⁰ *Михутина И.В.* Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994. С. 68.
- ¹¹ Польша в XX веке. Очерки политической истории. С. 126.
- ¹² *Михутина И.В.* Указ. соч. С. 71–74.
- ¹³ Подробнее см.: *Михутина И.В.* Указ. соч. С. 82–89, 91–101; *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 27–30; Польша в XX веке. Очерки политической истории. С. 123–130.
- ¹⁴ *Михутина И.В.* Указ. соч. С. 190.
- ¹⁵ *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. С. 78.
- ¹⁶ О его поездке в Японию и Китай подробнее см.: *Мархлевский Ю.* Литературные наброски... С. 65–111.
- ¹⁷ *Мархлевский Ю.Ю.* Польша под иноземным игом. М., 1920; *он же.* Польша и мировая революция. М., 1920; *он же.* Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией. М., 1921; *он же.* Из истории Польши. М., 1925; *Marchlewski J.* Pisma wybrane. Т. I–II. Warszawa, 1952–1956 и др.
- ¹⁸ *Ленин В.И.* Очередные задачи Советской власти // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 36. М., 1962. С. 178.
- ¹⁹ Из программы Всесоюзной Коммунистической партии (Принята на VIII съезде РКП (б) в марте 1919 г.) // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.; Л., 1929. С. 5.
- ²⁰ История Московского университета. Т. 2. М., 1955. С. 51.
- ²¹ *Державин Н.С.* Высшая школа и революция. М.; П-д., 1923. С. 34.
- ²² Архив Российской Академии наук (далее — АРАН). Ф. 1759. Оп. 2. Д. 5. Л. 314.
- ²³ Центральный государственный архив города Москвы (далее — ЦГА Москвы). Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 8. Л. 24 об.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–2.
- ²⁵ *Алексеева Г.Д.* Создание центров советской исторической науки и их деятельность в 1918–1923 гг. // История и историки. М., 1965. С. 114.
- ²⁶ *Малютин Г.А.* Поляки в фондах Коминтерна // Книжные и документальные коллекции XX века: идеологии и обстоятельства. Материалы научной конференции «Вторые Рязановские чтения» (18–19 марта 2015). М., 2016. С. 120.
- ²⁷ См., напр.: *Marchlewski J.* Listy do żony i córki. Warszawa, 1975. S. 361, 367.
- ²⁸ РГАСПИ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.
- ²⁹ *Lepieszynski P.* Pamięci najstarszego Moprowca tow. Marchlewskiego // J.B. Marchlewski (J. Karski). Księga pamiątkowa. Moskwa, 1925. S. 32–33.
- ³⁰ *Michta N.* Julian Marchlewski. Warszawa, 1979. S. 105–107.
- ³¹ *Самусь П.* Польские коммунисты и Коминтерн в 1919–1924 годах // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1996. № 1. С. 59–60.
- ³² *Канарская А.Н.* Поляки-коммунисты в СССР: судьба людей и партии (20–40-е годы XX в.) // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. СПб., 2011. С. 179.
- ³³ *Бычкова М.Е.* Поляки в Москве во второй половине XVII в.: влияние польской культуры на традиции русской жизни // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М., 1998. С. 77.

- ³⁴ Там же. С. 77–78.
- ³⁵ Там же. С. 78.
- ³⁶ *Стародуб К.В.* Московские мотивы в жизни и творчестве поляков // Москва гостеприимная. Люди, памятники и традиции многонациональной Москвы. М., 2014. С. 161.
- ³⁷ *Мартынов А.* Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. 2-е изд. М., 1881. С. 116.
- ³⁸ Атлас столичного города Москвы / Сост. А. Хотевым. М., 1852. URL: <http://www.retromap.ru/m.php#r=081852&z=17&y=55.763271&x=37.636794> (дата обращения: 30.11.2017).
- ³⁹ *Сытин П.В.* История московских улиц. М., 2008. С. 153.
- ⁴⁰ *Дубровин С.* Милютинский: переулок двух костелов. Первые католические храмы в центре Москвы // Хронотоп XIX века. Памятники Москвы классической на карте города. 2014. № 4 (34). С. 95.
- ⁴¹ ЦГА Москвы. Ф. Р-1492. Оп. 1. Д. 56. Л. 7.
- ⁴² Там же. Д. 5. Л. 1.
- ⁴³ Там же. Д. 14. Л. 3.
- ⁴⁴ Там же. Д. 5. Л. 1 об.
- ⁴⁵ *Крякин Е.Н.* Национально-этнические объединения в Москве в период НЭПа: создание и проблемы деятельности // Евразийский союз ученых. 2015. № 5–6 (14). С. 78.
- ⁴⁶ Там же. С. 81.
- ⁴⁷ ЦГА Москвы. Ф. Р-1492. Оп. 1. Д. 4. Л. 72.
- ⁴⁸ Имена московских улиц. М., 1975. С. 256; *Муравьев В.Б.* Московские улицы: секреты переименований. М., 2013. С. 137.
- ⁴⁹ ЦГА Москвы. Ф. Р-1492. Оп. 1. Д. 4. Л. 59.
- ⁵⁰ Там же. Д. 56. Л. 6–9.
- ⁵¹ Там же. Л. 5–5 об.
- ⁵² Там же. Л. 6, 8.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Официальный сайт Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города Москвы «Пушкинская школа № 1500». URL: <http://lycc1500.mskobr.ru/> (дата обращения: 30.11.2017).
- ⁵⁵ Интерактивная карта Москвы и Московской области. URL: https://www.moscowmap.ru/imap_moscow.shtml (дата обращения: 30.11.2017).
- ⁵⁶ ЦГА Москвы. Ф. Р-1492. Оп. 1. Д. 56. Л. 24–24 об.
- ⁵⁷ Там же. Д. 46. Л. 1.
- ⁵⁸ Римско-католический приход Свв. Апп. Петра и Павла в Москве. URL: <http://peterpaul.msk.ru/history/> (дата обращения: 30.11.2017).

Чехи в Москве 1930-х годов. Два мира Иржи Вайля и Яна Вайсса

С начала 2000-х годов чешские историки активно стали заниматься темой преследования чехов и граждан Чехословакии в СССР. Мечислав Борак (1945–2017), профессор Силезского университета (г. Опава), начал свои исследования одним из первых уже в 1990-е годы, с тех пор он работал во многих архивах в России и Украине, много лет посвятил изучению этой проблематики. При непосредственном участии Борака была создана обширная база данных «Чешские следы в ГУЛАГе», сняты документальные фильмы «Преступление по имени Катынь» (*Zločin jménem Katyň*, 2007) и «Замолчанные казни» (*Zatajené popravy*, 2008). Борак публиковал биографии найденных жертв. В 2003 г. вышел изданный Институтом современной истории АН ЧР сборник «Преследование граждан с территории сегодняшней Чешской республики в СССР» (*Borák M. a kol. Perzekuce občanů z území dnešní České republiky v SSSR. Sborník studií. Praha, Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, 2003*), а в 2013 г. увидела свет его книга «Московские захоронения. Чехи и чехословацкие граждане, казненные в Москве в 1922–1953 гг.», в которой опубликованы биографии более ста чехов, репрессированных в годы Советской власти. (*Moskevská pohřebiště. Češi a českoslovenští občané popravení v Moskvě v letech 1922–1953. Slezská univerzita v Opavě, Fakulta veřejných politik. Opava, 2013*).

Если говорить о гражданах Чехословакии в ее довоенных границах (включая Словакию и Карпатскую Русь), политическим репрессиям в СССР, по оценке М. Борака, подверглись около 30 000 человек. Большая часть репрессированных была родом из Закарпатья. В результате 15-летних исследований ученому и его коллегам удалось собрать данные о 4500 жертвах. Эти цифры огромны — за те же годы в самой Чехословакии

по политическим мотивам было казнено около 230 человек. Чешские граждане (около 100 человек) покоятся в пяти местах захоронений жертв репрессий в Москве. В Бутово в числе 20 000 репрессированных похоронены 64 чеха, на кладбище «Коммунарка» — могилы 15 чехов¹.

Помимо недавно ушедшего М. Борака темой также усиленно занимались С. Кокошка, Д. Янак, З. Йирасек, Э. Топинка и другие чешские исследователи. Борак не только собирал информацию, составлял биографии репрессированных, но и добился конкретных действий по увековечиванию их памяти. Им была подана заявка на установку памятного знака одному из репрессированных чехов — Леониду Карловичу Фрчеку. В результате 20 декабря 2015 г. в Москве были установлены мемориальные знаки чеху Фрчеку (а также немцу Гуго Марку) на доме по адресу: Арбат, 51 (бывший Доходный дом В.П. Панюшева) — таблички «Последнего адреса». Это проект, осуществленный в результате гражданской инициативы, направленной на увековечивание памяти о людях, подвергшихся политическим репрессиям в годы советской власти. На стене дома, из которого в своё время увели человека, устанавливается маленькая, размером с ладонь, мемориальная табличка. Каждый такой знак посвящен одному человеку. Принцип проекта — «Одно имя, одна жизнь, один знак».

Судьба Леонида Фрчека трагична и достаточно типична для того страшного времени «большого террора». Он родился в 1904 г. в городе Влоцлавек Варшавской губернии. Его отец, чех, в 1890 г. в возрасте 16 лет тайно покинул Чехию и уехал в Варшаву, которая находилась тогда в составе Российской империи. Был музыкантом и дирижером. Женился на русской. Судьба занесла его в Саратов, где в 1910 г. он умер. Семья осталась без средств к существованию. В 1921 г. Леонид поступил в Московский институт востоковедения, изучал также французский и итальянский языки. Отслужив в армии в 1930–1931 гг., работал переводчиком в Научно-испытательном институте военно-воздушных сил РККА. Затем Фрчек был помощником заведующего библиотекой Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской (в 1934 г. Академия была переведена из

Москвы в Ленинград и преобразована в Коммунистический педагогический институт им. Крупской). В 1934—1936 гг. являлся личным секретарем генерала Умберто Нобиле, который в качестве признанного специалиста с согласия Муссолини в 1932—1936 гг. помогал развивать дирижаблестроение в Советском Союзе. Леонид работал также переводчиком с французского языка в советском журнале «Медицинская паразитология и паразитарные болезни» и внештатным литературным сотрудником издательства «Северный морской путь». Был беспартийным, имел советское гражданство, жил в Москве на Арбате. Основанием для его ареста послужило подозрение в шпионаже по данным НКВД, приводимым в «Открытом списке»*: «...в Москве у него широкий круг знакомых среди граждан иностранных государств, и в своей квартире он часто принимает иностранных туристов, приезжающих из Италии»². Леонид Фрчек был арестован 17 марта 1938 г. В ходе следствия он, в конце концов, признал свою вину в том, что во время работы у инженера Нобиле его завербовал агент итальянской разведки инженер Трояни. Чех, якобы, продолжал передавать итальянской разведке сведения о дирижаблестроении в СССР и после того, как резидента Трояни сменил Сегалино. Комиссией НКВД и Прокурора Союза ССР 25 мая 1938 г. Фрчек был приговорен к высшей мере наказания и 7 июня 1938 г. расстрелян. Никаких объективных доказательств его шпионской деятельности не было обнаружено, так что было предложено прекратить дело за недоказанностью. 4 августа 1956 г. Военная коллегия Верховного суда СССР утвердила постановление, и Фрчек был реабилитирован.

Леонид Фрчек — лишь одна из многих жертв. Историки делают очень важную работу по увековечиванию памяти невинно осужденных, она продолжается. Исследователи имеют дело с архивными документами и публикациями, дающими представление о времени, в котором они создавались. Иногда этих материалов мало или к ним нет доступа, и это может снижать достоверность исторического анализа. А еще есть художествен-

* «Открытый список» представляет собой сайт, где собрана самая полная база данных жертв политических репрессий в СССР (1917—1991 гг.). Построен он по принципу «Википедии». Пользователи сайта и профессиональные исследователи добавляют в список новые имена, а также дополняют уже существующие справки.

ная литература, в которой прослеживаются судьбы конкретных людей, их душевное состояние, побуждения и чувства, их заблуждения, надежды и разочарования. Там может иметь место вымысел, но тем не менее содержится много ценных сведений.

Существуют разные произведения об эпохе 1930-х годов, свидетельства о том, как жила в те годы Москва. Уникальными являются романы двух авторов, увидевших жизнь города и страны совершенно по-разному, их судьбы и жизненный опыт тоже отличались. Речь идет о чешских романах, вышедших абсолютно независимо, одновременно, в 1937 г.: «Спящий в зодиаке» Яна Вайсса и «Москва-граница» Иржи Вайля.

Иржи Вайль (1900–1959) родился в семье фабриканта, которого разорила Первая мировая война. Обучался он в университете, где вместе с единомышленниками основал организацию коммунистической молодежи. Вайль был убежден, что в Стране Советов строят справедливую жизнь, и своей профессией избрал русскую литературу. Его докторская работа была посвящена связям произведений Н.В. Гоголя с английским романом XVIII века. Первые его переводы — это стихи В.В. Маяковского и роман Всеволода Иванова и Виктора Шкловского «Иприт». В 1922 г. Вайль с группой молодежи впервые посетил Советский Союз. По возвращении стал работать в пресс-отделе советской миссии в Праге. Вместе с тем он усердно переводил труды теоретиков русской школы формализма, произведения В.Я. Брюсова, В.А. Сологуба, М.М. Зощенко, С.И. Кирсанова, Э.Г. Багрицкого, Б.Л. Пастернака и В.Э. Мейерхольда. Появились его книги — «Русская революционная литература» (1924) и «Культурная работа новой России» (1924). В 1927 г. он был пражским гидом Маяковского. Вайль также много писал о чешском театре и кино, читал лекции студентам, вел жизнь левого интеллектуала, как и многие известные творческие люди в Чехословакии тех лет, увлекавшиеся советским авангардом. В 1931 г. Вайль вместе с Ю. Фучиком редактировал журнал «Творчество» («*Tvorba*»)*, издал серию книг «Советские авторы». В 1933 г.

* Левый прокоммунистический журнал по литературе и литературной критике, выходивший в 1925–1938 гг. Под тем же названием позднее издавался еженедельник культуры, орган компартии (1945–1962), а в эпоху «нормализации» как обновленный рупор официальной культуры (1969–1991).

он был приглашен на работу в издательство Коминтерна в качестве переводчика марксистской литературы и журналиста. В 1934–1935 гг. Вайль стал свидетелем партийных «чисток» и политических процессов, начавшихся после убийства С.М. Кирова. В 1935 г. сам стал жертвой оговора, его исключили из компартии Чехословакии за «уклонизм» и послали на перевоспитание и исправление в Киргизию, а оттуда в Казахстан на строительство Балхашстроя. Через полгода ему было разрешено вернуться в Чехословакию.

Пережитое в Советском Союзе Вайль и описал в романе «Москва-граница» (вышел в переводе на русский в 2002 г.; перевод и предисловие — Ю. Преснякова). Вайлю повезло: ему разрешили вернуться в Чехословакию. А вот «прототипов Ри и Роберта, его главных героев, оставшихся работать в Москве, без труда вычислили, и это стоило им жизни»³. Герои Вайля — интеллигенты, оторвавшиеся от своих корней, готовые отказаться от собственной личности ради высокой идеи. Они приехали в Москву, но потерпели крах. Бесчеловечная безжалостная система, винтиками которой они стремились стать, отвергла их.

Какой предстала Москва 1933–1934 гг., увиденная глазами иностранца Вайля, знавшего город хорошо и не понаслышке? Сумрачной, холодной, пугающей, здесь даже воздух, которым дышат герои, внушает ужас. Его героине Ри, едущей в Москву на поезде, еще на территории Польши советуют: «Здесь кончается Европа, купи себе апельсинов, там, в ледяной азиатской Москве, ты их больше никогда не отведаешь»⁴. «В Москве нет таксомоторов, а если и попадаются, то поймать их невозможно, а ехать в какой-то грязной колымаге, которая называется “извозчик”, Ри не хочет»⁵. Вот, что она видит на московских улицах: «Люди были одеты как-то странно, совсем не по-европейски»⁶. «Почти все в галошах и с непокрытыми головами. В морозящем дожде их лица казались Ри мрачными и безрадостными, словно какой-то чужак нанял их, чтобы они бегали, удирали, спешили сесть в трамваи и автобусы, и теперь они честно стараются выполнить свою задачу, свой тяжкий и утомительный труд»⁷. Ри заверяют ее знакомые, что в Москве ей понравится, особенно «Инснаб», магазин для иностранцев, —

там есть всё, горы продуктов по фантастически дешевым ценам и столько прекрасных вещей, какие можно найти еще разве что в «Торгсине», где всё продается за золото. «...в обычаях этого странного города, где в домах, построенных русскими, нельзя жить русским, и где нужно оберегать иностранцев от посещения русских»⁸. Увидев Красную площадь, Ри приходит в ужас: «...Это была Азия, опять этот коварный враг, внушающий ей ужас: башни, зубчатая кремлевская стена, а под нею мавзолей Ленина... А чуть подальше — драконий замок из страшной сказки, ночной кошмар, полыхающий всеми красками, — храм Василия Блаженного ... этот храм пугает ее сильнее всего. Он кричит на нее всеми красками мира в невысказанных чудовищных комбинациях. Ри кажется, что он затягивает ее куда-то в пропасть, где приходит конец всякой гармонии и наступает хаос...»⁹. Чешка тяжело переносит московскую зиму; от того, что люди одеваются теплее, усиливается давка в трамваях, люди занимают больше места. Здесь постоянный шум от этих трамваев, которые только в Москве ездят так шумно. И так далее в том же роде...

Такой образ города воссоздан в романе Вайля. Ю. Фучик, видный деятель КПЧ, который в период «чисток» после смерти Кирова помог Вайлю избежать худшей кары и посетил его, когда тот был выслан в Казахстан, по личному заданию руководителя чешских коммунистов К. Готвальда написал на роман Вайля о Москве, городе «на морально-политической границе между Европой и Азией» (так расшифровывается название книги), резко отрицательную рецензию под названием «Бабьи сплетни как роман о Москве», опубликованную в «Творбе» 31 декабря 1938 г. Продолжение романа «Москва-граница», «Деревянная ложка», Вайль уже не пытался издать на родине, так как Чехия оказалась под угрозой гитлеровской оккупации, и писатель не стал публиковать роман, критический по отношению к Советскому Союзу. В 1948 г. к власти в Чехословакии пришли коммунисты и взялись за Вайля. Его книги были запрещены, и сам он был изгнан из Союза писателей Чехословакии. В 1956 г. был снова в него принят, написал ряд интересных произведений, но в 1959 г. скончался от лейкемии.

Роман «Деревянная ложка» появился в самиздате лишь в 1978 г., а легально был издан только в 1992 г. В нем снова появляется герой книги «Москва-граница» чешский журналист и переводчик Ян Фишер (alter ego писателя). Это тот, кто изо всех сил старался влиться в московскую жизнь, но так и не смог. Чувство вины не покидает его: вместо энтузиазма и прилива энергии он чувствует усталость, а позже и отвращение к своей работе в издательстве Коминтерна. В эту страну Фишер приехал как гость и другом для нее не стал. Он не проливал кровь за нее, не умирал от тифа, голода и холода, он был всего лишь гостем и хотел купить любовь этой страны своей работой, добросовестным посещением собраний и кружков... Но любовь нельзя купить, и страна стала ему чужой, недружелюбной, она отбросила его, как ненужную ветошь. Естественно, такие настроения героя замечены коллективом, и вот уже Фишера на партсобрании обвиняют в принадлежности к левой оппозиции, и он с ужасом ощущает свою вину, хотя ни в чем не повинен. В «Деревянной ложке» мы встречаемся с Фишером в последний вечер его пребывания в Москве, когда у него уже нет ни жилья, ни денег, ни друзей, только билет на поезд в ссылку — в Казахстан. «Сидеть последний вечер в московском кафе... какая бессмыслица и глупость отдать последние четыре рубля за глоток кофе с маленьким пирожным — впрочем, вокруг него всё бессмысленно: и Москва, убегаящая в бесконечность, и вооруженные люди в штатском, сражающиеся с невидимым врагом. Бессмысленна и жизнь, которая уже ему не принадлежит, которую он проиграл и потерял... Было много рук, взметнувшихся вверх, как при присяге, когда голосовали за его исключение из партии и строгое наказание. Были среди них и руки, сжатые в кулак, как символ мести, были и руки нерешительные, и механически поднятые в силу привычки... Завтра начинается путь: семь дней и семь ночей в город Алма-Ата. И соленое озеро Балхаш»¹⁰.

Из героев «Москвы-границы» в «Деревянную ложку» переходит и другой репрессированный — молодой венский коммунист, тоже исключенный из партии на московском станкостроительном заводе — высококвалифицированный рабочий Тони Штрикер. Он приехал в Москву, потеряв работу в Вене; работа

для него — главное в жизни, как и для молодого врача Лиды, чешки, выросшей в Киргизии в чешской колонии — кооперативе Интергельпо. Самый интересный персонаж «Деревянной ложки» — старый большевик Александр Александрович. В молодости он разошелся с родителями — богатыми казанскими купцами, побывал в царской ссылке, в эмиграции в Париже, позже стал дипломатом, бросил старую жену и женился на французской балерине, привез ее в Москву и зажил в Доме на набережной жизнью советского вельможи. «Александр Александрович оказался во главе огромной прекрасной страны, которую рабочие добыли собственной кровью. Было весело потом выбрасывать мешан из их замечательных квартир на Поварской и на Петровке и селить туда рабочих с Красной Пресни, было забавно прийти в роскошный ресторан на Тверской, положить на стол ручную гранату и заказать чай у дрожащего от страха официанта. Ему казалось, что он руководит страной и владеет ею, так почему же нынче он так боится, если не боялся с горсткой людей захватывать в семнадцатом Кремль?»¹¹. Данный персонаж автору ненавистен. В тот вечер, когда Тони Штрикер в поезде, везущем эзков в Казахстан, учится хлебать ши деревянной ложкой и заедать их черным хлебом-размазней, Александр Александрович наслаждается жизнью в столице, где его супруга сетует, что в Москве нет такой вольницы, как в Европе, где делай, что хочешь, поезжай, куда пожелаешь. И Москва — это всё же не Париж.

Говоря о причинах ненависти социалистического государства к писателю, мечтавшему о революционном преобразовании мира, чешский исследователь П. Яначек отмечал, что он «посмел правдиво изобразить строительство советского государства при Сталине, показал не только преступную ложь политических процессов, но и изнанку строительного энтузиазма, чудовищность и бесчеловечность социалистического строя. Всё это он познал на собственном опыте в Москве и на Балхашстрое, где люди работали как рабы»¹². Главная тема Вайля — это подчинение индивидуума общественной системе, несоответствие гуманистической утопии ее реализации, тоталитаризм. Причем удел его героев — это не борьба с грозной машиной власти, а

постепенный процесс маргинализации личности, вытеснение ее на задворки. «Романы Вайля, возникшие на несколько лет раньше “Слепящей тьмы” Артура Кестлера, — едва ли не первое в мировой литературе сюжетное, художественное свидетельство об эпохе большого террора в Советском Союзе», — отмечал российский богемист О.Малевич¹³. (Роман А. Кестлера был опубликован в Великобритании в 1941 г. и вошёл в список 100 лучших романов XX века на английском языке по версии издательства Modern Library.)

Другой чешский автор — Ян Вайсс (1892—1972), и его роман «Спящий в зодиаке», так же, как и «Москва-граница», вышел в том же мрачном 1937 г. Вайсс, как и многие его соотечественники, был мобилизован в 1914 г., отучившись всего два семестра на юридическом факультете Венского университета. Он был в составе австро-венгерской армии сначала на итальянском, затем на русском фронтах, в 1916 г. попал в плен и почти три года провел в лагере военнопленных под Оренбургом. Дальше были Сибирь и вступление в чехословацкий легион весной 1919 г., и лишь в феврале 1920 г. — возвращение домой. Не вернулось из России более четырех тысяч легионеров — погибших и пропавших без вести. Я. Вайссу повезло, он чудом выжил после тяжелейшего тифа. Пройдя фронтами Первой мировой он оказался в том же лагере у поселка Тоцкое, где около полугода находился и знаменитый чешский писатель Ярослав Гашек. Вайсс вступил в легион весной 1919 г., прошел спецподготовку в Житомире, но в боевых действиях не участвовал, уже будучи к этому времени инвалидом. Ему понадобится еще несколько лет, чтобы оформить свои военные впечатления. В 1927 г., когда автору было уже 35 лет, выходят сразу три его книги. Что касается отношения к России, к революционным событиям, оно было у Вайсса далеко не столь однозначно, как у Гашека. Тот сразу и безоговорочно принял революцию и написал самую, вероятно, впечатляющую книгу о Первой мировой войне. Он знал Россию и сам был непосредственным участником исторических событий. Вайсс же провел большую часть времени в бараке для пленных, а позднее в должности писаря в конторе. Тем не менее страна (а познакомиться с ней близко он особенно и

не мог, в Москве побывал лишь в 1957 г.) оказала решающее влияние на всю его последующую жизнь и творчество. Россия, которую Вайсс и не знал, стала для него манящим символом огромной силы, источником веры, явилась основой жизненного восприятия и опыта, открыла ни с чем не сравнимый мир новых измерений, непознанной души. Вайсс верил в лучшее будущее и упорно искал выход. В чехословацкой действительности 1930-х годов он не видел ничего позитивного. А Россия с ее патриархальными устоями и одновременно устремленностью в будущее окажется тем «потерянным раем», в котором Вайсс найдет истинную духовность, противостоящую промышленному Западу с его грубым материализмом. Россия новая предстала перед ним во всей своей мощи, окутанная ореолом таинственности, твердо шагающая по пути к светлому будущему.

Что произошло для того, чтобы автор, переживший ужасы войны, революции, всеобщего хаоса, ненавидевший все проявления тоталитаризма, считавший русских невежественными, далекими от европейской цивилизации людьми, как показал он их в своем сборнике рассказов «Барак смерти» (1927), через десяток лет увидел в них строителей идеального общества и не заметил того, что смог разглядеть Иржи Вайль или Артур Кестлер? Вайсса легко судить сегодня, что и делают многие чешские критики, а прозорливости Вайля удивляться и восхищаться. Очевидно, что Вайль провел в Москве много лет, как член компартии знал всю ее подноготную, прошел сталинские лагеря, на собственном опыте познал многое, что было закрыто от большинства людей, в совершенстве владел русским языком. И как результат появилась книга, где открываются парадоксы советской действительности: огромные достижения экономические, небывалый размах строительства, массовый энтузиазм и убийство Кирова с последовавшими репрессиями, зловещие тени НКВД, пропасть между правящей верхушкой, их приближенными и большинством населения. В истинном положении вещей, в противоречии между самой идеей коммунизма и сталинскими методами ее внедрения не смогли сразу разобраться многие мастера культуры. У них и не было такой возможности: «если иностранные гости стремились как можно полнее узнать

о жизни в Союзе, сталинское руководство, создав многоярусную систему контроля, стремилось как раз к обратному — показу искаженной, приглаженной, благостной, беспроблемной картины состояния дел в первой стране победившего социализма. Свой посильный вклад в создание подобного образа Советского Союза вносили партийные и государственные органы»¹⁴. Не понял лживости московских политических процессов, организованных Сталиным для укрепления своей личной власти, Л. Фейхтвангер, чья книга «Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей» вышла в Амстердаме в том же 1937 г. Г. Уэллс в свое время отмечал, что единственное правительство, которое может предотвратить окончательный крах России, это большевистское, призывал Запад оказать большевикам щедрую помощь, так как они, возможно, сумеют создать в России новый, цивилизованный общественный строй. И хотя он признавал, что большевистское правительство чрезвычайно неопытно и неумело, а временами бывает жестоким и совершает насилие, в целом, это правительство честное. Социализм для Уэллса был путем к излечению рака, въевшегося в организм старого мира, и эта дорога виделась ему только бескровной, ведь в его представлении не было ни злой воли, ни виноватых, и люди неизбежно должны были прийти от ненависти к любви. А. Жид, не разделявший мнения английского коллеги, в своем «Возвращении из СССР» (1936) поделился горькими впечатлениями о первой стране социализма, где уже восторжествовала диктатура Сталина. Его резкие суждения внесли серьезный раскол в ряды левых чешских интеллектуалов, которые в основном видели в СССР страну, где их «завтра стало уже сегодняшним днем». Свой жесткий ответ дал и известный чешский поэт Станислав Костка Нейман, написавший «Анти-Жид, или Оптимизм без суеверий и иллюзий» (1937), где конкретным фактам у А. Жида, обнажавшего трагизм ситуации в СССР, он противопоставил лишь протестные аргументы о фашистской угрозе и рассуждения о вредном для социализма и масс трудящихся безответственном «бунте интеллектуалов». Пересмотрел свое отношение к Советской России и Р.Роллан: восторженные отклики и оправдание репрессий в 1920-е годы, после поездки в Россию

1935 г. и встречи со Сталиным и Горьким, сменились более сдержанными оценками.

Конечно, гуманистическая позиция Уэллса была Вайссу ближе всего. В период экономического кризиса, безработицы ситуация в Советском Союзе представлялась Вайссу просто сказочной. Вряд ли он знал о массовых репрессиях, да и не мог допустить самой мысли об этом. Ему виделся, сквозь тьму мировой войны, безысходного труда, нужды, приход радостной зари нового человеческого дня. И вот герой его романа «Спящий в зодиаке» Вацлав Ребенда попадает в Москву, как и герои Вайля. Но Вацлав не альтер-эго писателя, это необычный персонаж, фантазмагорический. Он человек-растение и проходит в течение года все стадии развития: от рождения через расцвет к увяданию, зимой впадает в спячку на три месяца, весной, как малое дитя, пробуждается к жизни, играет с игрушками, осенью вянет, теряет вкус к жизни, претерпевая и психические, и физиологические изменения. С другой стороны, это как бы вполне реалистично выписанный образованный молодой мужчина, работающий у крупного промышленника Лебдушки. Ребенда имеет свой рецепт спасения человечества. Его представления не имеют четкой формулировки, юноша, лишь подсознательно отвергая мир голого материализма, стремится к истинной духовности и мучается вопросами о патриотизме, цели жизни и, наконец, все свои надежды на лучшее возлагает на Россию. Вокруг России и завязывается основная интрига романа, отношение к ней становится главной осью действия. Жена Лебдушки изучает журнал «Последнее предостережение», в котором «советский рай обличается как самый величайший обман и публикуются документы о расцвете взяточничества, шпиономании и ростовщичестве. Больше всего ей нравится история о приеме в Кремле, где западный дипломат развлекается, наблюдая, как огромный таракан ползет по штанине народного комиссара¹⁵. Коммерческий директор Рудольф Ождиян пестует ненависть к Советской России, ожидая, как под кровавой пятой Ленина будет растоптана святая матушка Русь. Он уверен, что народ в России безнравственен, живет без веры, прозябает в нищете. Сначала отправляют в Москву его. Главный же герой

Вацлав пока в Чехословакии — выпускает заводскую стенгазету и публикует в ней статьи о России, о ее стремлении к миру и противостоянии фашизму, о великих открытиях простых рабочих, о славе воздухоплателей, о всемирных выставках. Он мечтает освободить человеческий род от рабского труда, сделать его счастливым. Позднее его тоже отправляют в Москву, и Вацлав вроде бы уже подготовлен своими коллегами с работы, которые твердят ему, что там «столы для иностранцев ломятся от яств, а у своих, русских, всё отнято», где «сплошь потемкинские деревни», а в клубе «пропахло дохлыми мышами, и вечно пьяный киномеханик Ванька крутит фильмы задом наперед»¹⁶. Но наш Вацлав в упоении наблюдает жизнь москвичей, ее контрасты — здесь и грязные улочки с грудями мусора и лужами, и парадные улицы, дома, как дворцы, и детсады с углубленным изучением японского языка, его завораживают темп строительства, кипучая энергия, размах. Вацлав «вместо голодающих нашел в России страну веры и труда»¹⁷. И ведь Вайсс был во многом прав. Не забывая о политических репрессиях и душной атмосфере страха, можно вспомнить и о другой жизни жителей столицы. По данным московеда Георгия Андреевского*, москвичам было чем гордиться и на что надеяться. За пять предвоенных лет в Москве была построена 391 школа, а перед войной — Центральный театр Красной армии и Концертный зал имени Чайковского. На месте Симоновского монастыря возвели Дворец культуры ЗИС (завод им. Лихачева), а в 1940 г. на пустыре, у Симоновского вала, вырос Шарикоподшипниковый завод имени Кагановича. Планы на ближайший год шли еще дальше. Нужно было построить девять школ, четыре театра, перепланировать парк имени Горького¹⁸.

Вайссовский герой пребывает в Москве вместе со своим вечно злопыхательствующим директором. В конце концов Ождиян неожиданно совершает самоубийство, завещая всё свое состояние Комитету по борьбе с голодом, потому что он

* Род. в 1940 г. в Москве, закончил юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Работал в органах правопорядка, в Генеральной прокуратуре СССР. Автор книг: Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е годы. М., 2008; Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы. М., 2008; Повседневная жизнь Москвы на рубеже XIX–XX веков. М., 2009.

осознал, что всю жизнь ошибался, и именно у России есть будущее, а у него его нет... Писал ли это Вайсс серьезно? Вполне, хотя кажется какой-то карикатурой и насмешкой. Почему Вацлав увидел Москву городом будущего, светлой, энергичной, совершенно не тем мрачным городом, живущим в атмосфере «чисток», внушающей ужас? Причина находится в изначальном стремлении героя поверить в сказку, идеал, и поскольку ее никак невозможно было найти в реальной жизни, он уверовал, что его мечты уже реализованы в волшебном государстве под названием «СССР» и городе-сказке под названием «Москва»: «Красиво здесь потому, что я *хочу*, чтоб было красиво. Это, как картина, как симфония, как поэма... Одни в восторге, другие ухмыляются. Восторг против ненависти. Но я-то вижу, и они тоже видят. А ведь и свидетельства гениев расходятся. Шоу умилялся, Жид насмехался, Роллан благословлял, Уэллс кипятился, Барбюс преклонялся...»¹⁹. Пребывание героя в Москве напоминает сон, главный смысл его сновидений — освобождение от конфликтов действительности; рационализированности и материализму противостоит естество, «дыхание природы». Из этих снов произрастает большинство символов прекрасного будущего, образы, являющиеся во сне, намного более жизненны и живописны. И хотя Вацлав Ребенда с потрясающей прозорливостью видит падение советской империи, наша страна, Москва для него на тот момент — это молодость, жизненная сила. При всей своей патологии именно герой Вайсса с его способностью к возрождению, детской правдивостью и открытостью, верой в чудо оказывается наиболее реалистичным персонажем из всех представленных в «Спящем в зодиаке». В этом суть представлений Вайсса-гуманиста, мечтателя, убежденного в том, что мир станет лучше, чище, если люди поверят в сказку о добре и справедливости.

Такой предстала Москва 1930-х годов и два мира советской реальности у двух чешских авторов, показавших картину повседневной жизни города и страны: беспросветный мрак, страх, трагизм исторической ситуации, но и то, что приводило в восхищение, — самоотверженность народных масс, размах строительства, сила духа, дававшие надежду и веру в будущее.

Примечания

- ¹ *Borák M.* Zatajené přípravy. ČT 24-Studio 6. 4. března 2009. <http://www.ceskatelevize.cz/porady/1096902795-studio-6/209411010100304/video/72823>.
- ² Открытый список. Леонид Фрчек. [https://ru.openlist.wiki/%D0%A4%D1%80%D1%87%D0%B5%D0%BA_%D0%9B%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B4_%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_\(1904\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%A4%D1%80%D1%87%D0%B5%D0%BA_%D0%9B%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B4_%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_(1904)).
- ³ *Пресняков Ю.* Предисловие // *Вайль И.* Москва-граница. М., 2002. С. 6.
- ⁴ *Вайль И.* Москва-граница. М., 2002. С. 11.
- ⁵ Там же. С. 8.
- ⁶ Там же. С. 35.
- ⁷ Там же. С. 39.
- ⁸ Там же. С. 40.
- ⁹ Там же. С. 53.
- ¹⁰ *Weil J.* Dřevěná lžíce. Praha, 1992. S. 7.
- ¹¹ Ibid. S. 43.
- ¹² *Janáček P. Jiří Weil* // Slovník české literatury. Díl 2. Praha. 1998. S. 670.
- ¹³ *Малевич О.* Об авторе романа «На крыше Мендельсон» // Нева. 2011. № 5. С. 130.
- ¹⁴ *Куликова Г.* Пребывание в СССР иностранных писателей в 1920–1930-х годах // Отечественная история. 2003. № 4. С. 59.
- ¹⁵ *Weiss J.* Spáč ve zvěrokruhu. Praha, 1962. S. 53.
- ¹⁶ Ibid. S. 164.
- ¹⁷ Ibid. S. 21.
- ¹⁸ *Андреевский Г.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е годы. М., 2008.
- ¹⁹ *Weiss J.* Spáč ve zvěrokruhu. Praha, 1962. S. 168.

Чехи в Москве первых пятилеток

Москва издавна привлекала внимание зарубежных славян как символ России, с которой находившиеся под властью Австрийской и Османской империй народы связывали надежды на освобождение от иноземного владычества. После поражения этих империй в Первой мировой войне и возникновения на их развалинах самостоятельных государств (1918), после Октябрьской революции 1917 г., покончившей с Россией Царской и начавшей создание России Советской, Москва становится частью формирующейся советской действительности и отношение к ней меняется. Зарубежную общественность начинают интересоваться не только (или не столько) ее старина, памятники архитектуры, разного рода достопримечательности, сколько ее новая ситуация, а именно, — чем стала для Москвы и России Октябрьская революция — «десятью днями, которые потрясли мир» (Джон Рид) и открыли путь в светлое будущее, или «днями океанными» (Иван Бунин), погрузившими Россию во тьму¹.

Заметим, что по сути дела вопрос этот снова стал актуальным в постсоветский период. До сих пор он не получил однозначного ответа ни у российских историков и политиков, ни у наших сограждан. Крайними полюсами, охватывающими диапазон ответов, были и являются: «Октябрь 1917 г. — трагедия для России», или — «Благо для России и всего человечества».

Велемир Хлебников, ярчайший представитель русских футуристов, «будетлян», в стихах от 15 октября 1921 г. писал:

*Москва, ты кто?
Чаруешь, или зачарована?
Куешь свободу,
Иль закована?
Чело какую думой морщится?
Ты — мировая заговорщица.*

*Ты, может, светлое окошко
В другие времена,
А может, опытная кошка...*
(«Москва, ты кто?»)

По мнению части зарубежной, в том числе чешской, левоориентированной общественности, Москва «ковала свободу», была «светлым окошком в другие времена». В Чехословакии эту уверенность подтвердили и создание в 1921 г. Коммунистической партии, и отклики на события в России в художественной литературе.

Чешские писатели разных поколений прибегают к сакрализации Октябрьской революции и того, что с ней связано, не взирая на воинственно атеистический ее характер с разрушением храмов, преследованием священнослужителей. Ярослав Сейферт (1901–1986) известие о победе Октября называет «благой вестью» (сб. «Город в слезах» — «Město v slzech», 1921), используя библейский образ «благовеста»; в его стихах читателям являются Дева Мария, Моисей, храмовый алтарь, ангельский хор. Станислав Костка Нейман (1875–1947), расшифровывая аббревиатуру РСФСР, обращается к «Российской Советской Федеративной Социалистической Республике» в жанре молитвы (Сб. «Красные песни» — «Rudé zpěvy», 1923). Поддерживая идею исторической миссии пролетариата, Йозеф Гора (1891–1945) уподобляет ребенка, родившегося в рабочей семье, в темном подвале, «чудо-младенцу», который похож на Спасителя, однако его Евангелием является борьба, а «молитвой — поступок» («Пролетарская мадонна», сб. «Трудящийся день» — «Pracující den», 1920). Религиозные образы, жившие в народном сознании и обозначавшие святость того или иного явления, стихийно формировали новую религию поклонения пролетариату.

Энтузиазм, вызванный победой в России социалистической революции и охвативший радикально настроенную часть общества только что созданной Чехословакии, объяснялся желанием, добившись национального освобождения, идти дальше по пути освобождения трудящихся от власти капитала, реализуя

вековую мечту человечества о «свободе, равенстве, братстве». Эти лозунги были начертаны еще на знамени Великой французской революции. Она снесла с лица земли Бастилию, покончила с феодально-абсолютистским строем в своей стране, открыла дорогу капитализму, но, многого добившись, завершилась контрреволюционным переворотом, потерпела в конечном итоге фиаско. Сходная судьба постигла и революционные движения 1848–1849 гг. во Франции, Германии, Австрийской империи, сменившиеся периодом реакции, укреплением позиций абсолютизма. В отличие от них Октябрьская социалистическая революция в России не была подавлена, а одержала победу, что тоже было поводом для энтузиазма. О всех противоречивых последствиях «победоносного Октября» здесь речь не идет. Важно отметить причины сугубо восторженного восприятия «левым флангом» чешского общества свершившейся русской революции, победа которой как бы гарантировала успешную реализацию ее благородных задач.

Чешская интеллигенция стала рано проявлять сочувствующий интерес к «государству рабочих и крестьян». Визиты туда отдельных лиц и целых групп, а также тех писателей, журналистов, переводчиков, инженеров, рабочих, которые какое-то время трудились в Москве или вне ее, происходят на протяжении всего межвоенного двадцатилетия, отражаясь в письмах, дневниках, очерках, воспоминаниях визитеров.

Эта статья посвящена рецепции Москвы первых пятилеток, начавшихся после НЭПа, с 1928 г., и поставивших своей задачей превращение страны аграрно-индустриальной в страну индустриальную с бесклассовым социалистическим строем. Однако интенсивное знакомство с новой Москвой, паломничество туда деятелей чешской культуры началось в первые же послереволюционные годы². Историк Иван Пфафф отмечал, что чешская культура всегда имела ярко выраженную левую ориентацию, а ее силы, в отличие от левых сил Польши, Венгрии, Румынии, были просоветскими³. Заметим, однако, что и там были просоветские силы, но в Чехословакии, отличавшейся более демократическим режимом, они были более многочисленными и действовали более активно.

«Первооткрыватель» послереволюционной Москвы Иван Ольбрахт, приехавший туда весной 1920 г., с радостью фиксирует приметы новой жизни: оживленные улицы, окна РОСТА, веселые лица прохожих. Писателю невольно помогала западная пропаганда: чем страшнее были приводимые ею факты и слухи, тем успешнее удавалось их развеять, не вникая в глубины переживавшихся страной проблем, а опираясь лишь на поверхностные уличные впечатления. «Петроград и Москва — мертвые города, как было сказано в европейских газетах»⁴, — пишет Ольбрахт и сразу же стремится убедить читателя, что они вполне живые, что на улицах полно людей, причем, не измученных голодом бедолаг, а выглядящих вполне здоровыми. «На московских улицах все хорошо одеты, людей в лохмотьях и с синими от холода губами нет»⁵. Правда, витрины продуктовых магазинов — пусты, но, убежден автор, всё будет, всё, кроме голодных детей и благополучных господ. Очерки Ивана Ольбрахта о Москве, составившие цикл «Картины современной России», представляют собой три брошюрки, издававшиеся в приложении к журналу «Червен». Первые две вышли в сентябре 1920 г., почти одновременно с возвращением их автора домой.

Большое впечатление послереволюционная Москва производит на Марию Майерову, побывавшую там летом 1924 г. для участия в V конгрессе Коминтерна. Результатом стала книга «День после революции. Что я увидела в СССР» (1925). О конгрессе автор пишет мало, всё больше о Москве — о её старых и новых приметах, Кремле и Мавзолее, о Серебряном бору и демонстрации протеста против империалистических войн, о курсах по ликвидации безграмотности и возникшей у народных масс привычке к чтению. М. Майеровой принадлежит и одно из первых признаний в любви к Москве её зарубежного гостя: «Москва... Не могу от неё оторваться. То и дело передо мной возникают всё новые и новые картины, которыми я облепила своё сердце, как служанка свой сундучок, меня преследуют виды её улиц, её борьба за новую жизнь»⁶.

Удовлетворение увиденным в советской стране испытывает уже «на подступах» к советской столице и Богумир Шмераль, видный деятель Коммунистической партии Чехословакии,

отразивший свои впечатления в книге «Правда о Советской России»⁷. Его, готового к худшему, интересовала «каждая мелочь», и он успокаивается уже при встрече в советской миссии в Ревеле (Таллине) с только что прибывшим из Москвы курьером, правда, изможденным и худым, но в добротной одежде. На вопрос: «Это вы достали в Москве? — он ответил — Да. Вы сами увидите, что у нас совсем не так плохо, как считают за границей». Порадовал автора и вполне бодрый вид персонала миссии, тоже совсем недавно приехавшего из Москвы.

Всё это относится к 1920-м годам, периоду ещё не поколебленных надежд на лучшее будущее, с которыми ассоциировалась революционная Россия. Однако именно энтузиазм первых посетителей Москвы во многом предопределил отношение к советской действительности и в грядущее десятилетие. Оптимистическая нота станет тональностью практически всех произведений, написанных чешскими писателями, политиками, деятелями культуры по следам их поездок в Страну Советов, в Москву в 1930-е годы. Это — «Впечатления об СССР» (1931) Б. Вацлавека, «Поверх пятилетки» (1931) А. Гофмейстера и Б. Фейерштейна, «Взгляд на новую землю» (1932) М. Пуймановой, «Невидимая Москва» (1935) В. Незвала, «Два города в мире» (1935) Г. Вчелички, «О советском театре и вообще» (1935) Я. Вериха и др. Авторы широко пользуются приемом сравнения, сопоставляя экономический кризис в Чехословакии со строительным бумом в СССР, а свои радужные впечатления — с теми сведениями, которые распространяет об этой стране Запад. Слухам не верили. Слишком сильны были симпатии чешских путешественников к «святой земле», слишком коротким было их пребывание там, слишком сильной была хорошо отработанная советская пропаганда, да и успехи первых пятилеток были налицо. Для иллюстрации борьбы с «враждебными слухами» приведем отрывок из диалога, который разыгрывали актеры, они же и драматурги авангардного Освобожденного театра, Иржи Восковец и Ян Верих. Некий Жорж (Восковец) спрашивает у приехавшего из Советской России Жана (Верих):

- Жорж — *Как там в России, всё вроде бы ужасно?*
- Жан — *Да, что-то страшное.*
- Жорж — *Рад, что это слышу. Голод там, да?*
- Жан — *Всё гораздо хуже, сплошная ложь, притворство. Представьте, дети здоровые, люди сытые, румяные, это чтобы показать, что у них всё в порядке.*
- Жорж — *Надо же, они, чтобы выглядеть перед иностранцами сытыми, наверное, дают людям наесться!*
- Жан — *Конечно, я был уверен, что дома они сразу же худеют. Так нет, и дома они толстые. Короче, настоящий террор.*
- Жорж — *Да, об этих надувательствах я слышал. Они, вроде, дошли до того, что не терпят безработицы, что, мол, хочешь не хочешь, работай и зарплату получай! Террор, да и только!.. и т.д.*

(Гладомор начала 1930-х годов оставался, как мы видим, авторам диалога неведом.)

В стороне от восторгов по поводу происшедшего в царской России революционного переворота и его последствий остаются представители общедемократического направления в чешской культуре: Карел и Йозеф Чапеки, прозаик Карел Полачек, писатели-католики — Ян Заградничек, Якуб Демл, Вацлав Дурих, «руралисты» (почвенники) — Франтишек Кршелина, Ян Чеп, писатели-легионеры, вставшие во время Гражданской войны в России на сторону белых, — генерал Рудольф Медек и др.

Симптомы разочарования в советской действительности начинают проявляться в 1930-е годы и в среде чешской «левицы» под влиянием открытых политических процессов против «троцкистов» и «бухаринцев», произведений Андре Жида — «Возвращение из СССР» (1936) и особенно его «Ретушей к моему возвращению из СССР» (1937). Острой критике подвергает советскую культурную политику в брошюре «Сюрреализм против течения» (1938) Карел Тейге, недавно страстный ее пропагандист. Ярослав Сейферт, воспевавший в сборнике 1921 г. «благую весть» о русской революции, пишет в 1937 г. горькие

стихи о столетии со дня гибели Пушкина, оплакивая не поэта, а людей, собравшихся возле его памятника, окруженного цепями, наводящими на мысль о кандалах, в которых, возможно, кто-то из присутствовавших в памятный день на Пушкинской площади в Москве вскоре отправится в Сибирь. Происходящее в СССР многие пока еще воспринимают не как следствие революции, а как предательство ее идеалов. Оппонировать антисоветским настроениям пытались: в работе «Анти-Жид или Оптимизм без суеверий и иллюзий» (1937) негибачаемый революционер С.К. Нейман (впрочем, никогда не выезжавший за пределы Чехословакии и ни разу не побывавший в СССР), Л. Фейхтвангер в книге «Москва 1937», Витезслав Незвал ро-спуском в 1938 г. им же созданной в 1934 г. Группы чешских сюрреалистов, якобы подрывавших критикой советской внутренней политики антифашистский фронт.

Среди чешских коммунистов было много и тех, кто, несмотря ни на что, сохранили пожизненную верность Стране Советов. Пожалуй, самой заметной, героической и трагической фигурой был Юлиус Фучик. Противоречия и трудности в жизни молодого государства он воспринимал как трудности «не упадка и застоя, а роста, размаха, движения вперед». На позиции Фучика, на его отношении к советской действительности, к Москве и на современной трактовке этих отношений хотелось бы остановиться особо (тем более откликаясь на просьбу организаторов конференции, материалы которой легли в основу этого сборника).

Юлиус Фучик (1903–1943) был настоящим романтиком, фанатиком революционного движения. Он верил в идеи социализма, был влюблен в нашу страну, в советскую литературу (в произведения И. Бабеля, Вс. Вишневского, Вс. Иванова и др.). Ему нравилось, что день его рождения в Праге в 1903 г. пришелся на 23 февраля, как и день рождения Красной армии в 1918 г. Детство и школьные годы он прожил в Пльзни. Его дядя был композитором, отец, рабочий, обладал прекрасным голосом и пел в опере. Маленьким ребенком Юлиус тоже участвовал в театральных представлениях. После окончания школы он поступил на философский факультет Пражского универ-

ситета, специализировался в области литературоведения, был любимым учеником знаменитого критика Франтишка Ксавера Шальды, который передал ему в 1928 г. свой журнал «Творба». Фучик превратил его в прокоммунистический культурно-политический еженедельник, которым руководил до 1938 г. В 1929 г. он вошел в редакцию газеты «Руде право», как репортер посещал места выступлений рабочих (страна переживала тяжелый экономический кризис), подвергался за это арестам.

Впервые Юлиус Фучик отправился в СССР в 1930 г. на четыре месяца, вместе с четырьмя рабочими, для знакомства с коммуной Интергельпо, которую чешские, словацкие, венгерские и другие переселенцы основали в 1925 г. в городе Фрунзе. По пути чехи посетили Сталинградский тракторный завод. Созданные Фучиком во время или по следам поездки репортажи составили книгу «В стране, где наше завтра стало уже вчерашним днем» — «V zemi, kde zítra znamená všera» (1932, издание в 1947). В нее вошли и первые московские впечатления, в частности, о тюрьме «Лефортово» (очерк «Убитое преступление»). «Фучик приходит в восторг от фильма об успехах первой пятилетки, который показывали заключенным, от прекрасных фотографий сложных станков, от сияния электрических ламп. Сами же заключенные, — рассказывает он, — разделяют взгляды советских органов, считающих, что тюрьмы и концлагеря создаются не для наказания, а для перевоспитания, образования и оздоровления заключенных. "Это не тюрьма, это школа", — говорит один из них. "Это не тюрьма, это лечебница", — твердит другой. Людей, осужденных за свои взгляды, происхождение, социальный статус и т. п., Фучик не касается. Его герои — "убийцы, воры, мошенники" [...] Надзиратели играют с ними в шахматы, вместе слушают радио. Советский Союз — единственное место на свете, — считает он, — где преступлений становится меньше. Он рассматривает тюрьмы как часть централизованной государственной системы коллективного труда во имя актуальных политических целей: превратить силы, затраченные на преступления, в силы, созидающие новую жизнь»⁸.

Когда это читаешь, удивляешься и доверчивости Фучика, смотрящего даже на московскую тюрьму сквозь розовые очки,

и способностям властей не ударить в грязь лицом перед иностранцами, убеждая их в на редкость «гуманной специфике» советских мест заключения.

Второй раз Фучик приезжает в Москву в августе 1934 г. на 20 месяцев в качестве корреспондента газеты «Руде право» и сразу же погружается в бурную жизнь советской столицы. Он занимается политучебой с чешскими рабочими Метростроя. «Это хорошие специалисты, все ударники, но в политическом отношении они не дотягивают до советских рабочих», — пишет Фучик жене Густине. Он собирается заняться чешским языком с детьми своих соотечественников, посещает партиячку кондитерской фабрики «Большевик», изучает ее историю, ищет героев для своего репортажа, которые «помогли бы ему показать чешским читателям жизнь пролетарской Москвы и одной из ее фабрик»⁹.

Приступая к работе и раздумывая «с чего начать», Фучик так же, как когда-то И. Ольбрахт, начинает с уличных впечатлений. Самое сильное из них — это многолюдье советской столицы. Наблюдая огромный людской поток на улицах и площадях, на проспектах и в переулках, который всё время куда-то торопится, Фучик рассматривает это как великое достоинство социалистического государства. «Куда же все спешат? Они спешат на работу. Переполненные трамваи, автобусы, троллейбусы, автомобили — всё это трудовой люд. Все заняты и торопятся потому, что работы больше, чем их самих... Строй, который занимается созиданием, не знает безработицы... Да, именно с этого и надо начинать. Именно этим, что сразу же бросается в глаза, Советский Союз отличается от капиталистических стран... В Советском Союзе 179 миллионов людей. *И ни одного безработного*», — подчеркивает эти слова курсивом Фучик в статье «Куда все спешат», написанной в Москве 14 октября 1934 г.¹⁰.

При первом визите в СССР в 1930 г. с целью посетить, как уже упоминалось, коммуну Интергельпо во Фрунзе, Фучик был покорен явными успехами переселенцев, особенно разительными на фоне экономического кризиса в ЧСР, как и в других странах капитала. В 1934 г. ситуация осложнилась. Фучик попал

в страну, когда Сталин занял ключевые позиции во власти, а в экономике, политике и культуре становился всё более ошутимым разлад между желаемым и действительным, в котором чешскому журналисту было трудно разобраться. «Фучик это понимал. В редакциях “Руде права” и “Творбы” им были недовольны, он и сам чувствовал, что переживает кризис. В письме Густине от 13 сентября того же года он пишет: “Всё время скользя по верхам, а как только собираюсь дойти до глубин, наталкиваюсь на такие сложности, что путаюсь в них [...] Если бы меня послали в Испанию, я бы там сразу понял, что к чему” [...] В некоторых письмах он признавался, что порой страдает от депрессии. В письме от 18 марта 1935 г. свое плохое настроение он объясняет “нервозностью”, нападающей на “бродягу”, когда “начинает дуть весенний ветер” [...] Но виной всему, конечно же, было его недовольство собой, когда он не мог без проблем выполнить то, что требовалось пражским товарищам»¹¹. Выход из кризиса он порой находит, отправляясь в Среднюю Азию, где перемены к лучшему сразу бросались в глаза. Однажды он уехал из Москвы, когда там предстояло какое-то выступление Сталина и от Фучика ждали материал об этом. Кстати, о вождах Советской страны он практически не писал, героями его репортажей были самые простые люди.

Все сомнения и муки творчества оставались в переписке с Густинной. В репортажах, отсылаемых в Прагу, им не было места. В них торжествовал позитив и даже жизненные неудобства трактовались в пользу советской действительности, как и упоминавшиеся толкотня и давка в московском транспорте. В новых очерках Фучик обращает внимание на рост заработной платы рабочих, сообщает, что с 1930 г., когда он впервые приехал в СССР, она выросла приблизительно на 54%, тогда как уровень жизни рабочих в капиталистических странах постоянно снижается. Ничего подобного советским трудящимся не грозит, потому что страна накапливает свои богатства ради них, а «ужасные кризисы могут возникать лишь под небом капитализма»¹². В очерке «Первая культурная часть света», датированном 25 октября 1934 г., Фучик показывает на примере подмосковной деревни Гулинки как изменилась жизнь крестьян.

Если до революции почти все жители были безграмотными, а высшее образование имели лишь сыновья местного помещика, то теперь всё по-другому. «Вчера вечером, в Москве, в редакции «Крестьянской газеты» собрались выходцы из Гулинки, всего 51 человек. Это были инженеры, врачи, профессора, ученые, агрономы, изобретатели, командиры Красной армии и студенты»¹³, — пишет он.

Во всём этом, относящемся к фасаду советской действительности, есть своя правда. Её закулисья Фучик не мог разглядеть, хотя более трезво смотрящий на вещи его друг, коммунист Иржи Вайль, работавший в Москве над переводами классиков марксизма-ленинизма, сумел ошутить и передать в своем романе «Москва—граница» (1937) атмосферу царящей в столице шпиономании, чисток партийных рядов, тревожное предвестье московских политических процессов над троцкистами и бухаринцами, состоявшимися, когда и Фучик, и Вайль уже вернулись на родину.

Очерки Ю. Фучика отличаются тенденциозностью. Он стремился к ней вполне сознательно, считая, что любая правда обязана быть тенденциозной, поскольку каждое позитивное сообщение о Советском Союзе преследует революционную цель. Сквозной темой фучиковских репортажей является процесс перемен — перемен человека, эпохи, политического режима, мыслей, поступков; переходы от исходной идеи к ее конечной реализации, от отрицательного к положительному, от плохого к хорошему, от неизвестного к познанному¹⁴.

Педалируя позитивные моменты и достоинства советской действительности, а они, бесспорно, были (индустриализация, строительство заводов и фабрик, метро, каналов, ликбез и т.д.), и ретушируя (не замечая, замалчивая или оправдывая) ее проблемы, трудности, трагедии и т.д., Фучик создает идеализированный, по сути, утопический образ советской страны, где, однако, утопическое начало было порождением не фантазии, а выстраданной мечты, которая вполне могла бы претвориться в жизнь. В применении к Фучику, как подчеркивают исследователи, надо вести речь об утопии не как о чем-то недостижимом, а о том, как «сегодняшние утопии могут стать реальностью

завтра»¹⁵. Можно сказать, что фучиковский утопизм в изображении советской действительности¹⁶ был не только стихийным следствием фучиковского мироощущения. Он возникал и как пропагандистский прием воздействия на читателя, как способ обращения его в свою, коммунистическую веру, как проявление той самой тенденциозности, к которой Фучик сознательно стремился. Иржи Вайль вспоминал, что Фучик обожал Жюль Верна и говорил, что хотел бы написать утопию о жизни, которая будет через 100 лет, и то, что жизнь эта уже идет, а люди ходят мимо и ее не замечают»¹⁷. (Можно предположить, что именно в советской действительности Фучик обнаруживал знаки реализованной утопии, ускользавшие от большинства.)

Большой писательский талант, которым обладал Фучик, способствовал тому, что тенденциозность и утопизм его текстов воплощались без патетики, не кололи глаза, а выглядели естественно и органично, подкрепляясь отбором фактов и растворяясь в лирической интонации его произведений.

Статьи и очерки 1934—1936 гг. были собраны в книгу «В стране любимой», опубликованную в 1949 г. Не одна эта книга, но и его работы об СССР в целом многое скажут не только о фасаде Советского государства, но и о самом Фучике, совмещая картины жизни с его автопортретом. И больше правды будет в последнем.

Необходимо отметить, что Фучик, как вырисовывается в современных исследованиях, вовсе не был «монолитным борцом», типом «человека из мрамора», рыцарем КПЧ без страха и упрека. «Партийной дисциплине он подчинялся, но не всегда. Когда Милена Есенска¹⁸ в 1936 г. была объявлена троцкисткой и ее прежним друзьям и товарищам по компартии рекомендовано было ее избегать, на Фучика это не подействовало, он не прервал с ней многолетних личных контактов, а она продолжала относиться к нему с доверием»¹⁹.

Вместо послесловия

Как известно, в годы протектората (фактической немецкой оккупации Чехии и Моравии) Фучик перешел на нелегальное положение. В качестве одного из трех членов второго (после ареста первого) подпольного ЦК КПЧ он отвечал за печать и

пропаганду, издавал нелегальные газеты и журналы — «Руде право», «Табор», «Трнавечек», «Дельнице новины» и др. В апреле 1942 г. он был арестован, сидел в пражской тюрьме Панкрац, весной 1943 г. писал тайком свой последний «Репортаж с петлей на шее» («Reportáž psaná na oprátce»). Длинные узкие листочки рукописи (motaky) выносил из тюрьмы сочувствующий чехам немецкий надзиратель Адольф Колинский. После войны «Репортаж...» был издан. Его же автор был казнен в Берлине, в тюрьме Plötzensee, 8 сентября 1943 г., прожив всего 40 лет.

После войны на его родине, да и в нашей стране, был настоящий культ героя-антифашиста, автора потрясающего напутствия: «Люди, я любил вас, будьте бдительны!» («Lidé, měl jsem vás rád. Vděte!»). В ЧССР, да и у нас, Фучик стал культовой фигурой, олицетворением героизма не только чешского, но и всего антифашистского сопротивления. Но еще в ЧССР нашлись читатели, усомнившиеся в подлинности «Репортажа» и героизме его автора. Одним из первых (в 1960 г.) на эту тему заговорил известный литератор и критик Ф. Пероутка, который был арестован гестапо 1 сентября 1939 г. и до отправки в концлагерь, за отказ сотрудничать с немцами, сидел в Панкраце. По его мнению, там можно было тайком написать лишь коротенькое письмецо на волю, а не такое безукоризненное произведение, как «Репортаж». В 1967 г. журналистка М. Филипкова усомнилась в героизме Фучика, который при аресте не отстреливался, на допросах не молчал, а давал показания. Но в 1995 г. благодаря историку Франтишеку Яначеку вышло полное, без всяких купюр, сделанных редакторами, издание «Репортажа». Оно подтвердило подлинность и правдивость произведения, героизм его автора, который на допросах хоть и не молчал, но никого не выдал, а пускал гестапо по ложному следу, отводя подозрения от писателей, которым грозила смертельная опасность (С.К. Неймана, И. Ольбрахта, Ф. Галаса и др.)²⁰. В 2008 г. в Праге вышло объемное издание «Репортажа», включившее факсимиле рукописи, массу фотоматериалов, комментариев и сопроводительных статей. Очевидно, что оно было подготовлено с большой любовью и уважением к светлой личности его автора. Однако процесс развенчания Фучика, спекулирующий

вокруг его творчества продолжается, теперь уже, вероятно, из-за его убеждений, веры в социализм, в СССР, в Москву.

Единомышленников Фучика, сохранивших пожизненную верность своим юношеским убеждениям (среди них — В. Незвал, И. Тауфер, М. Пуйманова и др.), можно было бы назвать «пленниками социалистической идеи». Надо сказать, что она не самая плохая из тех, что овладевали умами и сердцами человечества. Существование социалистических партий говорит об ее объективной ценности. Однако Ю. Фучик и его друзья оказались «пленниками социалистической идеи» в ее чрезвычайно противоречивом советском воплощении, из-за чего во второй половине XX века упала ее популярность.

Преданность Фучика этой идее, Москве, Стране Советов может кем-то восприниматься, на фоне нарастающей русофобии, как анахронизм или даже абсурд. Однако его репортажи, если смотреть на них непредвзято, способны напомнить о привлекательности социалистической идеологии и достоинствах страны и народа, которые отважились, увы! — с большими издержками и жертвами — ее воплотить. Что касается антифашистской позиции Юлиуса Фучика, то она весьма актуальна и в наши дни, усиливая противоядие против такого абсолютного зла как фашизм и все его модификации.

Завершая статью, хотелось бы вернуться в 1935 год, в середину пока еще мирного времени, в день отъезда на родину Фучика, закончившего свою деятельность в нашей стране. Его расставание с ней осталось в очерке «До свидания, СССР! Обратный путь», опубликованном в «Творбе» 17 июля 1936 г.:

«Я придумал себе еще одну остановку, чтобы ехать на вокзал через Арбат и по бульвару. Вчера я попрощался с московским метро, погладил взглядом молодые листочки Парка культуры и отдыха, пожал руку Красной площади, но до Арбата не добрался.

До свидания, Арбат!

До свидания, площадь Маяковского!

До свидания, улица Горького!

До свидания, Москва!

Поезд безжалостно набирает скорость. Промелькнул домик стрелочника, его сменило здание Хлебозавода, минутку поколебавшись, исчез и последний московский трамвай, последний московский дом, московская окраина, где проводил я, если повезет, свой “выходной”. Всё осталось позади. Наверное, можно было бы ещё высунуться из окна, увидеть новые фабричные трубы или антенну московской радиостанции. Но как тяжело смотреть назад! [...]

До свидания, Можайск! Ты совсем рядом с Москвой, если едешь туда, а сейчас мне грустно, что я так далеко от неё...»²¹.

Более наглядно, чем когда-то, в 1920-е годы Мария Майерова, но столь же трогательно выразил Ю. Фучик спустя 10 лет свои чувства любви и привязанности к Москве, как бы прочертив сквозную линию отношения к ней многих своих единомышленников.

Юлиус Фучик навсегда простился с Москвой, Москва же с ним не хочет прощаться...

Примечания

¹ Будагова Л.Н. Москва в чешской поэзии и публицистике 1920-х гг. // Россия в глазах славянского мира. М., 2009. С. 129–145.

² Там же.

³ Pfaff Ivan. Česká levice proti Moskvě. Praha, 1993. S. 5.

⁴ Цит. по: Olbracht Ivan. Revoluční ulice // Dobrá zvěst. Z cest za poznáním SSSR ve dvacátých a třicátých letech. Praha, 1987. S. 122.

⁵ Ibid. S. 125.

⁶ Majerová Marie. Den po revoluci. Co jsem viděla v SSSR // Dobrá zvěst. S. 137. Здесь и там, где это не оговорено особо, перевод наш.

⁷ Šmeral Bohumír. Pravda o Sovětském Rusku. Praha, 1920.

⁸ Glanc Tomáš. «Příliš rychle, příliš rychle, příliš silný je ten dojem» (Enthusiasmus a extáze Julia Fučíka v jeho textech o Sovětském Svazu) // Julek Fučík — věčně živý! F.A. Podhajský /Ed./ Brno, 2010. S. 190–191.

⁹ Dobrá zvěst. S. 377.

¹⁰ Fučík Julius. Kam spěchají lidé // Dobrá zvěst. S. 378–380.

¹¹ Grygar Majmír. Nesnesitelná tíha symboliky a víry // Julek Fučík — věčně živý! S. 26.

¹² Fučík Julius. Sedm hodin práce, 50% zvýšení mezd // Dobrá zvěst. S. 382–383.

¹³ Ibid. S. 383.

¹⁴ Sládek Ondřej. Julius Fučík o Sovětském svazu aneb Cesty „tam“ a „zpátky“ // Julius Fučík — věčně živý! S. 201.

¹⁵ Ibid. S. 208.

- ¹⁶ Об утопизме взглядов на советскую действительность ряда представителей чешской «левицы» см. также: *Амелина А.В.* Утопичность восприятия советской России в чешской среде 1920–1930-х гг. (Я. Вайсс, М. Майерова, Ю. Фучик) // *Россия и русский человек в восприятии славянских народов.* М., 2014. С. 307–320.
- ¹⁷ *Sládek O.* Julius Fučík o Sovětském svazu aneb Cesty „tam“ a „zpátky“ // *Julius Fučík — věčně živý!* S. 210.
- ¹⁸ Чешская журналистка и переводчица с немецкого, с 1930 г. член компартии, в 1944 г. погибла в фашистском концлагере Ravensbruck.
- ¹⁹ *Grygar Mojmír.* Nesnesitelná tíha symboliky a víry // *Julek Fučík — věčně živý!* S. 31.
- ²⁰ *Будагова Л.Н.* Литературы западных и южных славян в годы Второй мировой войны. О некоторых новых подходах к проблемам // *Опыт истории — опыт литературы. Вторая мировая война.* М., 2007. С. 10–12.
- ²¹ *Fučík J.* V zemi milované. Reportáže ze Sovětského svazu. Praha, 1954. S. 482–483.

Словенский коммунист Драготин Густинчич в Москве

Словенский политик, публицист, один из крупнейших теоретиков словенских коммунистов 1920–1930-х годов, Драготин Густинчич (1882–1974) провел в эмиграции в Москве 14 лет — с 1931 по 1945 г. В 1920–1930-е годы многие иностранные коммунисты, вынужденные эмигрировать со своей родины из-за политических преследований, нашли приют в СССР, «под крылом» Коминтерна. Среди них были и ставшие впоследствии крупными политическими деятелями социалистической Югославии словенцы Э. Кардель, Б. Кидрич, З. Кидрич, А. Беблер, М. Мачек. Жизнь в СССР, обучение в московских партийных школах способствовали укреплению их идеологии, а также существенно повлияли на переосмысление ими ряда программных установок.

Деятельность Д. Густинчича еще не привлекала серьезного внимания исследователей, а ее московский период вообще является «белым пятном» в его биографии. В статье предпринимается попытка реконструировать этот важный отрезок его жизни на основе целого ряда ценных источников: неопубликованных воспоминаний самого словенского коммуниста, опубликованных мемуаров его жены, журналистских интервью, взятых у его сына, переписки Густинчича с соратниками по партии и других материалов, хранящихся в словенских архивах.

Густинчич был личностью неординарной и многогранной. Родился он в 1882 г. в деревне Горня Кошана (Крас, словенское Приморье). Гимназию посещал в Любляне и Горице, затем продолжил обучение в Вене, Цюрихе и Женеве. Он имел три высших образования: в 1909 г. в Вене получил диплом Высшей сельскохозяйственной школы, в 1916–1917 гг. изучал технику в Цюрихе, в 1918 г. закончил факультет естественных наук

Женевского университета. До Первой мировой войны он работал ассистентом геометра, затем инженером-агротехником в Любляне, являлся владельцем технической фирмы в Триесте (1913–1915 гг.), затем в Любляне (1919–1920 гг.).

Однако главным делом для Густинчича была политическая деятельность: свою жизнь он посвятил борьбе за осуществление идеалов коммунизма. В 1910 г. он стал членом Югославянской социал-демократической партии (ЮСДП)*. В годы Первой мировой войны Густинчич, считавшийся австрийскими властями политически неблагонадежным, эмигрировал сначала в Италию (1915), затем в Сербию и Швейцарию. В эмиграции он сотрудничал с Югославянским комитетом, основанным в 1915 г. в Париже и выдвигавшим целью освобождение югославян из-под власти Габсбургов и их объединение с сербами и черногорцами. В Любляну он вернулся лишь в 1919 г., после образования Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС).

В том же году он стал членом Коммунистической партии Югославии (КПЮ), чья деятельность была запрещена уже в 1921 г. Более 20 последующих лет словенские коммунисты действовали нелегально, в разных партиях и под разными именами.

Густинчич был одним из организаторов компартии в словенских землях и вплоть до 1931 г. работал в центральном партийном руководстве. Как писал в своих воспоминаниях словенский историк, коммунист Ф. Клопчич, он являлся «светлой головой словенского коммунизма, главным его теоретиком после Первой мировой войны, пионером революционного решения национальных проблем нашего народа»¹.

В 1923 г. Густинчич, в то время работавший в Вене в Балканской коммунистической федерации**, первым из словенских коммунистов дал научно аргументированную критику распространенной тогда в Королевстве СХС унитаристской тео-

* ЮСДП была основана в Любляне в 1896 г. Предполагалось, что она объединит социалистов всех югославянских земель Австро-Венгрии, однако фактически вела свою деятельность только на большей части словенских земель, также в Далмации и Истрии. В 1897 г. ЮСДП вошла в состав Социал-демократической партии Австрии (СДПА).

** Балканская социал-демократическая федерация, созданная в 1910 г., в 1920 г. была переименована в Балканскую коммунистическую федерацию и присоединена к Коминтерну.

рии, провозглашавшей существование единого югославянского народа. Он доказывал, что сербы, хорваты, словенцы и македонцы являются четырьмя исторически сформировавшимися, зрелыми нациями, имеющими право на самоопределение, а не «племенами» единого югославского народа. Он предложил, чтобы компартия выступила за образование Дунайско-Балканской федерации республик². В 1923 г. Областной совет КПЮ по Словении выдвинул требование самостоятельности Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Македонии и Черногории в рамках Дунайско-Балканской федерации. Вскоре Коммунистическая партия Югославии приняла федералистскую национальную программу.

Сам родом из Приморья, Густинчич болел душой за национальную судьбу словенцев, оказавшихся под властью Италии. В своих статьях по национальной проблематике в 1925 г. он выступил за «полностью свободное самоопределение словенцев, хорватов и итальянцев вплоть до возможного отделения этих народов от Италии и присоединения к другому государству или даже до создания одной или нескольких новых независимых республик»³. Таким образом, он сформулировал «значительную часть программы и тактики словенских (и хорватских) коммунистов ... в Италии»⁴.

Во второй половине 1920-х годов всё чаще стали возникать конфликты между группой старых партийцев, сплотившихся вокруг Густинчича, и молодыми коммунистами (Д. Керманер, Ф. Клопчич и др.) по вопросам тактики партии. В целом нетерпимость и догматизм Густинчича, его нежелание приспособляться к внешним неблагоприятным обстоятельствам и гибко менять тактику партии в зависимости от конкретной обстановки в конце 1920-х годов начали приводить, по мнению Клопчича, к некоторому падению его авторитета в партии.

После введения в Королевстве Югославия монархической диктатуры в октябре 1929 г. на коммунистов обрушились репрессии. Многие лидеры компартии, и среди них Густинчич, были арестованы и посажены в тюрьму, другие эмигрировали. Партийное руководство в Словении практически перестало функционировать. В марте 1931 г. в Белграде состоялся суд

над коммунистами. Примечательно, что из словенских коммунистов оправдательные приговоры были вынесены только четверым (в том числе и Густинчичу), 36 человек приговорили к различным срокам тюремного заключения (эмигрировавших — заочно)⁵. После освобождения Густинчич с семьей перебрался в Вену и затем, получив советскую визу, через Варшаву и Минск, отправился на поезде в Москву. В 1932 г. к нему приехала жена Аница Локар с двумя сыновьями — 11-летним Юрием и пятилетним Илией.

Густинчич в течение двух лет работал старшим инженером в московской организации «Водопровод». Одновременно, с февраля 1932 г. до марта 1936 г., он занимал должность доцента в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), где преподавал математику и теорию национального вопроса. Густинчич также являлся членом Балканского совета Коминтерна. Жил и работал он под псевдонимом Данила Степанович Голубев. Жена Аница сначала работала машинисткой в КУНМЗ, а в 1938 г. была принята в Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР (с 1938 г. — Издательство литературы на иностранных языках) переводчицей и редактором текстов на словенском языке. Печатала она и все труды своего мужа.

По воспоминаниям жены Густинчича и его сына Юрия, жизнь в Москве поначалу стала для всей семьи «культурным шоком»⁶. Их потрясали пустые полки в магазинах, очереди, бедность большинства жителей и суровый климат. В Любляне уровень жизни населения был значительно выше. Юрий Густинчич вспоминал, что они не голодали, но жили в очень стесненных условиях («каждая рубашка была на вес золота»). Аница Локар отмечала, что перед их приездом в СССР жена словенского коммуниста Ивана Регента Милка, уже находившаяся в Москве, посоветовала ей в письме взять с собой в эмиграцию «всё, что можно, — от постельного белья до кухонной посуды». Были перевезены в Москву и рабочие инструменты мужа. А Регент, встретивший семью Густинчича на вокзале (сам отец семейства в то время был в командировке в Азии), заявил Анице, что Густинчич «совершил злодеяние, позвав их в Москву»⁷.

Нехватка нужных вещей в дальнейшем отчасти восполнялась благодаря посылкам от друзей из-за границы. Об этом свидетельствуют письма Густинчича. Так, в 1939 г. он просил своего друга словенского коммуниста Л. Кухара прислать ему из Вены некоторые книги, хорошую наливную перьевую ручку и стекла для очков⁸.

Семья Густинчича сначала снимала комнату у семьи Козловых; в 1933 г. поселилась в одной из комнат трехкомнатной квартиры в Балканском переулке, а затем Густинчич получил комнату в Сокольниках. Условия жизни в перенаселенных коммунальных квартирах были трудными, младшему сыну приходилось спать то на пианино, то на столе — в маленькой комнате не хватало места. Наконец, весной 1934 г. жилищные условия Густинчичей существенно улучшились: им выделили две комнаты в общежитии КУНМЗ по адресу: Петроверигский переулок, д. 6/8, кв. 377. Там они жили вплоть до эвакуации из Москвы осенью 1941 г. Отоваривались словенцы в единственном в то время в Москве магазине «Инснаб» («Иностранное снабжение») по карточкам, выдававшимся иностранным специалистам. И это было большой удачей — в «Инснабе» ассортимент товаров был значительно лучше, чем в обычных советских магазинах.

Оба сына Густинчича учились в гимназии им. Карла Либкнехта, преподавание в которой велось на немецком языке. В 1933 г., в письме Л. Кухару, он высоко отзывался о системе образования в СССР: «Школа здесь дает ребенку намного больше, чем у нас»⁹. Дорога в школу пешком по снежным сугробам или в переполненных и часто застревающих трамваях в 20-градусные морозы оказалась для детей суровым испытанием. Юрий проучился в гимназии до конца восьмого класса. Однажды, придя в школу, ученики не увидели ни одного из своих учителей — все они были арестованы. Юрия и Илию перевели в русскую школу¹⁰.

Семью Густинчича поражал диссонанс между уровнем жизни москвичей, по их мнению, очень низким, и высочайшим качеством культурной жизни столицы. Густинчичи часто ходили в театры, кино, консерваторию. Очень любили они

концерты Д.Д. Шостаковича. Впоследствии Юрий Густинчич признавал, что в Москве «в плане культурного развития» он получил больше, чем имел бы, оставшись в Любляне¹¹.

Общался Д. Густинчич по большей части с другими югославскими коммунистами — Б. Кидричем, Э. Карделем, Й.Б. Тито, С. Марковичем. Друзьями его были Ловро Кухар (писатель Прежихов Воранц), И. Регент (правда, в конце 1930-х годов отношения с ним испортились).

В Москве Густинчич продолжал заниматься разработкой экономических и национальных проблем своего народа. В 1933 г. по заданию Коминтерна он написал на немецком языке книгу «Национальная проблема словенцев», которую современные историки считают самым значительным из теоретических исследований словенских коммунистов по национальному вопросу первой половины 1930-х годов¹². В этом труде Густинчич представил основные вехи социально-экономического, политического и национального развития словенского народа и подробно проанализировал положение словенцев и состояние словенского национального вопроса, сложившиеся к началу 1930-х годов в Югославии, Италии и Австрии. Он сделал вывод о том, что словенцы являются полностью сформировавшейся нацией, и в заключительной (седьмой) главе книги выдвинул лозунг осуществления их права на самоопределение и создание собственного государства — Объединенной Словении. По его мнению, следовало создать «независимую, объединенную словенскую рабоче-крестьянскую республику, которая сможет свободно присоединиться к федерации народов, наиболее соответствующей ее экономическим и культурным потребностям»¹³. Словенский исследователь Д. Файдига отмечает, что Густинчич выступал за создание средневропейской республики, которая объединила бы словенцев с австрийцами и хорватами; включение сербских земель в ее состав им не предполагалось¹⁴.

Труд «Национальная проблема словенцев» так и остался в рукописи и через 70 лет вызвал споры у словенских историков. Первая жена Густинчича А. Локар в автобиографической книге «От Аницы до Анны Антоновны», утверждала, что перед отъездом в Испанию в 1936 г. ее муж передал свою рукопись

руководству КПЮ, она попала к Э. Карделю, находившемуся в то время в Москве, и тот издал ее в 1939 г. под псевдонимом «Сперанс». Сама Аница ознакомилась с книгой Карделя уже в 1945 г., по возвращении на родину. «Читаю и не верю своим глазам, — писала она. — Целые страницы материала я лично много раз перепечатывала для Драготина Густинчича». У нее возникло тогда ощущение, будто бы у них с Густинчичем «на самом деле отняли жизнь»¹⁵. В 2001 г. в статье, опубликованной в газете «Дело» («Труд»), А. Пухар утверждала, что авторство знаменитой книги Э. Карделя «Развитие словенского национального вопроса» принадлежало Д. Густинчичу, ссылаясь при этом как на воспоминания А. Локар, так и на одно из последних интервью Й. Б. Тито в 1979 г., в котором он якобы намекнул, что Кардель не являлся автором этой книги¹⁶. Однако историк Ф. Филипич, на основании тщательного анализа обоих текстов, пришел к выводу, что речь идет о двух совершенно разных произведениях, и обвинения Карделя в плагиате не обоснованны. Сын Густинчича Юрий, известный словенский журналист, в интервью, данном им Д. Файдиге в 2004 г., утверждал, что Кардель при написании своей книги использовал материалы его отца, но выводы сделал другие. Если Густинчич считал, что Словения должна иметь свободный выбор — в союз с каким государством ей следует вступить, то Кардель, «безусловно, привязывал ее к Югославии»¹⁷. Как бы то ни было, несомненно, что Кардель, работая над своей книгой, в той или иной степени использовал труд Густинчича.

В том же 1933 г. Д. Густинчич подготовил (вероятно, для Коминтерна) «Материалы к тезисам об экономическом и политическом положении в Словении». Охарактеризовав специфику экономического и политического положения словенцев в Югославии, Италии и Австрии, он выступил за проведение конференции компартий этих стран для разработки их общей политической линии по отношению к словенскому национальному вопросу. Он предложил, чтобы компартии трех стран подготовили манифест, в котором бы провозглашалось право словенского народа на политическое самоопределение¹⁸. В 1934 г. Коминтерн принял решение рекомендовать комму-

нистическим партиям Югославии, Австрии и Италии сделать общее заявление о признании права словенского народа на самоопределение¹⁹, и в том же году они выпустили совместную декларацию, в которой были поддержаны национальные требования словенцев.

И этот труд Густинчича не был опубликован. В своей автобиографии 1939 г. (неизвестно, для какой организации она предназначалась), подписанной псевдонимом «Голубев», он сообщал: «Поскольку партийное руководство во главе с Горкичем* вело себя чрезвычайно враждебно по отношению ко мне, обе эти работы (по национальному и экономическому вопросам. — Л. К.) остались в рукописях»²⁰. Бывшего секретаря ЦК КПЮ Милана Горкича, в числе многих других руководителей КПЮ, расстреляли в Москве в 1937 г. по обвинению в троцкистско-террористической деятельности и шпионаже, поэтому упоминание о плохих отношениях с ним прозвучало как свидетельство политической благонадежности самого Густинчича и, одновременно, важности его трудов, недооцененных Горкичем.

В середине 1930-х годов, после убийства С.М. Кирова, обстановка в Москве всё больше накалялась из-за набиравших силу репрессий. По воспоминаниям А. Локар, их знакомые стали пропадать один за другим: «Вокруг нас начались аресты. Сильная напряженность витала в воздухе, все были очень подавлены». Наступил момент, когда под угрозой оказался и Густинчич. Незадолго до закрытия КУНМЗ в 1936 г. обострились его отношения со студентами, которые в ходе жарких дискуссий обвинили своего преподавателя в «социал-демократическом уклоне», что в те годы было одним из худших политических обвинений. Чтобы разобраться в этой ситуации, руководство КПЮ организовало собрание, на котором выступили обе стороны со своими аргументами. Жене Густинчича, не являвшейся членом партии, подробности не были известны²¹. Кажется, что этот конфликт остался для Густинчича без последствий.

* Горкич Милан (1904–1937, настоящее имя Иосип Чижинский) — югославский политический деятель, секретарь ЦК КПЮ с 1932 по 1937 гг.

Однако вскоре он «по партийному заданию» уехал добровольцем на Гражданскую войну в Испанию. Поскольку ему было уже 54 года и раньше он никогда не проходил военную службу, его назначили на должность начальника почтовой службы и цензора в Интернациональной бригаде и присвоили звание капитана. В начале мая 1939 г. словенский коммунист вернулся из Испании в Москву в состоянии глубокого физического и нервного истощения. «Я и сам не знал, насколько устал, и лишь сейчас это чувствую, когда наступила реакция», — писал он Л. Кухару²².

Восстановив здоровье в санатории в Кисловодске, Густинчич вновь был готов приступить к работе, но тут начались проблемы. Отдел кадров Коминтерна вызвал его на допрос по обвинению в злоупотреблениях служебным положением в Испании. Кто-то из югославских коммунистов написал на него донос — будто бы он перед отъездом из Испании присвоил себе деньги, принадлежавшие группе югославских добровольцев. Второе обвинение — в излишних симпатиях к группе албанских добровольцев — выдвинул один «немецкий товарищ», бывший секретарь Густинчича в Испании. Первое обвинение Густинчич опроверг, предъявив расписку о доставке денег по назначению, второе сняли, получив его объяснения, что он стремился ввести немногочисленную группу албанцев в круг югославов для укрепления югославянской солидарности. Густинчичу даже предложили подать заявление для вступления в ВКП(б), что он и сделал, но, по неизвестным ему причинам, оно было отклонено²³.

И с трудоустройством у Густинчича по возвращении из Испании возникли сложности. КУНМЗ уже закрыли, в Издательство литературы на иностранных языках его на работу не взяли — против этого возражал И. Регент, занимавший там должность редактора югославского отдела²⁴. Густинчич хотел работать в созданном в 1925 г. при Коминтерне Международном аграрном институте в Москве, который занимался исследованием аграрного и крестьянского вопросов в разных странах, анализом аграрной политики коммунистических партий. Возглавлял этот институт один из руководителей Болгарской Коммунистической

партии, близкий друг Георгия Димитрова Васил Коларов. Поскольку специалистов по Югославии в тот момент в институте не было (работавшие там ранее Ф. Филиппович и Дж. Цвийич были репрессированы), просьбу Густинчича удовлетворили. Позже он писал: «Коларов не был мне рад, однако я был туда принят»²⁵. Болгарского коммуниста не устраивало то, что Густинчич в то время еще недостаточно хорошо говорил по-русски, но, узнав, что он пишет на немецком, французском и итальянском языках, Коларов взял его в институт. «Так, наконец, я поступил на ту работу, на которую хотел попасть с самого начала ... и которая наилучшим образом соответствовала моим знаниям и моим политическим устремлениям», — вспоминал Густинчич²⁶. По его словам, он «нашел взаимопонимание» с сотрудниками института, но хороших отношений с его руководством у него не сложилось. Густинчича интересовали прежде всего проблемы развития государственного капитализма в Югославии, имевшие, как он считал, большое значение для анализа политических условий в стране. По данной теме в его распоряжении было, по его мнению, достаточное количество достоверных источников. Однако Коларов поручил Густинчичу заняться изучением югославянской деревни, хотя материалов по этому вопросу в Москве было мало. В результате обе темы так и остались недоработанными — в связи с закрытием института осенью 1940 г.

Осенью 1939 г. Густинчич выступил с инициативой провести в Москве собрание, посвященное 30-летию Тиволийской и Белградской социал-демократических конференций. По его словам, они явились «важным событием в жизни нашего рабочего движения и заслуживают того, чтобы через 30 лет мы оценили их слабые и сильные стороны»²⁷. К тому же некоторые участники этих конференций (в частности, Коларов и Димитров) в то время находились в Москве и могли поделиться своими воспоминаниями. Густинчич написал статью на немецком языке об этих конференциях, в которой «подверг их марксистской критике», и представил ее Коларову. Тот не одобрил ни идею проведения собрания, ни статью Густинчича (который и сам признавал, что у него не хватало необходимых материалов)²⁸. Собрание так и не состоялось.

После закрытия Международного аграрного института его бывших сотрудников распределили в другие учреждения. Густинчич в 1941 г. стал сотрудником сектора славяноведения Института истории АН СССР, где и работал до своего отъезда на родину в 1945 г. Этот сектор, созданный в 1939 г., возглавил член-корреспондент АН СССР, видный ученый-славист Владимир Иванович Пичета (1878–1947), до 1929 г. являвшийся ректором Белорусского государственного университета. Как и многие из его коллег, он был репрессирован в 1931 г. и сослан в Вятку на пять лет. Новому научному подразделению предстояло решить немало важных задач. Во-первых, необходимо было переосмыслить все вопросы, связанные с историей славянства, а также обозначить новые исследовательские проблемы на основе марксистско-ленинской методологии. Во-вторых, в секторе ощущался острый дефицит кадров. Крупных российских славистов в результате эмиграции и репрессий в стране осталось мало, квалифицированных молодых специалистов не хватало из-за прежних гонений на славистику — их еще предстояло вырастить. Поэтому к работе охотно привлекали политических эмигрантов из славянских стран — Чехии, Болгарии, Югославии.

Густинчич так описал свою первую встречу с В.И. Пичетой осенью 1940 г. В сектор пришли три бывших сотрудника Международного аграрного института — сам Густинчич, Отто Фишер из Граца, участник австрийского рабочего движения 1934 г., «человек умный, но без высшего образования». Фамилии третьего Густинчич не помнил. Пичета спросил об их профессиях. «Мне показалось, что он удивился», что к нему в сектор прислали инженера-агротехника и корабельного механика, но «был любезен и ничего не сказал», — писал Густинчич в воспоминаниях²⁹. В 1941 г. он был принят на работу на должность старшего научного сотрудника.

Сектор был небольшим, всего 15–20 человек. Поскольку места в Институте не хватало, сотрудники работали на дому, но встречались очень часто — на различных заседаниях. Раз в месяц проводилось профсоюзное собрание. Деятельность профкома Густинчич оценивал высоко. Особенно удивило его то,

что один из членов профсоюза был обязан заботиться о здоровье сотрудников, навещать заболевших и помогать им, если они в чем-то нуждались. С Пичетой у Густинчича «было очень хорошее взаимопонимание»³⁰. Он дал ему лестную характеристику в своих воспоминаниях: «Пичета, хоть и был очень нервным человеком, являлся чрезвычайно корректным и приветливым начальником, и он превратил сектор славяноведения в настоящую семью научных сотрудников»³¹.

Человек высокообразованный, хорошо знавший марксистскую теорию, к тому же крупный специалист по экономике и национальному вопросу, Густинчич, несомненно, стал ценным приобретением для Института. Он занимался историей Хорватии и Словении, в СССР практически не исследованной. Советская общественность очень мало знала о словенцах, а в отечественной исторической литературе в тот период еще не было даже устойчивого названия этого народа. Показательно, что в начале своей статьи «Словенцы» Густинчичу пришлось сделать примечание, что их, «даже в научной литературе, часто неправильно называют словаками», и далее автор пояснял, что это два разных народа, и еще — что называть словенцев «словенами» «является также неправильным»³².

Накануне Великой Отечественной войны, весной 1941 г., Густинчич пережил личную драму — развод с женой. Аница оставила его и детей и вышла замуж за хорватского коммуниста Божидара Масларича. Впрочем, вскоре Густинчич познакомился с австрийской коммунисткой Розой Траутман, они поженились в Москве в 1943 г., по возвращении из эвакуации, и оставались вместе до конца жизни.

Большинство трудов, написанных Густинчичем во время войны, в период его работы в секторе славяноведения, по-видимому, так и остались в рукописях. Из его работ, опубликованных в этот период, нами пока найдены всего три — брошюра «Словения под игом Гитлера и Муссолини» (август 1941 г.)³³, статья «Словенцы (историческая справка)», опубликованная в «Историческом журнале» в 1942 г.³⁴, и статья «Традиции боевого единства народов Югославии», напечатанная в журнале «Славяне» в 1943 г.³⁵. Эти работы не относятся к разряду серь-

езных исторических исследований и имеют скорее публицистический характер.

В брошюре «Словения под игом Гитлера и Муссолини» Густинчич дает подробную характеристику географического положения словенских земель, социального и экономического развития словенцев, а также их истории. В сущности, он выделяет те же этапы национального развития словенцев, что и современные историки, при этом, согласно марксистской традиции, подчеркивая стремление словенского народа к национальному освобождению и объединению с сербами и хорватами. Автор доказывает, что словенцы, живущие на стыке славянской культуры с романской и германской, являются высококультурным народом и имеют собственные культурные традиции. В этой работе Густинчич впервые в советской исторической науке дал характеристику особенностей жизни словенцев, оказавшихся после Первой мировой войны за пределами Югославии. С большой описал он тяжелое положение словенцев в фашистской Италии, гонения, которым они подвергались. Вместе с тем Густинчич выразил уверенность в том, что фашизм в Словении, как и в других странах, — явление временное; словенцы с помощью СССР «не перестают бороться против общего врага», их национальное освобождение и возрождение недалеки, ибо «фашизм будет разгромлен»³⁶.

Основные тезисы этой брошюры Густинчича вполне соответствовали новому направлению национально-политической пропаганды, выработанному летом 1941 г. после нападения Гитлера на СССР. Разоблачение фашизма и развитие чувств патриотизма и солидарности народов в борьбе против него стали одной из приоритетных задач гуманитарных наук. Специалисты по славяноведению были призваны способствовать укреплению чувства славянской солидарности и показывать в своих работах, что славяне внесли ценный вклад в историю человечества, что они имели высокоразвитую культуру, и им изначально было присуще стремление к свободе. На научной сессии Отделения истории и философии АН СССР 23 сентября 1941 г. в таком ракурсе историю славян рассматривали многие ученые. Густинчич выступил на сессии с докладом «Югославия и гитлеровская Германия»³⁷.

После выхода брошюры о Словении Густинчич по заданию В.И. Пичеты написал брошюру «Борьба хорватского народа за свою национальную свободу» (64 машинописных страницы). Рукопись была положительно оценена Пичетой, который рекомендовал также внести в текст ряд дополнений, что и было сделано автором. Однако эта работа Густинчича так и не увидела свет — «из-за военных условий, а, может, и по другим причинам»³⁸. Пичета посоветовал словенскому исследователю расширить содержание брошюры и написать обширный очерк истории хорватского народа, еще мало изученной в СССР. Густинчич с энтузиазмом взялся за дело и вскоре написал книгу, состоявшую из пяти глав и охватывавшую историю хорватов начиная с древнейших времен и заканчивая современной борьбой против немецкого и итальянского фашизма. В этой работе он представил новую периодизацию истории Хорватии, основанную на главных этапах ее социально-экономического развития. Сектор рекомендовал очерк к печати, но предварительно его отдали на рецензию академику Н.С. Державину. А как известно, последний поддерживал теорию Н.Я. Марра о происхождении славян от готов и этрусков, которую Густинчич отвергал и которую, по его словам, «не одобрял ни один русский историк». Державин дал отрицательный отзыв на очерк, и в результате он не был опубликован³⁹.

Ознакомившись с рукописями Густинчича по национальному вопросу в Югославии, Пичета отметил разнообразие затронутых им тем и проблем и предложил ему рассмотреть какие-нибудь их них более глубоко и представить сектору эту работу в виде диссертации. «Вы потом заняли бы у нас другое положение» ... Подумайте! Для Вас это было бы не трудно», — убеждал Владимир Иванович словенца⁴⁰. От сдачи кандидатских экзаменов Густинчича освободили.

Ученый решил написать диссертацию о Тиволийской и Белградской социал-демократических конференциях и подробно осветить в ней историю югославянского вопроса накануне Первой мировой войны. Пичета посоветовал ему поискать необходимые документы в Институте Маркса-Энгельса-Ленина*, что

* В 1928 г. Институт В. И. Ленина постановлением ЦК ВКП(б) был объединен с Истпартом (Комиссией по истории Октябрьской революции и РКП(б)). В 1931 г. решением

очень помогло Густинчичу, который нашел там много интересных сведений по истории социал-демократических партий (прежде всего, болгарской). Изученные источники позволили ему выявить причины разногласий между балканскими социал-демократами, разрушивших их сотрудничество именно тогда, когда оно было «более всего необходимо». Густинчичу удалось собрать весь материал для будущей диссертации к тому времени, когда Институт истории стал готовиться к эвакуации из Москвы⁴¹.

Хотелось бы упомянуть еще о нескольких эпизодах деятельности Густинчича в Москве в начале войны (до эвакуации). Когда в Югославии возникло партизанское движение, в системе радиостанций Коминтерна, в составе московского радио, была создана радиостанция «Свободная Югославия» (ноябрь 1941 г.) — для пропаганды национально-освободительной борьбы против фашизма и информирования югославянских народов о международных событиях. Передачи велись на сербско-хорватском языке. Густинчич обратился к руководству радиостанции с предложением организовать передачи и на других языках народов Югославии. Аргументировал он свою позицию так: поскольку Югославия — многонациональное государство, то радиовещание исключительно на сербско-хорватском языке с политической точки зрения могло быть воспринято как свидетельство того, «что СССР выступает за централизм в Югославии».

Через несколько дней Густинчичу сообщили, что Радиокomitee принял решение открыть на радиостанции словенскую секцию, предложили ему стать редактором передач на словенском языке и попросили его подобрать для секции сотрудников. Густинчич представил список возможных кандидатур и охарактеризовал каждую из них. Несколько дней он ждал, когда его вызовут, чтобы приступить к работе, и вдруг услышал по радио словенскую речь! Пришел в Радиокomitee и увидел, что предложенные им сотрудники уже работают, но его место отда-

Президиума ЦИК СССР Институт В. И. Ленина был объединён с Институтом Маркса и Энгельса; так появился Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) (ИМЭЛ). В 1953 г. он был переименован в Институт Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина при ЦК КПСС. С 28 марта 1956 г. стал называться Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ). Существовал до 1991 г.

но другому словенскому коммунисту — Виктору Колеше. Между тем последний был малообразованным человеком и имел всего пять классов начальной школы. Он работал слесарем — мастером по изготовлению ключей и был профсоюзным деятелем. Неудивительно, что составление текстов передач вызывало у него большие трудности. Густинчич обещал ему помощь в их написании. Впоследствии он сотрудничал с московским радио вплоть до отъезда из СССР, работал в словенской, австрийской и итальянской секциях, иногда ему приходилось вести передачи на четырех языках⁴². Тем не менее неприятный осадок остался. Возможно, Густинчич не был принят на работу в редакцию «Свободной Югославии» из-за того, что одним из активных ее членов в то время являлся Б. Масларич, муж А. Локар.

По воспоминаниям самой А. Локар, ее новое замужество оказалось ощутимым ударом для Густинчича, поскольку развязало руки его врагам. Б. Масларич, тогда довольно влиятельный человек в Коминтерне, испытывал по отношению к нему крайнюю неприязнь. В начале октября 1941 г. Густинчичу предложили от имени словенцев выступить с речью об образовании Всеславянского комитета, однако в результате эту речь произнес И. Регент. Не стал Густинчич и членом Всеславянского комитета из-за того, что Б. Масларич отверг его кандидатуру и поддержал кандидатуру И. Регента⁴³.

Разумеется, было бы упрощением считать все эти неприятные эпизоды следствием личных отношений Масларича и Густинчича. Скорее они были проявлением общей тенденции — руководство КПЮ к началу 1940-х годов уже ориентировалось на более молодое поколение коммунистов, и Густинчича постепенно стали отстранять от участия в важнейших мероприятиях.

Осенью 1941 г. Густинчич с младшим сыном Илией уехал в Ташкент, куда эвакуировали сектор славяноведения Института истории. Старший сын Юрий, уже студент Московского университета, вместе с однокурсниками отправился в Ашхабад. В Ташкенте, несмотря на перенесенную им осенью 1942 г. тяжелую болезнь — крупозное воспаление легких, Густинчич в апреле 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Балканский союз 1912–1913 гг.». На русский язык диссертация-

цию перевела сотрудница сектора Л. В. Разумовская. По словам самого Густинчича, «защита вылилась в настоящую манифестацию в поддержку южнославянских и балканских народов». А через несколько дней он срочно вылетел самолетом в Москву, куда его вызвали для участия в III Всеславянском митинге⁴⁴.

По возвращении в Москву Густинчича ждал неприятный сюрприз — в его квартире поселился инженер, эвакуированный из Ленинграда, а все книги и вещи пропали (их вывезли, когда в доме лопнули трубы). На некоторое время его как делегата митинга разместили в гостинице «Москва». Через месяц квартиру вернули, вещи он разыскал, но личная библиотека, которую он собирал много лет, пропала, что, конечно, создало Густинчичу дополнительные трудности в научной работе.

9 мая 1943 г. Густинчич принял участие в III Всеславянском митинге. Вместе с другими его участниками он подписал «Манифест славянским народам». Однако на следующий день по радио от имени словенцев вновь выступил И. Регент, а Густинчичу поручили говорить от имени хорватов.

Вскоре из Ташкента вернулся и сын Илия, в 1943 г. в Москве он закончил школу. Густинчич продолжал работать в секторе славяноведения. Он отмечал, что после защиты диссертации его «положение улучшилось»: зарплата увеличилась, к тому же, стало проще получать подработки. Поскольку историю южных славян на историческом факультете МГУ уже преподавал Б.Т. Горянов, В.И. Пичета, заведующий кафедрой истории южных и западных славян, созданной в 1939 г., предложил Густинчичу место преподавателя сербско-хорватского языка. В весеннем и зимнем семестре 1944 г. Густинчич работал в университете в должности доцента. Он не только преподавал студентам (8–10 чел.) сербско-хорватский язык, но и разъяснял им различия между ним и словенским языком. Он отмечал: «Студенты регулярно посещали мои лекции и проявляли живой интерес к нашим языкам и истории южных славян».

Показателен перечень работ, выполненных Густинчичем в 1944 г.⁴⁵. Он написал статью «Балканский союз и Россия» и выступил с докладом на эту тему на заседании сектора. Пичета охарактеризовал этот труд как «интересное исследование око-

ло 3 п. л., основанное на тщательном изучении официальных документов, а также современной печати различных партийных направлений». Работа была написана для сборника «Россия и южные славяне», так и не увидевшего свет. По истории Словении Густинчич написал около 4,5 а. л., но работа его не была закончена — «за отсутствием материалов в библиотеках». Кроме того, в 1944 г. им были написаны: брошюра «Югославия» — географическо-экономическо-исторический очерк, более 20 статей для заграничных газет, доработана брошюра «Хорваты и национальная их политика» (3 а.л.). Пичета упоминает и о написании Густинчичем в первой половине 1944 г. статьи «Традиции совместной борьбы чехов и южных славян». В издательство Академии наук была сдана написанная им «История Хорватии», но до публикации дело так и не дошло. Помимо этого он перевел на словенский язык «ряд важнейших документов» — приказы Сталина, Конституцию СССР и др. Вёл Густинчич и общественную работу — исполнял обязанности профорга (профсоюзного организатора) сектора, читал лекции на тему «Югославия» в партийном кабинете в Кунцеве и в Лефортовской больнице. Активное участие принимал он и в деятельности Всеславянского комитета.

Весной 1944 г. черногорскому коммунисту, сотруднику «Свободной Югославии» В. Влаховичу и Д. Густинчичу поручили подготовить для Политиздата информативную брошюру о Югославии объемом 4—5 п.л. Влахович вскоре отказался от написания своей части работы, сославшись на нехватку времени. Густинчич один написал брошюру и в октябре заключил договор с издательством. Но затем его руководство уведомило Густинчича, что не сможет издать его труд, а напечатана будет брошюра русского автора. Впрочем, 60 % гонорара ему всё же выплатили. Когда вышла другая брошюра о Югославии*, Густинчич оценил ее негативно. Он счел, что издательству был нужен чисто пропагандистский, популяризаторский текст «без какого-либо глубокого экономического, исторического и политического анализа».

* Фамилию автора и название брошюры Густинчич не смог вспомнить, и установить их пока не удалось.

Но на этом история с брошюрой не закончилась. Через месяц Густинчичу позвонила секретарь Всеславянского комитета и предложила выкупить у него рукопись за ту цену, которую он бы получил, будь она издана. Оказалось, что собранные в ней материалы потребовались сотруднику комитета, собиравшемуся в поездку в США — для пропаганды среди югославянской эмиграции. Когда Густинчич отказался продать свою работу, ему пригрозили, что в таком случае дело будет разбираться в партии. Однако решения своего словенский коммунист не поменял⁴⁶.

Это был последний научный труд, написанный им в СССР. На 1945 год была запланирована разработка Густинчичем «темы первостепенной научной важности» — написание работы «Балканские войны 1912–1913 гг.» объемом 8–10 а. л.⁴⁷. Однако этим планам не суждено было осуществиться в связи с отъездом Д. Густинчича на родину. Сектор, как с сожалением отметил В. И. Пичета, лишился крупного специалиста, ценного научного сотрудника⁴⁸.

Осенью 1944 г. многие славянские эмигранты, жившие в Москве, с волнением ожидали возможности вернуться на родину. Густинчич вспоминал: «Мы говорили только о возвращении домой... Нигде я не чувствовал себя дома в такой степени, как в СССР, но — я был эмигрант»⁴⁹.

И начались его попытки связаться с виднейшими деятелями КПЮ, приезжавшими в Москву, чтобы определить дату своего отъезда и дальнейшие перспективы работы. Вскоре после освобождения Белграда (20 октября 1944 г.) в Москву приехал Э. Кардель. Он провел встречу с представителями югославской эмиграции, но Густинчича на нее не позвали. Последнему не были понятны причины такого пренебрежения, поскольку у него «не было никаких личных ссор с Карделем», хотя разногласия по политическим вопросам имелись. С посетившим Москву несколько позже М. Пияде Густинчичу встретиться удалось, но интереса к его работам тот не проявил. Наконец, в январе 1945 г. в Москву приехала югославская миссия во главе с М. Джиласом, о котором говорили, что он «очень влиятельный человек» в партии. Поскольку Густинчич был лично знаком с одним из членов миссии, А. Хербрангом (когда-то они вместе

отбывали срок в белградской тюрьме и симпатизировали друг другу), он решил встретиться с ним и узнать, «что происходит в партии». И был очень разочарован тем, что под предлогом занятости и усталости Хербранг отказался от встречи с ним. Тогда Густинчич решил обратиться напрямую к Джиласу, с которым до того не был знаком лично. Подойдя к нему в коридоре Коминтерна, он высказал свое желание поскорее вернуться домой, ведь там «так много нужных и полезных дел и так не хватает работников». В воспоминаниях Густинчич отметил: «Он выслушал меня без особого интереса, не задал мне ни одного вопроса и в конце концов отделался от меня расплывчатыми обещаниями... У меня было ощущение, будто я встретился не с товарищем, а с человеком, чувствующим себя неизмеримо выше всех других, конечно, и меня тоже»⁵⁰. Сопоставив это явное пренебрежение к нему со стороны новой партийной элиты с другими неудачами последних лет, Густинчич пришел к справедливому заключению, что в нем больше «не нуждались» и считали его «лишним»⁵¹.

Потянулись томительные дни ожидания отъезда на родину. В секторе славяноведения Густинчич в 1945 г. уже не работал, и ему совестно было приходиться в Институт за зарплатой, хотя никто не попрекал его этим. Наконец, в середине марта 1945 г. 30 югославских эмигрантов (среди них Густинчич и Регент) вместе с югославской танковой бригадой были отправлены на поезде в Белград. Оттуда, после официальных ужинов с Тито, а затем и с Карделем, Густинчич и Регент на самолете вылетели в Словению. Так через 14 лет словенский коммунист вернулся на родину.

Там он вскоре занял должности декана и профессора на экономическом факультете Люблянского университета. В 1948 г., из-за поддержки им политики Сталина и резолюции Информбюро, Густинчич был исключен из рядов КПЮ и осужден на тюремное заключение, которое отбывал вместе с женой с 1948 по 1951 гг. на Голем Отоке. В 1951 г., в связи с плохим состоянием здоровья, 69-летнего Густинчича выпустили на свободу. Ему вернули партийный билет, но в политику возврата уже не было. Умер Д. Густинчич в 1974 г. в Любляне. Его заслуги и

вклад в теорию национального вопроса были забыты. Во времена СФРЮ пресса вспомнила о нем лишь дважды: короткие заметки о Густинчиче появились в словенских газетах в 1972 г., когда он отмечал свой 90-летний юбилей, и в 1974 г.⁵², когда он умер. Затем, в начале 2000-х годов, произошел всплеск интереса к его личности в связи с публикацией воспоминаний его бывшей жены А. Локар, когда журналисты оживленно принялись муссировать вопрос об авторстве книги «Развитие словенского национального вопроса». Недавно теоретические изыскания по национальному вопросу, проводившиеся Густинчичем в 1930-е годы, были рассмотрены современным словенским ученым Ю. Перовшеком. И это всё. Никто из исследователей всерьез не занимался изучением его жизни и деятельности.

Д. Густинчич в целом сохранил теплые воспоминания о Москве, хотя жить и работать там в годы репрессий было не просто. В последние годы пребывания в Москве он испытал много разочарований. Хотя Густинчич и избежал страшной участи, постигшей многих его соратников по партии, угроза нависала и над ним. Кроме того, уже с середины 1930-х годов он постепенно терял свои позиции одного из ведущих теоретиков КПЮ, усиливались расхождения между ним и новыми лидерами партии по политическим и национальным вопросам, а в начале 1940-х годов его, похоже, вообще отодвинули на задний план.

Высокообразованный и талантливый человек, Густинчич много и плодотворно работал, написал ряд трудов по экономике и национальному вопросу. Он внес свою лепту и в развитие славяноведения в СССР. Не имея гуманитарного образования, он профессионально писал на исторические темы, причем, проявил себя как специалист широкого профиля, способный охватить большой круг проблем истории не только словенцев, но и хорватов, сербов, чехов. В СССР Густинчич стал первым специалистом по словенской истории, проложившим путь другим исследователям. И очень жаль, что большинство трудов, написанных им в те годы, так никогда и не были опубликованы.

Примечания

¹ *Klopčič F.* Desetletja preizkušenj. Ljubljana, 1980. S. 343.

² *Ibid.* S. 139.

³ *Ibid.* S. 212.

⁴ *Ibid.* S. 213.

⁵ *Ibid.* S. 393.

⁶ *Lokar A.* Od Anice do Anne Antonovne. Ljubljana, 2002. S. 94; *Fajdiga D.* Monografija Jurija Gustinčiča. Diplomsko delo. Univerza v Ljubljani. Fakulteta za družbene vede. Ljubljana, 2005. S. 10.

⁷ *Lokar A.* Op. cit. S. 90.

⁸ Arhiv Republike Slovenije (далее — SI AS) 1667. Gustinčič Dragotin. F. 1. M. 1. Д. Густинчич — Л. Кухару. Москва, 27.05.1939.

⁹ SI AS 1667. Gustinčič Dragotin. F. 1. M. 1. Д. Густинчич — Л. Кухару. Москва, 23.04.1933.

¹⁰ *Fajdiga D.* Op. cit. S. 10.

¹¹ *Ibid.* S. 10–11.

¹² *Perovšek J.* Gustinčičev Das nationale Problem der Slowenen // Samoodločba in federacija. Slovenski komunisti in nacionalno vprašanje 1920–1941. Ljubljana, 2012. S. 197.

¹³ *Ibid.* S. 216.

¹⁴ *Fajdiga D.* Op. cit. S. 9.

¹⁵ *Lokar A.* Op. cit. S. 109.

¹⁶ *Puhar A.* Ali bi k Speransu sodil še Anin, Alfa, mogoče Bor? // Delo. Ljubljana, 29.08.2001. Leto XLIII. Št. 198. S. 16.

¹⁷ *Fajdiga D.* Op. cit. S. 9.

¹⁸ SI AS 1667. Gustinčič Dragotin. F. 1. M. 1. Dragotin Gustinčič. Material za teze h gospodarskemu in političnemu položaju v Sloveniji, sestavljeno začetkom 1933.

¹⁹ *Kacin Vohinc M., Pirjevec J.* Zgodovina slovencev v Italiji 1866–2000. Nova Revija, Ljubljana, 2000. S. 25–28.

²⁰ SI AS 1231. Klopčič France. Dragotin Gustinčič. Curriculum vitae. Von Danil Stepanowitsch Golubev — Gustinčič Dragotin. Moskau, 28. August 1939. Передано лично Ф. Клопчичу 27.9.1972.

²¹ *Lokar A.* Op. cit. S. 108.

²² SI AS 1667. Gustinčič Dragotin. F. 1. M. 1. Д. Густинчич — Л. Кухару. Москва, 27.05.1939.

²³ *Gustinčič D.* Spomini (rokopis). III knj. Moja tretja emigracija. IV poglavje. Zopet v Sovjetski zvezi. Ljubljana, 1959–1964. S. 7–11. / Biblioteka Slovenske akademije znanosti in umetnosti, Ljubljana. Šk. R 105/II.

²⁴ *Lokar A.* Op. cit. S. 121–122.

²⁵ SI AS 1231. Klopčič France. S. 23. Dragotin Gustinčič. Podatki za biografijo ing. Dragotina Gustinčiča tov. Fr. Klopčiču. Ljubljana, 18. Septembra 1972. S. 21 (далее — SI AS 1231 Klopčič France. Dragotin Gustinčič. Podatki za biografijo).

²⁶ *Gustinčič D.* Spomini (rokopis). III knj. IV poglavje. S. 12.

²⁷ *Ibid.* S. 20.

²⁸ *Ibid.* S. 20–21.

- ²⁹ *Gustinčič D.* Spomini (rokopis). III knj. IV poglavje. S. 24.
- ³⁰ SI AS 1231. Klorčič France, Dragotin Gustinčič. Podatki za biografijo. S. 22.
- ³¹ *Gustinčič D.* Spomini (rokopis). III knj. IV poglavje. S. 29.
- ³² *Густинчич Д.* Словенцы (историческая справка) // Исторический журнал. М., 1942. № 3. С. 155.
- ³³ *Густинчич Д.* Словения под игом Гитлера и Муссолини. ОГИЗ, Госполитиздат, 1941.
- ³⁴ *Густинчич Д.* Словенцы. С. 155–159.
- ³⁵ *Густинчич Д.* Традиции боевого единства народов Югославии // Славяне. М., 1943. № 7. С. 35–37.
- ³⁶ Там же. С. 24.
- ³⁷ *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009. С. 166.
- ³⁸ *Gustinčič D.* Spomini (rokopis). III knj. IV poglavje. S. 40.
- ³⁹ Ibid. S. 44.
- ⁴⁰ Ibid. S. 47.
- ⁴¹ Ibid. S. 48–50.
- ⁴² Ibid. S. 50–53.
- ⁴³ Ibid. S. 54; *Lokar A.* Op. cit. S. 145.
- ⁴⁴ *Gustinčič D.* Spomini (rokopis). III knj. IV poglavje. S. 72.
- ⁴⁵ *Горяинов А.Н., Досталь М.Ю.* Документы к истории отечественного славяноведения 40-х годов XX в. // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX века. М., 1992. С. 116, 119, 142.
- ⁴⁶ *Gustinčič D.* Spomini (rokopis). III knj. IV poglavje. S. 83–87.
- ⁴⁷ *Горяинов А.Н., Досталь М.Ю.* Указ. соч. С. 121.
- ⁴⁸ Там же. С. 123.
- ⁴⁹ *Gustinčič D.* Spomini (rokopis). III knj. IV poglavje. S. 88–89.
- ⁵⁰ Ibid. S. 92–93.
- ⁵¹ Ibid. S. 90.
- ⁵² *Modle L.* Zapisek o življenju ing. Dragotina Gustinčiča // Delo. Sobotna priloga. Ljubljana, 17.08.1974. S. 20.

«Московский Ватикан»: замысел создания и попытки его реализации. 1943–1948 гг.

Когда 4 сентября 1943 г. на встрече с иерархами Русской православной церкви (РПЦ) Сталин фактически обосновал программу возрождения церковной жизни в СССР*, он поднял вопрос о материальной помощи государства «церковному центру». По ходу беседы выяснилось, что советский руководитель имел в виду создание, по его определению, «московского Ватикана». Хотя, на первый взгляд, вопрос был поставлен в узко-конкретном смысле («Вам надо создать свой Ватикан, чтобы там и Академия, и библиотека, и типография помещались, и все другие учреждения, необходимые такой крупной и значительной Патриархии, какой является Патриархия Московская», — говорил Сталин¹), само это определение представляется симптоматичным. Оно отразило далеко идущие размышления советского лидера о создании в лице Московской патриархии «ядра», способного объединить вокруг себя Православные церкви, установить гегемонию РПЦ в православном мире. Представляется, что параллель с Ватиканом выдавала также расчет на активное участие церкви во внешней политике с той лишь поправкой, что эта деятельность, в отличие от центра мирового католицизма, должна была осуществляться под руководством и контролем государства. Иначе не могло и быть, учитывая, помимо прочего, традиционное следование

* Речь идет о встрече в Кремле И.В. Сталина с патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским), митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием (Симанским) и экзархом Украины митрополитом Киевским и Галицким Николаем (Ярушевичем), кардинально изменившей характер государственно-церковных отношений в нашей стране.

РПЦ цезаропапистской модели* государственно-церковных отношений. Таким образом, по замыслу Москвы, Православной церкви предстояло стать важным инструментом для расширения советского влияния, закрепления в мировом общественном мнении формирующегося в ходе войны статуса СССР как сверхдержавы.

Замысел создания «московского Ватикана» возник не на пустом месте: он отталкивался от традиционных, восходивших к позднему Средневековью и раннему Новому времени представлений о «Руси — втором Иерусалиме» и «Москве — третьем Риме», и был близок религиозному сознанию православного клира, причем, не только в Советском Союзе. (Напомню, что идея тверского инок Фомы «Русь — второй Иерусалим» приписывала русскому православию официальное богословское определение универсальной Вселенской церкви, а максима старца псковского Елеазарова монастыря Филофея «Москва — третий Рим» первоначально обосновывала широкую миссионерскую деятельность Русской православной церкви среди нехристианских народов². Впоследствии же, в период возвышения Московского княжества, она явилась смысловой основой messiанских представлений о его роли и значении и о великих князьях Московских как преемниках римских и византийских императоров.) В религиозно-духовном плане обе концепции, сопрягаясь с утверждением «вселенскости» русского православия и указывая на Россию как на оплот истинной Церкви, способствовали оформлению национальной идеи, включавшей расчет на возможность достижения созвучия («симфонии») во взаимоотношениях власти и церкви, становились мощным духовным стимулом, нацеленным в будущее. Особое значение подобные настроения в церковных кругах приобретали под влиянием побед Красной армии. Так, глава Западноевропейского экзархата русских приходов митрополит Евлогий (Георгиевский) еще в ноябре 1944 г. после освобождения Парижа

* Цезаропапизм — восточная (византийская) модель отношений церкви и власти, унаследованная Московской Русью. Характеризуется признанием единства светской и духовной власти, их фактическим сращиванием (при различной степени мягкости/жесткости доминирования светской власти) и сакрализацией роли императора в управлении церковью.

сообщил Патриаршему местоблюстителю митрополиту Алексию о желании восстановить связи с Московской патриархией и выйти из-под юрисдикции Константинополя. В записанных с его слов воспоминаниях владыка Евлогий так передал свою мечту: «Огромная непобедимая Россия, от Ледовитого океана до Индийского..., гроза пограничных сильных держав, покровительница малых, сестра родная всех славян... и Москва — кто знает! — быть может, всемирный центр православия...»³

Зримым проявлением сходных размышлений и чаяний стал Поместный собор РПЦ, созванный в конце января 1945 г. для утверждения Положения об управлении Русской православной церковью и избрания нового предстоятеля РПЦ (патриарх Сергей (Страгородский) скончался 15 мая 1944 г.). Подготовку Поместного собора контролировал непосредственно Сталин⁴, и это существенно влияло на ход работы. Митрополит Алексей в письме семье своего секретаря и келейника Д.А. Остапова от 19 января 1945 г., указывая на большой объем и сложность организационных задач, отмечал: «Правительство широко идет навстречу нашим нуждам в этом отношении, и самые наиглавнейшие верхи своим участием облегчают эти заботы»⁵. Действительно, разработанный усилиями церковного руководства и Совета по делам РПЦ план мероприятий по подготовке и проведению Собора был утвержден первым заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотовым; тщательно готовились и затем утверждались на высшем уровне все значимые документы — приветствия, обращения, политические декларации; были обеспечены беспрепятственный выезд и своевременное прибытие в Москву делегатов от епархий во главе с епископами. Высокий уровень обслуживания делегатов и гостей гарантировали распоряжения правительства о выделении необходимых продуктов, мебели, автотранспорта, бензина, тканей и пр. Не забыли и о ковровой дорожке, по которой предстояло ступить участникам Собора: ее было отпущено 35 метров⁶.

Московский собор, благодаря стараниям организаторов, поражал не только числом участников и гостей (204 чел.), но и своей исключительной представительностью: в советскую

столицу прибыли патриархи Антиохийский Александр и Александрийский Христофор, католикос-патриарх всея Грузии Каллистрат, посланцы Вселенского и Иерусалимского патриархов — митрополит Фиатирский Герман и митрополит Севастийский Афинагор, делегации Сербской и Румынской православных церквей во главе с митрополитом Скоплянским Иосифом и епископом Арджешским Иосифом. Всего из-за рубежа приехали 33 высоких гостя. По просьбе митрополита Алексия власти распорядились передать в его безвозмездное распоряжение 28 ценных предметов православного культа из запасников Государственного музея в г. Загорске (ныне — Сергиев Посад) и 42 предмета из фондов Исторического музея в Москве для подарков почетным гостям. В масштабах цен того времени общая стоимость подарков определялась в полмиллиона рублей. Щедрые подношения ждали, в частности, восточных патриархов (небольшие по численности, но авторитетные в православном мире Восточные патриархии, как было известно в Москве, сильно нуждались). Александрийскому патриарху Христофору были преподнесены золотая панагия и золотой крест с драгоценными камнями, полное архиерейское облачение из золотой парчи и митра с драгоценными камнями. Патриарху Антиохийскому Александру вручили золотую панагию с драгоценными камнями, бархатную, шитую золотом митру и полное архиерейское облачение. В перечне подарков значились также книги и иконы Спасителя и св. Кирилла и Мефодия в драгоценных оправах⁷. Реакция потрясенных гостей не обманула ожиданий хозяев. На одном из приемов патриарх Христофор заявил о готовности восточных патриархов признать «распространение на них покровительства и внимания России в чисто христианском духе. Предания русского народа таковы, отметил высокий гость, что Правительство и Церковь смотрят на православный Восток и действуют по отношению к нему, как подобает христианам»⁸.

Условия военного времени усиливали и без того огромное впечатление, которое грандиозность и пышность Собора произвели на его участников. Глубину переживаний гостей передают слова одного из членов сербской делегации. Когда

при возвращении в Белград поезд шел через скалистые Южные Карпаты, он воскликнул: «Если бы мы и погибли здесь, то не жалко было бы после всего, что мы видели в России»⁹. Суммируя впечатления зарубежных делегатов, Председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов информировал правительство о том, что, по мнению многих иностранных представителей, центр вселенского православия следовало бы перенести в Москву, «поскольку Русская православная церковь является самой многочисленной и богатой в материальном отношении»¹⁰. «Журнал Московской Патриархии» констатировал, что «Собор выходит за рамки Поместного... По своему составу он приближается к типу Вселенских Соборов Православной церкви»¹¹. «Почти Вселенским» назвал Собор и митрополит Алеутский и Североамериканский Вениамин (Федченков). «Не перенес ли Глава Церкви, Господь Иисус Христос, центр ее в Москву? Не суждено ли первопрестольной исполнить давнее пророчество инока Филофея: “Москва — третий Рим”?», — вопрошал он. И сам отвечал: «Конечно, это еще более и сильнее обязывает Русскую церковь быть на деле достойной такого высочайшего положения в данный и ближайший момент истории. Но факт остается фактом: подобное собрание всей Церкви теперь могло быть лишь в белокаменной Москве»¹². В интервью журналисту Вильяму Г. Мелишу митрополит напомнил о будто бы высказанном в свое время патриархом Сергием намерении создать Федерацию автономных православных церквей. По словам владыки Вениамина, организаторы Собора вернулись к замыслу покойного иерарха, но обсуждение этого вопроса велось закрыто в небольших группах русскими церковными деятелями и отдельно патриаршими представителями Восточных церквей. По окончании Собора Карпов якобы «потребовал» представить письменные доклады по этому вопросу для рассмотрения, но «никакого официального решения ...принято не было, кроме как договоренности о том, что взаимные консультации об этом должны продолжаться»¹³. К сожалению, никакими документами, проливающими дополнительный свет на эту весьма важную информацию, мы не располагаем. Но если принять сказанное митрополитом на веру, то становится очевидным: замыслу со-

здания «московского Ватикана» еще предстояло обрести конкретную организационную форму.

Идея объединения православных церквей не была чужда и новому патриарху Алексию I (Симанскому), который, по свидетельству современников, отличался верностью традициям, глубокой религиозностью, притом «в твердо устоявшихся, застывших формах». В силу этого он соответствовал требованиям Сталина: воплощал старый русский консерватизм «без всяких излишеств и крайностей»¹⁴. «Пусть всё кругом меняется — мы должны остаться такими, какими мы были сотни лет назад, — говорил он в своем окружении. — Пусть наша неизменяемость, неподчиненность духу времени символизирует вечность Церкви. Нам радостно видеть, что нас и поныне окружает то же самое в Церкви, что мы видели с детских лет, чем жили отцы, деды и прадеды. Нам должно научиться хранить прошлое вопреки настоящему. В этом наша сила, в этом наша правда»¹⁵. Впечатление «человека старорежимного», и по аристократическому происхождению, и по воспитанию, и по культуре, патриарх Алексей производил и на некоторых сторонних наблюдателей, например, на посла Италии в Москве П. Кварони¹⁶. Вместе с тем, приняв в середине 1920-х годов наступившие в России социально-политические перемены*, патриарх оставался верен своему выбору до последних дней¹⁷. В откровенной беседе с Кварони он так обосновал свое отношение к советской власти: «Форма государства не должна интересовать церковь. Во время самых жестоких гонений на христиан святой апостол Павел советовал верующим молиться за Нерона, а потому и мы не нарушаем церковных правил, если молимся за Сталина и за советское правительство... Абсолютно противоречит христианским догматам совсем иное — материализм: как исторический, так и, в еще большей степени, диалектический. ... Против этого материализма мы и собираемся всеми

* Будучи членом Временного патриаршего Священного Синода в сане архиепископа Тихвинского, Алексей подписал синодальное послание пастве от 27 июля 1927 г. (иначе документ называют Декларацией 1927 г.) о лояльном отношении церкви к советской власти. До настоящего времени документ вызывает обвинения в адрес митрополита Сергия и других иерархов в капитулянтстве и предательстве интересов церкви, намеренном подчинении ее «безбожному» государству и установлении с ним «духовной симфонии». Нередко с этой же точки зрения критически оценивается и сам феномен «сергианства».

силами бороться, и если только нам сохранят ту свободу, которая у нас есть теперь, то мы наверняка победим»¹⁸.

Как явствует из личной переписки Алексия, он считал себя человеком нечестолюбивым, «предпочитавшим тихое житие внешней суетности»; избрание патриархом воспринял, как «тяжелое бремя», как послушание, «которое... не просил и которого не желал»¹⁹, но и с готовностью стойко нести свой крест и действовать на благо Церкви. Патриарх мечтал не только о расширении прав РПЦ в организации ее внутренней жизни, но и о международном триумфальном шествии русского православия. Не случайно уже в приветственной речи на открытии Поместного собора он отметил: «По величию собрания и по составу собравшихся это поистине Вселенский собор, ибо здесь, можно сказать, представлена вся Православная Святая Соборная Апостольская Церковь. Но мы *смирненно ограничиваем свои полномочия и будем обсуждать и решать дела лишь своей, Русской Православной Церкви*»²⁰ (курсив мой. — Т. В.). Данная знаменательная оговорка наталкивала на мысль, что так может быть не всегда, что РПЦ готова снять подобные ограничения, ставить и решать вопросы иного масштаба и иной сложности. И впоследствии в беседах с Карповым патриарх Алексей не раз говорил о переносе центра вселенского православия в Москву, желательности проведения в советской столице Вселенского собора и избрания на нем Вселенского патриарха. В близком окружении Алексей в то время охотно рассказывал о своей мечте создать «московский Ватикан» и, более того, предпринимал для этого некоторые практические шаги: например, хлопотал о выделении земельного участка и возведении на нем зданий для Синода и синодальных учреждений, типографии, мастерских, духовных школ и патриарших покоев²¹.

Казалось бы, известное совпадение интересов иерархов и светской власти сулило Русской церкви многообещающие перспективы. Однако было бы преувеличением констатировать в связи с этим полное единство в рядах отечественного духовенства и мирян. Выяснилось, что даже среди участников Собора имелось немало делегатов, кого настораживали «все виды внимания» к Русской церкви, проявленного властями. Их на-

строения, как говорилось в одном из документов Совета по делам РПЦ, определялись «большим сомнением и даже полным недоверием». Объяснялось это, главным образом, тем обстоятельством, что почти все сомневавшиеся в недалеком прошлом подвергались репрессиям, на собственном примере почувствовали «твердую руку» государства. Кардинальные изменения в поведении официального руководства, как и само проведение Собора, они вполне обоснованно связывали с «какими-то неясными еще моментами политической необходимости»²².

Впрочем, неясность эта была всё же относительной, поскольку уже в документах Собора содержались отдельные уставочные положения определенного внешнеполитического звучания, выходявшие за сугубо внутрицерковные рамки. Но если обращение «К христианам всего мира» лишь намекало, хотя и вполне определено, на «гуманные» призывы Папы Пия XII к «мягкому миру» в отношении гитлеровской Германии, то в принятом 7 февраля 1945 г. обращении «К народам всего мира» прямо подчеркивались усилия Ватикана «оградить гитлеровскую Германию от ответственности за все совершенные ею преступления» и, зывая к милосердию, «оставить после войны на земле фашистское, человеконенавистническое, антихристианское учение и его носителей»²³. Российский исследователь М. В. Шкаровский справедливо усмотрел в данном утверждении первую апробацию антикатолических планов советского руководства²⁴, связанных с проблемами организации послевоенного мира.

Претензии центра мирового католицизма на усиление влияния в международных делах, выразившиеся, помимо прочего, в замысле создания конфедерации Придунайских стран, а также намерении блокировать леворадикальные движения путем создания комитетов католического действия («Акцию католика»)²⁵, накаляли обстановку. Советское руководство, как следует из документов Совета по делам РПЦ, относящихся к весне 1945 г., уже на том этапе включило антиватиканскую составляющую в свою внешнеполитическую стратегию. При этом личность и деятельность кардинала Эудженио Пачелли (Папы Пия XII) оценивались весьма тенденциозно, прямолинейно и исключительно негативно, вне каких-либо попыток объяснить

причины политических компромиссов, на которые он часто шел в стремлении уберечь католическую церковь от разрушения антихристианскими властями²⁶. В этом, кстати, политическая практика Пия XII была аналогичной русскому «сергианству».

Вскоре после завершения Собора, основываясь на указаниях Молотова от 2 марта 1945 г., Совет приступил к тщательному изучению взаимоотношений между католицизмом и православием и истории связей РПЦ и Ватикана. Результатом явились конкретные предложения, направленные против римско-католической церкви и униатства как «защитников и пособников фашизма». Они были изложены в докладной записке Карпова Сталину от 15 марта 1945 г.²⁷. Отводя РПЦ в борьбе с католицизмом «значительную роль», Карпов предлагал провести ряд мероприятий по отрыву греко-католических (униатских) приходов СССР от Ватикана с последующим присоединением их к РПЦ, по использованию в западных республиках СССР групп старокатоликов, находившихся в оппозиции к Ватикану, и организации на западных территориях страны православных братств с предоставлением им права ведения миссионерской и благотворительной деятельности. Большой размах предстояло обрести деятельности по укреплению влияния РПЦ за границей: от присоединения автокефальной Православной церкви в Польше и Мукачевско-Прешовской православной епархии в Закарпатской Украине к Московской патриархии, от перехода в ее юрисдикцию православных церквей во Франции, Англии, Чехословакии, Швеции, Австралии, Алжире, Марокко и организации русских православных приходов в Бейруте, Дамаске, Иерусалиме, Каире, Александрии до — возврата бывших посольских храмов в Италии, Франции, Венгрии, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Греции, Швеции, Палестине с последующим восстановлением там духовных миссий. Не была в планах Совета обойдена вниманием и западная союзница Америка: задумывалось проведение в США Всеамериканского православного собора, на котором предстояло решить вопрос о создании под омофором РПЦ православной епархии (экзархата) с внушительным составом — 370 приходов вместо имевшихся к тому времени в юрисдикции Московской патриархии 12-ти²⁸.

В указанном документе имелся и еще один важный пункт — о проведении в Москве Всемирной конференции христианских (некатолических) церквей мира, то есть фактически Вселенского собора. По замыслу Совета, основная задача конференции заключалась в блокировании «претензий Ватикана на руководящее мировое значение». Этому должна была способствовать дискуссия по следующим докладам: об абсолютной несостоятельности католического догмата о примате Римского первосвященника; о несоответствии догмата о непогрешимости Папы данным Священного писания, истории и логике; о фашизме как антихристианской доктрине; о профашистской и антидемократической линии Ватикана в довоенные годы; о Ватикане как покровителе гитлеризма в годы переживаемой войны; о единодушии Русской и Восточных православных церквей, а также Англиканской и других неправославных церквей в деле борьбы с фашистскими угнетателями; о фашистских «крестносцах», варварски разрушающих храмы; о попытках Ватикана вмешаться в дело организации послевоенного устройства мира. «Решения данной конференции, — говорилось в записке, — будут представлять собою серьезные протесты всего христианского (некатолического) мира против деятельности и замыслов Ватикана и, безусловно, сыграют положительную роль в деле изоляции Ватикана и снижения авторитета папы»²⁹.

Мероприятие задумывалось с размахом. Помимо Православных Русской, Сербской, Грузинской, Болгарской, Греческой, Финляндской, Румынской, Константинопольской, Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской церквей, предусматривалось участие представителей неправославных церквей — Армяно-Григорианской (СССР, Ближний Восток, Балканы, Франция, США), Англиканской (Великобритания, США, Канада), Протестантской и Методистской (США, Великобритания, Финляндия, СССР), Коптской (Египет, Эфиопия), а также старообрядцев австрийского толка (СССР, Румыния) и старообрядцев-беспоповцев (СССР, США). Кроме того, допускалась возможность участия в конференции старокатоликов (Франция, США, СССР), членов Всемирного союза баптистов (США, Великобритания), евангелических христиан (США, СССР), если они выразят свое отношение к РПЦ³⁰.

Хотя инициатива созыва конференции должна была исходить от РПЦ³¹, намеченная программа четко отразила намерение советской стороны политизировать предстоявший форум, не дать его участникам замкнуться на обсуждении чисто догматических и канонических вопросов, использовать традиционные контакты РПЦ с разными конфессиями для осуществления советских внешнеполитических акций. Очевидно, что столь грандиозный замысел фактически открывал возможность распространения советского влияния на огромную часть христианского мира и прежде всего в силу этого получил поддержку «инстанции» и лично Сталина (на документе имеется резолюция: «Т[овари]щу Карпову. Согласен. И. Сталин»³²).

По всей вероятности, именно внешнеполитическая деятельность Московской патриархии стала основным вопросом, обсуждавшимся на встрече Сталина с руководством РПЦ 10 апреля 1945 г. На это недвусмысленно указывает состав ее участников: помимо новоизбранного патриарха Алексия в Кремле присутствовали митрополит Крутицкий Николай — руководитель недавно созданного в структуре Московской патриархии Отдела внешних сношений, управляющий делами патриархии протопресвитер Николай Колчицкий и нарком иностранных дел Молотов³³. Запись беседы, длившейся 55 минут³⁴, по сей день не опубликована, а из краткой заметки в «Журнале Московской Патриархии» (автором ее был митрополит Николай) следовало, что в Кремле по инициативе патриарха рассматривались конкретные вопросы создания «церковного центра» (заметим, что обсуждение шло в том же ключе, что и на встрече Сталина с иерархами в сентябре 1943 г., — размещение в едином комплексе зданий всех учреждений Патриархии — Богословского института и Богословско-пастырских курсов, типографии, Московского епархиального управления и пр.). Обсуждалась также предстоявшая в мае 1945 г. поездка патриарха Алексия в Святую Землю и страны Ближнего Востока с ответными визитами. Но этими вопросами встреча не ограничилась, о чем свидетельствовало лаконичное замечание митрополита Николая: «Беседовали мы и о некоторых других церковных начинаниях». Отметив сочувственное отношение к

нуждам церкви и сердечность встречи, владыка указал на обещанную поддержку церкви государством и в дальнейшем³⁵.

Думается, уместно предположить, что «другие церковные начинания» касались, в первую очередь, тех направлений деятельности РПЦ, которые изложил Карпов в вышеупомянутой записке Сталину от 15 марта 1945 г., и что именно их готовы были поддержать официальные власти. На это указывают дававшиеся ими установочные оценки значения РПЦ в «большой политике» Москвы как «довольно сильного рычага» в распространении советского влияния в мире, важного «козыря в Прибалтике, в Восточной Европе, за границей вообще»³⁶. Это, в частности, не раз подчеркивал в беседах с Карповым заместитель главы правительства К.Е. Ворошилов, с марта 1946 г. курировавший деятельность Совета по делам РПЦ.

На достижение указанной цели была направлена активная деятельность РПЦ по воссоединению русских эмигрантских приходов. По существу, с одобрения государственных «верхов» происходило восстановление традиционных для русского православия многовековых контактов в конфессиональной сфере. Охватив Германию, Австрию, Венгрию, Великобританию, Францию и другие страны, этот процесс вскоре вышел за пределы Европы, распространившись в Америке, Азии, Африке. Только в 1945–1946 гг. представители Московской патриархии побывали в 17 странах мира, сумели привести под юрисдикцию РПЦ трех митрополитов, 17 епископов и 285 православных приходов. В эти же годы Москву посетили 13 зарубежных церковных делегаций. Расширяя, таким образом, сферу своего влияния и деятельности за пределами СССР, Русская церковь, как указывалось в докладе Карпова Сталину об итогах работы Совета в 1943–1946 гг., в целом успешно использовалась «в качестве канала для проведения нашего влияния за рубежом»³⁷, хотя этот процесс протекал далеко не всегда гладко, без срывов. Среди причин этого М.В. Шкаровский назвал «явную компрометирующую зависимость» Московской патриархии от государственных органов, открытое выступление РПЦ против Ватикана, а также прямое давление некоторых западных государств, в том числе и бывших союзников СССР в войне³⁸.

В документах соответствующих советских инстанций все эти процессы внимательно отслеживались, но особое внимание уделялось высказываниям зарубежных церковных деятелей в пользу признания особой роли и значения РПЦ в православном мире, превращения Москвы в центр православия.

По наблюдениям историка-религиоведа М.И. Одинцова, задача созыва Вселенского православного собора в Москве активизировалась весной 1946 г. в связи с усилением деятельности экуменистов по подготовке Всемирной ассамблеи и четко проявившимися намерениями руководителей экуменического движения* политизировать его³⁹. В частности, на Всемирной конференции в феврале 1946 г. в Женеве прозвучали требования ревизии Потсдамских договоренностей по Германии, особенно в части ее экономического потенциала, был поставлен вопрос о смягчении оккупационного режима, главным образом, в советской зоне⁴⁰. Это привело к началу постепенного пересмотра под давлением властей ранее вполне лояльного отношения РПЦ к экуменическому движению.

Вопрос о созыве Вселенского собора активно обсуждался в Совете по делам РПЦ при активном участии патриарха Алексия. Именно по его предложению был изменен формат будущего форума: Алексей полагал целесообразным провести в Москве весной 1947 г. Вселенское Предсоборное совещание, подготовка которого, как он считал, потребовала бы меньше времени. 29 мая 1946 г. Совет министров разрешил Совету по делам РПЦ дать согласие Московской патриархии на проведение означенного совещания с участием глав всех православных автокефальных церквей мира. В правительственном постановлении формулировались и основные задачи совещания — «выработка общей линии по борьбе с Ватиканом», отношения к экуменическому движению, обсуждение вопроса о созыве в Москве Вселенского собора и др.⁴¹. На протяжении мая-июня

* Экуменическое движение (от греческого *oikuménē* — ойкумена — обитаемый мир, Вселенная) предполагало объединение всех христианских церквей мира (православной, протестантской, католической) в одну всемирную церковь или, как минимум, обеспечение единства их позиций в вопросах общественной жизни. Основные пути достижения этой цели — внедрение в общество богословского вероучения и христианской морали и организованное влияние через церковь на политику правительств.

в Московской патриархии и Совете по делам РПЦ были подготовлены предварительная программа и план проведения совещания⁴². Однако 13 января 1947 г. в письме Карпову патриарх Алексей известил о своей готовности «удовлетворить общему желанию Православных церквей Востока, славянских церквей, а также прочих автокефальных церквей», создав в «центре православия», Москве, *Собор* их представителей для обсуждения вопросов «борьбы с натиском католичества, усиливающимся во всех важнейших пунктах православия», а также отношения к экуменическому движению. Называлась и дата — 1–10 октября 1947 г.⁴³. А уже 23 января 1947 г. начала работу Комиссия РПЦ, утвердившая повестку дня, тексты приглашений и конкретные вопросы организации встречи⁴⁴.

1 февраля 1947 г. руководители Советов по делам РПЦ и религиозных культов Г.Г. Карпов и И.В. Полянский в записке в ЦК ВКП(б) изложили план борьбы с Ватиканом, в основу которого был положен принцип «очищения» Католической церкви от элементов, организующих вмешательство в политическую борьбу и устанавливающих теократию. Предлагалось разделить католическую церковь на «национальные («автокефальные») церкви», независимые от Ватикана. В таком случае, считали авторы записки, Католическая церковь «могла бы быть терпима на тех же основаниях, как и другие вероисповедания»⁴⁵. Четко определялась и задача РПЦ — выступить инициатором международного христианского движения под лозунгом «освобождения католиков от папизма». В качестве первого шага предполагалось выпустить «Обращение ко всем христианам мира». В Москве рассчитывали, что после опубликования этого документа к нему присоединятся другие христианские церкви, в том числе и некоторые католики (в Польше, Югославии, США, Бразилии). Авторы плана полагали, что на совещании 1947 г. в Москве можно будет создать исполнительный орган нового движения. Место пребывания последнего должна была стать советская столица, а его ближайшей задачей — подготовка созыва Всемирной конференции христианских церквей, задуманной еще в марте 1945 г.⁴⁶. Организуя борьбу с Ватиканом, Русская церковь должна была возглавить всемирное христиан-

ство, что давало возможность осуществлять советское влияние фактически на бóльшую часть человечества.

Некоторые пункты плана Карпова–Полянского вызвали возражения «инстанции». Во всяком случае, в очередной записке Карпова в ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР, датированной апрелем 1947 г., из перечня мероприятий по ослаблению влияния Ватикана был изъят пункт о создании национальных Католических церквей*. В документе отмечалась важность осуждения папизма с точки зрения вероучения и создания всемирно-христианского антипапского движения. Основой его мыслился альянс Православных церквей во главе с РПЦ при возможном участии в нем всех других вероисповеданий. Исполнительный орган движения также предстояло создать на встрече в Москве⁴⁷. Иными словами, произошла окончательная подмена первоначального замысла «московского Ватикана», который отныне мыслился не как координирующий центр мирового православия, а, прежде всего, как организатор движения против мирового католицизма.

В начале 1947 г. сроки и формат московской встречи определились окончательно. В отчетном докладе Карпова правительству от 14 февраля об итогах работы в 1946 г. «подготовка созыва в Москве Предсоборного совещания и Вселенского собора всех православных церквей мира» открывала перечень мероприятий, «имеющих принципиальное и политическое значение», причем основная задача Собора, намечавшегося на 1948 год — год празднования 500-летия самостоятельности Русской православной церкви**, — сводилась к присвоению Московской патриархии титула Вселенской⁴⁸.

В апреле 1947 г. патриарх Алексий разослал известительные грамоты главам всех православных церквей с программой совещания. Показательно, что в письме Константинопольскому патриарху он назвал будущую московскую встречу «совмест-

* Судя по документам из фонда Совета по делам религиозных культов, идея раскола Католической церкви время от времени реанимировалась вплоть до 1950 г.

** В 1448 г. Поместный собор епископов избрал епископа Рязанского Иону митрополитом Киевским и всея Руси, оформив, таким образом, обретение Русской церковью самостоятельности (автокефальности) и независимости от Константинопольского патриарха.

ным совещанием предстоятелей всех Православных церквей», а отнюдь не Предсоборным. «Гвоздем» совещания, безусловно, являлись пункты «о практической враждебности инославия, превращающего святое миссионерское дело в чуждую Христовой заповеди антиправославную пропаганду, иногда трудно отличимую от политических акций» (антиватиканская направленность очевидна!), и об участии, «и в какой форме», в экуменическом движении. «Наблюдение за экуменическими путями в течение ряда лет пока не дали Русской православной церкви полной уверенности в истинности этого пути, — отмечалось в письме, — поэтому Русская церковь не решается одна, без обеспечения себе поддержки со стороны братских церквей, ни войти в ряды сотрудников экуменического движения, ни выразить этому движению обоснованный, хотя и горький для него, отказ». Патриарх также дал понять, что могут быть рассмотрены также и другие вопросы, волновавшие Поместные церкви⁴⁹.

Для обеспечения нужной Москве ориентации высоких гостей тщательно продумывалась система их поощрения, в частности, готовилась торжественная передача Иерусалимской, Сербской, Александрийской и Антиохийской церквам храмов-подворий в Москве, а также весомые денежные подарки главам Константинопольской, Греческой, Кипрской, Албанской и Сербской церквей. На окончательное решение этих вопросов, как свидетельствуют документы, влияли отнюдь не религиозные факторы. Определяющими становились «политические настроения» и демонстрация лояльности по отношению к РПЦ. Именно «недоброжелательная позиция» патриархов Иерусалимского Тимофея и Александрийского Христофора явилась для Совета по делам РПЦ основанием отклонить соответствующие ходатайства Московской патриархии в отношении этих иерархов⁵⁰. Имелись, как выяснилось, и иные причины. Из Отдела стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР сообщили, что патриарх Христофор «не получил от Алексия должной [материальной] поддержки, на которую рассчитывал, и сейчас в связи с этим ориентируется на Грецию и Америку»⁵¹.

В Москве вполне адекватно оценивали сложившуюся в православном мире обстановку и предвидели неизбежные

трудности в работе совещания, поскольку инициативы РПЦ явились сильнейшим раздражителем, вызвали в руководствах некоторых православных церквей негативный отклик. В начале июля 1947 г. Восточные патриархи Христофор и Тимофей и глава Кипрской церкви архиепископ Леонтий в письмах патриарху Алексию заявили об отказе от участия в московской встрече. Причины были двоякими: с одной стороны, канонически выдержанная позиция, в соответствии с которой правом созыва Вселенских соборов обладала лишь Константинопольская патриархия как первая на православном Востоке, с другой, — «опасение... большевистского влияния» на ход совещания, «политического вмешательства и давления», «тревожность международной обстановки, наличие существенных разногласий в мире»⁵². Seriously осложнилось положение и в Константинопольской патриархии. В связи с болезнью отошел от дел настроенный лояльно к РПЦ патриарх Максим, ужесточилась позиция его окружения в вопросе о лидерстве в православном мире и претензиях на него РПЦ. Отражая подобные настроения, каирская газета «Фис» писала, что «совето-церковное совещание присвоило себе право, принадлежащее одной лишь Вселенской патриархии», что на предстоящую в Москве встречу «налагает свою печать безрелигиозный Кремль», вследствие чего она «будет, в сущности, славянским собором с подозрительными целями»⁵³.

Значительные усилия, направленные против реализации «московского замысла», прилагал Ватикан, широкая кампания по компрометации РПЦ развернулась в западной прессе, на православных иерархов со стороны Запада оказывалось сильное давление. Колебания испытывала и часть православного клира в Сербской, Болгарской, Антиохийской и других церквях. Заметим, что острая антиваканская позиция руководства РПЦ, агрессивный и вызывающий тон высказываний встретили неодобрение и у некоторых русских священнослужителей. Не собирать «всю грязь», не забывать в пылу полемики «о чудесах и святых» Католической церкви предлагал, в частности, авторитетный в кругах РПЦ архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (прославленный хирург В.Ф. Войно-Ясенецкий).

Чтобы «сохранить лицо», Москве пришлось отступить. В августе 1947 г. патриарх Алексий известил глав автокефальных церквей о переносе намеченной встречи «ориентировочно на лето будущего 1948 г.». Называлась причина — необходимость более тщательной подготовки докладов. Скромнее была сформулирована и цель совещания — празднование 500-летия автокефалии Русской церкви. Расчет, однако, заключался в том, чтобы, по словам патриарха Алексия, «соединить церковное празднование этого события с деловыми собраниями»⁵⁴. Но во властных структурах формулировки целей совещания претерпевали изменения, сжимаясь при этом подобно шагреновой коже. 13 февраля 1948 г. Совет по делам РПЦ докладывал в правительство, что в современной международной обстановке важность приобретает задача сохранить «сложившееся единство православных церквей стран новой демократии путем более тесного сплочения их вокруг Русской православной церкви»⁵⁵. А в докладной записке Карпова Ворошилову от 9 мая 1948 г. уточнялось, что «Московское церковное совещание будет иметь значение как демонстрация сплочения большинства православных церквей в деле поддержки антиимпериалистических демократических сил в их борьбе против поджигателей новой войны»⁵⁶. Заметим, что новая лексика отразила наступление важного этапа во внешнеполитической деятельности Русской церкви, связанного с борьбой за мир.

В июле 1948 г. совещание в Москве открылось. Внешне оно было достаточно представительным, собрав делегатов от 10 автокефальных церквей из 13 существовавших. Однако из четырех восточных патриархов не приехал ни один. Митрополит Эмесский Александр представлял Александрийского и Антиохийского патриархов. Две делегации — от Константинопольской Вселенской церкви во главе с экзархом по Европе митрополитом Фиатирским Германосом и от Греческой (Элладской) церкви во главе с митрополитом Филиппийским Хризостомосом прибыли лишь на торжества по случаю 500-летия автокефалии РПЦ и в последующей работе совещания не участвовали. Стало очевидно, что привести мировое православие «под крыло» Русской церкви не удастся. С того времени из

государственно-церковного лексикона исчезают всякие упоминания о «московском Ватикане».

Явную неудачу хозяева постарались компенсировать масштабами и помпезностью московской встречи. Три московских храма были переданы для подворий Антиохийской, Болгарской и Сербской церквам. По традиции гостям была предоставлена возможность посетить столичные музеи, театры и выставки. 16 июля в Большом зале консерватории им. П.И. Чайковского состоялся Духовный концерт Государственного симфонического оркестра под управлением Н.С. Голованова, в котором были задействованы лучшие голоса Большого театра Союза ССР — М.П. Максакова, М.Д. Михайлов, Г.М. Нелепп, А.С. Пировов, Н.Д. Шпиллер. Зарубежные иерархи активно участвовали в проведении богослужений в столичных храмах. По окончании совещания делегации разъехались на экскурсии по стране — в Ленинград, Киев, Тбилиси. Впечатления переполняли гостей. Митрополит Пловдивский Кирилл по возвращении на родину написал брошюру о торжествах в советской столице, подчеркнув «глубокую молитвенность, грандиозность и блеск»⁵⁷. Но это была, конечно, внешняя сторона дела. Объективные последствия совещания оказались весьма скромными. Но тем не менее их не следует недооценивать.

Фактически была решена задача-минимум: создан регионально ограниченный восточноевропейский блок православных церквей под руководством РПЦ. В его основание оказались заложенными единогласно принятые «Обращение к христианам всего мира», направленное против Папы Римского и Америки как «гнезда протестантизма», а также постановления «Ватикан и Православная церковь», «Экуменическое движение и Православная церковь». Содержавшие богословские определения эти и другие документы совещания (в том числе — «Об англиканской иерархии», «О церковном календаре»), рассматриваемые в контексте современной полемики об отношении православия к инославию, включая и экуменизм, сохраняют актуальность и в наши дни⁵⁸.

В целом замысел создания «московского Ватикана» способствовал формированию и функционированию специфиче-

ского (церковного) канала советского влияния, а РПЦ определенным образом участвовала в реализации геополитических замыслов советского руководства. Эта деятельность пришлась на сложный период, когда в Восточной Европе шло утверждение режимов народной демократии и советский блок находился в стадии формирования. Создание объединения православных церквей в регионе, вошедшем в сферу советского влияния, явилось одним из факторов, способствовавших складыванию bipolarной модели послевоенного мира.

Примечания

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
- ² *Бессмертный А.Р.* Национализм и универсализм в русском религиозном сознании // На пути к свободе совести. М., 1989. С. 133.
- ³ Цит. по: *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999. С. 291.
- ⁴ *Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов: в 2-х томах /Отв. ред. Т.В. Волокитина. Т. 1. 1944–1948. М., 2009. С. 86–90.*
- ⁵ Выдержки из писем митрополита/патриарха Алексия (Симанского) семье Даниила Андреевича Остапова — www.pravmir.ru/prinimayu-eto-poslushannie-unikalnyie-fotografii-pomestnogo-sobora-1945-goda.
- ⁶ *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999. С. 50.
- ⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 32. Л. 111, 170–177.
- ⁸ Журнал Московской Патриархии. 1945. № 2. С. 79.
- ⁹ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. Очерки истории. М., 2008. С. 208.
- ¹⁰ *Одинцов Михаил.* Патриарх Победы. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского). М., 2015. С. 307.
- ¹¹ Журнал Московской Патриархии. 1945. № 2. С. 32.
- ¹² Цит. по: *Протоиерей Владислав Цыпин.* История Русской церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 328.
- ¹³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 65. Л. 322.
- ¹⁴ *Протоиерей Владислав Цыпин.* История Русской церкви. С. 330.
- ¹⁵ Там же. С. 331.
- ¹⁶ *Роккуччи Адриано.* Сталин и Патриарх. Православная церковь и советская власть. 1917–1958. М., 2016. С. 220.
- ¹⁷ *Одинцов Михаил.* Патриарх Победы. С. 299.
- ¹⁸ Цит. по: *Роккуччи Адриано.* Сталин и Патриарх. С. 220.
- ¹⁹ Выдержки из писем митрополита/патриарха Алексия (Симанского) семье Даниила Андреевича Остапова — www.pravmir.ru/prinimayu-eto-poslushannie-unikalnyie-fotografii-pomestnogo-sobora-1945-goda.

- 20 Журнал Московской Патриархии. 1945. № 2. С. 36.
- 21 *Одинцов Михаил*. Патриарх Победы. С. 307–308.
- 22 *Одинцов М.И.* Государство и церковь в годы войны: Докладные записки председателей Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов при СНК СССР. 1945 год // Исторический архив. 1995. № 4. С. 123.
- 23 Журнал Московской Патриархии. 1945. № 2. С. 16, 17.
- 24 *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. С. 298.
- 25 *Васильева О.Ю.* «Нам нужно сильное православие...» // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института. Материалы 1998 г. М., 1998. С. 268–271.
- 26 Подробнее см.: *Величко О.И.* Пий XII в отечественной историографии второй половины XX в. // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. Дискуссионные аспекты / Редколлегия: д.и.н. Г.П. Мурашко, д.и.н. М.И. Одинцов. М., 2003. С. 166–180.
- 27 Власть и церковь в Восточной Европе. Т. 1. 1944–1948. С. 99–100.
- 28 Там же. С. 102–105.
- 29 Там же. С. 105–106.
- 30 Там же. С. 105.
- 31 ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1 Д. 29. Л. 68; *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. С. 63.
- 32 Власть и церковь в Восточной Европе. Т. 1. 1944–1948. С. 107.
- 33 Журнал Московской Патриархии. 1945. № 5. С. 3.
- 34 На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953). Справочник / Авторы-составители: А.В. Коротков, А.Д. Чернев, А.А. Чернобаев. М., 2008. С. 451.
- 35 Журнал Московской Патриархии. 1945. № 5. С. 25–26.
- 36 Цит. по: *Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в в СССР. М., 1992. С. 202.
- 37 ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 95, 98, 101, 108.
- 38 *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. С. 292–295.
- 39 *Одинцов Михаил*. Патриарх Победы. С. 316.
- 40 Подробнее см.: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. С. 144–145.
- 41 [*Диакон Андрей Кураев*]. Архиерейское совещание 1948 года и современные мифы о нем — <http://www.k-istine.ru/pseudoconfession/pseudoconfession-088.htm>.
- 42 Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров / Совете министров СССР. 1945–1970 гг.: в 2-х томах / Под ред. Н.А. Кривовой. Т. 1. 1945–1953 гг. М., 2009. С. 225–226.
- 43 Там же. С. 224, 223.
- 44 Там же. С. 233.
- 45 Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 506. Л. 13–14.
- 46 «Русская православная церковь стала на правильный путь...». Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г.Г. Карпова И.В. Сталину. 1943–1946 гг. / Публ. М.И. Одинцова // Исторический архив. 1994. № 3. С. 96.

- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 506. Л. 13.
- ⁴⁸ *Одинцов М.И., Чумаченко Т.А.* «Работа Совета по делам Русской православной церкви носила политический характер...» // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сборник докладов и материалов международных, общероссийских и межрегиональных научно-практических семинаров и конференций 2004–2005 гг. М., 2005. С. 480.
- ⁴⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 65. Л. 3.
- ⁵⁰ Там же. Оп. 1. Д. 150. Л. 29–30.
- ⁵¹ Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви. С. 385.
- ⁵² ГА РФ. Оп. 1. Д. 150. Л. 20–21.
- ⁵³ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. С. 97–98.
- ⁵⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 65. Л. 73.
- ⁵⁵ Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви. С. 335.
- ⁵⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 289. Л. 153.
- ⁵⁷ Пловдивски Кирил. Гости на Руската църква. Пловдив, 1949. С. 26–27.
- ⁵⁸ *Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.* К 55-летию Отдела внешних церковных связей Московского патриархата // Церковь и время. 2001. № 3. С. 28; *Кригер М.* Всеправославное совещание 1948 года в Москве // Благодатный огонь. 1998. № 2. С. 35–54; *Протоиерей Павел Бубнов.* Московское совещание 1948 г.: предыстория определений по экуменическому вопросу — minda.by/moskovskoe-soveshchaniye-1948-g-predyistoriya.

Дважды во главе посольства Югославии в Москве: деятельность Велько Мичуновича в 1956–1958 гг. и 1969–1971 гг.

Деятельность крупного югославского дипломата времен первой холодной войны Запада и России/СССР, успешного государственного деятеля «второй», титовской Югославии черногорца Велько Мичуновича (1916–1982) уже привлекала внимание исследователей¹. Он заложил прочные основы своей последующей успешной политической карьеры на подпольной работе в рядах Коммунистической партии Югославии (КПЮ) на оккупированных югославских территориях в годы Второй мировой войны. Он был практически пожизненно защищен от всех политических невзгод участием в антифашистской партизанской борьбе во главе с И. Броз Тито². Во второй половине 1940-х годов Мичунович продолжил восхождение к вершинам нового режима из верхних эшелонов карательных органов коммунистической власти. Более двух десятилетий своей активной политической жизни он провел на дипломатической работе. В феврале 1952 г. он был переведен на службу во внешнеполитическое ведомство Федеративной Народной Республики Югославия (ФНРЮ) на ответственную должность одного из заместителей руководителя этого ведомства. Исследователи отмечали, что еще в последние месяцы руководства Э. Карделя деятельностью внешнеполитического ведомства ФНРЮ А. Ранкович «легализовал», с согласия Тито, присутствие в нем сотрудников югославской госбезопасности в рамках Координационного отдела. Этим «вторжением» югославских чекистов в дипломатию руководил именно заместитель Ранковича В. Мичунович³. В последующем он курировал в Государственном секретариате по иностранным делам (ГСИД) действия поли-

тической разведки в целом, а также весь комплекс вопросов, связанных с Советским Союзом и странами Восточной Европы. Мичунович дважды (в 1956–1958 гг. и 1969–1971 гг.) был послом Югославии в Советском Союзе, а в период между первым и вторым сроками службы в Москве являлся первым заместителем государственного секретаря по иностранным делам, служил послом в США (в 1962–1967 гг.), занимал (в 1967–1969 гг.) пост председателя Комитета по иностранным делам Скупщины Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ). Высшей точкой его карьеры стала должность члена Президиума СФРЮ от Черногории, доверенная ему с июля 1971 г., почти одновременно с выполнением (с сентября 1971 г.) обязанностей председателя Совета по делам внешней политики при этом органе. На этих постах Мичунович находился до отставки и выхода на пенсию в середине 1970-х годов.

Советское руководство внимательно наблюдало за деятельностью Мичуновича, начиная с послевоенных лет. Одно из первых упоминаний о нем, известных к настоящему времени (материалы о взаимодействии силовых структур двух стран до 1948 г. исследователям еще недоступны), встречается в секретном обзоре корреспондента ТАСС в Белграде его выступления на V съезде КПЮ в июле 1948 г., в котором он упомянут как «генерал Мичунович»⁴. С начала 1950-х годов (т.е. еще до назначения в Москву весной 1956 г.) Мичунович в должности заместителя главы внешнеполитического ведомства ФНРЮ периодически встречался в Белграде с советским послом В.А. Вальковым⁵.

Первый срок службы Мичуновича в СССР известен, прежде всего, благодаря бурному развитию советско-югославских контактов. Прибыв в Москву в конце марта 1956 г., он сразу стал активным участником разносторонних взаимоотношений руководящих кругов двух стран во время своего рода периода эйфории — резкого сближения двух режимов после XX съезда КПСС. Он был свидетелем и участником ярких событий во время официального визита в Советский Союз югославской государственно-партийной делегации в июне 1956 г. и в последующие месяцы, когда лидеры двух стран, Н.С. Хрущев и И. Броз Тито, встречались в самых разных форматах более

десятка раз — во время обмена полуофициальными визитами в сентябре—октябре и тайной встречи в начале ноября 1956 г. Тот бурный год завершился довольно острой полемикой и охлаждением взаимоотношений уже с середины ноября. За этим последовал непростой 1957-й год с его чередой сближений и провалов в отношениях, плавно перешедший в 1958-й — год нового конфликта. Он всё же не достиг остроты и интенсивности конфронтации двух режимов в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Всё это время, до октября 1958 г., и при любых обстоятельствах, югославский посол был желанным собеседником для советских руководителей, прежде всего и чаще всего для Хрущева. Обстоятельные и доверительные беседы посла ФНРЮ в СССР и советского лидера продолжались до самого отъезда Мичуновича из Москвы⁶. В конце января 1960 г., после года пребывания в советской столице сменившего его Л. Мойсова, у Тито и его окружения имелись сведения (по итогам визита в СССР С. Вукмановича-Темпо) о том, что советское руководство сожалело об отъезде Мичуновича, считая, что при его участии обмен мнениями с Белградом был налажен должным образом⁷.

Второй срок службы Мичуновича в Москве (1969—1971 гг.) был не столь ярким и удачным для него, как первый. Значительно менее насыщенными событиями были и сами отношения между Москвой и Белградом в те годы. В отличие от первого срока московской службы, Мичунович редко встречался с советскими лидерами, не был замечен среди иностранных дипломатов в Москве, как ранее, когда мнение югославского посла высоко ценилось и было востребовано и его западными коллегами, и главами дипломатических миссий других стран. Одной из причин пониженной активности Мичуновича в этот раз было то, что к советскому руководству поступала достаточно противоречивая и даже негативная информация о его оценках внешней и внутренней политики страны пребывания. Советские представления того времени о деятельности Мичуновича, отражавшиеся в соответствующих информационных справках экспертов ЦК КПСС, были не всегда в его пользу. В 1969 г., перед его повторным назначением, он характеризовался положительно: «По наблюдениям советского посольства

в Белграде, Мичунович дружественно настроен в отношении Советского Союза, охотно идет на беседы с работниками сопосольства, высказывается за улучшение югославско-советских отношений, за расширение сотрудничества в различных областях, считая его взаимно полезным. Даже в период обострения отношений ..., в связи с событиями в Чехословакии, высказывался о необходимости нормализации и развития дружественных отношений. Думается, что он охотно вновь займет пост посла в СССР, т.к. неоднократно тепло вспоминал о стране и высказывал желание вновь поработать, если придется»⁸. Однако после нового приезда Мичуновича в Москву его отношения с советским руководством, прежде всего с Л.И. Брежневым, не сложились. Об этом свидетельствует, к примеру, почти жалоба югославских руководителей (Ф. Ходжи) в беседе с советским послом в Белграде в феврале 1970 г. на то, что советский лидер «долгое время не мог принять посла СФРЮ в Москве Мичуновича для вручения письма от И.Б. Тито». Объяснение советской стороны, что «задержка получилась из-за сильной занятости т. Брежнева в связи с подготовкой к съезду колхозников, а также в связи с болезнью»⁹, прозвучало абсолютно неубедительно. Прохладное отношение к Мичуновичу, тем не менее, не помешало советскому руководству в апреле 1970 г. вручить ему юбилейную медаль в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина¹⁰.

Последующие характеристики, которые давались Мичуновичу во внутренних документах советских экспертов, показывали, что его деятельность и сам факт нахождения в Москве оценивались отрицательно. То, что югославский посол старался излагать своему руководству полную картину происходившего в СССР, не оставляло ему шансов на дальнейшее успешное выполнение его обязанностей. В одном из закрытых советских документов (январь 1971 г.) сообщалось, что «по имеющимся данным, В. Мичунович необъективно информирует югославское руководство, представляя дело так, что в Советском Союзе якобы с подозрительностью и недоверием относятся к внутренней и внешней политике Югославии, что в СССР не хотят строить отношения с СФРЮ и СКЮ (Союз комму-

нистов Югославии. — *А. Е.*) на равноправной основе». Особо было указано на то, что «в одном из своих донесений в Белград Мичунович сообщил, что ЦК КПСС систематически рассылает в партийные организации специальные бюллетени, в которых информирует членов КПСС о положении в Югославии». Комментарий посла о том, что «такая советская практика имела место во время чехословацких событий, что, по его словам, явилось психологической подготовкой к оккупации ЧССР...»¹¹, не мог не вызывать раздражения советских властей. Тезис о злонамеренных комментариях Мичуновича, отсылаемых им в Белград, повторялся при характеристике его действий в подобных советских документах и в последующем.

В мае 1971 г. эксперты ЦК КПСС обратили внимание своего начальства на высказывания Н. Минчева¹², который, обобщив «мнения дипломатов братских стран», пришел к выводу, что «югославское руководство усиливает разведывательную деятельность в странах-участницах Варшавского Договора». В доказательство этому были приведены примеры о том, что югославские эксперты, имевшие отношение к разведке, направляются на службу в социалистические страны. Приведя в виде примера назначение Мичуновича послом в Москву, Минчев напомнил, что тот «...после 1948 г. долгие годы был одним из руководящих деятелей разведки югославского МВД»¹³.

Отношения Мичуновича в должности посла с высшими советскими лидерами так и не наладились. И создавшаяся ситуация потребовала от Белграда его замены. Вместе с тем отзыв Мичуновича из Москвы по прошествии двух лет не был оптимальным решением. Выход из создавшейся ситуации, в итоге, был найден: Мичунович вернулся в Белград под благовидным предлогом избрания его в июле 1971 г. в состав Президиума СФРЮ от Черногории. В скором времени (с сентября 1971 г.) он стал и председателем Совета по делам внешней политики при Президиуме СФРЮ. Новые карьерные назначения, безусловно, заслуженные Мичуновичем всей его предыдущей деятельностью, помогли завершению второго срока службы в Москве, как представляется в настоящее время, весьма бесцветного периода политической карьеры Мичуновича-дипломата.

Оба пребывания Мичуновича в Москве нашли весьма подробное отражение в подготовленных им и изданных в Загребе в конце его жизни книгах с соответствующими названиями — «Московские годы»¹⁴. Первая книга, представлявшая собой весьма объемный том, имела огромный успех и была переведена на десятки европейских и несколько языков народов Азии. Вторая книга, значительно меньшая по объему и по насыщенности событиями, так и не получила серьезного признания ни у читателей, ни у историков. Ее издание не стало ярким событием, всего лишь напомнив о самом авторе и его первой книге, дав Мичуновичу возможность более подробно раскрыть историю ее создания¹⁵.

О бурной деятельности Мичуновича, развернутой им сразу же после приезда в Москву весной 1956 г., до недавних пор историки судили исключительно по подробным заметкам, изложенным в его первой книге в виде дневниковых записей. Получение с начала 2000-х годов исследователями истории коммунистической Югославии доступа к документам в архивохранилищах Белграда (Сербия) позволило выявить определенные несоответствия между опубликованными в этой книге свидетельствами Мичуновича и сведениями, содержащимися в выявленных и введенных в научный оборот документах (телеграммах, записях бесед, информационно-аналитических справках и докладах, подготовленных в свое время самим же Мичуновичем). Уже предварительные сопоставления подтверждали необходимость более внимательного и тщательного подхода к деталям событий, описанных им в его книге. Ни в коем случае не умаляя роли Мичуновича в советско-югославских отношениях 1956—1958 гг., яркости его увлекательных для чтения заметок и разносторонних наблюдений, изложенных в соответствующих записях, следует иметь в виду, что доступные архивные документы позволяют более взвешенно оценить его книжные тексты. Прежде всего отраженные в них настроения самого Мичуновича, брошенные им как бы вскользь комментарии и характеристики собеседников и событий, их деталей и нюансов. Наиболее известный пример из материалов 1956 г. — сравнение рассказа о советско-югославской встрече на Брионах в начале

ноября 1956 г. в его первой книге с обнаруженной нами в 2005 г. записью, сделанной Мичуновичем через несколько дней после события. Сопоставление этих двух документов показало, что наш герой, взяв за основу свою ноябрьскую (1956 г.) записку о встрече, значительно сократил ее текст и, в некоторых местах, отредактировал, стилизовал под запись в дневнике, поместив в таком виде в свою книгу¹⁶.

Можно предположить, что подобным образом Мичунович действовал неоднократно. Посты, занимаемые им после второго возвращения из Москвы, предполагали почти неограниченный доступ к документам закрытого характера, если не допускать того, что он, имевший до прихода в дипломатию опыт службы в карательных органах титовской Югославии, пренебрегал жесткими правилами работы с секретными документами и действительно вел личный дневник или оставлял у себя копии важнейших донесений и записок, направлявшихся им из Москвы в Белград. Вместе с тем, исключительно в виде предположения, можно допустить и то, что именно во второй, относительно спокойный и незаполненный важными событиями, свой срок службы в Москве во главе югославского посольства, Мичунович мог использовать имевшиеся у него возможности для отбора документов из секретного рабочего архива Посольства для своей первой книги.

Факты разночтения в освещении событий осени 1956 г. находят подтверждение и при сопоставлении версий событий, изложенных Мичуновичем в дневниковых записях его первой книги, с соответствующими документами, доступными к настоящему времени в советских и югославских архивах¹⁷.

Несомненно следует отдавать должное той важной роли, которую Мичунович, по стечению ряда обстоятельств, имел возможность сыграть во взаимных контактах Белграда и Москвы во второй половине 1950-х годов — и своей дипломатической работой, и написанной книгой о них. Вместе с тем научная добросовестность неизбежно вынуждает нас более активно вводить в оборот документы, созданные с его участием в те годы. С их помощью свидетельства Мичуновича, изложенные в его книгах, должны быть подвергнуты внимательному рас-

смотрению с целью необходимых сопоставлений на предмет определения их исторической точности в существенных деталях¹⁸. Дальнейшее выявление несоответствий и их объяснение позволят историкам углубленно рассмотреть отношения Белграда и Москвы в тот период, а также продвинуться еще на несколько шагов в понимании как отечественного, так и их мирового контекста, и, по возможности, помочь «выведению» по-прежнему многочисленных «белых пятен» и разрешению спорных вопросов истории советско-югославских отношений XX столетия.

Более подробное изучение деятельности Мичуновича позволяет, на наш взгляд, остановиться в настоящей статье на двух вопросах. Один из них — периодически вспыхивающее обсуждение вероятности и возможности советской интервенции в Югославию в годы конфликта между Белградом и Москвой после 1948 г. Второй — комплекс проблем, связанных с обстоятельствами смещения с поста министра обороны СССР Г.К. Жукова в конце октября 1957 г. после его визита в Югославию и Албанию, в том числе влияние этого события на последующую динамику советско-югославских отношений.

Представляется необходимым также перечислить и другие вопросы советско-югославских отношений в 1957 г., к которым имел отношение посол ФНРЮ в Москве Мичунович и которые также требуют дополнительного изучения с привлечением архивных документов. В их числе: китайские и советские усилия по созыву совещания руководителей компартий (начиная с первых недель 1957 г.); реакция Белграда на сложности советско-югославского финансово-экономического сотрудничества¹⁹, созданные Москвой после выступлений лидеров Югославии (И. Броз Тито на собрании партактива в Пуле и Э. Карделя на заседании Скупщины в Белграде) в ноябре-декабре 1956 г.; реакция И. Броз Тито на устранение из советского руководства так называемой «группы МКМ» (Маленкова, Кагановича и Молотова) в июне; организация, ход, результаты и последствия советско-югославской встречи на высшем уровне в Румынии в начале августа; особая позиция югославского руководства в мировом коммунистическом движении в последние месяцы

того года, как пролог второго советско-югославского конфликта в 1958 г.

Вопрос о возможности советской интервенции в Югославию во время конфликта конца 1940-х—начала 1950-х годов (предмет постоянных дискуссий на Западе²⁰) возвращен в фокус обсуждений отечественной и зарубежной историографии в 2011 г. Интерес к проблеме, так и не удовлетворенный исследователями в прошлом из-за отсутствия необходимого документального материала, сохранялся на протяжении десятилетий. Для очередной волны обсуждений было достаточно лишь нескольких упоминаний о готовившейся интервенции в фундаментальном академическом издании Института славяноведения РАН «Югославия в XX веке. Очерки политической истории». Было указано, что в 1957 г. маршал Г.К. Жуков подтвердил в беседе с руководителем Югославии Тито, что Советский Союз вместе с Венгрией и Румынией планировал совершить нападение на Югославию в 1951 г., после которого двум последним должна была отойти значительная часть югославской территории²¹.

Утверждение о словах Жукова не было подкреплено соответствующей ссылкой на источник, что потребовало от зарубежных историков отнестись более внимательно к его верификации. В ходе предпринятой вскоре удачной попытки известного исследователя истории внешней политики титовской Югославии А. Животича (с 2017 г. — профессор Белградского университета) разобраться (на основе доступных в настоящее время соответствующих документальных материалов, прежде всего оборонного ведомства ФНРЮ) в истории попытки возобновления советско-югославского военного и военнотехнического сотрудничества в 1957 г., связанной прежде всего с усилиями маршала Г.К. Жукова, так и не было обнаружено каких-либо свидетельств, подтверждающих, что упомянутое высказывание прославленного советского маршала в разговоре с югославским лидером имело место²². В пользу утверждения А.С. Аникеева Животич привел лишь слова Жукова Мичуновичу (из его первой книги «Московские годы», изданной в 1978 г.), якобы сказанные маршалом весной 1957 г. Но та беседа

(в версии Мичуновича в книге) не содержала высказывания Жукова о готовившемся нападении в 1951 г. Советский военачальник сделал акцент лишь на том, что при столкновении югославская армия была бы сметена в считаное число дней. Не было речи и о том, что с советской стороны были сделаны необходимые расчеты и планы военного разгрома Югославии. Следует также отметить, что по какой-то причине в дневниковых записях Мичуновича данный разговор, произошедший, как можно понять, еще в мае, не был незамедлительно оформлен соответствующей отдельной записью, а лишь упомянут позднее, 9 июня, в записи о подготовке приезда в СССР высокопоставленной югославской военной делегации²³.

Среди материалов о визите Жукова на Балканы в октябре 1957 г., доступных исследователям в Архиве Югославии (Белград) в коллекции Тито (в деле о приеме Жукова), нет ни записи беседы, ни даже рутинных материалов, обычно готовившихся в Секретариате президента ФНРЮ перед подобными встречами. В деле имеются только тексты здравниц, произнесенных главными участниками на обеде в честь советского гостя²⁴.

Как раз именно то обстоятельство, что югославский вариант записи этой встречи исследователям не известен, не позволяет безапелляционно утверждать, что Жуков не произносил фразы о планировавшейся в 1951 г. интервенции. Нельзя исключать того, что маршал, с начала 1948 г. находившийся на Урале, весьма далеко от Восточно-Средиземноморского театра возможного прямого соприкосновения войск двух противостоявших друг другу в тот момент военно-политических объединений, мог что-то слышать о подобных планах или ознакомиться с ними (если они действительно существовали и были документально оформлены) позднее, перед визитом в СССР секретаря по обороне ФНРЮ И. Гошняка, или уже перед своим ответным визитом в Югославию. Необходимы дальнейший поиск соответствующих документов в архивах и тщательное изучение любых материалов, связанных с подготовкой Жукова к переговорам с югославами в 1957 г.

В отчете Жукова, направленном им в виде пространной телеграммы от 16 октября советскому руководству с оценкой

своего пребывания в ФНРЮ, имеется раздел «О вооруженных силах Югославии». Содержащаяся в нем фраза о том, что Югославия «представляет из себя очень серьезную военную мощь, способную к длительной войне даже против значительно превосходящих сил противника», и поэтому «оценки Генерального штаба являются далеко неправильными и заниженными»²⁵, всего лишь подтверждает, что военный министр СССР во время подготовки к визиту знакомился с соответствующими материалами советского Генштаба, дававшими, как видно из его слов, приведенных выше, невысокую оценку югославским вооруженным силам. Однако с высокой долей определенности можно предполагать, что речь в этих материалах шла не о боеготовности вооруженных сил Югославии в недавнем прошлом (к примеру, в 1950–1951 гг.), а о Югославской народной армии (ЮНА) образца 1957 г.

О некоторых деталях самой встречи Жукова и Тито (12 октября 1957 г.) исследователям известно лишь из телеграмм самого советского военачальника, направлявшихся им из Югославии членам Президиума ЦК КПСС. В них, как известно, нет ничего о его словах в беседе с Тито по поводу интервенции в 1951 г. Вместе с тем по-прежнему неизвестно, вели ли адъютанты Жукова собственную запись этой встречи и сохранилась ли она. Не исключено, что ее текст мог быть уничтожен вместе с другими документами в день, когда Жуков, по возвращении из Тираны с аэродрома, отправился на заседание Президиума ЦК, а потом на дачу в Подмосковье — ждать проведения пленума ЦК КПСС.

Сенсационное (без приведения источника) утверждение в вышеупомянутых «Очерках...» о словах Жукова Тито стало поводом для возвращения российских авторов «К вопросу о планах военного вторжения в Югославию». Именно так был назван раздел обобщающего характера в одной из последних статей крупного отечественного исследователя истории стран Восточной Европы 1940-х годов Т.В. Волокитиной. В нем в концентрированном виде был дан обзор существующих современных точек зрения на проблему и показано состояние ее изученности²⁶. Как и ранее, основой для рассуждений стали,

в основном, исследования, использовавшие для изучения, за неимением аутентичных прямых документов по этому поводу, самые косвенные данные с упоминанием возможности вторжения в ФНРЮ войск стран советского блока. Общий вывод исследователя разделил мнение тех политологов-международников, которые полагают, что «вторжение в Югославию предстает как чистой воды авантюра, так как “реал-политик” и прагматик Сталин авантюристом не был». Поэтому, по мнению Т.В. Волокитиной, «...отнюдь не военная интервенция против Югославии, а, напротив, удержание сложившегося status quo на Балканах и на юге Европы являлись стратегической целью Москвы». Впрочем, итоговый вывод упомянутого обзора весьма осторожен: несмотря на разделяемую отрицательную позицию других авторов о вторжении, указывается, что это не исключает наличия «рабочих» материалов наступательного характера, готовившихся в советском Генштабе на случай резкого изменения обстановки, иметь которые должны соответствующие структуры, ответственные за готовность к военным действиям. Так и не поставив под сомнение сам факт подобного разговора Жукова с Тито, Т.В. Волокитина высказала предположение о том, что «это и имел в виду маршал Жуков, вспоминая в 1957 г. события начала 1950-х». Общий вывод автора оказался достаточно гибким, и с ним невозможно не согласиться: «... от оперативных разработок генштабистов до принятия на правительственном уровне конкретного решения о вторжении — “Дистанция огромного размера”. Современными исследователями наличия подобного решения не подтверждается»²⁷.

Разумеется, прискорбно констатировать, что отечественная историческая наука по прошествии почти семи десятков лет от произошедших событий продолжает абстрактным образом, без соответствующих документальных материалов как советских, так и стран-участниц советского лагеря, рассуждать о возможности интервенции при отсутствии ее необходимости. К тому же следует обратить внимание на то, что на протяжении уже почти 30 лет после краха коммунистических режимов в регионе соответствующие документы так и не обнаружены. Несомненно, что при их наличии такие материалы, безусловно,

были бы использованы сторонниками русофобских концепций об агрессивности и экспансионизме Советского Союза в годы холодной войны. Поэтому их отсутствие как раз скорее свидетельствует в пользу того, что или вторжения в ФНРЮ не планировалось, или имелись планы исключительно на случай горячей фазы холодной войны, где основным противником армий «лагеря демократии, мира и социализма» точно не был бы «фашистский режим Тито—Ранковича». Тем не менее представляется важным подобное периодическое обсуждение этой проблемы и на абстрактно-теоретическом уровне. Вместе с тем, приветствуя возвращение к дискуссиям такого рода, следует напомнить, что точку в дискуссии могут поставить только соответствующие советские документы, которые (если они есть) должны быть изучены отечественными историками, хотя бы, для начала, военными.

Одним из путей последовательного раскрытия данной исторической загадки могло бы быть подробное знакомство с документацией, связанной с деятельностью советских военных советников в Болгарии, Венгрии и Румынии. Совпадение по времени решений Политбюро ЦК ВКП(б) от 18 ноября «О назначении главных и старших военных советников в болгарскую, венгерскую и румынскую армии» и постановления Политбюро от 20 ноября «О наведении порядка в деле обеспечения государственных секретов при обучении военнослужащих армий стран народной демократии в академиях и училищах МВС (Министерство вооруженных сил. — А. Е.) СССР» с проведением третьего совещания Информбюро (15–17 ноября 1949 г.) может быть не случайным. Особенно если предположить, что принятие последнего было связано с зачисткой контактов югославской военной разведки среди курсантов из стран народных демократий, прежде всего, из Болгарии, обучавшихся в те годы в СССР. Поиск дальнейших совпадений и их тщательное рассмотрение с привлечением архивных документов — одна из ближайших задач возможных исследований в этой сфере²⁸. При этом, разумеется, необходимо, чтобы новым поводом для возобновления дискуссии о том, готовилась интервенция или нет, должны быть конкретные документальные свидетельства, соот-

ветствующим образом атрибутированные, но никак не спорные утверждения неуказанного, или неизвестного, происхождения.

Очевидная недоказанность утверждения о планировавшейся советской интервенции в Югославию, тем не менее, не снимает с исследователей обязанности продолжать изучение документов соответствующих периодов советско-югославских отношений. Этой цели может помочь и имеющаяся в Архиве Югославии (фонд ЦК СКЮ) пространная информационно-аналитическая записка «О некоторых вопросах внутренней и внешней политики СССР (август–сентябрь–октябрь 1957 г.), подписанная «Посол В. Мичунович, Москва», с указанием даты подготовки материала: «25–28 октября 1957 г.»²⁹.

Документ остался на периферии внимания историков, углублявшихся в изучение этого периода отношений Белграда и Москвы. Отказ от его использования (и даже упоминания), по всей вероятности, связан с рядом обстоятельств, зависящих прежде всего как от состояния источниковой базы, так и от избранных исследователями концепций рассмотрения советско-югославских отношений в 1957 г. Так, к примеру, внимательное изучение возможного сближения Москвы и Белграда в связи с визитом в ФНРЮ Жукова выходило за рамки предложенной британским исследователем сербского происхождения С. Раяком и настойчиво доказываемой им всеми доступными ему возможностями (включая и игнорирование фактов и документов) гипотезы о неотвратимости конфронтации Белграда и Москвы после выступления И. Броз Тито в Пуле и его публикации в югославских СМИ в ноябре 1956 г.³⁰. Тогда как для остальных исследователей, углубленно занимавшихся изучением этого периода (Д. Богетич, Д. Трипкович, А. Животич), документ, по всей вероятности, не представлял специального интереса в связи с доступом, как казалось в начале 2000-х годов, к более важным материалам «архива Тито», фонда «Строго доверительно» архива внешнеполитического ведомства Югославии или, уже в наши дни, оборонного ведомства ФНРЮ. Указанная архивная революция в изучении внешней политики коммунистического режима титовской Югославии обоснованно, но лишь временно, снизила для исследователей значение документов из фондов

ЦК СКЮ. До настоящего времени данный документ объемом в 18 выцветших страниц с бледным, сложным для прочтения текстом является серьезным источником, помогающим пролить дополнительный свет на восприятие югославской стороны факта и обстоятельств отстранения Г.К. Жукова с высших советских постов уже в самые первые дни после случившегося, излагая консолидированное понимание происходящего всеми службами посольства ФНРЮ в Москве.

Объемный документ раскрывает все особенности аналитической работы аппарата посольства ФНРЮ в Москве во главе с В. Мичуновичем. Он также дает возможность получить более полное представление о формировании, по сути, в режиме актуального времени, оценок послом и аппаратом посольства событий конца октября 1957 г., происходивших в советской верхушке применительно к двусторонним отношениям. Назначение материала указано в его введении: «Доклад подготовлен как справочный в связи с поездкой в СССР югославской государственно-партийной делегации для празднования 40-летия Октябрьской революции. Он содержит сведения информационного характера и наши комментарии по следующим вопросам. I. Из внутренней политики СССР после июньского пленума ЦК: 1) Новые социально-экономические меры ЦК и советского правительства; 2) Научно-технические открытия в СССР; 3) О позициях ЦК КПСС по идеологическим и политическим вопросам и некоторым негативным явлениям во внутренней политике; 4) По поводу смещения маршала Жукова. II. Из внешней политики СССР: 1) Отношения СССР—США в августе—октябре 1957 г.; 2) Кризис вокруг Сирии. III. О югославо-советских отношениях (август—октябрь 1957 г.): 1) В связи со встречей в Румынии 1—2 августа 1957 г.; 2) Позиция советской печати в отношении Югославии; 3) Издательская деятельность в СССР в связи с Югославией; 4) О контактах посольства с советскими представителями по некоторым вопросам государственных отношений. IV. О вопросе отношений СССР и лагеря и совещании ком[мунистических]партий в Москве: 1) Отношения СССР и некоторых стран лагеря; 2) О совещании ком.партий в Москве в связи празднованием 40-летия Октябрьской революции».

Любой из перечисленных разделов крайне важен. Наибольшую ценность, на наш взгляд, представляет та его часть, которая посвящена оценке событий и обстоятельств, связанных со смещением Г.К. Жукова, дописанная Мичуновичем уже после завершения подготовки справки 23 октября. Именно об этом свидетельствует необычная для подобных материалов вторая его дата. Крайне интересны оценки Мичуновичем деятельности Жукова и влияния его отставки на советско-югославские отношения. В своих мемуарах Мичунович представил косвенным образом это смещение как препятствие развитию югославско-советского военного сотрудничества, с которым югославской стороне пришлось временно смириться³¹. Очевидно, что именно события, связанные со смещением Жукова, оказали существенное, возможно, и решающее влияние на то, что привязка Югославии к советским поставкам современной военной техники была отложена на несколько лет. Семена новых военных связей двух стран, заложенные Жуковым в 1957 г., дали всходы уже в конце 1961 г. — первой половине 1962 г. При этом быстро и неожиданно не только для дипломатов, но и для экспертов на Западе, включая даже и военных атташе миссий стран НАТО в Белграде³².

Как видно из документа, Мичунович считал, что смещение Жукова лишь усилило отрицательные, по его мнению, последствия сохранения во властной верхушке СССР Н.А. Булганина и К.Е. Ворошилова. Авторы записки утверждали, что «у Булганина и подобных ему было достаточно оснований с большим удовольствием пойти на устранение Жукова». Именно этот вывод сделал сам Мичунович, услышав от Хрущева слова о «полном единстве членов Президиума» на заседании 26 октября и о том, что Жуков плел интриги в отношении Булганина после июньского пленума. После этого Мичунович уверился в справедливости утверждений о том, что Булганин был за устранение Жукова «больше всех не только потому, что боялся его больше остальных», но и рассчитывал спровоцировать «новый кризис» в целях укрепления собственных позиций и «ослабить позиции Хрущева как в народе, так и в руководстве». Мичунович полагал, что в результате случившегося Хрущёв оказался

«более зависим от Булганина и Ворошилова и подобных им, чем прежде». По его мнению, падение Жукова ослабило Хрущева, и он предсказывал, что укрепление позиций Булганина окажет отрицательное воздействие на дальнейшую политику Хрущева. Сохраняющуюся непрочность позиций советского лидера (несмотря на заметные успехи в его экономической политике) Мичунович связывал с низкой популярностью Хрущева из-за таких особенностей его личности как отсутствие меры, оскорбительное поведение и переменчивость характера. По его мнению, эти черты находили выражение в слишком частых публичных выступлениях Хрущева, которые он не любит заранее готовить, а считает возможным «говорить слишком много и часто», что единственное и остается в памяти именно из-за особенностей его характера. При этом Мичунович считал, что после устранения Жукова Хрущев окажется менее популярным. Если ранее его не осуждали за действия по устранению противников в советских верхах, которые признавались и правомерными, и вынужденными, то методы, использованные при снятии Жукова, напомнили прежние, сталинские («методы прошлого»), что, как полагал посол, вряд ли будет способствовать популярности Хрущева. При этом Мичунович не был уверен в том, что действия против Жукова найдут поддержку в обществе, и не исключал возможности того, что произошедшее «приведет к деморализации партии и народа»³³.

Большое значение имел и четвертый параграф указанного раздела. У автора документа не было подтверждений в справедливости обвинений в адрес Жукова относительно того, что он «на самом деле имел намерение силой прийти к власти». Мичунович особо оговорил, что Хрущев «никогда не был столь неубедителен, как во время разговора 26 октября, сообщая о причинах решения ЦК сместить Жукова». Посол подчеркнул, что «из всего того, что мне было сказано, весомым было лишь заявление Хрущева о том, что Жуков в июне (т.е. когда группа МКМ пыталась сместить Хрущева)... за спиной ЦК угрожал призвать армию и навести порядок»³⁴. Одновременно с этим автор также обратил внимание адресатов записки на слова советского лидера о том, что, «прославляя и восхваляя Жукова, Запад действовал

сознательно, с намерением подхлестнуть его амбиции». В итоге, считал Хрущев, Жуков «потерял голову и начал считать, что он — «выше Партии». После этих слов Мичунович довольно саркастически заметил, что «посольство пока не в состоянии оценить, кто в действительности — сам ли Жуков или Президиум ЦК — попал под влияние этой западной кампании о всемогуществе Жукова». Далее Мичунович пояснил: «Мы еще не в состоянии оценить ..., сам ли Жуков действительно угрожал взять власть, или Хрущев и остальные оказались под влиянием кампании Запада... и решили сместить Жукова». Посол также советовал учитывать общий контекст («общие обстоятельства случившегося») — не сбрасывать со счетов атмосферу «недоверия, взаимозависимости и даже враждебности, существующую внутри советской властной верхушки», что и могло ускорить принятие таких решений.

Мичунович не изменил своим прежним сообщениям в Белград о высоком авторитете в Советском Союзе смещенного министра обороны: «Всё, что до этого сообщалось нами, ...мы считаем обоснованным и соответствовавшим действительности». Подчеркнув, что «в основе авторитета Жукова были его заслуги в войне», Мичунович обратил внимание на его слабые аппаратные позиции в советской властной верхушке, на отсутствие у маршала опыта партийной работы и то, что он «пренебрегал политической деятельностью». Сам Мичунович относился к этому «недостатку» противоречиво. Признавая, что эти обстоятельства «оказали влияние на снижение авторитета Жукова в партии», он одновременно полагал, что перечисленные «недостатки» помогли маршалу сохранить свою репутацию. Посол также напомнил о том, что в СССР «маршалы в мирное время стоят значительно ниже членов Президиума ЦК». Мичунович напомнил в связи с этим сцену в июне 1956 г., во время визита югославской делегации в Сталинград, когда маршал Еременко целовал руку Микояну. Посол чеканно сформулировал: «Каждый член ЦК или даже кандидат в него, по советскому внутреннему протоколу, имеет преимущество перед маршалом, если тот в ЦК не избран».

Специально Мичунович остановился на обобщении и анализе комментариев, звучавших в Москве среди жителей Москвы: «За эти два дня ... большинство первых комментариев, ко-

торые мы слышали от обычных людей, звучали с упоминанием возможности дальнейшего возвышения Жукова, ожиданий его назначения председателем Правительства вместо Булганина». Мичунович, сохраняя верность тому разделению советского общества, которое озвучил Тито в выступлении в Пуле в начале ноября 1956 г., обратил внимание на то, что «против Жукова до сих пор не выступали ни сталинисты, ни антисталинисты». Посол также придавал определенное значение услышанным югославами в Москве комментариям о том, что «в огромной мере Жуков умножил собственный авторитет своим поведением и сыгранной ролью на июньском (1957 г.) пленуме ЦК. А также и последующими публичными выступлениями против группы Молотова—Маленкова, что явилось подлинной причиной его устранения». В виде примера посол привел период пребывания Хрущева и Булганина в Чехословакии в июле 1957 г., когда именно Жуков, а не Микоян или кто-либо еще из советского руководства, оказался единственным уполномоченным на выступления в СССР от имени ЦК и правительства. Именно к этому периоду Мичунович отнес несколько острых высказываний Жукова против группы МКМ и всех «нарушивших единство партии», связав их с отрицательным прошлым этих лиц во времена Сталина.

Особое внимание Центра посол также привлек и к тому, что всего лишь через три месяца после событий июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС Жуков был «вынужден уйти при сходных лозунгах о единстве партии». «Нет сомнения, — указал Мичунович, — что решение о снятии Жукова ... окажется значительно менее убедительным, чем любое подобное решение руководства (Хрущева) после смерти Сталина»³⁵.

Предположение о том, что Хрушев, несомненно, осознает личную популярность маршала, а также «последствия предпринятых им действий против Жукова», Мичунович основывал на разговоре с Хрущевым, который, по его словам, убеждал посла в том, что «у них не было иного выхода, что он этого не хотел, что партия выйдет из создавшейся ситуации более сильной, и что она не может зависеть от прихотей одного маршала, считающего возможным использовать армию по собственному

желанию». Мичунович докладывал, что Хрущев упоминал об опасности негативного восприятия падения Жукова и за рубежом, так как это может сказаться на отношениях СССР с остальным миром. «Хотя я и заметил у Хрущева определенно выраженное стремление демонстрировать самоуверенность и принизить значение случившегося, — писал Мичунович, — всё же следует считаться с тем, что и советское руководство понимает серьезность созданной ситуации. Тот факт, что Жуков находился в Югославии и Албании на протяжении 20 дней и что до этого провел месяц в отпуске, совершенно не представляя, какая участь ему готовится, указал Мичунович, свидетельствует, что «он даже ни одной секунды не готовил того, что сейчас совершено в отношении него другими». Сделав столь серьезный вывод в пользу Жукова, посол предусмотрительно оговорил, что «подоплека всего случившегося посольству известна недостаточно хорошо».

С особой тщательностью Мичунович (пункт 6 раздела о смещении Жукова) отнесся к тому, что сотрудники посольства услышали в комментариях дипломатов в Москве, прозвучавших в первые часы после смещения Жукова. По его словам, в дипломатическом корпусе с самого начала поверили в версию о «ликвидации Жукова в связи с его визитом в Югославию». Мичунович считал возможным, что эта версия может «по нарастающей распространяться и в мире, и в Советском Союзе», напомнив о том, как Хрущев, Микоян и Булганин в разговорах с ним 26 октября уделили много времени тому, чтобы убедить югославскую сторону в необоснованности таких рассуждений, называя случившееся «исключительно их внутренним делом». Собеседники Мичуновича напомнили, что на заседании Президиума ЦК с участием Жукова его визит в Югославию был назван «полезным и успешным». Мичунович обратил особое внимание Белграда на эти аргументы, предсказывая, что именно данная версия будет доминирующей после приезда югославской делегации в Москву на праздничные торжества 7 ноября. По мнению посла, то, что при снятии Жукова Хрущев использовал ранее им же самим отброшенные «сталинские методы расправы над политическими оппонентами, ...

проливает особый свет на современное состояние и все колебания нынешнего политического курса в управлении СССР». По мнению Мичуновича, у Хрущева не получается по-новому решать возникающие на его пути политические проблемы и стабилизировать ситуацию.

Несмотря на очевидно благосклонное отношение к Жукову, которое проглядывало через данную часть документа, посол, тем не менее, напомнил, что и по вопросам отношений с внешним миром в целом, и с Югославией в отдельности сам Жуков «не особенно отличался в каком-то позитивном смысле от других советских руководителей ... даже наоборот, из-за своей открытости, он был зачастую даже более груб в сравнении с другими ... и говорил нам то, что они (и он сам, и другие) здесь думали о нас». В качестве примера Мичунович привел слова Жукова, сказанные военному атташе ФНРЮ в Москве, полковнику С. Поповичу на корабле во время недавнего плавания в Югославию.

С учетом важности темы (дискуссии по поводу возможности вторжения в Югославию стран советского лагеря во время конфликта 1948—1953 гг.) представляется важным передать слова и комментарии Мичуновича приведенного Жуковым сравнения советской и югославской армий более подробно. По утверждению посла, Жуков в разговоре с Поповичем сказал, что в 1948 г. конфликт случился «из-за капризов на уровне руководства и исключительно двух человек» (т.е. Сталина и Тито. — *А. Е.*), и советская армия покорила бы Югославию за шесть дней, и даже за три дня. Сокращение срока вдвое, по приведенному Мичуновичем мнению югославского военного атташе, было сделано Жуковым потому, что советский маршал, сказав фразу «о шести днях», решил, как показалось Поповичу, что этот срок не отражает в достаточной мере могущество СССР и югославскую незначительность, и исправил шесть на три. Впрочем, и эта фраза, сказанная Жуковым Поповичу (в передаче Мичуновича), не может служить бесспорным доказательством того, что советская интервенция в Югославию действительно готовилась. Она всего лишь позволяет предполагать, что, просчитывая варианты обострения военно-политической ситуации в мире, советские военные стратеги считались с теми обязательствами, которые

Югославия имела в отношении соседних стран-членов блока НАТО, а те, в свою очередь, в отношении Белграда. В пользу этого говорит следующее за этим в документе замечание Мичуновича о высказываниях Жукова по поводу участия Югославии в Балканском пакте. Этот альянс советский министр, по его словам, не отличал от иных военно-политических союзов Запада, указывая, что Югославия зависит и будет зависеть от того, чью помощь она принимает³⁶.

Именно после доведения до сведения руководства Югославии разговора Жукова с Поповичем и оставив в стороне все высказанные до этого комплиментарные характеристики Жукова, Мичунович, используя местоимение «мы» (означавшее в данном случае, что автор записки выражает консолидированное мнение сотрудников посольства ФНРЮ в Москве, в том числе и упоминавшегося выше военного атташе Поповича), сформулировал следующее: «Не следует особо выделять Жукова из других советских руководителей, если иметь ввиду отношение к Югославии..., а тем более делать из Жукова какого-то нашего друга». Он предложил «отнестись к его смещению как ко внутреннему делу Советского Союза». Заключительные абзацы данного раздела документа подкрепляли этот тезис. Мичунович считал необходимым, чтобы югославское руководство в очередной раз (как и во всех подобных случаях, начиная с устранения Л.П. Берии в июле 1953 г. — *А. Е.*) признало произошедшее внутренним делом советского руководства и «забыло всё, что было в контактах с Жуковым до этого».

К рекомендации посла в Белграде прислушались. Разумеется, Тито и его ближайшее окружение (прежде всего военные) были огорчены сверх меры поступавшими сообщениями из Москвы. Вместе с тем устоявшаяся в российской историографии версия о том, что «настроение югославского маршала было омрачено вестью о смещении Жукова, которого он за несколько дней до этого принимал как высокого гостя и не был проинформирован о его готовившемся смещении», и он отказался от поездки в Москву во главе югославской делегации для участия в торжествах по случаю советского праздника 7 ноября и последующих встречах³⁷, нуждается в дополнительном рассмотрении.

Действительно, если Жуков во время встречи с Тито и остальными высокопоставленными югославскими руководителями открыто высказывался именно так, как он изложил в отчете о пребывании в Югославии Президиуму ЦК КПСС, то югославский лидер, несомненно, был огорчен сверх всякой меры вестью о снятии Жукова с высших советских постов. Вместе с тем, по свидетельству самого Мичуновича (в его первой книге), еще 2 октября, во время разговора с Ю.В. Андроповым (при передаче югославам части архива Коминтерна), его визави уже было известно о болезни югославского лидера и невозможности его поездки в Москву в начале ноября³⁸. Впрочем, если быть последовательным, то и это утверждение югославского посла, отраженное в его книжных записках, должно быть проверено и советскими, и югославскими документальными материалами конца сентября-начала октября 1957 г. Не следует упускать из вида также и влияние на замену в составе югославской делегации хода и результатов специальной поездки в Белград Б.Н. Пономарева и Ю.В. Андропова (беседы с югославскими руководителями 15 и 18 октября)³⁹, как и ряда других возможных факторов, повлиявших на решение Тито отмечать 40-летие октябрьских событий в России не в Москве, а в Белграде.

Пример данного документа в очередной раз подтверждает важность изучения материалов, созданных Мичуновичем во время работы во главе посольства ФНРЮ в Москве, приоткрывает завесу над тем, с каким информационным багажом и представлениями о ситуации в советской правящей верхушке и положении в СССР в целом приехала в Москву в начале ноября 1957 г. югославская партийно-правительственная делегация во главе с Э. Карделем.

Приведенный нами документ, позволяющий получить дополнительные знания о методике и практической деятельности по составлению Мичуновичем важнейших донесений из Москвы во второй половине 1950-х годов, представляет также особую ценность и тем, что дает возможность увидеть ход работы над ним в обстоятельствах, когда события (смещение Жукова) потребовали корректировки созданного текста, что в очередной раз подтверждает недюжинные способности Мичуновича

излагать и редактировать свои соображения в условиях реального времени. В нем дан взгляд информированного наблюдателя на причины смещения Жукова при общей негативной оценке произошедшего. В документе нет и намёка на то, что Мичунович был информирован, что Жуков обладал каким-то реальным знанием о планах советского вторжения в Югославию в годы первого советско-югославского конфликта. Вне всякого сомнения, если бы югославский посол знал о таком факте в связи с Жуковым, то в условиях нехватки информации для оценки смещения советского министра обороны и влияния столь неожиданного события на общую ситуацию в СССР и дальнейшее развитие советско-югославских отношений, можно не сомневаться в том, что Мичунович непременно упомянул бы о нём. Тем не менее, приведенные им в документе сведения об откровенном отношении Жукова к Югославии не дают серьезных дополнительных аргументов в поддержку или опровержение версии о подготовке вторжения в Югославию в начале 1950-х годов. В то же время содержание документа в очередной раз подтверждает необходимость выявления и изучения всего корпуса материалов, созданных Мичуновичем в годы работы послом Югославии в Москве, для дальнейших исследований советско-югославских связей в этот период.

Примечания

¹ Едемский А.Б. Два Велько из титовского окружения // Черногорцы в России. М., 2011. С. 292–296; Трипковић Ђ. Велько Мичуновић — два различита искуства из дипломатских путовања // Југословенска дипломатија 1945–1961. Зборник радова. Београд, 2012. С. 242–255.

² Подробные сведения, которыми располагало о Мичуновиче советское руководство в мае 1955 г., приведены в двух уникальных документах — персональных справках о нем, подготовленных в Комитете информации МИД СССР и ПГУ КГБ СССР. Опубликованы в: Черногорцы в России. М., 2011. С. 296–299.

³ Петковић Р. Субјективна историја југословенске дипломатије 1943–1991. Београд, 1995. С. 41, 126.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-4459. Оп. 38. Д. 181. Сов.секретно. 25.VII.48 г. Вестник иностранной служебной информации ТАСС «ОЗП» № 188 листы 01–03зп. На пятом съезде компартии Югославии. Прения по докладу ЦК. Выступление делегата Мичуновича.

⁵ Определенная часть отчетов об этих встречах, хранящихся в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), по-прежнему не введена в научный оборот. Некоторые материалы (в югославской версии) содержатся в соответствующей документальной публикации, подготовленной в Черногории Р. Лубуричем.

См.: Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a 1953–1955. Tematska zbirka dokumenata / Priredio Radoica Luburić. Podgorica, 1999. S. 179–181.

⁶ *Tripković Đ.* Jugoslavija — SSSR 1956–1971. Beograd, 2013. S. 94.

⁷ Arhiv Jugoslavije (далее — AJ). KPR. II-2/178: U Užičkoj 15. 28. januara 1960. Izveštaj druga Svetozara Vukmanovića —Tempa o putu i boravku u SSSR. S. 21.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Д. 100. Л. 43.

⁹ Там же. Л. 34. Выписка из записи беседы с Фадилом Ходжей.

¹⁰ Там же. Л. 28. Выписка из постановления Президиума Верховного Совета СССР от 19.4.1970 г. №5022-VII.

¹¹ Там же. Л. 19.

¹² Николай Минчев — посол Болгарии в СФРЮ с 10.07.1972 г. до 1975 г. После 1976 г. — заместитель главы МИД НР Болгарии. Автор благодарен Марианне Стамовой (Институт балканологии БАН) за консультацию.

¹³ РГАСПИ. Ф. 495. Д. 100. Л. 14. Выписка из записи беседы с Н. Минчевым (вх. № 16771 от 05.05.1971 г.).

¹⁴ *Mičunović V.* Moskovske godine 1956/1958. Beograd, 1978; *Mičunović V.* Moskovske godine 1969/1971. Beograd, 1984.

¹⁵ Определенный интерес представляет история подготовки первой книги Мичуновича, описанная им самим в предисловии к его второй книге. В нем автор уделит большое внимание истории сохранения его «московских дневников» 1956–1958 гг. и описанию процесса подготовки их к публикации. Изложенное дает основание предполагать, что в книгу, по меньшей мере, могут закрасться определенные неточности. Сам Мичунович утверждал, что работа над ней с начала 1970-х годов продолжалась до марта 1977 г. Автор перепечатывал рукопись уже в частично парализованном состоянии после инсульта в августе 1974 г. Последние правки были внесены при подготовке текста к публикации в издательстве Университета Загреб «Liber» с мая до августа 1977 г. (*Mičunović V.* Moskovske godine 1969/1971. Beograd, 1984. S. 41, 46–48, 50, 52–53). Не следует исключать, что коррективы могли быть внесены на всех стадиях работы над рукописью. Это особенно заметно во введении книги.

¹⁶ *Едемский А.Б.* По следам секретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г. // Славянский альманах. 2010. М., 2011. С. 462–488.

¹⁷ Черногорцы в России. С. 391–395. Можно смело высказать предположение: то же самое происходило при подготовке Мичуновичем и его второй книги (о пребывании в Москве в 1969–1971 гг.). Вместе с тем в работах постюгославских, прежде всего сербских, исследователей, уделявших внимание вопросам советско-югославских отношений на рубеже 1960–1970-х годов, еще не выявлено особо существенных донесений Мичуновича, направленных им в Белград во время второго срока службы в Москве. Это затрудняет пока верификацию данных, представленных им во второй книге. Отечественные историки, в еще меньшей мере занимавшиеся этим периодом, чем их зарубежные коллеги, имеют перед собой достаточно обширное поле для проведения сопоставлений.

¹⁸ Сомнения в безусловной научной ценности первой книги В. Мичуновича у отечественных историков появились еще в момент подробного ознакомления с ней. Авторитетный отечественный исследователь Л.Я. Гибианский достаточно давно высказал мнение относительно того, что книга «Московские годы» является не отредактированными дневниками, а мемуарами (*Гибианский Л.Я.* Н.С. Хрущев, Й. Броз Тито и венгерский кризис 1956 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 10–29.).

¹⁹ Эти вопросы обсуждались Мичуновичем в беседе с Хрущевым 19 февраля 1957 г. Подготовленный им по ее итогам материал — донесение в Белград о беседе и анализ ее содержания (Раздел III. Выводы) — является характерным примером

информационно-аналитической работы высочайшего уровня, обычного для югославской дипломатии того времени. Опубликовано в переводе на русский язык в кн.: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 1. 1946–1964. Документы. М., 2014. С. 287–301.

²⁰ Последний удачный обзор современной западной историографии, с учетом документальных материалов ЦРУ, дан директором Программы изучения холодной войны Гарвардского университета (США) М. Крамером. См.: *Kramer M. Stalin, the Split with Yugoslavia, the Soviet–East European Efforts to Reassert Control // The Balkans in the Cold War / eds. Konstantina E. Botsiou et al. Palgrave Macmillan, 2017. P. 34–27, 53–55.*

²¹ Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 620 (автор очерка — А.С. Аникеев). К сожалению, эти слова Г.К. Жукова не были подтверждены соответствующей ссылкой на архивный документ, на мемуары или хотя бы на любой иной печатный источник. В том же издании автор повторно указал на возможность вторжения, подкрепив, на этот раз, свой тезис ссылкой на материалы французских военных, получавших информации из Венгрии, а также на мнение американских дипломатов, не исключавших нападения на Югославию со стороны соседних с ней стран советского блока. После этого последовала оговорка А.С. Аникеева о том, что загадка может быть решена «с открытием части российских архивов, содержащих материалы по этим проблемам», казалось бы, ставящая под сомнение предыдущие утверждения этого же автора (там же).

²² *Животић А.* Успон и пад југословенско-советских војних односа 1957 // Токови историје. 1/2014. С. 105–133. Также в научной монографии того же автора: *Животић А.* Југословенско-советске војне супротности (1947–1957). Искушења савезништва. Београд, 2015. С. 179–224.

²³ Представляется более чем странным и уточнение Мичуновича, что разговор с советским министром произошел «во время ответного визита» Жукова в югославское посольство в Москве. Использование термина «визит» в отношении посещения министром посольства лишь укрепляет подозрение в том, что текст записей Мичуновича, скорее всего, редактировался лицом, не особенно сведущим в тонкостях дипломатического протокола (*Mičunović V.* *Moskovske godine 1956/1958.* Београд, 1978. С. 296–297).

²⁴ АЈ. КРР. I-3-a/101-18.

²⁵ Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. / Научный редактор В. Наумов. М., 2001. С. 174.

²⁶ Среди работ отечественных исследователей, включенных в обзор: *Медведев А.* Секретный десант // Совершенно секретно. 1990. № 11; *Васильева Н., Гаврилов В.* Балканский тупик? Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000; *Гаврилов В., Васильева Н.* «Пороховой погреб Европы» // Военно-промышленный курьер. Общероссийская газета. 2006. № 2. 18 января; *Романенко С.А.* Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». М., 2010 и др.

²⁷ *Волокитина Т.В.* От конфронтации до нормализации. Болгария и советско-югославский конфликт, 1948–1956 гг. // Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока 1948–1953 гг. Очерки истории. М.-СПб., 2017. С. 189.

²⁸ К большому сожалению, после выполнения в 2012–2014 гг. масштабного исследовательского проекта «Советско-югославский конфликт и страны “народной демократии”. 1948–1953 гг.» за счет исследовательского гранта РФНФ №12-01-00125 (руководитель — А.С. Аникеев) и публикации его результатов в объемном издании «Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока 1948–1953 гг. Очерки истории» (М.-СПб., 2017), финансирование исследования данной темы скорее всего окажется на долгие годы закрытым. Положение представляется неблагоприятным, так как в собственно советско-юго-

славской части выполненного проекта и издания (там же. С. 15–104) обобщены и «введены в научный оборот» во многом те советские материалы, которые были выявлены задолго до этого. Ряд из цитируемых документов, представленных как новые находки, был в 1990-е годы уже не только выявлен, но и опубликован как документы из Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). С учетом этого представляется крайне важным, чтобы тематика советско-югославского конфликта 1948 г. и связанных с ним событий до марта 1953 г. не воспринималась при рассмотрении последующих запросов исследователей на финансирование как окончательно изученная. При признании несомненной пользы сделанных в упомянутом материале сборника обобщений, необходимо констатировать, что задачи выявления, изучения и введения в научный оборот действительно новых документов из российских архивов, уточнение периодизации конфликта, форм и способов координации действий Москвы с союзными ей режимами — соседями Югославии, а также изучение тактических шагов и стратегического курса Кремля в отношении Белграда по-прежнему ждут решения.

²⁹ AJ. F.507. IX. 119/II-55. O nekim pitanjima unutrašnje i spoljne politike SSSR-a (avgust-septembar-oktobar 1957 g.).

³⁰ *Rajak S.* Yugoslavia and the Soviet Union in the Early Cold War: Reconciliation, Comradeship, Confrontation, 1953–1957. P. 202.

³¹ Об этом в материале речь не идет. Но именно это подразумевалось Мичуновичем или следовало из его сообщения о том, что соответствующее письмо союзного секретаря по народной обороне ФНРЮ И. Гошняка, адресованное «министру народной обороны СССР, маршалу Г.К. Жукову», не было передано югославским военным атташе в Москве Савой Поповичем 28 октября. » (*Mičunović V.* Moskvske godine 1956/1958 Beograd, 1977. S. 360).

³² *Bogetić D.* Jugoslovensko-američki odnosi: 1961–1971. Beograd, 2012. S. 72.

³³ AJ. F. 507. IX. 119/II-55. O nekim pitanjima ... S. 8.

³⁴ Здесь фраза совпадает с тем, как указано в записи Мичуновича в его «дневнике» от 26 октября, где приведены слова Хрущева о том, что Жуков собирался обратиться к армии, воспользовавшись ею, чтобы «навести порядок». Вместе с этим в дневнике Мичунович привел слова Хрущева (их нет в рассматриваемом документе) о том, что партия никогда не допустит того, чтобы в должности министра армией командовал такой человек, как Жуков, считающий, что только от него зависит решение пригласить армию вмешаться во внутренние дела страны. (*Mičunović V.* Moskvske godine 1956/1958. S. 359).

³⁵ AJ. F.507. IX. 119/II-55. O nekim pitanjima ... S. 9.

³⁶ *Ibid.* S. 10.

³⁷ *Стыкалин А.С.* Руководство КПСС в поисках новых механизмов влияния на мировое коммунистическое движение... // Наследники Коминтерна. Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). М., 2012. С. 32.

³⁸ *Mičunović V.* Moskvske godine 1956/1958. S. 352.

³⁹ Подробнее о миссии см.: *Стыкалин А.С.* Руководство КПСС в поисках... С. 32. Записи бесед 15 и 18 октября 1957 г. впоследствии были разосланы по решению высшего советского руководства лидерам союзных КПСС коммунистических и рабочих партий. Известные ранее исследователям в немецком и венгерском переводах, они теперь доступны и в оригинале. См.: *Стыкалин А.С.* Секретная миссия Ю. В. Андропова и Б. Н. Пономарева в Белград в октябре 1957 г. (к истории подготовки большого московского совещания компартий) // Славянский альманах. М., 2015. № 3–4. С. 440–443.

Советско-югославские отношения в конце 1960-х — начале 1970-х годов и визит Й. Броза Тито в Москву (5–10 июня 1972 г.)

В 1968 г. интервенция стран Варшавского договора в Чехословакию стала причиной третьего по счету советско-югославского конфликта. В Югославии ее восприняли как грубое и немотивированное вмешательство в дела независимого государства. В СССР заявили, что Югославия «солидаризируется с антисоциалистическими силами» и что там развернута «анти-советская кампания»¹. Стороны обменялись резкими посланиями², в политических и межпартийных отношениях наметилась стагнация.

Интервенция вызвала у югославов чувство угрозы национальному суверенитету. Военные маневры сил Организации Варшавского договора (ОВД), неоднократно проводившиеся в 1968–1969 гг. у югославских границ, например, в Болгарии³, и присутствие советского флота в Средиземном море⁴ убеждали югославских руководителей, что угроза со стороны стран социалистического лагеря как минимум не меньше той, что исходит от Запада. Подобные страхи воплощала в себе так называемая «доктрина ограниченного суверенитета» или «доктрина Брежнева» — термины, которые использовались на Западе (и в югославских СМИ) для характеристики советской внешней политики в 1970–1980-е годы.

Уже весной 1969 г. стороны предприняли активные действия, направленные на преодоление создавшейся ситуации. Для Югославии это было, прежде всего, вопросом национальной безопасности. Также беспокойство вызывала возможность расторжения заключенных ранее торговых и кредитных соглашений и прекращения военного сотрудничества⁵.

Внешняя политика СССР во многом также определялась последствиями «Пражской весны» и интервенции в Чехословакию, которые стали ударом по авторитету Советского Союза и привлекательности социалистической идеологии в мире. Важнейшей целью Москвы было теперь усиление своих позиций в Центральной и Юго-Восточной Европе и в целом в коммунистическом движении.

Одновременно существовала необходимость стабилизировать отношения с Западом. Основопологающей частью начинавшейся политики разрядки международной напряженности, провозглашенной на XXIV съезде КПСС в так называемой «Программе мира»⁶ (апрель 1971 г.), стали усилия, направленные на улучшение ситуации в Европе и разрешение Германского вопроса.

Также опасения советского руководства вызывала угроза перерастания конфликта с Китаем в полномасштабную войну, возможность продвижения его влияния на Балканы и создания там неформального союза КНР, Албании, Румынии и Югославии. Вероятность такой коалиции представлялась сомнительной⁷, однако налицо было потепление отношений между Белградом и Пекином после более чем десяти лет полемики, взаимных упреков и даже оскорблений⁸. Так, в марте 1969 г. стороны подписали договор о торговле. На IX съезде Союза коммунистов Югославии (СКЮ) не прозвучала обычная критика в адрес китайских догматиков, а, кроме того, в Югославии заняли нейтральную позицию по вопросу советско-китайского конфликта на о. Даманский⁹. 16 апреля 1970 г., спустя 12 лет, в течение которых дипломатические отношения сторон отсутствовали, югославы направили в Пекин своего посла¹⁰, а в июне 1971 г. с визитом в Китай отправился М. Тепавац¹¹.

Таким образом, развитие сотрудничества с Белградом и всё большее вовлечение Югославии в орбиту внешнеполитической активности СССР можно назвать одной из значимых предпосылок реализации тех стратегических задач, которые ставило перед собой советское руководство.

Для того, чтобы «прощупать почву» для нормализации отношений, стороны прибегли к традиционным приемам —

переписке и дипломатическим переговорам. Достигнутые результаты также по традиции были закреплены в ходе визита крупного партийно-государственного деятеля. 2–6 сентября 1969 г. в Югославии побывал А.А. Громыко¹².

В начале 1970-х годов Югославии, с одной стороны, удалось упрочить свои международные позиции. Она вернулась к политике балансирования между сверхдержавами (от которой в 1967 г. после Шестидневной войны на Ближнем Востоке фактически отказалась в пользу развития сотрудничества со странами соцлагеря) и опоре на Движение неприсоединения. Происходило улучшение отношений с Китаем и развитие сотрудничества с западноевропейскими странами по вопросам безопасности и торговли. Важнейшими событиями стали поездка американского президента Р. Никсона в Югославию (30 сентября — 2 октября 1970 г.) и ответный визит Йосипа Броза Тито в США (27 октября — 2 ноября 1971 г.), в ходе которого стороны подписали так называемую «Вашингтонскую декларацию», закрепившую основные принципы югославо-американского сотрудничества¹³. На саммите внеблоковых стран в Лусаке (6–14 сентября 1970 г.) были созданы постоянно действующие институты и выработаны алгоритмы развития их сотрудничества, важнейшим из которых стали регулярно проводимые конференции на высшем уровне. Ранее состоялось два подобных форума — в Белграде (1961 г.) и Каире (1964 г.), однако они воспринимались скорее как разовые акции, посвященные решению определенных вопросов. По оценке сербского историка Д. Богетича, начался «золотой век» Движения неприсоединения¹⁴. Таким образом, можно в определенном смысле констатировать укрепление позиции Югославии в отношениях с СССР, что позволяло ей более твердо проводить свою линию.

С другой стороны, событием, оказавшим значительное влияние на внешнюю политику Югославии и отношения с СССР, стал внутривнутриполитический и межнациональный кризис конца 1960-х — начала 1970-х годов. Причины этого кризиса относились к разным сферам жизни югославского общества. Это и неудача экономической реформы, начавшейся в 1965 г.:

рост безработицы и внешнего долга, падение темпов роста производства. И общественное недовольство, связанное с отсутствием социальной справедливости и реальных свобод (слова, самовыражения, участия в политической жизни страны и т.д.), протест против бюрократизации и так называемой «красной буржуазии», против утративших свое истинное значение и девальвировавшихся в глазах общества партийных лозунгов. Всё это вылилось, в частности, в студенческие волнения в Белграде летом 1968 г.¹⁵ И фетишизация принципа самоуправления, повлекшая за собой рост самостоятельности югославских республик вследствие конституционных поправок 1967, 1968 и 1971 гг.¹⁶ в политической сфере.

Тенденции к децентрализации, одержавшие верх в государственном и партийном руководстве, перекликались с нарастанием национализма и обострением межэтнических противоречий внутри югославских республик. В 1968 г. активизировались косовские албанцы, требовавшие предоставления автономному краю статуса и прав республики, а самые радикальные — отделения от Югославии и объединения с Албанией. Произошли демонстрации и столкновения с полицией. Остроту ситуации иллюстрирует сообщение советского посольства о митинге албанцев в Приштине в январе 1969 г. под лозунгом: «Ваша история, наша территория»¹⁷.

Конфликт национального и югославского, отсутствие единства по вопросам, связанным с экономическим планированием, инвестициями, распределением доходов¹⁸, усугублялся исторически сложившимися диспропорциями в развитии разных регионов страны. Так, в Словении в 1969 г. разразилась дискуссия о финансировании строительства дорог (за счет республиканского или федерального бюджета). По ее итогам даже раздались призывы о выходе Словении из СФРЮ¹⁹.

Однако наиболее резонансными, массовыми и представляющими опасность для будущего федерации стали события «хорватской весны» или «маспок» (массовое движение)²⁰. В 1970—1971 гг. по всей Хорватии прокатилась волна митингов и демонстраций. Их участники выдвигали различные требования — от сохранения самобытности хорватского языка и

культуры вплоть до выделения республики из состава СФРЮ и создания независимого государства. В движении деятельное участие приняли научные и творческие объединения (Матица Хорватская, Союз писателей Хорватии), студенты Загребского университета и даже некоторые руководители Союза коммунистов Хорватии (СКХ) (М. Трипало²¹, С. Дабчевич-Кучар²²). «Маспок» достиг своей кульминации в ноябре-декабре 1971 г., когда студенты организовали в Загребе масштабную забастовку. Это вынудило руководство федерации и лично Тито вмешаться в ход событий. Был отдан приказ об аресте зачинщиков и смене руководства СКХ²³. В хорватских партийных и государственных органах произошла чистка кадров.

В отношениях с Москвой начался очередной нормализации отношений после поездки в Белград А.А. Громыко сменилось полосой стагнации. Подготовка визита в Югославию американского президента Р. Никсона и конференции неприсоединения в Лусаке воспринималась в СССР как очередное доказательство продолжения принципиального курса СФРЮ на лавирование между сверхдержавами. А это означало, что сближение с одной из них изначально лимитировано. 7 октября 1969 г. в разговоре с Г. Влаховым²⁴ в Берлине Л.И. Брежнев выразил готовность встретиться и провести переговоры с Тито. 7 декабря югославский лидер отправил ему письмо с приглашением посетить Югославию²⁵. Однако в 1970 г. визит не состоялся.

Хотя стороны, стремясь к налаживанию диалога, и условились не останавливаться на спорных вопросах²⁶, никто не отрицал существования серьезных расхождений в области политики и идеологии. Все оставались при своем мнении: одни называли события в Чехословакии в 1968 г. интервенцией и большим ущербом для дела социализма, другие — интернациональной акцией помощи «здоровым силам» в стране. Одни опасались распространения на Югославию доктрины «ограниченного суверенитета», другие возмущались: «Вы ухватились за эту формулировку, взяли ее на вооружение и пытаетесь приписать ее нам»²⁷. Периодически это «перемирие», заключенное политиками двух стран, нарушалось прессой. В Югославии выдвигали тезис о двух стадиях развития социализма:

этатистско-бюрократическом и самоуправленческом, а советские СМИ критиковали югославскую экономическую модель, систему рабочего самоуправления и ослабление роли партии в государстве, избегая лишь обвинений в ревизионизме. Кроме того, критике подвергалась и доктрина неприсоединения, которая не делала различия между социалистическими и империалистическими странами, противопоставляя лишь блоковую и внеблоковую политику²⁸. Неудивительно, что недружественные публикации в газетах и журналах стали вопросом, который поднимался на каждом советско-югославских переговорах, к вящему недовольству обеих сторон. Советские руководители призывали югославов навести порядок в своей прессе. Так, например, 16 июля 1969 г. в беседе с Д. Видичем²⁹, Л.И. Брежнев с некоторым раздражением отметил: «Печать должна служить интересам своей партии, своего класса, своего государства, а не занимать какие-то особые позиции»³⁰. Тито и другие югославские лидеры на подобные упреки обычно отвечали, что в Югославии социалистическая система свободная и демократическая, существуют свобода слова и свобода печати, поэтому не следует драматизировать появление отдельных статей и делать далекоидущие выводы³¹.

Новый югославский посол в СССР В. Мичунович³² был прохладно принят советским руководством. Достаточно сказать, что со времени своего приезда в советскую столицу в ноябре 1969 г. он регулярно запрашивал прием у Л.И. Брежнева, однако на встречу его пригласили лишь в феврале 1971 г. Сам югославский дипломат объяснял это тем, что ему не забыли хороших отношений с Н.С. Хрущевым и критических выступлений в связи с интервенцией в Чехословакию³³. Вместе с тем, Мичуновича сложно было назвать большим сторонником дружбы с Советским Союзом. Его донесения из Москвы были полны скепсиса относительно возможности развития равноправного сотрудничества двух стран. Так, в аналитическом материале, посвященном визиту в СССР М. Рибичича³⁴ (июль 1970 г.), он подчеркивал, что А.Н. Косыгин³⁵ выступал на переговорах с позиций доктрины «ограниченного суверенитета», что экономическое сотрудничество обуславливается

качеством политических отношений, и что Советский Союз выступает с позиции сильного, старшего партнера³⁶.

Отрицать тот факт, что Москва использовала экономические рычаги для давления, было бы неверно. Так, например, сомнения советского руководства в отношении своих югославских партнеров проявились в задержке подписания торгового договора на 1970 год³⁷, а на торговых переговорах в октябре 1970 г. Югославии было отказано в поставках некоторых товаров, в том числе антрацитов на 150—180 тыс. тонн ежегодно³⁸. В то же время в Белграде не разделяли пессимизма Мичуновича относительно будущего развития отношений с СССР. Учитывая специфику фигуры югославского посла и того положения, в котором он оказался, контакты развивались по другим руслам. Большую активность развил советский посол в Белграде И.А. Бенедиктов³⁹. В мае 1970 г. с визитом в Москве побывал Н. Любичич⁴⁰, в октябре в Югославию приезжала делегация Верховного Совета СССР⁴¹. О визите М. Рибичича речь шла выше. По сравнению с предыдущим годом можно было констатировать обновление межпартийных связей двух стран.

4 февраля 1971 г. Л.И. Брежнев, наконец, принял у себя В. Мичуновича и, констатировав некоторое улучшение двусторонних отношений, напомнил, что 10 лет назад начало развития советско-югославского сотрудничества было положено в результате его поездки в Югославию (в конце сентября 1962 г.). Далее советский лидер завел речь о возможности нового визита, не состоявшегося в 1970 г. Мичунович поспешил его заверить, что «прежде, чем лететь в США, Тито хотел бы встретиться с Вами». Однако Брежнев выразил сомнение в том, что сумеет выкроить время до предстоящего съезда партии⁴² (XXIV-го. — *Б. Н.*). В конце февраля во время визита в Москву М. Тепавца, этот разговор был продолжен, и Брежнев дал обещание приехать в Белград после съезда⁴³.

Это решение советского руководителя было связано не только с его желанием политически уравновесить визиты Р. Никсона в Югославию и готовящийся — Тито в США. Судя по всему, Брежнев решил снова примерить на себя роль «посредника», увидев в нараставшем экономическом и между-

циональном кризисе в СФРЮ благоприятную ситуацию для укрепления там советских позиций или даже возможность добиться долгосрочной переориентации Югославии в направлении социалистического лагеря⁴⁴. Отношениями развитых и менее развитых югославских республик, подготовкой конституционной реформы и ростом националистических тенденций в стране очень интересовался возвращающийся в Москву советский посол Бенедиктов во время своих прощальных встреч с Карделем⁴⁵ и Тито (в конце января 1971 г.)⁴⁶.

29 или 30 апреля (в разных источниках информация варьируется), во время Пленума ЦК СКЮ на Бриони, посвященного ситуации в Хорватии, Брежнев позвонил Тито и, выразив свою озабоченность сложившейся ситуацией, предложил советскую помощь «ради спасения социализма в стране». Тито твердо заверил советского генсека, что ситуация находится под контролем и еще раз пригласил его приехать и лично оценить обстановку⁴⁷. Согласно В. Мичуновичу, в Москве придавали этому такое значение, что даже собрали Политбюро, ожидая результатов Пленума СКЮ и телефонного разговора⁴⁸.

Советский генсек рассказал югославскому послу о том, что он проинформировал о звонке на Бриони товарищей из Политбюро, во время их встречи 10 августа 1971 г. Правда, он ни словом не обмолвился, что это было основной целью заседания. Также Брежнев еще раз высказался по вопросу о международных отношениях в Югославии: «Споры между республиками — это страшная и опасная вещь [...]. Путь, по которому вы идете, — ваше собственное дело. Но, видимо, есть какие-то пороки». Судя по всему, он имел в виду безработицу, экономическую эмиграцию и отсутствие государственной монополии на внешнюю торговлю. Также Брежнев выразил пожелание, чтобы Югославия участвовала в консультативных совещаниях коммунистических партий, напомнив, как позитивно это было воспринято в 1967 г. в связи с кризисом на Ближнем Востоке: «всё сразу изменилось, никто не вспоминал про "ревизионистскую" политику»⁴⁹.

Очевидно, что создавшуюся в Югославии ситуацию Москва пыталась использовать для укрепления своей позиции. Но и Белград воспользовался советским давлением. 4 июля на за-

седании ЦК СК Хорватии Тито выступил с призывом к единству, подчеркнув, что страна подвергается реальной опасности со стороны СССР. В доказательство он привел уже упоминавшийся звонок Брежнева на Бриони⁵⁰. Югославам не давалось формальных гарантий того, что СФРЮ не рассматривается как часть «социалистического содружества» и, соответственно, что на нее не распространяется доктрина «ограниченного суверенитета». Поэтому предложение Брежнева «оказать помощь» югославским партии и правительству провоцировало параллели с интервенцией стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. Советская угроза, безотносительно того, насколько она была в тот момент реальна, стала серьезным аргументом Тито в его борьбе за единство в СКЮ, против «хорватских националистов» (в 1971 г.), «сербских либералов» и «словенских технократов» (в 1972 г.)⁵¹.

Межнациональный кризис в Югославии еще больше актуализировал вопрос о будущем федерации после смерти Тито. Сценарий распада единого государства признавался вполне реальным. При таком развитии событий США декларировали свой интерес к Хорватии⁵² и Словении; ходили слухи о молчаливом соглашении сверхдержав, по которому американцы инвестировали в западные югославские республики, а Советский Союз — в восточные⁵³.

С 22 по 25 сентября 1971 г. Л.И. Брежнев находился с визитом в Югославии. Целью поездки советского генсека, по его собственному признанию, было «убрать то, что осложняет наши отношения»⁵⁴. 22 сентября в своем тосте на приеме в Белграде он заявил, что «есть различные силы, которые не прочь помешать такому развитию событий, стремятся раздуть любые расхождения, силятся тем или иным способом вбить клин между нами»⁵⁵. Так в очередной раз проявилась тенденция искать разные группы и «антисоциалистические силы» на некоторых «ответственных позициях» в югославском руководстве⁵⁶.

Среди спорных вопросов Брежнев традиционно назвал публикации в югославской прессе. Вольно процитировав В.И. Ленина — «Печать — оружие Партии, а не оружие репортеров»⁵⁷ (вторую часть фразы Л.И. Брежнев, судя по всему, добавил

от себя. — *Б. Н.*), он призвал югославам распоряжаться этим оружием как собственным пистолетом. По мнению советского генсека, важная причина ухудшения отношений двух стран «относится к сфере идеологии, это связано с печатью, пропагандой, целым рядом других факторов, с помощью которых проще всего влиять на умы рабочих, служащих, на общественное мнение, мнение трудящихся Югославии»⁵⁸. Брежнев отверг упрек, связанный с поддержкой активности югославской «информбюровской» эмиграции в СССР, содержащийся, в частности, в письме Тито от 31 июля 1971 г.⁵⁹: «Мы с ними никаких связей не имеем. Может и встречаются, ходят друг к другу на день рождения. Черт их знает»⁶⁰. Особенно эмоционален советский руководитель был тогда, когда на совместных переговорах, а также во время их встречи с Тито тет-а-тет, речь заходила о том, что в Югославии растет чувство страха в связи с возможным вторжением в страну советских войск. Брежнев бил кулаком по столу и чуть ли не со слезами на глазах утверждал, что скорее пожертвует своей семьей, собой, всем, что ему дорого, чем допустит, чтобы подобное произошло⁶¹.

По мнению югославских аналитиков, советская сторона, учитывая события «хорватской весны», судя по всему, ожидала большей склонности своих партнеров к компромиссам и уступкам⁶². Так, например, Брежнев безрезультатно предлагал создать советско-югославское общество дружбы, указывая, что есть 50 стран, с которыми подобные общества уже существуют⁶³.

Тяжело продвигались переговоры по проекту итогового коммюнике⁶⁴. За основу было решено взять советский текст, в который югославы внесли изменения. Это вызвало большое недовольство. 23 сентября Брежнев не успел позавтракать, так как читал поправки, и пришел на переговоры в плохом расположении духа. Югославская сторона отказывалась вносить в коммюнике положения о координации и согласованности действий во внешней политике и о сплоченности социалистических стран⁶⁵. Итогом стал компромиссный документ, в котором давались ссылки как на принцип пролетарского интернационализма, так и на Белградскую (1955 г.) и Московскую (1956 г.) декларации, а также на совместное советско-югославское заявление

(1965 г.), подчеркивавшие уважение суверенитета, целостности, независимости и равноправия между двумя государствами; следование принципу невмешательства во внутренние дела; признание различных форм общественного развития и разных форм строительства социализма⁶⁶.

Итоги поездки, которую сам Брежнев рассматривал в качестве визита примирения (хотя обе стороны и подчеркивали, что никакого конфликта нет, а есть «искусственные наслоения» как результат деятельности неназываемых «противников развития советско-югославской дружбы»)⁶⁷, можно признать удачными. В Югославии были довольны ссылками на Белградскую и Московскую декларации в итоговом коммюнике и эмоциональными заверениями советского руководителя о том, что никакая опасность стране не грозит. Доказательством того, что и в СССР удовлетворены результатами переговоров был прогресс сотрудничества в области экономики. 2–10 декабря 1971 г. в Югославии находился заместитель председателя правительства СССР Н.К. Байбаков⁶⁸. Целью визита было, по его словам, «внести свой вклад в недавние переговоры Тито с Брежневым»⁶⁹. Результатом стало подписание соглашения о дополнительных поставках в Югославию советских товаров на сумму 580 млн долларов на период с 1972 по 1975 г.⁷⁰ В итоге, если советско-югославский товарооборот за 1972 год составлял приблизительно 434 млн долларов, то в 1973 г. он превысил сумму в 700 млн долларов⁷¹.

Политика лавирования между сверхдержавами предполагала, что вслед за визитом в США и в качестве ответного жеста на поездку в Белград Л.И. Брежнева югославский президент должен побывать в СССР, куда он приезжал последний раз еще в 1968 г., до конфликта. Улучшение советско-югославских отношений и общая атмосфера разрядки международной напряженности создавали для этого самые благоприятные условия. Поэтому с 5 по 10 июня 1972 г. состоялся официальный визит Тито в советскую столицу.

Югославской делегации, в составе которой прибыла и жена Тито Йованка Броз, был оказан очень теплый прием. Советская служба протокола организовала всё на самом высоком уровне, советские СМИ освещали визит максимально широко.

Стороны провели две пленарные встречи (6 и 9 июня), а также ряд переговоров в двустороннем формате (Й. Броз Тито — Л.И. Брежнев, М. Тепавац — А.А. Громыко, Я. Сироткович⁷² — Н.К. Байбаков)⁷³. 5 июня в торжественной обстановке в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца Тито был вручен орден Ленина. 7–8 июня члены делегации отправились в Ригу, а 9 июня, по возвращении из Прибалтики, побывали на Шарикоподшипниковом заводе, где состоялся митинг советско-югославской дружбы⁷⁴.

На переговорах первое слово на правах хозяина взял Л.И. Брежнев. Начав с вопросов претворения в жизнь решений XXIV съезда КПСС, он кратко рассказал об успехах советской экономики и быстро перешел ко внешнеполитической проблематике, обозначив два основных направления деятельности партии. Первым он традиционно назвал укрепление дружбы, развитие сотрудничества, упрочение единства и развитие братских отношений с социалистическими странами. Второе направление — борьба за мир и мирное сосуществование — было частью советской политики разрядки международной напряженности, закрепленной на прошедшем съезде. В этой связи Брежнев особо остановился на подписании договоров о границах между СССР, Польшей и ФРГ; визите в Москву американского президента Р. Никсона, состоявшемся за несколько дней до приезда Тито, и налаживании отношений с Францией⁷⁵. Переговоры с югославами, таким образом, укладывались в общий контекст активизации советской внешней политики в русле разрядки международной напряженности.

Обратившись к двусторонним отношениям, Брежнев заметил, что «они улучшились и сейчас являются хорошими». В этой связи он особо подчеркнул значение своего визита в Белград осенью 1971 г., вспомнил, что целью переговоров было выяснить, «что мешает нашей дружбе», и тут же дал ответ на свой риторический вопрос — югославская пресса и ее утверждения о том, что «Советский Союз собирается якобы напасть на Югославию». «Такие наговоры можно терпеть, но не беспредельно, — предупредил Брежнев — Нельзя никому позволять разрушать нашу дружбу»⁷⁶.

Но и на этот раз советский генсек не дал разгореться дискуссии и заверил, что на переговорах не планируется поднимать спорных вопросов. Встреча была призвана «способствовать дальнейшему развитию и укреплению сотрудничества наших партий и стран». Впрочем, 9 июня он не выдержал и все-таки вернулся к статьям в югославской печати о Коминформе и публикациям там сочинений Л.Д. Троцкого⁷⁷.

Еще одной темой, постоянно всплывающей на переговорах сторон, были предложения Москвы создать общество советско-югославской дружбы, регулярно отклоняемые Белградом, для которого еще со времен конфликта 1948 г. подобные органы были символом подчинения и ограничения национального суверенитета. На этот раз югославам было предложено провести неделю советско-югославской дружбы, но и на это предложение они ответили отказом⁷⁸.

В условиях подготовки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе* важнейшим направлением сотрудничества было внешнеполитическое, а здесь стороны традиционно сходились в своих оценках. Так, в ходе переговоров Тито подтвердил, что по внешней политике (Вьетнам, Ближний Восток, СБСЕ) «у нас нет расхождений с Советским Союзом». Обе стороны высказались за проведение более частых встреч и консультаций. Югославы пояснили такую позицию необходимостью «откровенно обсуждать все вопросы и не доводить дело до такого положения, когда через каждые два-три года нам приходится разговаривать в тоне, весьма далеком от нормального». Советская сторона имела в виду в большей степени координацию действий во внешней политике и предлагала включить в итоговое коммюнике положение о «борьбе за единство и сплоченность мирового коммунистического движения»⁷⁹. Это предложение было отклонено, что Брежнев воспринял спокой-

* Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) — конференция представителей европейских государств, США и Канады, посвященная вопросам укрепления европейской безопасности, развития сотрудничества и соблюдения прав человека. Совещание состоялось в 1973–1975 гг., в дальнейшем прошло несколько встреч представителей стран-участниц СБСЕ. В 1994 г. на встрече в Будапеште было принято решение о переименовании СБСЕ в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

но: в Москве не хотели переходить ту грань, которая могла бы помешать успеху визита.

Не мог Тито обойти вниманием и национальный вопрос. Он рассказал, что «в процессе проводимой в Югославии децентрализации некоторые думали децентрализовать и партию». «Пришлось крепко заняться этим делом», — продолжил югославский лидер. «Изгнали из партии националистов, наиболее отъявленных из них арестовали, некоторых будем судить». Важнейшей задачей Тито было убедить своих собеседников в том, что он полностью контролирует ситуацию, и не существует никакой угрозы ухудшения обстановки. Поэтому, всё же признав, что «запах национализма еще сохраняется», он подытожил: «Мы постепенно, без драматизации наводим порядок»⁸⁰.

Результаты визита аналитики югославского секретариата иностранных дел называли «очень успешными», отметив «значительно большую гибкость советской стороны и большую готовность принять реальные различия во внешней и внутренней политике двух стран». Точку зрения советского руководства выразил Л.И. Брежнев, под занавес переговоров шутливо заметив: «Тот факт, что перед нами сейчас нет больших папок бумаг, говорит о том, что дела в наших переговорах идут хорошо»⁸¹.

Примечания

¹ Arhiv Jugoslavije. Kabinet Predsednika Republike. F. 837. I-3-a/101–108. Prijem ambasadora A.I. Benediktova 30.8.1968. // Zabeleška o prijemu sovjetskog ambasadora kod Predsednika Tita.

² См.: Ibidem; Ibid. Odgovor vlade SFRJ i CK SKJ na Izjavu CK KPSS i vlade KPSS od 30.8.1968.

³ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг.: в 2 т. Т. 2: 1964–1980. М., 2017. С. 342.

⁴ Улуянн Ар.А. «Послепражский 1969-й»: Советские дипломатия и разведка в поисках союзников и противников на Балканах и в Европейском Средиземноморье. М., 2016. С. 117–118.

⁵ *Bogetić D.* Jugoslavija između Istoka i Zapada // Jugoslavija u hladnom ratu: prilozi istraživanjima. Zbornik radova. Beograd, 2010. S. 29.

⁶ Название «Программа мира» является условным обозначением предложений по вопросам внешней политики и международного сотрудничества, прозвучавших в «Отчетном докладе ЦК КПСС» и в принятой по его итогам резолюции // См.: XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза 30 марта — 9 апреля 1971 г. Стенографический отчет. В 2 т. Т. 1. М., 1971. С. 28–55; там же. Т. 2. С. 219–242.

⁷ Улуянн Ар.А. «Послепражский 1969-й». С. 116, 135.

⁸ Подробнее см.: *Новосельцев Б.С.* Внешняя политика Югославии (1961–1968 годы). М., 2015. С. 34–35; 132–134.

⁹ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 61. Д. 338. Л. 162. Обстановка в Югославии на 01.07.1969 г.

¹⁰ Foreign Relations of the United States. 1969–1975. Volume XXIX. Eastern Europe. Eastern Mediterranean, 1969–1972. Yugoslavia. Document 232. Memorandum for the President's File. October, 28. 1971. Доступно по адресу: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v29/d232> (дата обращения: 23.09.2017).

¹¹ Мирко Тепавац (1922–2014) — югославский общественно-политический деятель, дипломат; секретарь по иностранным делам СФРЮ (1969–1972 гг.).

¹² Андрей Андреевич Громыко (1909–1989) — советский дипломат и государственный деятель; министр иностранных дел СССР (1957–1985 гг.); председатель Президиума Верховного Совета СССР (1985–1988 гг.).

¹³ Подробнее см.: *Bogetić D.* Jugoslovensko-američki odnosi 1961–1971. Beograd, 2012. S. 321–336.

¹⁴ *Bogetić D.* Jugoslavija između Istoka i Zapada. S. 32.

¹⁵ Подробнее см.: *Kanzlejter B., Stojaković K.* «1968» u Jugoslaviji — Studentski protest između Istoka i Zapada // 1968 — četrdeset godina posle. Zbornik radova. Beograd, 2008. S. 453–480; *Mitrović M.* Studentske demonstracije u Beogradu 1968. godine // *Ibid.* S. 481–492.

¹⁶ *Гуськова Е.Ю.* Югославская федерация в 1960-е годы. Борьба двух тенденций // Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 713–714.

¹⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 348. Л. 44. Запись беседы с III секретарем советской референтуры ГСИС СФРЮ Б. Миличем. 22.01.1969.

¹⁸ *Đimić Lj.* Godina 1968 — ishodište nove jugoslovenske spoljnopolitičke orijentacije // 1968 — četrdeset godina posle. S. 342.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 348. Л. 243. О межреспубликанских и международных отношениях в Югославии на нынешнем этапе осуществления экономической и общественной реформы.

²⁰ Подробнее см.: *Руднева И.В.* Хорватское национальное движение: конец 1960-х — начало 1970-х гг. М., 2014.

²¹ Мико Трипало (1926–1995) — югославский и хорватский политический и общественный деятель; секретарь ЦК СКХ (1962–1969 гг.); с 1969 г. — член Президиума ЦК СКХ.

²² Савка Дабчевич-Кучар (1923–2009) — хорватский политический деятель; председатель Исполнительного вече Хорватии (1967–1971 гг.) и первый секретарь СКХ (1969–1971 гг.).

²³ *Пивоваренко А.А.* Хорватия: история, политика, идеология. Конец XX — начало XXI века. М., 2018. С. 49–51.

²⁴ Густав Влахов (1912–1991) — общественно-политический деятель, дипломат. В то время заместитель председателя Союзной Скупщины Югославии.

²⁵ Jugoslavija–SSSR. Susreti i razgovori na najvišem nivou rukovodilaca Jugoslavije i SSSR. 1965–1980. T. 2. Beograd, 2016. S. 401.

²⁶ См., напр., *Ibid.* S. 367.

²⁷ *Ibid.* S. 363.

²⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 338. Л. 162. Обстановка в Югославии на 1.07.1969 г.

²⁹ Добриво Видич (1918–1992) — югославский политический деятель, дипломат; посол Югославии в СССР (1953–1956 и 1965–1969 гг.); в Бирме (1952–1953 гг.); в Великобритании (1970–1973 гг.). Постоянный представитель Югославии в ООН (1958–1960 гг.); член Исполнительного комитета Президиума ЦК СКЮ (1982–1986 гг.).

³⁰ Jugoslavija—SSSR. Susreti i razgovori na najvišem nivou. S. 362.

³¹ Ibid. S. 370.

³² Велько Мичунович (1916–1982) — югославский дипломат и политический деятель; помощник министра иностранных дел ФНРЮ (1952–1956 гг.); посол в СССР (1956–1958 и 1969–1971 гг.); заместитель союзного секретаря иностранных дел (1958–1962 гг.); посол в США (1962–1967 гг.); председатель Комиссии внешней политики Союзной Скупщины СФРЮ (1967–1969 гг.).

³³ *Mičunović V.* Moskvske godine. 1969/1971. Beograd, 1984. S. 65–70.

³⁴ Митя Рибичич (1919–2013) — югославский и словенский политический деятель; председатель Союзного исполнительного вече Югославии (1969–1971 гг.); председатель Президиума ЦК СКЮ (1982–1983 гг.).

³⁵ Алексей Николаевич Косыгин (1904–1980) — советский государственный и партийный деятель; член Президиума, Политбюро ЦК КПСС (1960–1980 гг.); председатель Совета министров СССР (1964–1980 гг.).

³⁶ АЈ. КРР. I-5-b/99–23. Ocene o poseti predsednika SIV-a Mitje Ribičiča SSSR-u. 06.07.1970.

³⁷ *Tripković Đ.* Jugoslavija—SSSR. 1956–1971. Beograd, 2012. S. 269.

³⁸ Jugoslavija—SSSR. Susreti i razgovori na najvišem nivou. S. 415–416.

³⁹ Иван Александрович Бенедиктов (1902–1983) — советский государственный деятель, дипломат; с 1938 по 1957 гг. осуществлял руководство сельским хозяйством СССР; посол в Индии (1953 и 1959–1967 гг.); посол в Югославии (1967–1971 гг.).

⁴⁰ Никола Любичич (1916–2005) — югославский политический деятель, генерал армии ЮНА; союзный секретарь Народной Обороны (1967–1982 гг.); председатель Президиума Союзной республики Сербии (1982–1984 гг.).

⁴¹ *Tripković Đ.* Jugoslavija—SSSR. S. 272.

⁴² Jugoslavija—SSSR. Susreti i razgovori na najvišem nivou. S. 409–414. Югославскую делегацию на съезде возглавил член Исполнительного бюро Президиума СКЮ М. Тодорович.

⁴³ Ibid. S. 426. В конечном итоге, визит Тито в США прошел с 27 октября по 2 ноября 1972 г., то есть уже после переговоров в Белграде с Брежневым.

⁴⁴ Подобной точки зрения придерживались югославские аналитики, назвавшие кризис в Югославии «историческим шансом» для СССР // См.: АЈ. КРР. I-5-b/99–26. Informacija o jugoslovensko-sovjetskim odnosima sa osvrtom na neka aktuelna pitanja politike KPSS u međunarodnom radničkom pokretu.

⁴⁵ Эдвард Кардель (1910–1979) — югославский общественно-политический деятель словенского происхождения; министр иностранных дел ФНРЮ (1948–1953 гг.); заместитель председателя правительства Югославии (1946–1963 гг.); председатель Союзной Скупщины Югославии (1963–1967 гг.); член Президиума Югославии (1974–1979 гг.).

⁴⁶ *Tripković Đ.* Jugoslavija—SSSR. S. 274–275.

⁴⁷ *Романенко С.А.* «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960–1970-х годов // *Славяноведение*. 2008. № 3. С. 69.

⁴⁸ *Mičunović V.* Moskvske godine. 1969/1971. S. 140.

⁴⁹ Jugoslavija—SSSR. Susreti i razgovori na najvišem nivou. S. 436–438.

⁵⁰ FRUS. 1969–1976. Volume XXIX. Eastern Europe. Eastern Mediterranean. 1969–1972. Jugoslavija. Document 229. Intelligence Information Cable. 2 august. 1971. Доступно по адресу: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v26/d310> (дата обращения: 15.08.2017); *Tripković Đ.* Jugoslavija—SSSR. S. 272.

⁵¹ Подробнее см.: *Гуськова Е.Ю.* Югославская федерация в 1960-е годы. Борьба двух тенденций. С. 720–730.

- 52 Так, во время визита Р. Никсона в Югославию в 1970 г. американский президент настоял на своей поездке в Загреб. Выступая перед жителями города, он произнес по-сербо-хорватски: «Да здравствует Хорватия!» // *Pavlović V. Ideološki koreni Titove spoljne politike. Jugoslavija kao deo sovjetske interesne sfere // Dva veka moderne srpske diplomatije.* Beograd, 2013. S. 261.
- 53 *Bogetić D. Jugoslovensko-američki odnosi 1961–1971.* S. 306.
- 54 Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 352.
- 55 Jugoslavija–SSSR. Susreti i razgovori na najvišem nivou. S. 448.
- 56 См.: *Ibid.* S. 398–399.
- 57 Судя по всему, имелась в виду статья В.И. Ленина «С чего начать», опубликованная в мае 1901 г. в газете «Искра» № 4.
- 58 Jugoslavija–SSSR. Susreti i razgovori na najvišem nivou. S. 456.
- 59 *Ibid.* S. 430.
- 60 *Ibid.* S. 454.
- 61 *Tripković Đ. Jugoslavija–SSSR.* S. 282.
- 62 Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 357.
- 63 Jugoslavija–SSSR. Susreti i razgovori na najvišem nivou. S. 458.
- 64 См.: Правда. 26 сентября 1971 г.
- 65 Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 333–334, 356.
- 66 См.: АЖ. СК СКЈ. 507/IX. 119/І–56. Deklaracija vlada SSSR i FNRJ.
- 67 Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 352.
- 68 Николай Константинович Байбаков (1911–2008) — советский государственный деятель; заместитель председателя Совета министров СССР; председатель Госплана СССР (1965–1985 гг.).
- 69 Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 369.
- 70 Там же. С. 377.
- 71 *Tripković Đ. Jugoslavija–SSSR.* S. 288.
- 72 Яков Сироткович (1922–2002) — югославский государственный деятель; в тот период — заместитель председателя Союзного исполнительного вече СФРЮ (1970–1974 гг.).
- 73 Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 403.
- 74 РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 929. Л. 86–91. Программа официального визита в СССР Президента СФРЮ, Председателя СКЮ И. Тито с супругой 5–10 июня 1972 г.
- 75 Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 388–389.
- 76 Там же. С. 390.
- 77 Там же. С. 390, 400.
- 78 Там же. С. 406.
- 79 Там же. С. 395, 406.
- 80 Там же. С. 394.
- 81 Там же. С. 401, 414–415.

Научное сотрудничество в трудные годы: защита докторской диссертации В. Стругаром в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 1968 г.

Академик трёх академий наук (Сербской, Черногорской и Македонской) историк Владо Стругар родился 28 декабря 1922 г. в небольшом горном селении Дони-Уличи недалеко от Цетиня. Владо вспоминает, что в семье, от своего деда и отца, он впервые узнал о России, а в гимназии его учили «героюству братства, значимости племени, рыцарству родного очага...»¹. В детские годы он постоянно в разговорах старших слышал о России, революции, Красной армии, Интернационале, о Москве, которая должна стать столицей мира. В гимназии товарищи по учёбе шёпотом ругали фашизм, хвалили коммунизм и порядки в Советском Союзе. Тогда же, в гимназические годы, юный Владо начал читать Толстого, Достоевского, Пушкина, Тургенева, Чехова, Горького. А на собраниях оппозиционных партий он призывал к дружбе с Советским Союзом.

Гимназию В. Стругар закончил в Цетине весной 1941 г. Черногорская молодёжь, недовольная оккупацией своей родины итальянскими войсками, собиралась в группы в горах, училась стрелять, формировала отряды и свысока смотрела на низкорослых итальянцев, мечтая прогнать их со своей земли. И все, как пишет Стругар, верили в непобедимость Советского Союза.

Нападение Германии на СССР ускорило формирование антифашистских отрядов в Боснии, Герцеговине и Черногории. И уже 13 июля 1941 г. одновременно по всей Черногории восставшие организовали нападения на итальянских военных в городах и сёлах... Владо Стругар, как и многие его родственни-

ки, был участником этого восстания. Так с первого дня он стал участником антифашистской борьбы. Провожая сыновей на войну, мать Владо сказала своему деверю: «Пеко, два моих дитя идут вместе с тобой, если выживут в битве, будет нам счастье, если погибнут, значит, они отдали свои жизни за Отечество»².

Окончание войны Владо Стругар встретил в звании полковника и, оставаясь военным, получил высшее образование, работал в Военно-историческом институте в Белграде и защитил кандидатскую диссертацию. В одной из своих биографий учёный пишет: «Образование я завершил после войны, на это ушло довольно много времени в силу того, что я служил в армии. В 1951 г. я окончил Институт общественных наук в Белграде, а в 1957 г. Высшую военную академию. После окончания этих двух высших учебных заведений я поступил в 1961 г. в аспирантуру на Философско-исторический факультет в Белграде. 28 апреля 1964 г. я защитил работу, и мне была присвоена академическая степень магистра исторических наук»³.

Россия всегда присутствовала в жизни Владо Стругара, сначала как объект почитания и уважения, потом — как заветная мечта, к которой надо стремиться. Думая о годах антифашистской партизанской войны, он вспоминал, как каждый раз гордо произносил партизанское приветствие: «Красная армия с нами — победа наша». А отношения русских и сербов в те годы называл эпическими, пронизанными близостью и сродством.

Работая после войны в сербских архивах, Владо Стругар познакомился с советскими историками — В.Г. Карасёвым, Ю.А. Писаревым, М.М. Сумароковой, В.К. Волковым, В.В. Зелениным, Г.М. Славиным и Л.Я. Гибанским, которые приезжали в Югославию в командировки, беседовал с ними о советской науке, мечтал побывать в Москве. Его мечта осуществилась в апреле 1965 г., когда он в составе югославской делегации участвовал в работе международной научной конференции о Второй мировой войне, организованной АН СССР, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Министерством обороны СССР. Владо запомнилось, что историки разных стран много общались в кулуарах, а с советскими участ-

никами отношения были особенно тёплыми. Для югославов было очень важно, отмечает Стругар, что советские учёные ставили знак равенства между красноармейцами и югославскими партизанами.

Так исполнилось «стремление из Цетиня» Владо Стругара увидеть Москву, но одновременно возникло и укрепилось желание защитить докторскую диссертацию в советской столице науки. Этому событию В. Стругар посвятил работу, которая непосредственно касается Института славяноведения, — он написал единственную в своём роде и очень интересную книгу «Докторская диссертация в Москве» (Нови-Сад, 2011).

Книга тематически состоит из двух частей — до защиты и защита докторской диссертации. Первую главу он назвал «Стремление из Цетиня». В ней историк рассказывает о своём происхождении, родном селе, детстве, взрослении, о том, как он мечтал учиться в России. В книге описывается много встреч до и после 1945 г., но только если они как-то связаны с Россией.

Большая часть работы посвящена процессу подготовки и защиты докторской диссертации в Москве, в Институте славяноведения и балканистики. Трудностей на этом пути было немало, но упорство учёного, научное братство югославских и советских историков стали теми факторами, которые позволили в этой борьбе победить.

Предложение защитить докторскую диссертацию в Москве прозвучало 18 февраля 1967 г. от известного югославида, будущего академика Ю.А. Писарева. У Стругара в голове сразу вспыхнула, по его словам, «небесная искра»: «Это значит в Академии наук Советского Союза! В Академии, основанной в 1724 г.!». Предложение Москвы поддержали все основные научные органы и организации Югославии.

И началась бумажная волокита: письмо из Исторического института Черногории в Министерство высшего и среднего специального образования СССР, затем письмо из Министерства в Высшую аттестационную комиссию (ВАК), выбор Института и диссертационного совета. Югославские инстанции предложили тему «Югославские социал-демократические партии и группы во время Первой мировой войны», которая бы

объединила две книги Стругара: «Югославские социалистические партии 1914—1918 гг.»⁴ и «Социал-демократия о создании Югославии»⁵. Письмо было отправлено в Минвуз СССР, и ВАК одобрила защиту диссертации в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. К защите было разрешено представить две книги автора о социал-демократии.

Переписка о порядке и сроках защиты велась диссертантом с тогдашним директором Института И.А. Хреновым и Ю.А. Писаревым. Для Стругара всё было внове, даже несколько неожиданно. Например, в Югославии ничего не знали об автореферате, об обсуждениях, порядке защиты на Учёном совете. 6 сентября 1967 г. Стругар приступил к написанию автореферата своей будущей докторской диссертации. Одновременно югославские историки в Белграде начали готовить обсуждение и заключения-рекомендации (из исторических институтов Белграда, Титограда, Сараева и Скопья) к защите двух книг В. Стругара на предложенную тему. Диссертант постоянно извещал своих коллег в Москве — В.М. Турок-Попова, Л.Б. Валева, И.А. Хренова — о том, как продвигается работа, какую литературу он использует, благодарил за поддержку и внимание. К концу октября 1967 г. всё было готово.

Однако в это время ситуация осложнилась. В декабре 1967 г. в Белград приехали доцент В.Г. Карасёв и профессор С.А. Никитин и передали просьбу И.А. Хренова: изменить тему диссертации и представить на защиту другую книгу — об антифашистской борьбе в Югославии в 1941—1945 гг.⁶. Объясняли учёные эту просьбу тем, что предыдущая тема может вызвать проблемы при защите диссертации, так как в ней много раз цитируется Л.Д. Троцкий и нигде он не называется предателем партии и врагом советской власти. Кроме того, успешной защите могло помешать и то, что учёный считает социал-демократию прогрессивным политическим движением. Встретил эти перемены Стругар с удивлением и огорчением. Но принял.

И снова ему пришлось собирать необходимые отзывы и документы. В феврале 1968 г. из Института славяноведения и балканистики сообщили, что книга «Освободительная война в Югославии» принята для защиты докторской диссертации.

В сопроводительном письме к документам Стругар писал: «С радостью приеду в Москву и защитой диссертации ещё раз докажу важность и высокий смысл этой темы для советской и югославской исторической науки...»⁷. Так как книга была напечатана на словенском языке, автору предложили подробно изложить её содержание в автореферате объёмом 4 а. л. Более месяца Стругар работал над текстом, и автореферат на 95 страницах был отправлен в Москву 26 апреля 1968 г. До конца июня его переводили в Институте и, по словам М.М. Сумароковой, «усовершенствовали выражения и понятия»⁸, приспособлявали к правилам и требованиям написания авторефератов в СССР. Над этим работали коллеги-югославы — Ю.А. Писарев, М.М. Сумарокова, В.Г. Карасёв и В.В. Зеленин.

А в это время в Белграде полковник Стругар обратился в Министерство обороны СФРЮ с просьбой отпустить его в Москву за свой счёт для защиты докторской диссертации в Академии наук СССР, подчёркивая, что это очень важно для его страны. Однако из Министерства ответили отказом, обосновывая такое решение тем, что «ЮНА (Югославская народная армия. — *Е. Г.*) не заинтересована, чтобы её военные получали научные звания за границей...»⁹. И только повторное вмешательство генерала Бошко Джуричковича, черногорца, начальника Военного издательства, привело к положительному решению вопроса: Владо Стругара отпускали в Москву на 15 дней. В июле все документы были собраны, автореферат отпечатан, оппоненты определены. Защиту назначили на 2 октября 1968 г.

А в августе советские войска вошли в Чехословакию. Тогда Стругар записал в своём дневнике: «21 августа 1968 года — новость о вводе войск Варшавского договора в ЧССР. Тяжёлый случай. Наше правительство должно быть на стороне ЧССР, на стороне правды и разума. Будут трудности. Они не обойдут стороной мою защиту докторской диссертации в Академии наук СССР»¹⁰.

Тем не менее, в Москве готовились к защите. Информация о ней (согласно существовавшим правилам) появилась 19 сентября в газете «Вечерняя Москва». В Москве докторанта ждали 24 сентября.

Однако 19 сентября 1968 г., когда до защиты оставалось две недели, полковнику Стругару запретили отъезд в Москву и потребовали вернуть заграничный паспорт. При этом его предупредили, что если он подаст в отставку, то в Москву поехать будет возможно. Стругар посчитал такое предложение унижительным и решил обратиться к министру обороны. Но и министр полагал, что ехать в Москву в такой ситуации нельзя.

Отчаявшийся полковник Стругар начал искать сочувствия у своих коллег и друзей на разных должностях, использовал даже «черногорское братство» в Скупщине Югославии, Министерстве образования и культуры, Политическом управлении ЮНА, ЦК Союза коммунистов Югославии (СКЮ). Неожиданно 25 сентября Велько Влахович, член Исполнительного комитета Президиума ЦК СКЮ, Марко Никезич, государственный секретарь по внешней политике, и генерал Иван Долничар, начальник политического управления ЮНА, пришли к выводу, что в условиях ухудшения югославско-советских отношений защита докторской диссертации В. Стругаром может поспособствовать их нормализации¹¹. Таким образом, его отъезд был одобрен, и уже на следующий день, 26 сентября, он самолётом вылетел в Москву.

На аэродроме в Шереметьеве Стругара встречали коллеги из Института славяноведения и балканистики и друзья — М.М. Сумарокова и В.В. Зеленин, а также сербский учёный Витомир Вулетич, приехавший в Москву на стажировку. 27 сентября учёный посетил директора Института И.А. Хренова. На этой встрече обсуждались некоторые особенности защиты диссертации в СССР. В квартире М.М. Сумароковой В.В. Зеленин и В.Г. Карасёв 28 сентября помогали переводить вступительное слово диссертанта на Учёном совете, рассказали ему о порядке проведения защиты. 30 сентября в Институте коллеги вручили Стругару подготовленный перевод вступительного слова, ещё раз обсудили детали защиты, а затем В.В. Зеленин и Л.Б. Валев пригласили Стругара на обед в ресторан «Прага». 1 октября, накануне защиты, Стругар получил отзывы оппонентов и долго тренировался произносить свою речь на русском языке. Запомнился ему и дружеский обед с коллегами из Института в ресторане «Октябрьский».

Несмотря на волнение, защиту В. Стругар запомнил в мельчайших деталях и описывает её в своей книге очень подробно. Заседание Учёного совета проходило «в здании невысоком, соседними домами не стиснутом, по архитектуре красивом, на улице Трубниковский переулок номер 30А, совсем недалеко от Кремля»¹². Он запомнил даже, в какой последовательности коллеги сидели в зале. Всё началось в 16 часов. Оппонентами выступали известные и авторитетные учёные — Ф.Т. Константинов, Ю.А. Писарев, Д.М. Проектор, В.М. Турок-Попов. Защита прошла блестяще. На ней присутствовали 23 члена Ученого совета. «За» проголосовали 22, один бюллетень был недействительным. Закончилась защита дружеским застольем, во время которого было сказано много добрых слов в адрес докторанта, а также советской и югославской науки.

8 октября доктор исторических наук Владо Стругар поездом выехал в Белград. Все югославские газеты написали о его защите диссертации в Москве. А почти через год, 9 сентября 1969 г., советский посол в Югославии И.А. Бенедиктов вручил учёному диплом доктора наук. Благодаря посла, В. Стругар, кроме прочего, сказал: «Наука улучшает человеческую жизнь; она должна предотвращать зло... Наука — хороший строитель братства, и в этом деле у неё нет равных»¹³.

В 1985 г. монография В. Стругара была переведена в Институте славяноведения и балканистики на русский язык и издана в Москве в издательстве «Наука» тиражом 5500 экземпляров¹⁴.

Рассмотренная нами книга о защите В.Стругаром диссертации в Москве содержит большой раздел документов: тексты двух авторефератов, стенограмму заседания Учёного совета, официальную и личную переписку автора с югославскими чиновниками и советскими коллегами. В ней публикуются также фотографии из личного архива учёного. Она отражает научное сотрудничество наших учителей и старших коллег с югославскими коллегами в трудный период развития советско-югославских отношений конца 1960-х годов.

Примечания

- ¹ *Стругар В.* Докторат у Москви. Нови Сад, 2011. С. 9.
- ² Там же. С. 16.
- ³ Там же. С. 388.
- ⁴ *Стругар В.* Југословенске социјалистичке странке 1914–1918. Београд, 1963.
- ⁵ *Стругар В.* Социјалдемократија о стварању Југославије. Београд, 1965.
- ⁶ *Strugar V.* Osvobodilna vojna v Jugoslaviji. Ljubljana, 1967.
- ⁷ *Стругар В.* Докторат у Москви. С. 71.
- ⁸ Там же. С. 76.
- ⁹ Там же. С. 74.
- ¹⁰ Там же. С. 76.
- ¹¹ Там же. С. 81.
- ¹² Там же. С. 83.
- ¹³ Там же. С. 95.
- ¹⁴ *Стругар В.* Югославия в огне войны 1941–1945. М., 1985.

Из истории международных академических научных связей 1970-х годов. Москва — Троице-Сергиева лавра — Москва. Воспоминания

В советскую эпоху, особенно в 1960–1970-е годы, в Академии наук СССР весьма интенсивно развивалось международное научное сотрудничество. Для его организации и успешного осуществления (в самых разных формах) при Президиуме АН СССР было создано специальное Управление внешних сношений (УВС).

В этом сотрудничестве принимал участие и Институт славяноведения (в то время — Институт славяноведения и балканистики АН СССР), в планах которого было несколько совместных проектов с зарубежными Академиями и отдельными институтами. В рамках межакадемического сотрудничества в СССР для научной работы приезжали ученые из славянских стран. Принимали их всегда очень тепло и радушно, как дорогих гостей, поселяли в академической гостинице, устраивали необходимые им встречи. А для того, чтобы облегчить им ориентацию в «московском пространстве» и работу в библиотеках и архивах, к ним на время командировки прикрепляли так называемых сопровождающих — из числа ученых Института, как правило, молодых, знающих хотя бы один славянский язык, в том числе разговорный.

Мне, ставшей сотрудницей Института в июне 1971 г. (сразу после окончания кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова), практически с первых месяцев моей новой, трудовой жизни пришлось участвовать в сопровождении югославских ученых, влившихся в

дружную команду старших коллег, уже имевших немалый опыт в этом виде научно-организационной деятельности.

Мои воспоминания относятся к одному незабываемому событию конца 1972 г. с участием югославских ученых, событию настолько необычному и яркому, что и по прошествии 46 лет оно представляется во всех мельчайших деталях, как удивительный подарок судьбы. В этом событии принимали участие замечательные люди, которых, увы, уже нет среди нас. Так что мой рассказ — это и дань их светлой памяти.

В конце 1972 г. в нашей стране отмечалась значимая круглая дата — 50-летие образования СССР, отмечалась помпезно, масштабно, с имперским размахом. И Академия наук, разумеется, не осталась в стороне от этого «действия»: на 30 ноября было запланировано провести в Москве торжественное заседание под председательством тогдашнего президента АН СССР М.В. Келдыша — с участием представителей Академий наук (президентов и вице-президентов) и видных ученых из многих стран.

Подготовка к этому мероприятию была проведена на самом высоком уровне. На всех ее этапах партийно-государственные структуры оказывали организаторам всяческую помощь. С финансовыми затратами не считались. Да иначе и быть не могло — в те годы в моде была монументальная парадность. К тому же авторитет науки и ее флагмана АН СССР в стране был непрекращаем, что наглядно продемонстрировали праздничные мероприятия. Так, многочисленные гости, прибывшие в Москву для участия в торжествах, были размещены в одноместных номерах самой престижной в то время гостиницы «Россия» — с видом на Кремль и Красную площадь (ныне она уже не существует — на ее месте открыт городской чудо-парк с разными современными диковинами). К услугам гостей, для передвижения по городу и его окрестностям, были предоставлены не привычные автобусы, а престижные черные «Волги», а для особо важных персон — машины правительственного уровня «Чайка». В гостиничном ресторане было обеспечено потрясающее трехразовое питание (с вином, пивом, многочисленными десертами). Всё остальное было в том же духе. По желанию гостей очень оперативно организовывались самые разные экскурсии (по городу, в Кремль,

в Алмазный фонд, в панораму «Бородинская битва» и т.д.), посещения лучших театров, музеев, концертных залов, цирка и, конечно, академических институтов, в том числе находящихся в подмосковных научных городках. Причем, все эти блага, включая роскошные приемы и банкеты, были абсолютно бесплатны.

Из всех республик бывшей Югославии (в то время единой) в Москву приехало 10 человек, к каждому из которых был прикреплен свой сопровождающий — из числа сотрудников Института славяноведения (с обязательным знанием сербско-хорватского языка); в их числе были и историки, и филологи. Эту научно-организационную нагрузку мы между собой называли «славянской мобилизацией». Конечно, она была для нас весьма нагрузочной, но тем не менее очень интересной и полезной, так как предполагала не только знакомство с выдающимися, незаурядными представителями югославской научной элиты, но и отличную языковую практику.

Следует отметить, что обычно, не в торжественные моменты, мы без труда справлялись с «мобилизацией». Но на этот раз, в связи с масштабностью и грандиозностью мероприятия, происходило что-то из ряда вон выходящее. Задолго до торжеств нас неоднократно вызывали в УВС на так называемые «инструктажи», и всевозможные начальники рассказывали нам суровыми голосами, что и как мы должны делать, а чего не делать ни в коем случае. Последующие же события напоминали фронтовые. В гостинице «Россия» был создан «штаб», где круглосуточно дежурили сотрудники УВС, куда стекалась вся необходимая информация, где принимались ежедневные устные отчеты, издавались и распространялись инструкции, оперативно принимались решения. От нас, сопровождающих, требовались: работа на пределе сил в условиях ненормированного рабочего дня (в 8:30 утра мы уже должны были быть в гостинице для «инструктажа»), предельная четкость, ответственность и профессионализм, а также хорошее настроение, доброжелательность, интеллигентность и приличный внешний вид, как и положено советскому ученому. При этом нам каждодневно внушали, что мы должны глубоко ощущать огромное политическое значение мероприятия и, в случае необходимости,

давать решительный отпор идеологическим проискам врагов социализма и коммунизма.

Кстати, во время любой сопроводительной «мобилизации», длившейся иногда до месяца, о служении чистой науке приходилось забыть, ибо для этого уже не было ни времени, ни сил. Но мы в те годы в общем-то не сетовали — надо так надо!

А тогда, в ноябре 1972 г., мне при «распределении» югославских гостей было поручено сопровождать вице-президента Сербской академии наук и искусств (САНУ) академика Душана Каназира (по специальности он был микробиолог). Остальные мои коллеги по Институту стали сопровождающими представителей других академий бывшей Югославии — Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины. Югославская делегация была очень представительной, тем более что гостям разрешалось приезжать с супругами.

Сербию, помимо Душана Каназира (1921–2009), представлял известный ученый-историк из Института балканистики в Белграде др. Неманя Маджарович. К нему в качестве сопровождающего «прикрепили» сотрудника сектора, в котором трудилась и я (новой истории балканских народов), моего старшего коллегу-югослависта Виктора Петровича Грачева (1926–2010), специалиста по средневековой истории Сербии и русско-сербским отношениям в период Первого сербского восстания 1804–1813 гг.

Виктор Петрович был хорошо знаком с Н. Маджаровичем, так как с конца 1960-х годов неоднократно бывал в научных командировках в Югославии, и у них, участников Второй мировой войны, сложились по-настоящему дружеские отношения.

В конце ноября гости Академии начали дружно прибывать в Москву — по одному и целыми делегациями.

Югославы, помимо участия в торжественном заседании, 29 ноября посетили прием, который ежегодно в этот день, по случаю государственного праздника «День Республики», устраивало посольство СФРЮ в Москве. И вот во время этого приема Н. Маджарович случайно встретил своего русского знакомого, сотрудника аппарата ЦК КПСС, курировавшего связи с православной церковью. Данный товарищ, незадолго до этой встречи, находился в служебной командировке в Югославии, и

Неманя Маджарович, являвшийся в то время членом Комитета Сербской Народной скупщины по вопросам религии и церковных учреждений, сопровождал его в поездке по самым известным православным монастырям, в том числе в Воеводине и Косове. По словам Н. Маджаровича, цекковский аппаратчик был в неописуемом восторге от этого путешествия и теплого приема единоверных братьев-славян, их радушия и хлебосольства, не говоря уже о красотах природы, ибо все сербские монастыри расположены в сказочных местах. И он клятвенно пообещал, что когда Неманя приедет в Москву, он обязательно устроит «дорогому югославскому другу» такой же незабываемый визит в Троице-Сергиеву лавру. Удивительно не это обещание, а то, что товарищ из ЦК о нем не забыл (спустя несколько месяцев!) и, действительно, в кратчайшие сроки всё организовал и, забегая вперёд, скажу, — на очень высоком уровне.

Милый Неманя, интеллигентный, воспитанный русофил, благородно замолвил словечко не только за своего академического начальника Душана Каназира, но и за нас, своих сопровождающих, — меня и Виктора Петровича Грачева, заявив, что без переводчиков визит в Лавру не будет полноценным и конструктивным (хотя и тот, и другой знали русский язык).

И вот уже через несколько дней, а именно 4 декабря, ранним утром, мы четвером отправились в Загорск — так тогда назывался Сергиев Посад. Во всемирно известном центре православия в этот день отмечался большой церковный праздник — день введения во храм Пресвятой Богородицы.

До Лавры мы доехали очень быстро — в то время, как ни трудно в это поверить, никаких «пробок» на дорогах не было — ни в городе, ни в области. Наши югославские гости не скрывали своего удивления, когда встречавшиеся по пути милиционеры отдавали честь при виде нашей машины. И это понятно, ведь на «Чайках» ездили тогда только очень большие начальники из ЦК КПСС и правительства.

У центральных ворот Троице-Сергиевой лавры нас встретил приятного вида священник, отрекомендовавшийся нашим сопровождающим и гидом по монастырю. Сначала он ознакомил нас с его историей, архитектурой и некоторыми святыня-

ми, а затем мы посетили праздничную службу в главном храме. Помню, всех поразило огромное число истово молящихся верующих (и это в атеистическом государстве да еще в будний день). В храме, что называется, яблоку негде было упасть, но нас провели вперед, к алтарю, я так поняла, — на почетное место, предназначенное для высоких гостей. Было видно, что наша группа вызывает всеобщий интерес — два седовласых, благообразных, европейского вида господина (Н. Маджарович и Д. Каназир), коренастый крепкий мужчина средних лет с приятным румяным лицом (В.П. Грачев) и молоденькая девочка в фасонистом длинном (по моде тех лет) черном пальто на красной подкладке (это я).

После службы наш гид-священник вновь повел нас куда-то. Мы думали — в трапезную, потому что подошло время обеда и всем уже хотелось есть. Оказалось, что обедать мы, действительно, будем, но не в общей трапезной, а в покоях самого владыки Филарета, тогдашнего ректора Духовных школ — семинарии и академии, находившихся в отдельном, внушительных размеров здании. (Это еще раз говорило о высоком уровне приема нашей делегации.)

Внутри здания нас встретили сам владыка, солидной комплекции жгучий брюнет лет сорока, похожий на грека, и молодой игумен монастыря отец Валентин, высокий, красивый, с изысканными манерами и бархатным голосом. Они поприветствовали нас какими-то нестандартными, душевными словами и предложили перед обедом совершить небольшую экскурсию по музею Духовных школ. Мы, разумеется, согласились и не пожалели, ибо в этом хранилище были собраны редчайшие иконы в драгоценных окладах, предметы церковной службы и быта, старинные книги и рукописи — словом, сплошные редкости. Хранитель музея, также священник, с огромным энтузиазмом давал пояснения по поводу экспонатов и отвечал на наши вопросы. Затем он показал нам находившуюся в здании небольшую церковь, где семинаристы проходят обучение, после чего сопроводил в трапезную, где за уже накрытым столом нас ожидали наши радушные хозяева — владыка Филарет и отец Валентин.

Продолжался рождественский пост, поэтому и еда была соответствующая — без мяса. Но при том обилии закусок и блюд (грибы всех видов, красная и черная икра, соленья, свежие огурцы и помидоры, а также уха из осетрины, осетрина отварная в каком-то вкуснейшем соусе) этого и не требовалось. Стол, что называется, ломился. К тому же на нем стройными рядами теснились кувшины с монастырскими квасами и морсами и бутылки — с винами, коньяком и водкой. Словом, пир с монастырским размахом.

Тамадой за столом был сам владыка Филарет. Гости следовали один за другим — за здоровье присутствующих, за мир и дружбу, за славянское взаимопонимание, за новые встречи и т.д. Было видно, что энергичный и жизнерадостный ректор Духовных школ весьма опытен по части приема всевозможных гостей. (Кстати, как он нам сказал, вечером того же дня они ожидали в Лавре еще одну делегацию!) Неловкость и скованность, которые еще присутствовали в начале обеда, вскоре исчезли без следа, даже у меня, чувствовавшей себя не очень уверенно и комфортно в мужском монастыре и в чисто мужской компании. Настоятель монастыря отец Валентин в основном налегал на еду и напитки и был улыбочив, но немногословен. А владыка Филарет, напротив, приняв изрядное количество горячительного, заливался соловьем, рассказывал анекдоты и так и сыпал остроумными шутками. Я смотрела на него и искренне изумлялась его артистизму и обаянию. Наши мужчины — югославы и Виктор Петрович — тоже пребывали в благодушно-прекрасном настроении, а Душан Каназир (напомню, вице-президент САНУ и известный микробиолог) сначала вдруг запел, а потом спросил (по-русски, а до этого говорил только по-сербски) у владыки Филарета, что тот думает по поводу любви, при этом хитро мне подмигнув. Однако ректор Духовных школ, сразу видно, опытный в дискуссиях по любому вопросу, даже в состоянии некоторого опьянения, четко контролировал ситуацию и в ответ пустился в пространные рассуждения о любви к Богу. Так что «провокация» со стороны расслабившегося югославского академика не удалась.

В общем, дружеский обед, длившийся чуть ли не до ужина, удался на славу. В заключение нам с наилучшими пожелания-

ми были вручены сувениры — памятные серебряные медали и красочные альбомы с видами Лавры.

По правде говоря, всю вторую половину обеда мне, единственно трезвой в нашей компании, было не до веселья — радоваться жизни не давала мысль о том, а как же я через весь монастырь поведу к «Чайке», оставшейся у центральных ворот, троих не очень трезвых, достаточно крупных мужчин — расстояние-то было весьма значительным. Виктор Петрович, сидевший за столом рядом со мной, видимо, почувствовал мое напряжение и, осознав его причину, с благодушным видом шепнул мне: «Светик, расслабьтесь, всё будет хорошо, священники что-нибудь придумают — чай, не в первый раз». И он оказался прав. Когда мы, сопровождаемые нашими хозяевами, вышли из здания Духовных школ, прямо у последних ступенек лестницы стояла «Чайка» и водитель уже предупредительно распахнул для нас дверцы (и это при том, что проезд машин внутрь монастыря был запрещен)! У меня не было слов для выражения восхищения и благодарности!

На обратном пути все громко восторгались нашим путешествием, в том числе и водитель «Чайки», которого, оказывается, тоже накормили обедом в трапезной вместе с монахами, не таким роскошным, как нас, но, по его словам, обильным и вкусным, так что он был вполне доволен. Кстати, водитель также удивился, что ему разрешили заехать на территорию Лавры. Потом он даже шепотом спросил меня, не друзья ли самого Брежнева (в то время — лидер Советского Союза) «эти югославы — уж больно шикарно их принимали».

До Москвы мы добрались очень быстро. Все постовые милиционеры по пути, по-прежнему, согласно существовавшим правилам, отдавали пассажирам «Чайки» честь. Наши югославские гости были очень довольны — это было видно по их утомленным, но счастливым лицам. Затем они заявили (видимо, под действием принятых в Лавре крепких напитков), что мы не должны расставаться так рано (был уже поздний вечер!) и что нам всем вместе нужно пойти в ресторан и отметить такое замечательное событие, о котором мы будем теперь вспоминать всю оставшуюся жизнь. С последним тезисом мы с Виктором

Петровичем были абсолютно согласны, но продолжать праздновать мягко, но решительно отказались, сославшись на усталость и домашние дела.

Мы благополучно доставили неугомонных югославских ученых в гостиницу, отпустили водителя, а сами с Виктором Петровичем пешком отправились до метро «Проспект Маркса» (ныне — «Охотный ряд»). Было не очень холодно, порхал легкий снежок, мы наслаждались неповторимой атмосферой центра нашей любимой Москвы и делились своими впечатлениями. Помню, Виктор Петрович сказал: «Как замечательно, что судьба подарила нам этот день. Уверен, что больше до конца нашей жизни у нас не будет такого приключения». И он оказался прав!

С тех пор мы с Виктором Петровичем подружились. Впоследствии он не раз помогал мне советами в моей научной работе, и я была ему очень благодарна за это. И никогда не забывала тот день 4 декабря 1972 г., когда мы вместе с югославами ездили в Лавру. Обычно сдержанный, немногословный и не очень заметный в секторе, где работало много талантливых, ярких и весьма активных личностей, Виктор Петрович показал себя с самой лучшей стороны — и как профессионал, и как настоящий друг. Он интуитивно понял, что мне, несмотря на внешнюю браваду и бойкую манеру поведения, нелегко даются эта поездка и общение с новыми людьми да еще в монастыре, — тогда это была для нас другая планета. И он, как мог, поддерживал, опекал и подбадривал меня — добрыми словами, приветливой улыбкой, своим мягким юмором. И я быстро почувствовала, что я не одна, что мы с ним — единая команда, а, значит, всё будет хорошо.

В последующие годы мы много общались с Виктором Петровичем — и в Институте, и во время командировок в Югославию, и у него дома — по случаю его юбилеев, где нас радушно принимала его преданная жена Вера Ивановна. И мы всегда вспоминали с ним про нашу поездку в Лавру. При этом Виктор Петрович всякий раз искренне восхищался моей памятью, как он говорил, «памятью сердца» (сам он уже какие-то детали стал забывать), и при этом убеждал: «Светик, вы так замечательно

рассказываете, что обязательно должны про это написать. Ведь это тоже история — наших связей с Югославией, академической науки, история нашей жизни!» В таких случаях я обычно отнекивалась, ссылаясь на занятость и нехватку времени, но клятвенно обещала ему когда-нибудь в будущем выполнить его пожелание.

И вот теперь я сдержала свое слово — в память фронтовика, ученого, старшего коллеги и друга, Виктора Петровича Грачева, а также в память наших замечательных сербских друзей — Немани Маджаровича и Душана Каназира.

Научное издание

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

СЛАВЯНЕ И РОССИЯ:
СЛАВЯНЕ В МОСКВЕ

К 870-летию
со дня основания г. Москвы

Сборник статей

Ответственный редактор
С. И. Данченко

Компьютерная верстка
П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, корп. «В»
Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 08.11.2018. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура Newton. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 26,5 печ. л.

Заказ № 62.
Тираж 500 экз.